4-20

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ V полка 3. № 20.

И-20

Ив. ИВАНОВЪ.

НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ СИЛА.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ XIX-го ВѢКА.

Пушкинъ. — Лермонтовъ. — Бѣлинскій. — Тургеневъ. — Некрасовъ. — Шевченко. — Жадовская. — Никитинъ. — Грибоѣдовъ.

2973

Изданіе журнала „Міръ Божій“.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

168/8. М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Печ. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ СИЛА *).

Третій вѣкъ цивилизованный міръ смотритъ на столицу Франціи, какъ на источникъ и центръ духовной жизни, переживаетъ вмѣстѣ съ ней историческія драмы и послушно отзывается на ея настроенія, часто капризы. Ровно годъ назадъ настроеніе было неожиданно мрачно: Парижъ видѣлъ тяжелые дни. Никакихъ переворотовъ не было, — ни внутренней, ни внѣшней войны, — а между тѣмъ совершались событія, какими сопровождаются обыкновенно эпохи безпощадной ненависти среди народовъ. Надъ французскою столицей будто вновь разразилась прусская осада. Рушились зданія, увѣчились и гибли люди безъ разбору—ни въ чемъ неповинные, у кого нечего было отнимать, кого не за что было ненавидѣть. Казалось, вдругъ открылся какой-то тайный, годами созрѣвшій, недугъ. Отъ него приходили въ ужасъ, бѣжали, сознавая безсиліе бороться съ нимъ, даже опредѣлить его...

Два мѣсяца спустя послѣ драмы разыгрался фарсъ. Въ винномъ погребкѣ, гдѣ-то на окраинѣ Парижа лопнула бочка. Надо было видѣть, какая дрожь съ быстротой молніи пробѣжала по громадному тѣлу мірового города. Запуганное воображеніе встрепенулось. Газеты выпускали четыре изданія по поводу фактовъ, о которыхъ въ другое время не сказали бы ни слова... Сколько же болѣзненнаго инстинктивнаго

*) Рѣчь, произнесенная 25-го февраля 1893 г. въ Москвѣ въ пользу Комитета грамотности.

страха обнаружили люди другъ передъ другомъ, хотя, повидимому, кругомъ царствовалъ порядокъ и процвѣтала утонченнѣйшая культура! На первый взглядъ это казалось неразрѣшимымъ противорѣчіемъ. Но, можетъ быть, именно здѣсь и таилась надежда. Можетъ быть, въ этой культурѣ было спасеніе. Вѣдь, ни одинъ вѣкъ не свободенъ отъ недуговъ и страха. Въ томъ же Парижѣ на каждой площади стоятъ изображенія великихъ дѣятелей мысли и жизни. Многіе изъ этихъ людей жили во времена умственнаго мрака и нравственной низости. Велась борьба во имя разума — и болѣзни врачевались. Отчего же не вѣрить и намъ, что бѣшеные припадки ненависти человѣка къ человѣку—рѣдкія исключенія и что рядомъ съ ними ведетъ обычную работу свѣтлая мысль и гуманное чувство? Плоды мысли и искусства въ наше время обильнѣе, чѣмъ когда-либо. Много знаменитыхъ именъ и произведеній перейдетъ отъ насъ въ потомство. Тысячи всѣмъ знакомыхъ желтыхъ томиковъ ежегодно свидѣтельствуютъ, какимъ могучимъ тактомъ бьется до сихъ поръ умственный пульсъ міровой столицы. Раскроемъ эти книги: не найдемъ ли, по крайней мѣрѣ, здѣсь *человѣка*, котораго такъ безчестятъ и такъ мало цѣнятъ въ дѣйствительности?

Читаемъ... Невольно въ нашей памяти воскресаютъ былые образы европейской литературы и припоминается аллегорія стариннаго русскаго поэта, нехитро задуманная, наивно написанная, но прекрасно характеризующая наши впечатлѣнія. Поэтъ изобразилъ юношу, слишкомъ бурно и быстро прожившаго вѣкъ. Юный герой читаетъ книгу, раздѣленную тремя лентами: розовой, голубой и черной. Настроенія чтеца соотвѣтствуютъ каждому изъ этихъ цвѣтовъ:

Унылъ
И пасмуренъ сталъ онъ, когда перешелъ
За черную ленту... Тамъ вялая жизнь,
Какъ сонныя воды въ пустынныхъ брегахъ...

Онъ сохнетъ, онъ вянетъ отцвѣтшей душой,
Линяетъ румянецъ на впалыхъ щекахъ
И жизнь догораетъ во взорахъ...

Современная литература вся написана будто за этою лентой. Вспомните, въ чемъ раньше люди видѣли свою силу, свою гордость, свое счастье, — все это развѣнчано, осмѣяно, поругано. Предъ нами популярнѣйшія имена новыхъ писателей и каждое изъ нихъ означаетъ гибель какого-нибудь источника нашихъ надеждъ. Это — настоящіе надгробные памятники надъ человѣческими стремленіями и идеалами. Здѣсь человѣкъ или смѣшонъ, или жалокъ, или ужасенъ, смотря, въ какомъ настроеніи, съ какимъ темпераментомъ онъ рисуется.

Вообразите спокойное чувство симпатіи, картину яснаго счастья въ семьѣ, въ дружбѣ,—авторъ постарается пропитать и сцены, и героевъ такимъ букетомъ пошлости, ничтожества, зальетъ такими густыми красками вульгарнаго и мизернаго, что у васъ останется развѣ только чувство состраданія и какой-то нравственной подавленности. Авторъ употребитъ всю силу своего таланта, чтобы пошлость и глупость поднять на высоту верховныхъ распорядителей человѣческой жизни.

Это—Флоберъ.

У другого писателя весь человѣкъ будетъ подчиненъ одной силѣ — страстной жаждѣ физическихъ наслажденій. На мѣсто нравственныхъ принциповъ—неустанная забота о тѣлѣ. На мѣсто морали откровенно и совершенно серьезно будетъ поставлена медицина и гигіена. Мы услышимъ такое поученіе насчетъ смысла нашего существованія: „чѣмъ дольше человѣкъ сумѣетъ пользоваться чувственною жизнью, тѣмъ онъ нравственнѣе“. „Я хотѣлъ бы,—сознается авторъ,—обладать живучестью цѣлаго поколѣнія, до такой степени одолѣваютъ меня всевозможные аппетиты“. Но спросъ въ такихъ вещахъ всегда превосходитъ предложеніе. Чувствен-

ныя удовольствія утомительно похожи одно на другое — и тоскующій эпикуреецъ начинаетъ презирать человѣка за безсиліе его фантазіи, за ограниченность его физическихъ силъ. Только что мы видѣли героя, бѣднаго духомъ, смѣшного и пошлаго, — теперь намъ представятъ существо съ немощною плотью, нѣчто дряблое, гадкое.

Это возьметъ на себя Мопассанъ.

Но не вездѣ же немощи и нищета, какъ бы безнадежно ни смотрѣть на людей. Можетъ встрѣтиться сила и страсть. Что же тогда? Третій авторъ дастъ намъ самый ясный категорическій отвѣтъ. Онъ изобразитъ намъ звѣря. Это и будетъ сильный человѣкъ нашего времени. Для него потребуется особая атмосфера,—его утопятъ въ эссенціи физической и нравственной грязи. Мы будемъ видѣть только тѣ стороны нашей природы, какими она соприкасается съ низшими ступенями творенія.

Ни въ одномъ чувствѣ, ни въ одной идеѣ не останется и признаковъ красоты и величія послѣ того, какъ человѣкъ побываетъ въ рукахъ новѣйшаго художника. Авторская кисть напоминаетъ гарпій, которыя своимъ прикосновеніемъ осквернили и отравляли пищу троянскихъ изгнанниковъ.

Скажите, можно ли послѣ этого щадить людей, уважать, любить? Сами романисты отнюдь не скрываютъ своего отвращенія къ нимъ. Пусть самый любезный изъ нихъ, Мопассанъ, сколько угодно забавляетъ васъ милымъ смѣхомъ, изящною наивною игрой двухсмысленныхъ образовъ, — за шаловливою улыбкой неизмѣнно скрывается циническая насмѣшка надъ героями и самимъ читателемъ, чуется гадливое ощущеніе автора при одной мысли о человѣкѣ.

Современные писатели больше всего кичатся своимъ безпристрастіемъ, фактическою правдивостью. Они не дѣлаютъ никакихъ общихъ выводовъ, каковъ бы ни былъ собранный ими матеріалъ. Выводы, говорятъ они, дѣло философовъ, идеологовъ, а мы только историки и физіологи.

Дѣйствительно, выводы будутъ сдѣланы философами и будутъ они тѣмъ эффектнѣе, что появятся въ другой странѣ, среди народа совершенно другого культурнаго склада. Выводы будутъ самые логическіе съ точки зрѣнія нашихъ писателей—безусловно убѣдительные. У романистовъ обыкновенный человѣкъ—глупецъ и пошлякъ, а сильный—звѣрь, и философъ объявитъ намъ: все человѣчество — безличное, безвольное стадо, или еще лучше—загнившая куча червей. Быть гуманнымъ, терпимымъ, т.-е. быть полезнымъ *стаду*, значитъ поощрять жалкую посредственность, плодить нравственную плѣсень. Настоящая добродѣтель — вознести свою личность надъ этимъ муравейникомъ, открыть безграничный просторъ своей натурѣ, стать сверхъ-человѣкомъ. Что это будетъ за герой—намъ извѣстно.

Философъ Ницше цѣликомъ возьметъ его изъ современной литературы. Отдѣльные факты онъ возведетъ только въ общій принципъ. Онъ тщательно соберетъ все, чѣмъ проявляется въ жизни эгоистъ и звѣрь, поставитъ это чудовище на пьедесталъ и обратится къ человѣчеству съ воззваніемъ: „Да будетъ сверхчеловѣкъ солью земли! Да снизойдутъ другіе на уровень рабовъ и простыхъ орудій! Ради него священно право человѣка на чужую личность, на чужую жизнь“.

Теперь представьте дѣятеля, вдохновеннаго такими мыслями. Пусть явится пророкъ новой религіи, готовый не только проповѣдывать ее, но и оправдывать дѣлами... Развѣ его пропаганда,—если онъ рѣшится остаться послѣдовательнымъ,—не поведетъ къ такимъ же событіямъ, какія въ прошломъ году изъ Парижа приводили въ ужасъ весь міръ? Стоитъ только отождествить силу съ правомъ, и отъ всей цивилизаціи не останется камня на камнѣ. Воцарится анархія не больного горячаго воображенія, не слѣпыхъ инстинктовъ,—настанетъ анархія духа, всей человѣческой природы.

Мы видимъ, какъ пути современной литературы, мысли, жизни совпадаютъ: у нихъ общій источникъ. „Мы устали

отъ человѣка",—говоритъ одинъ новый мудрецъ. „Видъ животнаго,—сознается другой,—меня радуетъ, но при взглядѣ на человѣка во мнѣ закипаетъ непреодолимое отвращеніе". И эти чувства философы оправдываютъ личнымъ существованіемъ. Имъ подражаютъ представители художественнаго творчества. Это общій заговоръ мысли и таланта противъ человѣчества, и когда мы представляемъ, положимъ, Стриндберга на дикомъ уединенномъ островѣ среди стаи собакъ, намъ рисуется типическое настроеніе современнаго *сильнаго человѣка*.

Откуда такая злоба? Какъ въ концѣ нашего столѣтія могло возникнуть чудовище сверхчеловѣка, когда въ началѣ того же столѣтія восторженные поэты и трезвые политики не находили словъ—воздать должное идеальнымъ свойствамъ человѣческой природы? Послѣ, повидимому, истинно-братской любви одинаково къ великимъ и малымъ—дрожь физическаго отвращенія! Такъ это неожиданно,—и чувствительные страдаютъ и жалуются, равнодушные и менѣе искренніе успокоиваются на разныхъ словечкахъ, вродѣ: пессимизмъ, декадансъ, fin de siècle... На самомъ дѣлѣ, безцѣльны жалобы и излишни слова. Конецъ нашего вѣка по существу ничѣмъ не отличается отъ самыхъ жизнерадостныхъ эпохъ. Мрачные образы, угнетающіе современнаго человѣка, рѣяли надъ Европой въ минуты пламеннаго увлеченія человѣчествомъ и его будущимъ,—рѣяли только въ другомъ уборѣ и подъ другими именами.

Разъяснить этотъ вопросъ стало легко: предметъ обнаружилъ свою сущность съ откровенностью, возможною только въ наше откровенное время. Онъ далъ, наконецъ, зрѣлый, вполнѣ развитой плодъ... Изслѣдовать его представляетъ особенный интересъ именно для насъ, русскихъ. Безчисленнее число разъ обсуждался смыслъ нашей дѣятельности среди европейскихъ народовъ. Главнѣйшіе отвѣты у всѣхъ на памяти. Однимъ казалось, мы должны безусловно и во всемъ слушаться

Запада, другіе русскую самобытность возводили въ перлъ созданія и пророчили цѣлую Америку въ области цивилизаціи, называли даже Колумбовъ русскаго происхожденія. Отвѣты сильные, но врядъ ли когда-либо представлялся такой случай отвѣтить точно и, повидимому, справедливо, какой мы видимъ при современномъ положеніи европейской мысли.

Вглядимся свободно и пристально въ прошлое и настоящее западной культуры. Если потребуется, смѣло подвергнемъ пересмотру ея старые завѣты, освященные временемъ и наслѣдственною привычкой. Только что изложенные современные результаты вѣковой цивилизаціи должны оправдать наши сомнѣнія, какъ бы далеко они ни шли.

Эта цивилизація въ одномъ единственно для насъ существенномъ отношеніи всегда оставалась одна и та же, производила ли она открытыхъ человѣконенавистниковъ или восторженныхъ идеалистовъ. Вызовемъ изъ самаго свѣтлаго прошлаго самые чистые образы, разсмотримъ внимательнѣе ихъ черты,—мы будемъ поражены фамильнымъ сходствомъ поэтичнѣйшихъ созданій минувшаго съ кошмаромъ нашихъ дней.

Вы знаете, на зарѣ нашего вѣка появился всѣмъ до сихъ поръ дорогой, какъ воспоминаніе молодости, шиллеровскій „гражданинъ вселенной“, „посланникъ человѣчества“, „создатель человѣческаго счастья“: такъ называетъ себя маркизъ Поза, а самъ поэтъ увѣренъ, что создастъ намъ идеальнаго человѣка. Въ ту минуту, когда испанскій король взываетъ Богу: „Дай человѣка мнѣ, Создатель,—только человѣка!“—является Поза. Онъ говоритъ горячо, въ каждомъ словѣ заявляетъ о своей страстной любви къ человѣчеству. И эта любовь дѣйствительно должна быть велика! Рядомъ съ ней маркизъ не терпитъ другихъ чувствъ. Онъ жестоко укоряетъ принца, когда тотъ отдается невольному влеченію своего юношескаго сердца. Онъ требуетъ, чтобы, вмѣсто любви къ женщинѣ, въ груди Донъ-Карлоса „вселенная вмѣщалась“.

Сильныя идеи возникаютъ въ сильныхъ умахъ. О маркизѣ говорятъ, что онъ не мечтатель, что онъ глубоко постигъ людей и предпринимаетъ только то, что надѣется окончить. Всѣ данныя для дѣятельности реформатора. Послушаемъ, какъ онъ поведетъ ее...

Перомъ черкнуть вамъ стоитъ,—и земля
Обновлена!..
Возстановите право человѣка
Во всемъ его величьи!..

Вотъ слова, съ какими маркизъ обращается къ королю, деспоту и фанатику. Вдумайтесь въ эту рѣчь, и вы будете поражены ея сходствомъ съ увѣщаніями, какія великій инквизиторъ обращаетъ къ Филиппу. Инквизиторъ говоритъ:

Что вамъ въ человѣкѣ?
Для васъ онъ цифра—больше ничего...

Развѣ маркизъ исходитъ не изъ того же представленія о человѣкѣ, когда убѣждаетъ Филиппа однимъ почеркомъ пера обновить міръ? Цѣли у католическаго палача и благороднаго маркиза различны, но на средства и предметъ дѣятельности оба смотрятъ совершенно одинаково. Для того и для другого человѣческая природа—листъ бумаги, на которомъ одинаково легко и просто написать догматы римскаго папы и идеи Руссо. Отдѣльныя личности превращаются въ груду камней: предполагается, что первый же энергичный архитекторъ можетъ возвести какое угодно зданіе по собственному вкусу. Ни у инквизитора, ни у Позы нѣтъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что каждый человѣкъ, какъ бы малъ и незамѣтенъ онъ ни былъ, носитъ въ себѣ цѣлый міръ годами взлелѣянныхъ, часто выстраданныхъ чувствъ и убѣжденій. Для него будетъ одинаковою жестокостью, кто бы ни подписалъ хартіи, разъ преобразователь вздумаетъ оперировать съ нимъ, какъ съ цифрой...

И посмотрите, сколько тождественныхъ взглядовъ и отно-

шеній у людей, повидимому, совершенно противоположныхъ! Инквизиторъ, истребляя у Филиппа чувство отца, говоритъ ему: „Предъ вѣрою нѣтъ голоса природы“. А когда Поза громитъ безпощадною рѣчью самыя естественныя настроенія юнаго принца, когда онъ ради своихъ плановъ забываетъ чувство дружбы къ нему,—развѣ онъ, въ свою очередь, не доказываетъ, что для нѣкоторыхъ идеалистовъ предъ идеей такъ же нѣтъ голоса природы, какъ для фанатиковъ нѣтъ его предъ вѣрой? И если прекрасный, высокоодаренный принцъ подвергся укоризнамъ, не смогъ вынести бремени, возложеннаго на него представителемъ человѣчества,—чего же было ожидать отъ обыкновенныхъ смертныхъ? Даже раньше чѣмъ Поза успѣваетъ сдѣлать опытъ со своими идеями, разражается двойная кара. Маркизъ умираетъ со словами: „сумасбродствомъ была моя увѣренность“, а принцъ сознается: „жатвы мои пропали“, „въ сердцѣ моемъ вымерла природа“.

И насъ не изумляетъ такой конецъ. Природа, съ какою бы цѣлью ни пренебрегали ея законами, мститъ за себя неотразимо. Равнодушіе къ человѣческой личности, незнаніе человѣка, какія бы идеальныя стремленія ни воодушевляли насъ, отплачиваются разочарованіемъ и отчаяніемъ.

Вотъ первый идеальный образъ, открывшій нашъ вѣкъ. Развѣ мы не прочли на лицѣ этого самоувѣреннаго, героически настроеннаго реформатора родовыхъ признаковъ сверхчеловѣка? Развѣ намъ не рисовался здѣсь пьедесталъ, воздвигнутый изъ слабыхъ безличныхъ существъ для одного сильнаго?.. И развѣ теперь не ясна намъ разница между идеальною любовью къ человѣчеству и живою симпатіей къ человѣку? Сейчасъ мы увидимъ эту разницу еще ближе. Герой палъ. Но на этотъ разъ вина, можетъ быть, не въ немъ. Поза говоритъ:

Вѣкъ тщедушный
Не вызрѣлъ для моихъ прекрасныхъ идеаловъ.

Можетъ быть. Вѣдь, область, охваченная идеями въ шиллеровской драмѣ, крайне ограничена. Принцъ, маркизъ,— а народъ—темная безотвѣтная масса. Можетъ быть, иначе будетъ, когда появятся личности среди цифръ, когда проснутся идеи тамъ, гдѣ человѣкъ коснѣлъ до сихъ поръ подъ гнетомъ вѣковыхъ преданій и лишеній. Здѣсь искони жили простою реальною жизнью, привыкли терпѣть, даже любить обыкновеннаго средняго человѣка, и можетъ быть именно здѣсь пламенная идея дастъ рядомъ съ собою мѣсто природѣ. Найдетъ литература идеалистовъ среди народа и мы услышимъ новыя рѣчи.

Революціонныя движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ были въ сильной степени демократическими, народными. На общественной сценѣ появился новый дѣятель, бывшій раньше только орудіемъ,—теперь часто вождь и вдохновитель. Литература немедленно схватила новые побѣги и создала новые типы. Въ исконной странѣ всякаго идеализма героями романовъ явились такъ называемыя геніальныя загадочныя натуры. Много шуму надѣлали онѣ въ свое время и среди нашихъ читателей. Одна изъ такихъ личностей долго играла у насъ роль „героя времени“. Это всѣмъ извѣстный, русскою критикой неоднократно прославленный, „одинъ въ полѣ воинъ“, Лео Гутманъ.

Болѣе полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ германская молодежь бредила маркизомъ Шиллера, — теперь старый образъ воскресъ въ новомъ лицѣ и съ такою же стремительностью увлекъ современниковъ. Но это увлеченіе означало, прежде всего, что ни авторы, ни читатели ничему не научились, ничего не забыли съ тѣхъ поръ, какъ произошла драма шиллеровскаго идеалиста.

Русскіе публицисты завѣщевали даже своимъ дѣтямъ свой культъ—Лео, и Лео, дѣйствительно, герой съ головы до ногъ. Онъ ходитъ, говоритъ, пишетъ, какъ необыкновенный человѣкъ. Возвышенный тонъ на внѣшности, въ чув-

ствахъ, идеяхъ, даже въ минутныхъ настроеніяхъ. Слова: „необыкновенно мрачно“, „мрачныя рѣчи“, „онъ весь мраченъ“ пестрятъ цѣлыя страницы всякій разъ, когда идетъ рѣчь объ этомъ феноменѣ. Даже почеркъ его особенный: каждая буква производитъ впечатлѣніе взмаха орлинаго крыла. Всѣ эти декораціи освѣщены однимъ блескомъ. Лео, несмотря на демократическое происхожденіе,—аристократъ до послѣдняго атома своего тѣла, до мельчайшаго ощущенія своего мозга. По внѣшности его сравниваютъ то съ испанскимъ грандомъ, то съ венеціанскимъ нобиле, то съ самимъ королемъ. Мысли его парятъ на недосягаемую высоту. Мы снова слышимъ давно знакомыя „идеальныя“ рѣчи о томъ, что народъ и даже представители народа—машина въ рукахъ ловкаго предпринимателя. Дѣйствовать рядомъ съ обыкновенными людьми—значитъ возиться въ золѣ. Новый идеалистъ теперь совершенно откровенно высказываетъ идеи, какія у маркиза Позы были скрыты на днѣ высокихъ замысловъ. Всѣ, съ кѣмъ Лео приходится имѣть дѣло, оказываются именно цифрами его политической задачи. Какъ онъ будетъ относиться къ нимъ—съ самаго начала ясно изъ его общихъ разсужденій. Онъ гордится, что у него нѣтъ сердца, что онъ рѣшительно не въ силахъ понимать чужое счастье и несчастье, что истинныя страсти головныя, а не сердечныя. При такихъ взглядахъ, конечно, всѣ средства герою будутъ позволены. Лео губитъ наивнаго юношу, который ему довѣрился, разбиваетъ семью, которая поддалась его вліянію, любимую и страстно влюбленную дѣвушку дѣлаетъ постыднымъ орудіемъ своихъ замысловъ, самъ готовъ жениться ради своихъ идей на дѣвицѣ ничтожной, развращенной, питающей къ нему презрѣніе. Этого мало. „Саулъ убилъ тысячу филистимлянъ,—разсуждаетъ Лео,— а Давидъ десять тысячъ: разница въ числѣ, а не въ сущности дѣла. Вопросъ, кому удалось исполнить великое дѣло?“... И Лео намѣренъ искусственно вовлечь народъ въ войну, довести народныя бѣдствія

до крайняго предѣла, потому что, сознается онъ, „я спекулирую на эти бѣдствія“...

Дальше нечего прибавить. Лео совершенно естественно силу признаетъ правомъ, будетъ доказывать эту истину путемъ естественныхъ наукъ. Все время идемъ мы съ этою „геніальною натурой“ по пути безсердечія, полнѣйшаго пренебреженія къ людямъ, къ человѣческой природѣ, и только обстоятельства мѣшаютъ Лео повести насъ путемъ истребленія и злодѣйствъ. Онъ ежеминутно будетъ твердить намъ, что всякая новая жертва—лишній камень въ великомъ зданіи общественнаго блага. Но васъ мучаетъ неотвязный вопросъ: чѣмъ этотъ идеальный министръ отличается отъ какого-нибудь Наполеона, заливающаго кровью подданныхъ свои безумства и насилія? Чѣмъ этотъ народный трибунъ превосходитъ современнаго борца за существованіе, который самые низменные инстинкты и преступленія пытается оправдать авторитетомъ науки?... Мы видимъ, какое преобразованіе совершилось съ идеалистомъ. Раньше, въ лицѣ маркиза Позы, онъ просто по молодости, по своимъ страстнымъ увлеченіямъ, могъ только не знать, не понимать человѣка. Всемогущій почеркъ пера былъ въ его рукахъ еще не преступленіемъ, а безсознательнымъ порывомъ воспламененнаго воображенія. Теперь такой почеркъ возведенъ въ принципъ, будто бы оправданъ наукой и жизнью: идеалисть ни во что не ставитъ людей, потому что, по его мнѣнію, онъ превосходно ихъ знаетъ. Здѣсь самъ герой хочетъ обманываться во что бы то ни стало, идти впередъ съ глазами, неподвижно устремленными въ одну точку, потому что именно такое шествіе, по искреннему убѣжденію Лео, — неотъемлемое право людей избранныхъ и сильныхъ. А что можетъ натворить, до чего можетъ додуматься человѣкъ, добровольно ослѣпшій!..

Какъ на самомъ дѣлѣ у Лео мало любви къ народу и вѣры въ него, онъ высказалъ самъ. Разъ онъ пошелъ край-

слѣпое равнодушіе къ законамъ ея естественнаго развитія. Развѣ отъ начала до конца это не одно и то же чудовищное созданіе своевольной фантазіи?

Этого мало. Въ результатѣ намъ понятно, почему современное искусство непремѣнно должно быть натурализмомъ, а философія — пессимизмомъ. И то, и другое — слѣдствіе *переоцѣнки* человѣческой природы,—переоцѣнки положительной для избранныхъ, для героевъ, отрицательной для людей обыкновенныхъ. Кто безъ конца паритъ въ заоблачныя высоты, тотъ рискуетъ задохнуться и погибнуть въ великомъ паденіи. Кто требуетъ отъ человѣка быть ангеломъ, тотъ, навѣрное, откроетъ въ немъ звѣря. Это оправдалось на Западѣ съ буквальною точностью. Гюго создавалъ полубоговъ, его преемникъ и литературный побѣдитель сталъ создавать звѣрей, писать цѣлые романы на тему „человѣкъ-звѣрь". Переворотъ съ героями еще поучительнѣе. Онъ совершился въ творчествѣ одного и того же писателя, безъ всякой ожесточенной преднамѣренной борьбы двухъ школъ. Дюма началъ прославленіемъ небесныхъ добродѣтелей женщины, началъ безграничною гуманностью и всепрощеніемъ, кончилъ яростнымъ воплемъ: „убей ее!" — и написалъ цѣлый рядъ пьесъ и воззваній противъ *звѣря*, даже не прибавляя къ нему смягчающихъ опредѣленій. Слово *bête* написано на знамени передовыхъ людей страны, шедшей до сихъ поръ во главѣ цивилизаціи. Но такое знамя можно водрузить развѣ только у той бездны, какая неоднократно открывалась жестокимъ идеалистамъ въ концѣ ихъ пути. Дальше — или анархія всѣхъ человѣческихъ отношеній, или совсѣмъ нѣтъ дороги. И это начинаютъ понимать на Западѣ. „Общія идеи, преобразовывающія Европу,—писалъ французскій критикъ нѣсколько лѣтъ назадъ,—исходятъ уже не отъ французскаго духа", — мы прибавимъ — не отъ западно-европейскаго.

Созданія благороднѣйшихъ силъ этого духа велики и

вѣчны. Весь міръ усвоилъ изъ этого источника идеальныя представленія о гражданинѣ, объ обществѣ, о прогрессѣ. Все, что носитъ въ себѣ жизнь идеи, на чемъ стоятъ основы нравственной и политической свободы, — результатъ творчества европейской мысли — и *этимъ* завѣтамъ никогда не исчезнуть и не померкнуть на страницахъ исторіи. Но теперь, въ концѣ нашего вѣка, на широкій путь всемірнаго вліянія въ художественномъ творчествѣ вступаетъ новая сила—дѣйствующая и вдохновляющая...

У всѣхъ народовъ есть сказка о трехъ братьяхъ или о трехъ сестрахъ. Младшій братъ и младшая сестра сначала въ загонѣ у старшихъ, слывутъ глупыми, ни на что негодными, обиженными отъ людей и отъ судьбы. Но событія развиваются, и умныя и гордыя принуждены учиться у „глупости“ и смириться предъ „ничтожествомъ“. Трудно выдумать болѣе удачную аллегорію для характеристики отношеній Запада къ Россіи. Наша страна долго была въ глазахъ старшихъ братьевъ все, что угодно, — Сандрильона, Иванушка, только не равноправный работникъ цивилизаціи. У философовъ прошлаго вѣка находилось любовное, часто восторженно-нѣжное слово о дикарѣ, о негрѣ, — не было только мѣста въ этихъ гуманныхъ сердцахъ русскому. Пересмотрите произведенія Руссо, Монтескьё—вы будете поражены преднамѣренно-враждебными чувствами къ нашимъ предкамъ. На каждомъ шагу доказывается, что русскіе— не европейцы, что нѣтъ даже надежды стать имъ европейцами, что они лишены нравственнаго сознанія, даже физической чувствительности... Это писалось въ то время, когда со сцены гремѣли монологи Позы, и немного спустя тѣ же рѣчи раздавались въ политическихъ собраніяхъ. Прошло сравнительно немного лѣтъ, — и Западъ ищетъ внѣ своихъ предѣловъ и чувствительности, и гуманности, и нравственнаго сознанія.

Мы всему учились у Запада. Наши идеи, наша куль-

турная жизнь—его отголоски. Но эхо далеко не съ буквальною рабскою точностью повторяло голосъ. Множество звуковъ пропадало, другіе звучали иначе будто совершенно перерождались.

Наша художественная литература возникла и развилась въ то время, когда на Западѣ одна литературная школа смѣняла другую, и у насъ говорили о классицизмѣ, романтизмѣ, старались даже слѣдовать примѣрамъ и правиламъ того или другого иностраннаго учителя. Но все это оказалось сѣменами безъ почвы: потокъ нашей жизни разсѣялъ ихъ безслѣдно. Никакая литературная школа не прививалась у насъ. Оригинальный даровитый русскій писатель, при всемъ своемъ желаніи, не могъ быть ни классикомъ, ни романтикомъ. Въ самый разгаръ правилъ и теорій авторъ первой художественной русской комедіи заявилъ: „Я какъ живу, такъ и пишу—свободно". Это былъ отвѣтъ на классицизмъ.

Пушкинъ такимъ же путемъ порвалъ съ романтизмомъ, потративши предварительно не мало усилій стать въ ряды учениковъ. Русскому генію, очевидно, по натурѣ были недоступны и чужды теоріи и школы. Ему оставалось личное вдохновеніе и дѣйствительный міръ. Между поэтомъ и природой не воздвигалось никакихъ хитрыхъ стеколъ, притуплявшихъ зрѣніе и извращавшихъ дѣйствительныя очертанія предметовъ. Нравственно-свободная личность художника и его опытъ—также свободный, никакими предвзятыми теоріями не направляемый. Реализмъ — исконная основа русскаго истинно-художественнаго дарованія. Этотъ реализмъ такъ же всеобъемлющъ, какъ сама жизнь. Въ силу его сущности ему подлежатъ одинаково явленія самой прозаической дѣйствительности и высшія стремленія идеальнаго духа. Чтобы раскрывать благородныя свойства человѣческой природы, русскому писателю не было необходимости усвоивать идею Руссо. Чтобы правдиво изображать физическій міръ, ему не надо было дожидаться открытій Клода Бернара.

Онъ не былъ ни фантастическимъ романтикомъ, не могъ стать потомъ въ азартѣ протеста безпощаднымъ натуралистомъ. Подъ его кистью образы возникли съ тою разносторонностью и полнотой, съ какими они представляются въ природѣ. Онъ не могъ возвести человѣка сначала на степень безплотнаго всемогущаго духа, чтобы потомъ унизить его до уровня звѣря. Это не значитъ, что здѣсь не было героевъ-идеалистовъ и жестокой житейской правды. Напротивъ, человѣческая правда одинаково одухотворяетъ идеализмъ и жестокость.

Совершенно естественно появляться на Западѣ отважнымъ исповѣдникамъ всевозможныхъ идеаловъ. Тамъ историческое прошлое исполнено величественныхъ вдохновляющихъ преданій. Настоящее такъ часто захватываетъ энергіей и богатствомъ жизни, а будущее никогда, повидимому, не закрываетъ путей самымъ смѣлымъ надеждамъ. У насъ, съ нашею безцвѣтною будничною исторіей, съ нашею худосочною, вялою дѣйствительностью, быть идеалистомъ истинный подвигъ. И между тѣмъ идеалисты были, и не только въ мечтахъ и желаніяхъ. Вотъ слова одного изъ нихъ о судьбѣ своихъ товарищей, — слова, имѣвшія въ виду не поэтическую, а самую реальную несомнѣнную дѣйствительность. „Что сталось съ ними, праведное небо! Надо быть одушевленнымъ вѣрою во что-нибудь, чтобы не утратить бодрость духа, когда видишь, что такая преданность и такое самоотверженіе кончаются такимъ несчастіемъ и такими бѣдствіями“. Это—не фантазія поэта. Вдумаемся въ эти слова, припомнимъ факты, и мы заранѣе повѣримъ нашимъ писателямъ, изображающимъ русскій идеализмъ, на какую бы высоту ни поднимались ихъ изображенія. Послѣ западныхъ идеальныхъ вымысловъ мы могли бы здѣсь простить и увлеченія, и крайности, если бы встрѣтили ихъ. Но ихъ нѣтъ. Реализмъ нашихъ авторовъ, эта настоящая школа здраваго смысла, особенная писательская добросовѣстность и искренность по-

мѣшали окрасить простую жизненную правду въ легендарный свѣтъ.

Вы живо представляете дорогіе образы, созданные любимѣйшимъ русскимъ писателемъ. Предъ вами длинная исторія и психологія русскихъ идейныхъ увлеченій. Лаврецкій, Рудинъ, Потугинъ, Неждановъ, Базаровъ — это все люди, близкіе намъ по духу и крови. Всѣ они исполнены блестящихъ идей и горячихъ чувствъ. Большинство изъ нихъ одарено энергіей и необыкновенною выносливостью. Внѣшняя жизнь имъ безусловно враждебна, и, даже не прибѣгая къ громкой метафорѣ, ихъ гораздо естественнѣе сравнить съ одинокими пловцами по пустынному морю, чѣмъ идеальныхъ людей Запада. На Западѣ идеалистъ не дѣлалъ, а творилъ, не шелъ своимъ путемъ, а стремился совершить тріумфальное шествіе, не привлекалъ къ себѣ обстоящую толпу, а являлся передъ ней существомъ иного міра, снисходилъ къ ней въ уединенныхъ думахъ объ ея судьбѣ. Вы слышали демократическіе замыслы европейскихъ преобразователей,—послушайте, какъ о томъ же предметѣ разсуждаетъ русскій герой. Вся сцена освѣщена мягкимъ, поэтическимъ свѣтомъ. „Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени жилъ соловей. Его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи. Первыя звѣзды зажигались на небѣ надъ неподвижными верхушками липъ... Лаврецкій поднялся и началъ возражать... Онъ доказалъ невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительною вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный. Привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ, прежде всего, признанія народной правды и смиренія предъ нею, того смиренія, безъ котораго и смѣлость противъ лжи невозможна. Не отклонился, наконецъ, отъ заслуженнаго, по его мнѣнію упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ“...

Но это, можетъ быть, исключительно гуманный, скром-

ный человѣкъ. Возьмите самыхъ энергичныхъ. Потугинъ, желчный, нетерпимый всякій разъ, когда рѣчь заходитъ объ его отечествѣ, въ разгаръ злобнаго настроенія вдругъ сознается въ страстной любви къ тому самому народу, чью исторію, чье творчество онъ только что унижалъ до послѣдней степени. И вы чувствуете, что въ этой странной любви, перемѣшанной съ ненавистью, заключена цѣлая драма—не отвлеченной идеи, а животрепещущаго человѣческаго сердца. И такъ вездѣ.

Какъ бы Базарову хотѣлось изобразить изъ себя совершеннаго положительнаго человѣка, равнодушнаго, жесткаго циника,—и западный натуралистъ непремѣнно удовлетворилъ бы это желаніе. Мы увидѣли бы новаго Діогена, у котораго даже лохмотья не покрывали бы наготы. У русскаго психолога первый учитель—общечеловѣческая правда, и нигилистъ оказывается въ роли влюбленнаго, въ роли романтика. Какъ несправедливы и мало вдумчивы были критики, упрекавшіе писателя, будто онъ унизилъ своего героя, навязавъ ему любовное увлеченіе! Авторъ совершилъ двойной актъ не униженія, а оправданія, удержалъ свое вдохновеніе на высотѣ естественной правды и спасъ человѣческую природу, несмотря на всѣ усилія самого человѣка подавить ея голосъ. Когда шиллеровскій герой тономъ проповѣдника громитъ молодое увлеченіе принца, когда Лео съ высоты идейнаго величія отрицаетъ сердце и чувство. на насъ эти рѣчи производятъ впечатлѣніе гасконады, дерзкаго, легкомысленнаго оскорбленія вѣчныхъ законовъ нравственнаго міра. Мы равнодушны къ такому героизму, потому что за нимъ скрыто неразуміе героя и слезы его жертвъ. Но когда Базаровъ не знаетъ, какъ заклеймить свое мнимое паденіе, когда онъ скрежещетъ зубами и грозитъ себѣ кулакомъ при одномъ воспоминаніи о своемъ порывѣ, насъ охватываетъ чувство невольнаго уваженія и состраданія къ этой жертвѣ собственныхъ предубѣжденій...

Великій романистъ отнюдь не думалъ, чтобы такія драмы позорили человѣка и разрушали его энергію. Энергичнѣйшій практическій дѣятель у Тургенева—Маркеловъ—несчастливо влюбленный, тайкомъ рисующій *ея* портретъ, переживающій минуты жесточайшихъ страданій изъ-за своей неудачи. Эта двойственная психологія проходитъ по всѣмъ героямъ, чѣмъ бы они ни казались, какое бы равнодушіе и жестокость ни напускали на себя. У нихъ всегда отыщется „полуподозрѣнная тайна", т.-е. неумирающая органическая жизнь сердца. И не напрасно авторъ, говоря о могилѣ самаго суроваго своего героя, упоминаетъ не объ его нигилизмѣ, а о „страстномъ, грѣшномъ, бунтующемъ сердцѣ". Почему же именно въ русской литературѣ такой типъ идеалиста? Почему нашему писателю такъ дорога гармонія нравственнаго міра? Отвѣтъ простъ. Его подсказываютъ единодушно всѣ наши герои.

Одинъ изъ нихъ говоритъ про себя, что онъ вызванъ *народнымъ* духомъ. Другой требуетъ, прежде всего, признанія *народной* правды. Восторженный эстетикъ и нигилистъ Неждановъ произноситъ такую рѣчь: „А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя!" Даже Базаровъ, не желающій признавать никакихъ учителей и вдохновителей, стремится отыскать для себя оправданіе въ своей близости къ народу, въ своей способности понимать его, возбуждать въ немъ доброе расположеніе къ себѣ. Даже нигилистъ чувствовалъ бы себя неудовлетвореннымъ, если бы не могъ опереться на тотъ же народъ.

Всѣ эти люди могутъ не знать народа, могутъ навязывать ему свои желанія и идеалы, но дѣло не въ этомъ. Важно отношеніе къ народной правдѣ, важно чувство, съ какимъ люди исповѣдуютъ свои взгляды на народное благо. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о машинѣ, о цифрахъ, о жертвахъ.

Предъ нами не гигантъ, съ недосягаемой высоты бросающій молніи въ далекій ничтожный міръ. Предъ нами человѣкъ, жаждущій страдать одними страданіями съ тѣмъ, кого онъ ведетъ за собой. Въ этомъ чувствѣ источникъ гуманности, искренности, смиреннаго сознанія въ своихъ ошибкахъ. По наблюденіямъ Тургенева, русскіе люди, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, ничего такъ не уважаютъ, какъ правду, ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей. И вотъ это-то народное чувство заставляетъ тургеневскаго идеалиста передъ смертью написать любимой дѣвушкѣ слѣдующія слова, совершенно невѣроятныя для западнаго реформатора: „Ложь была во мнѣ, а не въ томъ, чему ты вѣришь“... Какой благородный голосъ истиннаго идеализма! Его слѣдуетъ вспоминать всякій разъ, когда пошлость, эгоизмъ или малодушіе, изъ чувства жалкаго самосохраненія, начинаютъ бросать грязью въ то, чему они измѣнили...

Въ такихъ чертахъ рисуются у русскихъ писателей идеальныя явленія. Таковъ русскій романтизмъ. Какъ же изображается у нихъ обычная жизнь? Что̀ соотвѣтствуетъ здѣсь европейскому натурализму?

Тургеневъ рядомъ съ любовью русскаго человѣка къ правдѣ и простотѣ отмѣчаетъ исключительную наклонность къ психологіи. Наша общественная жизнь ограниченна и однообразна, и нигдѣ нѣтъ такого простора человѣку думать о себѣ, о своемъ нравственномъ мірѣ. Пристальный, нерѣдко болѣзненный анализъ личности — отличительная черта русскаго. Она и воплотилась въ полномъ блескѣ въ нашей литературѣ. Русскаго генія психологіи мы могли уже видѣть на характерѣ идеальнаго типа, въ отвращеніи писателя ко всему одностороннему, неестественному. И вездѣ психологія также всемогуща и всеобъемлюща.

Русскій натурализмъ совершенно противоположенъ европейскому. На Западѣ писатели съ особенною гордостью именуютъ себя физіологами и анатомами, и, дѣйствительно,

почти все вниманіе посвящаютъ тѣлу, физической природѣ. У насъ такому же анализу подвергаются явленія другого порядка. Ближе всѣхъ къ натурализму стоитъ Достоевскій. Та же тщательность въ живописи мелочей, то же пристрастіе къ патологіи и даже уродству, та же склонность къ потрясающимъ моментамъ. Но предъ нами область духа—и въ результатѣ совершенно другое творчество. Отведите на вашей картинѣ первый планъ нравственному міру, вы непремѣнно спасете человѣка, какую бы натуру вы ни изображали, какой бы недугъ ни воплощался подъ вашею кистью.

Я напомню вамъ одинъ разсказъ. Авторъ—сравнительно умѣренный психологъ, предметъ разсказа,—на первый взглядъ ужасный, отвратительный, — рѣдкая физическая болѣзнь. Передъ вами женщина, представляющая „живыя мощи". „Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, носъ узкій, какъ лезвіе ножа, губъ почти не видать, только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются пряди желтыхъ волосъ". Подумайте, что бы сдѣлалъ съ такимъ сюжетомъ Золя или кто-либо изъ его учениковъ?.. У нашего автора—всего нѣсколько строкъ „натуральному вопросу", и затѣмъ начинаетъ развертываться поразительно богатая и увлекательная духовная жизнь полутрупа. Сколько поэзіи и чувства умѣетъ вложить великій психологъ въ разсказъ больной, шесть лѣтъ не покидавшей постели! Какою свѣжестью и жизнью вѣетъ на насъ отъ этихъ тихихъ восторговъ предъ едва замѣтными явленіями природы: запахъ гречихи, полевые цвѣты, щебетаніе ласточки! А эта непередаваемая словомъ поэзія одиночества, это безсознательное сліяніе угасающей жизни съ могучимъ потокомъ равнодушной, но неотразимо прекрасной природы!.. У насъ не остается и тѣни ужаса и тяжелаго чувства. Мы даже начинаемъ вѣрить, что дѣйствительно этому человѣку хорошо, что хорошіе сны иногда источникъ настоящаго счастья.

Авторъ своею психологіей совершаетъ истинное чудо. Онъ заставляетъ насъ присутствовать при пѣніи „живыхъ мощей“. Представьте, какое бы чувство охватило насъ, если бы писатель разрисовалъ намъ физическую немощь и не раскрылъ сокровищъ духа. Намъ теперь понятно, какая разница между русскимъ творчествомъ и западными школами.

Съ такимъ богатствомъ выступила Россія на сцену европейской литературы. Мы присутствуемъ при самомъ началѣ столкновенія двухъ различныхъ художественныхъ міросозерцаній. Всего какихъ-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ равнодушныхъ случайныхъ встрѣчъ европейскаго человѣка съ нашимъ словомъ. Мы видимъ только первые результаты культурнаго вліянія младшаго брата на его старшихъ предшественниковъ. Смыслъ этого вліянія съ каждымъ днемъ выясняется, но оно не успѣло стать на опредѣленную прочную дорогу. Оно еще крайне пестро и сбивчиво. Я хочу говорить исключительно о явленіяхъ художественной литературы и позволю себѣ не касаться цѣлаго ряда идей, переходящихъ въ настоящее время отъ насъ на Западъ. Я не буду останавливаться на многочисленныхъ теченіяхъ нравственной и общественной мысли, какія возникаютъ въ настоящее время на Западѣ подъ вліяніемъ публицистическихъ сочиненій нашего знаменитаго романиста. Эти именно теченія, можетъ быть, неоднократно возбудили бы въ насъ сомнѣніе насчетъ культурнаго смысла нѣкоторыхъ русскихъ вліяній. На почвѣ литературы никакихъ сомнѣній намъ не встрѣтится. Здѣсь дѣйствительно предъ нами новая сила въ развитіи человѣчества.

Возьмемъ крупнѣйшія явленія.

Русскій натурализмъ—я бы сказалъ, вѣрнѣе, психологизмъ—создалъ во Франціи „аналитическій“ романъ. Представитель его, всѣмъ извѣстный у насъ Поль Бурже, буквально повторяетъ пріемы русскихъ авторовъ, можетъ быть, даже, какъ всякій новый изслѣдователь, злоупотребляетъ ими.

Его произведенія—психологическіе трактаты, тщательные разборы мельчайшихъ явленій нравственнаго міра. Не только самъ авторъ превосходный анатомъ души, его герои—потомки Гамлета. Я употребляю иностранное имя въ интересахъ простоты и цѣльности. Не менѣе будетъ справедливо, если для характеровъ Бурже мы станемъ искать именъ и образцовъ въ русской литературѣ. Приведу нѣсколько самыхъ яркихъ примѣровъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи были поражены небывалымъ замысломъ романа „Ученикъ“ (Disciple). Герой романа—Грелу—казался совершенно чуждымъ французской культурѣ, былъ оторванъ авторомъ отъ какой-то другой почвы. Нація, менѣе всего когда-либо страдавшая рефлексіей, вдругъ увидѣла человѣка, подчинившаго всю свою дѣятельность и волю неустанному мучительному анализу. Грелу долго жилъ книжною жизнью, начитался психологическихъ и философскихъ трактатовъ и задумалъ провѣрить ихъ выводы на практикѣ. Общечеловѣческое представленіе о нравственномъ и безнравственномъ исчезаетъ совершенно. Грелу въ полномъ смыслѣ живетъ и думаетъ по-писанному: влюбляется, влюбляетъ въ себя, соблазняетъ, идетъ на казнь. Въ любви онъ думаетъ „разрѣшить задачу умственной механики“. Онъ преднамѣренно отказывается отъ прямыхъ дѣйствій. Онъ хочетъ достигнуть цѣли по всѣмъ правиламъ книжной теоріи. Онъ хочетъ „разсѣчь живую душу“, какъ анатомы разсѣкаютъ живыхъ звѣрей. И мы присутствуемъ при этомъ психологическомъ опытѣ, необыкновенно тщательномъ, напоминающемъ настоящее научное изслѣдованіе.

Вы теперь знаете, кто вдохновилъ Бурже. Герою „Преступленія и наказанія“ во французскомъ романѣ дана только другая цѣль—не убійство, а обольщеніе, прибавлена извѣстная доза эгоизма,—порокъ, невѣдомый Раскольникову. Въ этомъ вся разница.

Обратимся къ героинямъ. У Бурже всѣ романическія

интриги проникнуты новымъ духомъ. Въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ эстетикой и нравственностью натуральной школы, и намъ понятно—почему. Натуралисты изслѣдуютъ темпераментъ, чувственность, физическую почву любви,—у Бурже любовь развивается въ области сердца и идей.

Романъ во всемъ безусловно зависитъ отъ характера героини, а женщины у Бурже носятъ на себѣ яркую печать русскаго генія. Вспомните сюжетъ и героиню романа „Обѣтованная земля. Дѣвушка, одаренная всѣми чарами женственности и въ то же время сильною натурой, любитъ человѣка, успѣвшаго прожить цѣлую полосу жизни до встрѣчи съ ней. Прошлое оставило у него много горькихъ воспоминаній и упрековъ совѣсти, но онъ будетъ честнымъ, любящимъ мужемъ. Нужно только, чтобы прошлое какъ-нибудь не воскресло и не помѣшало будущему счастью. Судьба судитъ по своему. Прожитая жизнь внезапно загораживаетъ дорогу: когда-то любимая женщина и дочь появляются, какъ боги въ драмѣ, и разбиваютъ всѣ надежды.. Тогда юная героиня рѣшаетъ, что ей нѣтъ счастья, что она осуждена на одиночество, на подвигъ самоотреченія. Она готова отказаться отъ свѣта и заживо похоронитъ свою молодость.

Я въ самыхъ краткихъ словахъ разсказалъ французскій романъ, но кто изъ васъ не узналъ въ разсказѣ чего-то роднаго, не почуялъ отголоска давно знакомыхъ, невыразимо дорогихъ рѣчей? И не только французскій сюжетъ кажется вамъ не болѣе, какъ воспоминаніемъ,—героиня романа точная копія Лизы Калитиной. Дѣтство, молодость, непреодолимое стремленіе уходить въ таинственный міръ грезъ, врожденная жажда чего-то мистическаго, какихъ-то подвиговъ во имя религіи, сердце, переполненное мечтательнымъ, неисчерпаемымъ благоволеніемъ, знакомое съ неожиданными восторгами и экстазами,—сердце, часто съ поразительною ясностью и трепетомъ сознающее свое таинственное родство съ другимъ міромъ,—вѣдь, это все та же Лиза, это ея религіозность и

восторженная мечтательность. Ничего подобнаго мы не видѣли до сихъ поръ въ современной французской литературѣ.

Бурже не остается одинокимъ. Въ самое короткое время выросла популярность молодого писателя. Онъ воспитался въ натуральной школѣ, но духъ времени превратилъ ученика въ жестокаго врага. Ученикъ во всемъ измѣняетъ своимъ учителямъ. У него другіе герои, другія цѣли, онъ часто колеблетъ вѣковыя литературныя преданія своей родины.

Недавно вы прочли романъ Маргерита „На закатѣ". Случалось ли вамъ во всей французской литературѣ встрѣтить подобный сюжетъ? Сорокапятилѣтній герой влюбленъ въ пятнадцатилѣтнюю дѣвушку. Достаточно этихъ цифръ, чтобы вамъ припомнился цѣлый рядъ комедій, водевилей, повѣстей, единодушно подвергающихъ жесточайшему осмѣянію запоздалую любовь. Почему же это было смѣшно, жалко, подчасъ возбуждало даже чувство презрѣнія и негодованія? Потому что авторы непремѣнно разсказывали намъ исторію чувственныхъ волненій. Новый авторъ совершенно иначе взялся за предметъ,—и вы знаете какъ,—стоитъ только вспомнить „Бѣдныхъ людей" Достоевскаго. Вамъ припоминается Макаръ Дѣвушкинъ, старый, захудалый чиновникъ, и Варинька—едва ли не втрое моложе его. Вы читали ихъ переписку. Вы съ первыхъ же писемъ поняли, какое чувство скрывается за этими безконечными: „радость моя, маточка, голубчикъ мой, ангельчикъ"... Но пришла ли вамъ мысль возмутиться этимъ чувствомъ? И всѣ эти наивно-нѣжныя слова развѣ оставили въ васъ впечатлѣніе чего-то приторнаго, жалкаго? Способны ли вы были осмѣять драматическій моментъ, когда старикъ, узнавши о намѣреніи Вариньки выйти замужъ, чувствуетъ полную растерянность, пишетъ ей безсвязныя фразы, хватается за малѣйшій призракъ надежды удержать дѣвушку? Нѣтъ, вамъ было не до смѣха. На васъ такъ же, какъ и на первыхъ читателей романа — великаго русскаго критика и знаменитаго поэта—письма Дѣвушкина произвели впеча-

тлѣніе глубокой драмы—бѣднаго, но возвышенно-благороднаго человѣческаго сердца. Совершенно такую же исторію разсказалъ и Маргеритъ. Полковникъ Франкёръ—двойникъ Дѣвушкина. Онъ также сердеченъ, юношески-наивенъ, также безотчетно живетъ своимъ чувствомъ. Онъ тщательно запоминаетъ каждое ласковое слово Ивелины и въ лучшія минуты готовъ вѣрить въ свое счастье, вѣрить боязливо, съ какимъ-то непреодолимымъ чувствомъ стыда. Вдругъ Ивелина—та же Варинька въ русскомъ романѣ—ничего не подозрѣвающая, уѣзжаетъ. Только тогда Франкёръ понимаетъ, чего онъ лишается. Онъ тайкомъ смотритъ въ окно на сцену отъѣзда: что онъ переживаетъ въ это время, мы знаемъ изъ писемъ Дѣвушкина.

Мы видимъ, какъ измѣняются отношенія французскихъ авторовъ къ дѣйствительности, въ какомъ до сихъ поръ необычномъ свѣтѣ является имъ человѣкъ и человѣческая природа. Дали мѣсто нравственному міру—и переворотъ совершился. Исчезли крайнія представленія о человѣческомъ ничтожествѣ, смягчилось чувство злобы и презрѣнія,—чувство, заставлявшее видѣть всюду звѣря и закрывать глаза на проблески человѣчности. Мѣняется взглядъ на страсти и увлеченія. Любовь—эта страшная темная сила въ рукахъ натуралистовъ—облагораживается, очеловѣчивается. Французскіе романисты начинаютъ рисовать картины семейнаго счастья, брать героями людей, способныхъ испытывать горячій приливъ мужества рядомъ съ своими дѣтьми... Вспомните, какъ цинически-безпощадно всѣ эти мотивы поднимались на смѣхъ модною до сихъ поръ литературой!..

Мы видимъ, какъ одновременно совершается переломъ въ двухъ направленіяхъ,—преобразуются исконныя художественныя міросозерцанія Запада—романтическое и натуральное.

Съ одной стороны, вскрываются заброшенные и забытые источники свѣта и добра, съ другой—героизмъ принимаетъ

дѣйствительно человѣческія очертанія. *Звѣрь* и *полубогъ* уступаютъ мѣсто *человѣку* и постепенно улегаются болѣзненныя вспышки мизантропіи и пессимизма. На Западѣ прекрасно знаютъ учителей и вождей новаго направленія. Ихъ имена окружаютъ почетомъ и славой. Это—великое завоеваніе нашей литературы. Но этого мало. За именами русскихъ писателей стоитъ другое имя—имя русскаго народа. Оно не впервые произносится на Западѣ, но впервые *теперь* возбуждаетъ добрыя чувства. Долго оно звучало будто въ громѣ и огнѣ, воплощалось въ страшный призракъ варвара и козака... Въ началѣ вѣка нашъ историкъ, упоенный славой отечества, восклицалъ: „Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ". Мы видѣли, какъ насъ уважали: у людей, защищавшихъ человѣческія права негровъ-рабовъ, не хватало духа признать насъ европейскою націей. Потомъ наступили годы дѣйствительно мощнаго вліянія Россіи на судьбы Запада. Русское оружіе предписывало законы, карало и спасало кого хотѣло. И это было временемъ сильнѣйшаго ожесточенія европейскихъ народовъ противъ русскихъ. Никакія безкорыстнѣйшія жертвы не могли побѣдить этого чувства. Наконецъ, Россія совершила подвигъ во имя гуманности и свободы,—ей не повѣрили и здѣсь, на каждомъ шагу подозрѣвали вѣроломство, эгоистическіе замыслы. Восторженное заявленіе русскаго историка такъ и осталось бы простымъ самообольщеніемъ, если бы слово и мысль не совершили побѣдъ, изъ-за которыхъ безплодно тратилась великая сила. Русская литература въ нѣсколько лѣтъ достигла неслыханныхъ результатовъ, о какихъ не грезилось всѣмъ патріотическимъ поклонникамъ русскаго могущества и самобытности.

На Западѣ не только признали въ русскомъ европейца, но обратились къ нашему творчеству, къ нашему народному духу съ жадными запросами новыхъ идеаловъ, новыхъ путей. Русскіе писатели открыли Западу въ русскомъ народѣ культурную силу. И это только обмѣнъ услугъ. Все гуманное,

все идейное, все правдивое въ нашей литературѣ воспиталось на любви къ народу. Это онъ живетъ въ сердцахъ тургеневскихъ идеалистовъ. Это онъ своимъ глубоко-человѣчнымъ міросозерцаніемъ, гдѣ даже преступникъ носитъ имя только несчастнаго, создалъ поэзію объ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, это онъ своею врожденною простотой и жизненною правдой спасъ нашихъ писателей отъ оптимизма романтиковъ и ожесточенія натуралистовъ. За это его имя выступило на сцену міровой цивилизаціи рядомъ съ мыслью и словомъ его лучшихъ дѣтей. Этой мысли и этому слову, *въ томъ же союзѣ*, предстоитъ другой путь, болѣе трудный и еще болѣе желанный. Наша мысль, наше слово выростаютъ въ европейскую культурную силу... Но ихъ назначеніе будетъ выполнено только тогда, когда они въ своемъ отечествѣ станутъ общепризнанною силой въ дѣятельности общества, въ гражданскомъ развитіи народа.

ДНИ ПОКАЯНІЯ.

(Пушкинская годовщина).

I.

Наступаетъ двадцать шестое мая и русское общество и отчасти даже русскій народъ готовится присутсвовать при многочисленныхъ и торжественныхъ празднествахъ. Имя Пушкина завладѣетъ на нѣсколько дней вниманіемъ читателей просвѣщенныхъ и просто граматныхъ. Хвалебныя и восторженныя рѣчи польются потокомъ. Несомнѣнно, воспрянетъ и русская стихотворческая муза и сплететъ болѣе или менѣе свѣжій и красивый вѣнокъ памяти геніальнаго поэта. Газеты, журналы, а, можетъ быть, и спеціальные сборники будутъ давать краснорѣчивые отчеты о „пушкинскихъ дняхъ“, живописно изображать событія, съ посильнымъ безпристрастіемъ пересчитывать успѣхи дѣйствующихъ лицъ и составлять чрезвычайно отрадныя умозаключенія, въ родѣ того, напримѣръ, что русское общество, несомнѣнно, достигло поразительной зрѣлости, разъ способно громко произносить и терпѣливо выслушивать столь благородныя мысли и чествовить такъ шумно и единодушно великаго русскаго человѣка, что „пушкинскій праздникъ“ открываетъ самыя широкія перспективы русской національной культурности и честной сознательной работѣ русскаго человѣка на поприщѣ ума и просвѣщенія. Найдутся, разумѣется, и хладнокровные зрители торжества, но болѣе подъ вліяніемъ легкомысленнаго духа противорѣчія, чѣмъ по основательнымъ поводамъ отрицать и сомнѣ-

ваться. Скептики замѣтятъ, что говорилось о Пушкинѣ дѣйствительно очень много и даже дѣльно, но самаго главнаго а въ особенности безусловно оригинальнаго не было сказано: *новое слово* осталось не произнесеннымъ...

Скептики и сами не будутъ отдавать себѣ отчета, какого собственно *новаго слова* имъ хотѣлось бы, но такъ ужъ полагается по законамъ психологіи. Если десять, сто человѣкъ говорятъ *да* и *прекрасно*, рядомъ непремѣнно объявится смѣлый и самобытный умъ, выжидающій случая съ невыразимымъ наслажденіемъ и авторитетомъ крикнуть: *нѣтъ! никуда не годится!* Но протестующій крикъ потонетъ въ морѣ восторговъ и умилительныхъ впечатлѣній: герои и даже толпа пушкинскихъ торжествъ, совершивъ поклоненіе поэту, вообразятъ, что и они въ нѣкоторомъ родѣ воздвигли себѣ нерукотворный памятникъ.

Все именно такъ произойдетъ: вѣрная порука — опыты прошлаго. Правда, большихъ литературныхъ торжествъ до сихъ поръ было у насъ мало, на зато всѣ они выполнялись по одной неуклонно опредѣленной программѣ. Русскій просвѣщенный человѣкъ—въ будни существо самое кроткое и непритязательное, въ юбилейные писательскіе дни становится необыкновенно рѣчистымъ и безпокойнымъ и на его физіономіи появляется даже нѣчто вызывающее. Въ эти минуты онъ готовъ вообразить себя—и подчасъ дѣйствительно воображаетъ первымъ артистомъ на міровой сценѣ. Ты меня считаешь скиѳомъ и вандаломъ, говоритъ онъ Европѣ, все думаешь учить меня разнымъ идеямъ и конституціямъ, а я вотъ самъ тебя думаю поучить и открыть тебѣ *новое слово*. У тебя разные Шекспиры и Шиллеры, а у меня Пушкинъ, не французъ, не нѣмецъ и не просто русскій, а *всечеловѣкъ*. А если таковъ Пушкинъ, то и вообще русскіе люди — всечеловѣки и „назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное“.

Такъ уже однажды проповѣдывалъ русскій ораторъ по

поводу Пушкина и вызвалъ у слушателей потрясающее впечатлѣніе. И иначе не могло быть! У кого же хватитъ духу отказаться отъ столь величественнаго титула, въ особенности если это рѣшительно ничего не стоитъ: всего только пожать руку вдохновенному пророку, обнять его или, въ крайнемъ случаѣ,—если слушатель достаточно наклоненъ къ психопатіи,—упасть въ обморокъ.

И все это было съ точностью продѣлано, лишь только, девятнадцать лѣтъ назадъ, раздалась *пророческая* рѣчь Достоевскаго. Даже самые вдумчивые свидѣтели поддались очарованію и Успенскій, едва ли не самый трезвый и достовѣрный свидѣтель событія, вполнѣ отрезвѣлъ только на другой день: въ самый моментъ онъ испыталъ потрясающее впечатлѣніе. А большинство такъ и осталось въ опьяненіи и на челѣ Достоевскаго пророческій вѣнокъ не увядалъ до конца его дней. А вѣдь такъ естественно было бы припомнить самый наглядный фактъ: именно этотъ ораторъ, столь горячо проповѣдавшій о необъятной нѣжности русскаго человѣка ко всѣмъ народамъ, велъ менѣе всего любвеобильную международную политику, и не только международную: междупартійныя отношенія автора *Дневника писателя* также далеко не отличались примирительнымъ и терпимымъ направленіемъ. Какъ же онъ могъ отъ души и сердца возглашать о „братскомъ стремленіи нашемъ къ возсоединенію людей“, о „русской душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей“ и многое другое, звучавшее всуе именно въ устахъ его, Ѳедора Михайловича Достоевскаго?

Но онъ возглашалъ и даже *потрясъ*, потому что русскій человѣкъ находился на праздникѣ и вся природа его жаждала опьяняющихъ впечатлѣній и чтобы мы ему ни сказали пріятнаго и утѣшительнаго, онъ мгновенно всему повѣрилъ бы и возрадовался бы языкомъ и духомъ: какое, однако, я замѣчательное явленіе природы, не думано и не гадано, а вотъ знаменитый писатель *разгадалъ*, наконецъ, *тайну*. Хвала

ему, да такая громкая, что и самому Пушкину не мечталось ничего подобнаго. И, несомнѣнно, слава Пушкина отошла на задній планъ предъ отуманенными глазами ликующей толпы въ тѣ минуты, когда, по словамъ самого Достоевскаго, даже просвѣщеннѣйшіе „западники“ именовали его рѣчь „геніальной“ и горячо жали ему руки.

Да, Пушкинъ внезапно отошелъ въ тѣнь. Въ сущности эта тѣнь лежала на его страдальческомъ образѣ съ самаго начала. Если бы вдругъ ожила бронзовая статуя и поэтъ снизошелъ бы до бесѣды съ мятущейся толпой, онъ могъ бы обратить къ ней рѣчь, исполненную горечи и укоризны и у нея—этой торжествующей толпы—не поднялись бы руки для самоусладительныхъ привѣтствій, у нея скорѣе глаза опустились бы долу и она оставила бы площадь съ гнетущей тоской совѣсти о прошломъ, съ мучительнымъ раздумьемъ о своемъ настоящимъ и будущемъ.

Поэтъ могъ бы сказать своимъ посмертнымъ хвалителямъ слѣдующее: меня не удивляютъ ваши восторги предъ моимъ дарованіемъ и предъ личностью, я самъ предсказалъ себѣ прочную славу послѣ моей смерть. Но меня изумляетъ ваша короткая память о моей судьбѣ при жизни, я не могу понять какъ вы такъ свободно хвалу моему генію сплетаете съ лестью себѣ самимъ. Я не признаю вашихъ притязаній на участіе въ моемъ, хотя бы и позднемъ торжествѣ, на участіе какъ общества, какъ публикѣ, даже какъ литературы. Чтобы оправдать эти притязанія, вамъ слѣдовало бы начать съ другого конца, именно съ самихъ себя, и вмѣсто исторіи и характеристики моего генія, разсказать свою собственную исторію, представить свой собственный портретъ. Вы правы въ томъ что я русскій до мельчайшаго изгиба моей души, что я всей кровью своего сердца и всей чудной силой своего вдохновенія болѣлъ за свою родину и жаждалъ ея свѣтлаго будущаго. Но вы—общество и литература—вы развѣ признали во мнѣ эту боль и эту жажду? Еще не исчезло все поколѣ-

ніе, свидѣтель моей жизни и дѣятельности. Призовите его къ отвѣту и спросите у него, чѣмъ я былъ для него и что оно сдѣлало для меня?

Вы скажете: я родился въ злополучное время, попалъ въ нравственно-дикую среду, въ злобную и пошлую, что меня погубилъ *свѣтъ* и что вы ни подъ какимъ видомъ не погрѣшили бы въ пролитіи „праведной крови“ поэта. Теперь все стало иначе. Поэтъ больше не обязанъ считаться съ расположеніемъ свѣтскихъ невѣждъ и пошляковъ, у него теперь имѣется публика просвѣщенная, отзывчивая, благодарная, она непремѣнно пойметъ его и постарается оградить его личность и его дѣло, какъ драгоцѣннѣйшія достоянія націи. Какъ общество, эта публика не станетъ позорить въ писателѣ человѣка, какъ литература—она не рѣшится завѣдомо ложно и злостно унижать его талантъ, перетолковывать его произведенія, злорадствовать надъ мельчайшей, даже мнимой ошибкой и слабостью его пера, однимъ словомъ, она не повторитъ злокозненной, ядовитой войны пигмеевъ съ великаномъ—*ожесточенной* войны только потому, что онъ великъ, а они нестерпимо и безнадежно малы.

Такъ, можетъ быть, отвѣтитъ поколѣніе, воздвигшее памятникъ Пушкину, но поэтъ не удовлетворится отвѣтомъ. Онъ припомнитъ участь своихъ наслѣдниковъ вплоть до послѣднихъ дней, и каждое воспоминаніе должно поразить неотразимымъ ударомъ отвѣтчиковъ.

Поэтъ скажетъ: когда совершилась его кровавая кончина событіе отозвалось жестокой мукой въ сердцахъ немногихъ его друзей... И посмотрите, что они перечувствовали, что они говорили!

Свѣтская дама, не долго знавшая его не особенно блистательная цѣнительница литературы и особенно русской, но благородная и искренняя, все время чувствовала себя лично оскорбленной „несправедливостью общества“. Передъ вѣстью о смерти поэта она прочитала французскую статью

о судьбѣ великихъ людей: „всѣ они“,—писала она,—„преслѣдуемые или обществомъ, или правительствомъ, непризнанные, оклевстанные, умирающіе въ тюрьмѣ или въ нищетѣ. Въ статьѣ не упоминается Пушкинъ, а однако ничего нѣтъ болѣе раздирающе-поэтическаго, какъ его жизнь и его смерть“.

Дама говорила грустную правду, но ея впечатлѣнія не имѣли бы большого значенія, если бы ихъ не раздѣлялъ величайшій современный писатель Россіи, Пушкинымъ открытый и имъ направленный. Гоголь бѣжалъ изъ своего отечества,—бѣжалъ именно потому, что онъ обнаружилъ слишкомъ великій и жизненный талантъ и неподкупную правдивость художественнаго слова. Онъ написалъ геніальную комедію, ему посчастливилось мимо безчисленныхъ препятствій проложить ей путь на сцену, она, наконецъ, съиграна, и, кажется, никогда еще авторъ ея не чувствовалъ себя до такой степени одинокимъ и лично несчастнымъ. Онъ рѣшается уѣхать „разгулять свою тоску“, и бросаетъ такую отповѣдь своему отечесту:

„Грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу... Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него... И кто же говоритъ? Это говорятъ опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобы понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ называетъ образованными“.

И скоро Гоголь окончательно убѣдится, что ему нѣтъ мѣста рядомъ съ этимъ образованнымъ свѣтомъ. Кончина Пушкина потрясаетъ его до глубины души, набросить тѣнь на его и безъ того не радостную жизнь. Онъ теперь проникнется настоящимъ страхомъ предъ мыслью—изъ за границы вернуться въ Россію и остаться здѣсь. Онъ легко обобщаетъ страшное событіе и произноситъ рѣшительный приговоръ своей страстно любимой, но неумолимо суровой

родинѣ: „Клянусь,—восклицаетъ онъ,—непостижимо странная судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи! Едва только успѣетъ показаться—и тотъ же часъ смерть, безжалостная неумолимая смерть".

Это говорится послѣ смерти Пушкина и въ этихъ словахъ звучитъ, несомнѣнно, болѣзненная память о великомъ другѣ и учителѣ, и звучитъ отголосокъ предсмертныхъ рѣчей его. О нихъ не зналъ Гоголь, но онъ въ точности воспроизвелъ ихъ смыслъ. Задыхаясь въ безвыходной мукѣ среди всесторонникъ гоненій и притѣсненій, Пушкинъ не сдержалъ накипѣвшаго горя и, вопреки обыкновенію, обнаружилъ его даже предъ женой: „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душой и талантомъ!"

Какая страшная жалоба и какая правдивая, вызванная *всею* жизнью поэта! И она не осталась одиночной.

За Пушкинымъ и Гоголемъ слѣдовали другіе, и также или безвременно гибли или бѣжали... Почему авторъ *Мертвыхъ душъ* додумался и домучился до *Переписки съ друзьями?* Почему поэтъ, геніальными стихами оплакивавшій участь Пушкина, самъ погибъ столь же кровавой смертью и надъ ней съ такимъ же злорадствомъ потѣшился *свѣтъ?* Почему критикъ, растолковавшій русскимъ читателямъ значеніе всѣхъ этихъ людей, самъ умеръ нищимъ, гонимымъ и непризнаннымъ?

Но все это происходило въ рабской и барской Россіи. Привилегированное тунеядство и невѣжество тяготѣли надъ *свободой*, *славой* и *геніемъ*. Литература была для нихъ передней и писатель—шутомъ... Возникла, наконецъ, Россія свободная и равноправная, народился читатель, способный постигать *личныя* достоинства и *личныя* заслуги. Теперь, повидимому, не должно быть мѣста „всеобщему невѣжеству" и тупому озлобленію на геніальнаго писателя.

Ничего подобнаго! Русскому народу, оказалось, легче освододиться отъ крѣпостного рабства, чѣмъ русскому об-

ществу и русской литературѣ отъ рабскаго недуга зависти и злобы. Все, что испыталъ Пушкинъ отъ современной „черни“, перешло по наслѣдству и къ благороднѣйшему писателю новой свободной Россіи. И замѣчательно, одному и тому же человѣку пришлось защищать обоихъ поэтовъ отъ яда пресмыкающихся соотечественниковъ и вызвать къ бодрости, къ независимому достоинству русскаго писателя.

Князь В. Ѳ. Одоевскій незадолго до смерти Пушкина написалъ горячую отповѣдь его журнальнымъ поносителямъ, защищалъ самыя повидимому, очевидныя положительныя качества поэта и человѣка, его благородство, его умъ, силу его таланта. Казалось бы, кто могъ во всемъ этомъ сомнѣваться, и все-таки въ печати сомнѣніе оказалось до такой степени распространеннымъ, что Одоевскому негдѣ было напечатать своей статьи, и она осталась ненапечатанной.

Много лѣтъ спустя тотъ же Одоевскій вынужденъ снова взяться за перо и на этотъ разъ направилъ свое краснорѣчіе уже противъ самой жертвы злословія и глупости. Художникъ пришелъ въ отчаяніе отъ неустанныхъ нападеній на его личность и дѣятельность. Онъ, какъ писатель, наслушался поразительныхъ откровенностей на счетъ своихъ злокозненныхъ, темныхъ замысловъ, какъ человѣкъ встрѣтилъ всенародное издѣвательство надъ искренностью и честностью своего творчества. Онъ не вынесъ такой нечистоплотной и безъидейной борьбы и рѣшилъ сказать себѣ и своимъ читателямъ *Довольно*! Онъ больше не пойдетъ на „толкучій рынокъ“, больше не подастъ повода ни глупому, ни молодому глупцу во имя презрѣнныхъ кумировъ рыться въ его душѣ и позорить ее предъ „холодной толпой“...

Одоевскій отвѣчалъ страстнымъ, горячимъ призывомъ *Недовольно!*—и требовалъ отъ художника мужества на его трудномъ пути, указывалъ на неизбѣжность борьбы съ пошлостью и злобой для всякаго, кто одаренъ высшими талантами.

Но эти соображенія не устрашили бы художника, онъ не нарушилъ бы своего молчанія, если бы въ немъ не говорилъ неукротимый голосъ творческой силы. Тургеневу предстояло рѣшить вопросъ: слушаться ли внушеній своей природы, или поддаться законному чувству омерзенія предъ судомъ и смѣхомъ толпы? Вопросъ разрѣшился независимо отъ личной воли художника, поэтъ осужденъ всю жизнь быть невольникомъ своего генія. Онъ до конца дней будетъ припоминать предсказаніе Пушкина: „услышишь судъ глупца“, и все-таки вызывать этотъ судъ.

Несомнѣнно, въ толпѣ найдутся и благодарные, и любящіе, но именно ихъ чувства и ожесточатъ съ новой силой клеветниковъ и клевета не замолкнетъ даже предъ многотысячнымъ горемъ о смерти великаго писателя, не истощится и долго послѣ его смерти. И свидѣтель горя даже будетъ въ правѣ спросить: дѣйствительно ли это слава, прочная, сознательная? Дѣйствительно ли горькія причитанія и восторженныя похвалы—плодъ вдумчиваго *національнаго* признанія заслугъ писателя? Не просто ли это зрѣлище, случай обнаружиться темпераментамъ и артистическимъ наклонностямъ? А въ основѣ явленія—глубокое безучастное или малодушное формально обязательное сочувствіе завѣдомо хорошему человѣку и занимательному автору?

Именно въ такомъ смыслѣ дастъ отвѣтъ современникъ Тургенева, десятки лѣтъ пристально изучавшій все ту же толпу и радѣвшій объ ея зрѣлости. Щедрину представился случай подвести итоги своей популярности, сообразить плоды своей, казалось бы, необыкновенно увлекательной и популярной литературной работы. И выводъ получится скорбный и полный разочарованія: на Руси нѣтъ читателя-друга! Писатель, по-прежнему, нравственно одинокъ и безразличенъ для тысячей тѣхъ, кто даже громко и часто твердитъ объ его талантѣ и значеніи. Стоитъ наступить испытанію и кругомъ знаменитаго и любимаго автора водворяется темнота и пустота.

Пройдутъ годы или десятилѣтія и толпа заволнуется. Она шумно справитъ дни рожденія и кончины писателя, она воздвигнетъ ему памятникъ, покроетъ его вѣнками, она даже поумиѣетъ и подобрѣетъ до такой степени, что станетъ толковать объ единеніи, о терпимости, о благородствѣ литературныхъ и общественныхъ отношеній. Въ особо приподнятый моментъ можетъ совершиться неизглаголанное чудо: сами Катковы рѣшатся взывать о примиреніи, они, всю жизнь сѣявшіе раздоры и озлобленія и, по закону своей природы, осужденные совершать это дѣло до послѣдняго вздоха! Среди всеобщаго исключительнаго зрѣлища они запоютъ соловьями и раскроютъ свои объятія съ обѣтами любви и правды. И они даже найдутъ бѣдныхъ, глупенькихъ пташекъ, готовыхъ броситься къ нимъ на грудь съ потокомъ умиленныхъ слезъ...

Но всякій хмель имѣетъ свое похмелье и у русской торжествующей толпы оно неизмѣнно по настроеніямъ и поступкамъ. Праздникъ останется *исторіей*, все пережитое въ дни торжества превратится въ нарядное платье, надѣтое на время и ради гостей. Настанутъ будни, разъѣдутся гости и чистый благородный костюмъ можно смѣнить затрапезной засаленной ливреей. Вчерашній нарядный артистъ. съ необыкновенно красивой рѣчью, съ изящными манерами,— сегодня господинъ подозрительнаго тона, украшеніе гостиной—просто кухонная чумичка, вновь принявшаяся за приготовленіе своихъ обычныхъ блюдъ, отнюдь не тонкаго вкуса и литературнаго достоинства.

II.

И такъ идетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Послушайте разсказы очевидцевъ о томъ, какъ русскіе люди встрѣтили смерть Пушкина. Петербургъ увидѣлъ зрѣлище, единственное за всю русскую исторію. Въ городѣ господствовало не-

обыкновенное движеніе, по нѣкоторымъ улицамъ не стало ни проѣзду, ни проходу. Толпы день и ночь осаждали домъ, гдѣ лежало тѣло поэта. Всѣ классы населенія, даже, по словамъ свидѣтеля, безграмотные люди считали своимъ долгомъ поклониться праху Пушкина. Молодежь замышляла нести гробъ на рукахъ. Растроганный современникъ называетъ все это „народной манифестаціей“, говоритъ объ „очнувшемся вдругъ общественномъ мнѣніи“. Даже иностранецъ считаетъ возможнымъ похороны Пушкина признать „народнымъ событіемъ“.

И оба правы: раньше ни одного писателя такъ не хоронили. И все-таки „событіе“ менѣе всего свидѣтельствовало именно о пробужденіи и бодрственномъ состояніи общественнаго мнѣнія, пожалуй даже о самомъ существованіи его. „Событіе“ только открыло новую, въ высшей степени прискорбную черту въ психологіи русскаго человѣка. Оказалось, онъ прекрасно умѣетъ *хоронить* своихъ великихъ писателей, еще лучше устраивать литературныя поминки и праздновать годовщины, но крайне мало приспособленъ уживаться съ дѣятелями мысли и таланта при ихъ жизни. Почему-то имъ невыносимо душно и мучительно влачить свое бренное существованіе среди того самаго общества, которое по смерти ихъ непремѣнно устроитъ въ ихъ честь рядъ шумныхъ зрѣлищъ и въ число чествователей попадутъ люди, едва успѣвшіе поставить точку въ своемъ послѣднемъ памфлетѣ на великаго покойника. Да, русскія поминки по литераторамъ видывали и такія приключенія.

И невольно возникаетъ вопросъ: ради кого торжествуются юбилеи и годовщины, ради ли истинныхъ виновниковъ или самихъ устроителей и героевъ? Не является ли воспоминаніе о поэтѣ только предлогомъ для безмолвнаго, пригнетеннаго русскаго человѣка заявить о своей собственной особѣ, сказать публично, что и онъ изъ цивилизованныхъ

европейцевъ и если ничтоженъ въ настоящемъ, за то обѣщаетъ многое въ отдаленномъ будущемъ?

Въ древнемъ Римѣ существовало празднество, когда рабы и господа мѣнялись своими ролями: рабы пировали за столомъ, а господа имъ прислуживали, рабы пѣл, говорили, свободно предаваясь прихотямъ своего воображенія и темперамента, господа были осуждены на почтительное молчаніе и скромное созерцаніе рабскаго торжества. Они спокойно ждали слѣдующаго дня и отлично знали, что завтра самый громогласный рабъ будетъ у ихъ ногъ, воспримет какое угодно возмездіе за сегодняшнюю забывчивость и вполнѣ естественно перейдетъ къ своимъ ежедневнымъ обязанностямъ и отправленіямъ.

Сравненіе тягостное, но оно подсказывается превращеніями русскаго общественнаго мнѣнія. Именно пушкинскія годовщины какъ нельзя ярче освѣщаютъ горькую правду. Все, что только искони тяготѣло надъ нашей духовной жизнью, что порочило и унижало наше человѣческое достоинство, — все это неустанно, неотвязчиво преслѣдовало великаго поэта, превратило его жизнь въ сплошную агонію и привело къ страшному концу. Какого бы эпизода въ біографіи Пушкина мы ни коснулись, мы непремѣнно встрѣтимся съ тѣмъ или другимъ злымъ духомъ нашего историческаго бытія. Здѣсь все, что̀ когда-то предстало предъ растерзанной душой датскаго принца, съ одной лишь разницей: Гамлетъ о многомъ говорилъ по наслышкѣ, по книгамъ, Пушкинъ—все до послѣдней черты пережилъ и выстрадалъ:

> ... обиды, притѣсненья,
> Рядъ горькихъ мукъ обманутой любви,
> Стыдъ бѣдности, неправду власти, чванство
> И гордость знатныхъ родомъ...

Все это неизбѣжно вспоминается намъ при одномъ лишь имени поэта. Его жизнь неизгладимая страница нашей об-

щественной исторіи, и эта страница до сихъ поръ не сдана въ архивъ. Она безпрестанно переписывается и обновляется мѣняются собственныя имена, отчасти, видоизмѣняются факты по смыслъ текста остается ненарушимымъ. И вписывается онъ не одной какой либо внѣшней силой, надъ нимъ работаютъ преемники тѣхъ самыхъ авторовъ, которые когда-то усердно писали драму жизни Пушкина.

Они въ полномъ составѣ и во всеоружіи. Воскресни Пушкинъ и онъ немедленно встрѣтилъ бы на своемъ пути и Булгариныхъ, и Бенкендорфовъ, и неправду, и чванство, и гордость. Можетъ быть, ему не такъ пришлось бы страдать отъ „стыда бѣдности“, издатели ему платили бы больше и честнѣе, но все это не спасло бы его отъ презрѣнія презрѣнныхъ душъ. Его, можетъ быть, похоронили бы еще пышнѣе, чѣмъ въ 1837 году, но никакая сила не помѣшала бы ему съ его неуживчивой природой, страстнымъ сердцемъ, свободнымъ умомъ и врожденнымъ отвращеніемъ ко всякаго рода пресмыкающимся умеретъ преждевременно и наканунѣ смерти повторить ту же негодующую жалобу на свое рожденіе или заранѣе, подобно Тургеневу, бѣжать подальше отъ родственныхъ объятій соотечественниковъ.

Да, никакіе юбилеи и торжества не очистили и не озарили свѣтомъ низменнаго и жестокаго русскаго міра, никакіе чувствительные призывы не создали ни единенія, ни культурной терпимости, ни идейнаго уваженія даже въ литературѣ. И самый праздникъ можетъ явиться предлогомъ для междоусобной брани, ехидныхъ уликъ и припоминаній, партійныхъ разсчетовъ. *Нашъ* и *не нашъ* могутъ раздаться у самаго памятника Пушкина и вовсе не ради славы поэта, а во имя все того же мучительно безпокойнаго самопоядѣнія, свойственнаго рабскимъ душамъ.

Какой послѣ этого смыслъ въ тысячный разъ возглашать геніальность Пушкина, доказывать его народное и національное значеніе, прославлять всечеловѣчность его поэзіи!

Все это давно доказано, возглашено, все это — будничныя слова, и если ими еще могутъ люди заниматься, это доказываетъ обычную неприкосновенность этихъ людей къ самымъ простымъ и обязательнымъ культурнымъ истинамъ. Не въ этомъ долженъ состоять у насъ не только пушкинскій, а вообще всякій умственный праздникъ.

Другія общества, давно научившіяся глубоко понимать и честно цѣнить свою національную славу, имѣютъ право славословить своихъ геніевъ, какъ своихъ дѣтей, участвовать въ ихъ величіи, становиться подъ сѣнь ихъ памятниковъ и вѣнковъ: они — эти геніи, стали великими *въ согласіи* съ своимъ народомъ, при горячемъ сочувствіи своего общества. А наши великіе люди? Они жили и развивались *вопреки* окружавшей ихъ средѣ, *наперекоръ* внѣшнимъ и нравственнымъ условіямъ, при слишкомъ скромномъ и робкомъ участіи лучшихъ гражданъ своего отечества и при открытой вызывающей враждѣ сильныхъ числомъ и значеніемъ.

И кто рѣшиться сказать, что все это давно изжито нами, что мы не потерпимъ больше позорныхъ покушеній на красоту и славу нашей родины, что всѣ мы поспльно работаемъ ради всѣмъ нужныхъ истинъ, а не ради своихъ маленькихъ страстишекъ и соображеньицъ?.. Врядъ ли найдется такой наивный смѣльчакъ, иначе ему пришлось бы стать втупикъ предъ безчисленными явленіями нашей самой послѣдней современности. Противникъ могъ бы сразить восторженнаго патріота самымъ простымъ вопросомъ.

Въ письмѣ къ женѣ Пушкинъ коротко и сильно изображалъ свое существованіе въ Петербургѣ—это „жизнь между пасквилями и доносами“... Пусть какой-либо зритель или дѣйствующее лицо наступающихъ пушкинскихъ торжествъ скажетъ въ чистотѣ своего сердца и въ полномъ разумѣ, что подобная злокачественная атмосфера отошла въ область тяжелыхъ, но невозвратныхъ историческихъ воспоминаній.

Это не мыслимо, и, очевидно, торжества не могутъ быть

для насъ днями безусловно свѣтлыми и радостными. Они должны бы явиться для насъ скорѣе днями покаянія, чѣмъ торжества, днями углубленіями въ свою человѣческую и гражданскую совѣсть, строгой, нелицепріятной провѣрки своего настоящаго и накопленныхъ нравственныхъ задатковъ на будущее. У насъ въ прошломъ нѣтъ почти ни одного великаго представителя мысли и таланта, о комъ мы могли бы вспомнить съ радостной думой: вотъ какихъ людей создаетъ и воспитываетъ русская жизнь и вотъ какіе вожди вдохновляютъ насъ въ нашей общественной дѣятельности. каждымъ геніальнымъ именемъ у насъ непремѣнно связывается представленіе объ одиночествѣ *человѣка*, о злополучіяхъ *писателя*, объ угнетеніи и преслѣдованіи *мыслителя*. И эти имена стоятъ предъ нами живыми укорами въ нашемъ *праздничномъ* благородствѣ и будничномъ ничтожествѣ. И чѣмъ свѣтлѣе является намъ на пространствѣ десятилѣтій личность поэта, тѣмъ рѣзче оттѣняетъ она тьму, окружавшую его при жезни, не переставшую сопровождать его позднѣйшихъ наслѣдниковъ и неотвязно лежащую до сихъ поръ на путяхъ русской мысли.

„*Не зналъ свободы* онъ для гордыхъ вдохновеній“,—говорилось у памятника Пушкина, — и вотъ этотъ-то мотивъ долженъ быть преобладающимъ на чествованіяхъ всѣхъ, кому въ нашей исторіи были доступны гордыя вдохновенія. Не восхвалять надлежитъ намъ покойниковъ съ цѣлью бросить лучъ славы и чести и на самихъ себя, а *познавать самихъ себя* въ прошломъ и настоящемъ, не выкрикивать громкихъ самохвальныхъ рѣчей, не смѣшивать съ дѣтскимъ самоуслажденіемъ исключительно личнаго величія того или другого русскаго генія съ неслыханными доблестями русскаго человѣка вообще, а помнить, что до сихъ поръ этотъ заурядный русскій человѣкъ менѣе всего поощрялъ и гордость, и свободу вдохновеній, что въ обществѣ этого русскаго человѣка почти всегда бывали и душно, и тѣсно всякому таланту,

что даже въ минуты восторга русскій человѣкъ больше наслаждался своей мимолетно-свободной и благородной ролью, чѣмъ выражалъ жизненную основу своего гражданскаго бытія.

Да, мы не должны этого забывать: иначе мы дѣйствительно уподобимся однодневнымъ господамъ языческаго Рима. Именно такое зрѣлище представила толпа, дешедшая до самозабвеннаго восторга во время пророческаго упражненія Достоевскаго. Сколько фантастической, красивой лжи наговорилъ даровитый писатель! И особенно тамъ, гдѣ желалъ отуманить очи слушателей одуряющимъ куревомъ національной гордости. Какая сплошная неправда — самое громкое и „пьяное“ мѣсто рѣчи — апоѳеозъ Татьяны и въ лицѣ ея русской женщины! „Типъ положительной безспорной красоты“, это въ лицѣ женскаго существъ, сначала подпавшаго гипнозу каррикатурнаго Чайльдъ-Гарольда, а потомъ выполняющаго съ достоинствомъ въ теченіе всей жизни тунеядную и пошлую комедію великосвѣтскаго спектакля! Въ наилучшемъ случаѣ достойна глубокой скорби и христіанскаго состраданія эта красота, какъ и все безпомощное и нравственно-немощное. Именно съ чувствомъ жалости и грусти смотрѣль и самъ поэтъ на свою героиню. И ни на одну минуту новѣйшій упоенный пророкъ не задалъ себѣ вопроса: отчего же эта русская женщина, столь прекрасная и неподражаемая, до сихъ поръ не явилась спасти ни одного русскаго „скитальца“, разъ это не былъ какой-нибудь пронзительный Алеко, артистъ Евгеній Онѣгинъ или жестокій Печоринъ? Почему втунѣ для русской славы и русской геніальности пропадаютъ высшія добродѣтели Татьянъ—все равно, зачитываются ли эти чудныя героини чувствительными повѣстями или выходятъ замужъ по волѣ родителей за доблестныхъ генераловъ? И много другихъ вопросовъ можно бы задать сладкопѣвцу-патріоту, и каждый изъ нихъ былъ бы обличеніемъ всероссійскаго молодечества и недомыслія.

Да не будетъ больше такихъ подблюдныхъ празднословій!

Не хвалиться подобаетъ русскому человѣку тѣмъ, что въ его исторіи насчитывается десятокъ глубоко несчастныхъ и одинокихъ великихъ людей, а смотрѣть на ихъ судьбу, какъ на жестокій урокъ своему вѣковому культурному мелкодушію своей гражданской апатіи, своему обывательскому эгоизму. Ни въ одной литературѣ новаго времени нѣтъ такихъ горькихъ жалобъ писателей на свою отечественную поблику, ни одна страна такъ часто и настойчиво не являлась жестоковыйной мачихой своимъ благороднѣйшимъ дѣтямъ, ни одинъ читатель во всемъ цивилизованномъ мірѣ не вызывалъ у поэтовъ такихъ страстныхъ нареканій на *толпу* и *чернь*, и только въ русской литературной исторіи возможно *партійное* преслѣдованіе такого художника, какъ Тургеневъ, и такого критика, какъ Бѣлинскій, даже десятилѣтія спустя послѣ ихъ смерти... Это *всечеловѣкъ*, всеобщій братъ цѣлыми поколѣніями способный не понимать и непризнавать своихъ кровныхъ соотечественниковъ!..

Вотъ что слѣдуетъ вспоминать намъ на могилахъ нашихъ великихъ людей и долго еще, очень долго воздерживаться отъ національнаго самовосхваленія, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока пушкинская драма не исчезнетъ изъ нашего повседневнаго обихода до послѣдней черты, пока мы не научимся жить съ нашими великими людьми—не только хоронить и поминать ихъ.

Мы и не станемъ сплетать вѣнка изъ похвалъ и восторговъ на пушкинскую годовщину. Все это давно стало достояніемъ прошлаго. Мы займемся современностью, и ее мы отыщемъ не въ краснорѣчивомъ изображеніи пушкинскаго генія, не въ художественномъ или идейномъ разборѣ его произведеній, а въ точномъ историческомъ возсозданіи его личной и писательской драмы. Мы попытаемся разрѣшить самый простой вопросъ: кто былъ Пушкинъ какъ человѣкъ, чего онъ хотѣлъ какъ поэтъ, и какіе люди и обстоятельства встрѣтились его сердцу, уму и таланту? Предъ нами прой-

29273

Лен. Гос. 2

дутъ лица и факты не только нашего прошлаго, — у насъ безпрестанно будутъ возникать невольная мысль: какъ это современно! какъ это свѣжо и ново! И намъ не представится необходимости останавливать вниманіе читателя на особенно поучительныхъ чертахъ — предметъ слишкомъ краснорѣчивъ самъ по себѣ, у каждаго читателя, навѣрное, достаточный запасъ новѣйшихъ житейскихъ и литературныхъ впечатлѣній, и чужая исторія естественно сольется съ лично пережитымъ.

III.

Когда вы тщательно изучите жизнь Пушкина, оцѣните достовѣрныя мелчайшія черты его личности, соберете безпристрастные голоса современниковъ, взвѣсите признанія самого поэта, предъ вами непремѣнно воскреснетъ оригинальный образъ, созданный отчасти человѣческимъ воображеніемъ, очасти воплотившій въ себѣ подлинныя черты дѣйствительности, и много лѣтъ владѣвшій мыслью и чувствомъ западныхъ поэтовъ и политиковъ, — образъ *естественнаго человѣка*. Будто арабская кровь, унаслѣдованная Пушкинымъ, особенно приблизила его къ этому идеальному типу.

Свобода и непосредственность впечатлѣній, чуткая, неудержимая отзывчивость, мгновенно загорающаяся страсть, способность отдаваться наивнымъ, почти дѣтскимъ радостямъ, открытое незлобивое сердце — все это крупнѣйшія черты нравственной природы Пушкина. Генералъ Инзовъ, его начальникъ, писалъ о немъ: „онъ малый, право, добрый“. Именно такъ: не человѣкъ добрый, а добрый малый. Это значитъ—доброта инстинктивная, органическая, всегда безразсчетная и часто некстати стремительная. Пушкинъ *не понималъ* злости, какъ нравственнаго явленія: злой человѣкъ не входилъ въ его сознаніе, это нѣчто ненормальное, безгранично-*глупое*. Только дураки могутъ быть злыми, говорилъ поэтъ, и эта истина подсказывалась ему всей его при-

родой,—не умомъ, не идеалами, а прирожденными вкусами и наклонностями.

Отсюда способность поэта предаваться самой безоблачной, чисто дѣтской радости.

Когда на душѣ у него легко и онъ среди завѣдомо любящихъ его людей, онъ превращается въ ребенка, неумолкаемо говоритъ, хохочетъ на весь домъ, импровизируетъ стихи, сыплетъ остротами. Отъ его хохота, говорятъ намъ, можетъ встать умирающій. Это не Александръ Сергѣевичъ, а „Саша Пушкинъ“: такъ его называетъ большинство знакомыхъ и у каждаго изъ нихъ въ памяти цѣлый запасъ его школьническихъ проказъ и выдумокъ. Его веселость заразительна какъ все искреннее, его наивности забавны, его шутки вдвойнѣ увлекательны—и остроуміемъ, и чисто-ребяческой шаловливостью. Онъ самъ называетъ свою болтливость вѣтреной и *нѣжной* и ничто не могло сравниться съ обаяніемъ добрыхъ настроеній Пушкина. Настоящее геніальное дитя природы, окруженное и блескомъ исключительнаго ума и таинственной силой—очаровывать и подчинять!

И Пушкинъ чувствуетъ инстинктивное влеченіе ко всему естественному, органически-сильному и оригинальному. Онъ легко сходится съ простыми людьми, можно сказать влюбляетъ въ себя случайно встрѣченнаго мавра Али, по-пріятельски живетъ съ цыгаными, съ первой же встрѣчи вызываетъ у нихъ полное довѣріе и дружелюбіе, дикари поютъ ему свои пѣсни, посвѣщаютъ его въ свои нравы, съ свою вѣру, учатъ его своему языку, считаютъ его своимъ человѣкомъ. Тоже повторяется съ нищими и старцами. Пушкинъ заслушивается ихъ былинъ, вмѣстѣ съ ними самъ поетъ, и на деревенской ярмаркѣ, среди каликъ и лазарей онъ чувствуетъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ самомъ блестящемъ салонѣ. Чувствуется хорошо съ нимъ и всякому простому люду [1]).

[1]) *Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ. Могила Пушкина и село Михайловское.* 1859 г. часть 103.

Старые слуги перезабудутъ съ годами всѣ подробности изъ жизни покойнаго молодого барина, но одро обстоятельство они запомнятъ твердо и навсегда: „а добръ-то, добръ ужъ какъ былъ!“ Это, очевидно, самое яркое воспоминаніе, и его единодушно повторяютъ няня поэта, извозчикъ, часто его возившій, его крѣпостной кучеръ, всѣ, кто только близко его зналъ [1]).

То же самое остается и въ памяти дѣтей. Это одно изъ сильнѣйшихъ пристрастій Пушкина. Онъ любитъ ихъ не просто, какъ милую забаву, слушаетъ ихъ лепетъ не ради одной дешевой потѣхи, онъ любитъ самую ихъ природу, искреннюю и непосредственную. Онъ любитъ ихъ какъ нравственное и психологическоо явленіе, онъ внимательно присматривается къ ихъ безхитростной естественной воспріимчивости, слѣдить за ихъ впечатлительностью, онъ изучаетъ по нимъ природу въ ея чистомъ видѣ. И у него такъ много общаго съ дѣтьми!

Онъ не жалѣетъ времени на бесѣды и игры съ ребенкомъ, если у него живое воображеніе, если онъ воспріимчивъ къ простой поэтической красотѣ. Онъ изобрѣтаетъ для него даже особыя забавы, по цѣлымъ часамъ смѣшитъ его и самъ смѣется: онъ и здѣсь свой человѣкъ, потому что онъ предъ нимъ наивная красота человѣческаго нравственнаго міре, простѣйшія безсознательно-чистыя и изящныя впечатлѣнія [2]).

И Пушкинъ добръ чисто по дѣтски, безъ малѣйшихъ притязаній на имя благодѣтеля, гуманнаго человѣка. Доброта—одно изъ побужденій его организма. У него просятъ денегъ для одного бѣднаго семейства; онъ отдаетъ послѣдніе

---

[1]) *Воспоминаніе изъ дѣтства А. С. Пушкина. Всеобщая газета* 1869 г. № 60. *Изъ записной книжки Зеленецкаго. Къ біографіи Пушкина* Вып. II-й, стр. 96.

[2]) *А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ* кн. Вяземскаго. *Къ Біографіи*, стр. 35—6, 46.

50 рублей. Онъ пишетъ брату: „если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ шума, ни словеснаго, ни письменнаго“. И это порученіе дается, когда поэтъ самъ нуждается, когда онъ сидитъ въ ссылкѣ, когда его сочиненія едва-едва проходятъ сквозь тиски цензурю [1]).

Легко представить, какимъ благодарнымъ чувствомъ встрѣчаетъ Пушкинъ доброе отношеніе къ себѣ другихъ. Онъ будто ждетъ случая возможно рѣшительнѣе заявить свою признательность, свою горячую любовь. Его привязанность къ нянѣ—историческій памятникъ всей русской литературы. Ни въ чьей жизни не встрѣчается болѣе трогательной и краснорѣчивой черты, великій поэтъ называетъ „мамой“ крѣпостную крестьянку, она протестуетъ, онъ горячо доказываетъ ея жизненныя права на это имя [2]). И онъ пишетъ изъ невольнаго уединенія: „она единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно“ [3]).

Столь же искренняя привязанность къ учителямъ за малѣйшій проблескъ живой мысли. Пушкинъ многократно вспоминалъ о Галичѣ, называетъ его лучшими именами, какія только бывшій ученикъ можетъ дать своему учителю, онъ приноситъ „дань сердца и вина“, Куницыну, онъ на вѣки передаетъ потомству, что этотъ профессоръ *создалъ* лицеистовъ, *воспиталъ ихъ пламень, поставилъ краеугольный камень, возжегъ чистую лампаду*... Рѣдко кому выпадала такая честь и изъ такихъ устъ! И за что все это! Можно подумать, Галичъ особенно близко сошелся съ поэтомъ, вникъ въ его юношескія мечты и направилъ его молодыя стремленія. Ничего подобнаго: онъ былъ просто добрымъ, хорошимъ человѣкомъ, и это уже незабвенно для поэта.

---

[1]) *Русская Старина* 1880, XXVII, 144, 1879, XXVI, 304.
[2]) *Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. Ibid.*
[3]) Письмо изъ Михайловскаго, ноябрь 1824 г. *Сочиненіе.* Спб. 1887, VII, 96.

Еще меньше заслугъ за Куницинымъ. Главнѣйшая по отношенію къ лицеистамъ—рѣчь при открытіи лицея. Въ ней профессоръ сулилъ своимъ питомцамъ самое блестящее и благородное будущее государственныхъ дѣятелей, призывалъ ихъ къ гражданскимъ подвигамъ и добродѣтелямъ. И это запомнилъ поэтъ. Пусть вскорѣ Куницынъ превратится въ ремесленника-учителя, пусть примется изводить будущихъ благодѣтелей отечества безсмысленнымъ зубреніемъ тетрадокъ, пусть даже самъ первый, какъ владѣлецъ крѣпостныхъ душъ, отступитъ отъ своихъ либеральныхъ проповѣдей, онъ все-таки воспитатель и создатель. Нѣсколько свободныхъ словъ, нѣсколько болѣе или менѣе живыхъ лекцій, и поэтъ непремѣнно увѣнчаетъ своего наставника.

Благодарный ученикъ, онъ единственный, идеальный товарищъ. Царское Село для него „отчизна“, лицеисты „святое братство“ и онъ обѣщаетъ ему вѣрность до послѣдней минуты, гдѣ бы и какъ бы ему ни пришлось жить. И онъ держитъ свое слово. Онъ до самой смерти представляетъ прочную живую связь между товарищами. Его личность—центръ бывшихъ лицеистовъ, его стихи на лицейскія годовщины—важнѣйшій моментъ товарищескаго праздника. Онъ одновременно и слава лицея, и его душа, и среди лицеистовъ онъ—первый поэтъ Россіи—самый родной и близкій товарищъ.

У него есть избранники, особенно ему дорогіе, потому что дружба—одно изъ живѣйшихъ чувствъ пушкинской природы. Рѣдкій поэтъ умѣлъ говорить о дружбѣ такъ сердечно, съ такой трогательной нѣжностью и художественной красотой. Вчитайтесь, напримѣръ, въ слѣдующіе два стиха: они написаны по поводу новыхъ знакомствъ во время ссылки на югѣ. Посмотрите, сколько непосредственной любви и поэтической прелести въ каждомъ словѣ, въ самомъ выборѣ выраженій:

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

И Пушкинъ говоритъ о друзьяхъ, какъ о великой радости своей жизни, о дружбѣ, какъ о голодѣ своей души. Пущинъ для него „товарищъ милый, другъ прямой“. Пущинъ посѣщаетъ его въ изгнаніи и поэтъ не находитъ болѣе вразумительныхъ словъ для обоихъ и болѣе восторженныхъ для себя, чѣмъ сравненіе этого дня со „днемъ лицея“.

Еще ближе ему Дельвигъ — его „братъ названный“. Нѣжность къ нему безгранична. Онъ тоскуетъ о немъ въ разлукѣ: ему „мочи нѣтъ хочется Дельвига“. При свиданіи онъ осыпаетъ его поцѣлуями, цѣлуетъ у него руки, не можетъ наглядѣться на него. Дельвигъ тоже поэтъ, но предъ Пушкинымъ онъ едва мерцающая точка предъ солнцемъ. Это всѣ знаютъ, не желаетъ знать только Пушкинъ. Онъ упорствуетъ въ своихъ восторгахъ предъ талантомъ Дельвига и въ самоуниженіи. Онъ обвиняетъ себя въ тщеславіи, въ честолюбіи, въ легкомысленной растратѣ таланта и жизни. А Дельвигъ „геній свой воспитывалъ въ тиши“. На менѣе очарованный взглядъ, Дельвигъ просто былъ слишкомъ лѣнивъ, не обладалъ темпераментомъ и не зналъ никакой страсти: для Пушкина все это превращается въ великія, для него самого недосягаемыя достоинства. Онъ негодуетъ на несправедливость людей. Стихотворенія Дельвига отличались „необыкновеннымъ чувствомъ гармоніи“, „классической стройностью“ — и поэта никто не привѣтствовалъ. А стихи его — Пушкина — посредственные, только развѣ легкіе и отдѣланные въ мелочахъ — расхваливались и прославлялись.

Несправедливость, разумѣется, существовала только для слишкомъ благосклонныхъ глазъ Пушкина. Дельвиговская гармонія и стройность весьма родственна холоду и искусственности, чего не зналъ пушкинскій талантъ, зато Пушкину, въ посланіи къ тому же Дельвигу, пришлось, помимо похвалъ, упомянуть о завистн и клеветѣ, доставшихся не скромному гармоническому пѣвцу, а ему — легкомысленному и честолюбивому. Но дружескія чувства Пушкина остались

неизмѣнными. Смерть Дельвига поразила его, какъ страшное, неизбывное горе. Это первая смерть, имъ оплаканная. Она легла зловѣщей тѣнью на самое, повидимому, счастливое время поэта: онъ добился, наконецъ, руки любимой дѣвушки и готовился стать ея мужемъ. И поэтъ до конца своей жизни не могъ помириться съ этимъ горемъ, безпрестанно вспоминая о покойномъ другѣ, какъ о навѣки утраченной молодости. Смерть Дельвига легла гранью въ жизни Пушкина: „никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига“, писалъ онъ, жалуясь на свое сиротство.

Не съ такой нѣжностью любилъ Пушкинъ третьяго товарища—Кюхельбекера, но и къ нему его привязывало неизмѣнно искреннее чувство. У Кюхельбекера было не мало смѣшныхъ качествъ, благородные порывы у него выходили непремѣнно донъ-кихотствомъ, любовь—чувствительной и томительной меланхоліей, онъ давалъ обильную пищу остроумію товарищей. Пушкинъ называлъ его „сумасбродомъ“, „унылыхъ чувствъ искателемъ“ и Кюхельбекеръ даже однажды едва не подрался съ нимъ на дуэли за выраженіе „кюхельбекерно и тошно“. Но смѣхотворность чувствъ и романтичность характера не мѣшали Кюхельбекеру быть благороднымъ и добрымъ человѣкомъ. Онъ страстно увлекся политикой, принялъ участіе въ декабрьской смутѣ и подвергся одиночному заключенію въ Шлиссельбургѣ. Пушкинъ, вспоминая свою „суетную“ молодость и признавая суету несовмѣстимой съ поэзіей, обращается къ Кюхельбекеру:

Скажи, Вильгельмъ, не то-ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

И это не только стихотворныя чувства. Пушкинъ былъ крайне огорченъ судьбой товарища, ясно представлялъ весь ужасъ его заключенія и думалъ какъ-нибудь поддержать въ немъ бодрость духа. Онъ неоднократно добивается у властей разрѣшенія вступить въ переписку съ Кюхельбекеромъ, опъ памѣренъ доставлять ему свои произведенія, онъ цѣнитъ въ

немъ критическій талантъ и желаетъ слышать его голосъ... Старанія остались безуспѣшными.

Не одни только товарищи были такъ близки сердцу Пушкина. Онъ всегда шелъ навстрѣчу всему благородному и искреннему и съ первой же минуты отдавался увлеченію. Онъ случайно встрѣтился съ семьей генерала Раевскаго, до тѣхъ поръ онъ зналъ только младшаго сына генерала, но прошло всего нѣсколько дней, и Пушкинъ въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ людей. Въ старшемъ сынѣ генерала онъ провидитъ будущую знаменитость, „всѣ его дочери—прелесть“, „старшая—женщина необыкновенная“. И поэтъ счастливъ, наслаждается жизнью, какъ никогда, и не знаетъ, чему воспѣть болѣе восторженный гимнъ—южной природѣ или удивительнымъ людямъ?

Какая, очевидно, жажда любви и ласки жила въ сердцѣ Пушкина и съ какою радостью онъ спѣшилъ насытить ее! Всякое чувство у него принимало стремительный, страстный характеръ. Онъ не могъ только сочувствовать, благоволить, онъ непремѣнно увлекался, открывалъ въ человѣкѣ бездну достоинствъ, прощалъ ему недостатки, готовъ былъ поступиться своимъ самолюбіемъ, отдать въ распоряженіе человѣка всѣ сокровища своего ума и таланта.

И такъ происходитъ не только въ ранней молодости. Сердце Пушкина остается неизмѣннымъ, съ годами становится еще болѣе отзывчивымъ и безкорыстнымъ. Отношенія Пушкина къ Гоголю—одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чудныхъ эпизодовъ всей нашей литературной и общественной исторіи.

Пушкинъ встрѣтилъ бѣднаго, застѣнчиваго малоросса, по положенію отставнаго канцеляриста и съ самыми разнообразными планами будущаго. Сюда входили и слава актера, и дѣятельность писателя, и даже подвижничество ученаго. Кто могъ подозрѣвать, что въ этомъ мечтателѣ и неудачникѣ таится геніальный талантъ? А главное, кто былъ въ силахъ

не только открыть талантъ, но двинуть его на истинный путь, вдохновить его, обогатить нравственной силой и даже художественнымъ содержаніемъ? И все это совершаетъ Пушкинъ съ величайшимъ увлеченіемъ, не страшась новой восходящей звѣзды первой величины; напротивъ, всѣми силами стараясь облегчить и украсить ея восходъ.

Онъ становится опекуномъ Гоголя—его вдохновеній и мыслей. Онъ бесѣдуетъ съ нимъ по цѣлымъ ночамъ, указываетъ ему, какія книги слѣдуетъ прочитать, даетъ предварительныя объясненія, желаетъ внушить ему такое же строгое и отвѣтственное отношеніе къ умственному развитію и труду писателя, какое усвоилъ онъ самъ. Онъ, какъ отецъ, дѣлится съ нимъ своими творческими замыслами и, когда Гоголь пользуется его темой для *Мертвыхъ душъ*, онъ все прощаетъ ему ради его геніальнаго произведенія, онъ даже спѣшитъ признать, какихъ художественныхъ силъ недостаетъ ему, Пушкину, и какими въ изобиліи обладаетъ Гоголь.

И съ Гоголемъ совершается преобразованіе. Съ этихъ поръ писательство для него великій нравственный долгъ и вѣчное обязательство предъ геніальнымъ поэтомъ и руководителемъ. Больше не будетъ напечатано ни одной строки безъ вѣдома Пушкина. Рукописи посылаются ему на просмотръ, Гоголь умоляетъ своего судью „сдѣлать хотя сколько-нибудь главныхъ замѣчаній“. И Пушкинъ дѣлаетъ больше: онъ восторженно привѣтствуетъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и эти слова останутся для молодаго таланта вѣрнѣйшимъ напутствіемъ къ славѣ и величію, они также будутъ едва ли не высшей радостью для Гоголя, какъ человѣка.

Такъ онъ заявилъ въ своемъ письмѣ по смерти Пушкина. Достаточно было бы этихъ строкъ, чтобы навсегда въ нашемъ прошломъ личность поэта осталась въ ореолѣ идеальнаго благородства и человѣчности. Не часто проливаются такія слезы и по самымъ близкимъ и роднымъ людямъ, и Гоголь, говоря о своей горячей любви къ матери, сознается,

что ея смерть не могла бы до такой степени огорчить его. Ему кажется, жизнь вообще утратила для него всякую привлекательность, онъ долго не можетъ приняться за работу: онъ, вѣдь, привыкъ считать ее внушеніемъ Пушкина; „ни одна строка не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ“. И работа продолжалась потому, что автора осѣняла мысль: *онъ* будетъ доволенъ, *ему* вотъ это непремѣнно понравится... А теперь? что значатъ толки и мнѣнія, когда нѣтъ его *вѣчнаго* и *непреложнаго* слова...

И Пушкинъ останется для Гоголя до послѣднихъ его дней *прекраснымъ сномъ* его жизни... Чтобы внушить такую память, чтобы вызвать такое горе, надо обладать сердцемъ рѣдкой нравственной силы и красоты, надо хотѣть и умѣть любить людей, надо достигнуть высшей цѣли, какую только можетъ поставить себѣ человѣческая доброта: въ своей личности явить радость и счастье другихъ.

Но на свѣтѣ существуетъ еще другая любовь, помимо благодарности, дружбы, товарищескихъ привязанностей. Она должна особенно глубоко владѣть страстной вдохновенной природой великаго поэта, она вѣдь вѣчная спутница даже у людей самыхъ будничныхъ и у поэтовъ самыхъ прозаическихъ.

IV.

Пушкинъ и стихами, и поступками стяжалъ у современниковъ очень нелестную романическую славу. Кого только не воспѣвала его муза? Кажется, женщинъ всѣхъ національностей и общественныхъ положеній, и пѣсни, разумѣется, не были платоническимъ упражненіемъ. Онъ смѣялся надъ „бѣшенствомъ безплоднаго желанья“, надъ „неблагодарнымъ мечтаньемъ“, онъ не понималъ наслажденія въ слезахъ, унылыхъ чувствахъ: любовь представлялась ему страстнымъ изступленіемъ, мучительно-сладостнымъ трепетомъ, безумнымъ

воплемъ о счастьѣ, даже когда оно достигается жертвой невыносимыхъ страданій и омраченнаго разсудка.

И Пушкинъ не говорилъ фразъ: онъ дѣйствительно только такъ и могъ любить и часто, слишкомъ часто выполнялъ свое же правило:

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей...

И Пушкинъ былъ молодъ... На языкѣ даже близко знавшихъ его людей это называлось самыми страшными именами, и Пушкинъ не открещивался отъ нихъ. Напротивъ, его постоянно посѣщали покаянныя настроенія, онъ съ глубокой грустью припоминалъ свои „изступленія“, своихъ богинь и вдохновительницъ и онъ говорилъ тогда:

Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

И подобныя чувства не могли не быть не искренними. Пушкинъ не скрывалъ ихъ. Онъ даже рисковалъ подвергнуться нареканіямъ за измѣнчивость своего сердца, за непримиримое противорѣчіе собственнымъ нерѣдко столь еще недавнимъ признаніямъ. И его дѣйствительно укоряли. Онъ вдругъ, совершенно неожиданно, начиналъ издѣваться надъ милыми дѣвицами, которыхъ раньше осыпалъ любезностями, посвящалъ имъ стихи, видѣлъ въ нихъ чуть не радость и свѣтъ своей жизни.

Онъ, напримѣръ, находился въ большой дружбѣ съ дочерьми г-жи Осиповой, его сосѣдки по Михайловскому, писалъ въ альбомы стихи, неутомимо странствовалъ съ ними до поздней ночи по берегамъ живописной Сороти, и вдругъ тѣ же милыя псковскія красавицы должны были прочитать слѣдующее убійственное привѣтствіе:

Ты, губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ!
Что, можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ...

Это было ужасно, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, каждая изъ этихъ злополучныхъ, плаксивыхъ жертвъ поэтическаго смѣха, свободно годилась въ Татьяны.

Легко представить, такія перемѣны чувствъ не могли нравиться ни псковскимъ, ни одесскимъ, ни петербургскимъ кратковременнымъ властительницамъ пушкинскаго сердца и вдохновенія. И кругомъ виноватымъ оказывался, конечно, поэтъ. Для барышень и ихъ сочувственниковъ это было вполнѣ ясно.

На самомъ дѣлѣ, вопросъ гораздо сложнѣе и любопытнѣе, чѣмъ первое попавшееся подъ руку соображеніе о легкомыслiи поэта. Онъ оставался искреннимъ отъ начала до конца и въ своихъ увлеченіяхъ, и въ своихъ разочарованіяхъ. Никто благороднѣе его не умѣлъ говорить о чувствѣ любви, никто рыцарственнѣе не смотрѣлъ на него, разъ оно дѣйствительно было чувствомъ и любовью. Еще до знакомства съ псковскими барышнями, на югѣ, въ самый разгаръ увлеченій мгновеньями, Пушкинъ полюбилъ. И посмотрите, какъ онъ лелѣетъ свою любовь, какъ онъ бережетъ ее отъ посторонняго взгляда, какъ онъ чтитъ ее, будто священнѣйшую тайну. И все это тѣмъ замѣчательнѣе, что любовь поэта не встрѣтила взаимности.

Одна мысль о *ней* внушаетъ ему картины поразительной прелести и дѣвственнаго благородства: въ русской поэзіи безпримѣрная музыка звуковъ и изящество образовъ! И такъ умѣлъ говорить поэтъ, весь охваченный огнемъ страсти, трепетавшій до послѣдняго нерва въ порывѣ могучаго желанія!

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,

Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!..

Но онъ не желаетъ открыть *ея* имени даже друзьямъ, не желаетъ отдавать въ печать стиховъ съ прозрачными намеками на *нее*. Опъ горько жалуется на пріятеля, напечатавшаго элегію съ его откровенными сердечными изліяніями. *Она* прочтетъ, припомнитъ описанную сцену и подумаетъ,—ея имя—такое же достояніе другихъ, какъ и стихи. Развѣ она обязана знать, что поэтъ никому не открывалъ ея, что стихи попали въ печать безъ его вѣдома? И онъ негодуетъ, потому что „одной мыслей этой женщины дорожитъ болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публикой“ [1]).

И никогда потомъ не пришла поэту прихотливая мысль посмѣяться надъ своей былой тоской, надъ непризнанными вздохами. *Она* такъ и осталась на высотѣ, недоступной для смѣха.

Иная судьба другихъ, воспѣтыхъ въ началѣ не менѣе вдохновенно. Напримѣръ, знаменитое посланіе „Я помню чудное мгновенье“, и эта неподражаемая, вся звучащая грустью и тоской, картина одиночества.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...

Явилась *она*, и для поэта воскресли и жизнь, и любовь, и вдохновенье.

Кажется, на что обаятельнѣе? Такъ не говорятъ комплиментовъ, и поэтъ былъ искрененъ и страстно увлеченъ. Но прошло всего два-три мѣсяца и въ письмахъ начинаетъ

---

[1]) Письмо къ А. А. Бестужеву, 29 іюня 1824, VII, 81—82.

звучать какая-то странная нота. Правда, непрестанно говорится о любви, и очень большой, поэтъ умираетъ отъ скуки, можетъ заниматься только *ею*... Такъ именно сочиняются любовныя посланія, но зачѣмъ же столь порывистыя чувства сопровождаются явной насмѣшкой, весьма двусмысленной игрой словъ, приглашеніемъ пріѣхать въ Михайловское, конечно, весьма любезнымъ, но въ то же время какимъ-то легкомысленнымъ, съ затаенной ироніей на счетъ возможности для молодой супруги отдѣлаться отъ стараго мужа? Поэтъ, наконецъ, и самъ опоминается: нельзя въ такомъ тонѣ писать о такихъ вещахъ любимой женщинѣ, „поговоримъ серьезно“, заявляетъ онъ рѣшительно, но серьезность такъ и не дается: поэтъ даже грозитъ влюбиться въ кого-нибудь, если его героиня не увидится съ нимъ...

Очевидно, это не вдохновеніе стихотворнаго посланія и не его чувства, и вскорѣ поэтъ пуститъ по адресу очаровательной и весьма еще недавно обожаемой г-жи Кернъ забавную остроту. Онъ воспользуется чужими стихами и два самыхъ романическихъ и восторженныхъ опъ подмѣнитъ самыми холодными и для бывшей героини „чуднаго мгновенія“ весьма обидными:

Когда стройна и свѣтлоока
Передо мной стоитъ она...
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена!..»

Почему же такая разница въ судьбѣ двухъ, повидимому, одинаково поэтическихъ увлеченій поэта? Отвѣтъ возможенъ только одинъ—самый простой и логическій. Не всякій „идолъ“ способенъ былъ остаться на высотѣ, куда его въ первую минуту живыхъ впечатлѣній возносило воображеніе поэта. Очевидно, существовалъ выборъ и онъ именно доказывалъ искренность раскаянія, силу и значительность чувства и нравственный характеръ запросовъ къ любви.

Все это привело Пушкина къ рѣшенію жениться. Оно

не могло бы до такой степени овладѣть поэтомъ, если бы для него вся жизнь сердца сводилась къ мгновеньямъ. Мысль о бракѣ совпала у Пушкина съ непреодолимымъ отвращеніемъ къ даромъ потерянному времени и всуе растраченной поэтической силѣ. Онъ намѣренъ окончательно порвать съ „идолами“ всякаго рода и пола. Онъ теперь сторонится отъ веселыхъ обществъ и пишетъ откровенныя исповѣди друзьямъ своихъ холостыхъ удовольствій: „Молодость моя прошла шумно и безплодно... Счастья мнѣ не было“. И Пушкинъ видѣлъ въ будущемъ упорный, неустанный трудъ. Онъ не ждалъ розъ и радостей: все это онъ приметъ какъ неожиданность. Онъ готовился нести честно и бодро бремя мужа и отца.

И онъ принялъ на себя это бремя сознательно, какъ долгъ, какъ поруку плодотворнаго и многотруднаго будущаго.

Пушкинъ—мужъ!.. Трудно и представить, какъ странно звучало это для самыхъ искреннихъ друзей поэта. Они боялись за него по многимъ и самымъ разнообразнымъ соображеніямъ: страшились неминуемаго рабства предъ семейными обязательствами, плохо вѣрили въ его постоянство, не ждали добра для его таланта и для его личнаго характера. И все-таки Пушкинъ женился.

Предварительно онъ, конечно, воспѣлъ „торжественную красу“ своей будущей жены, пережилъ не мало волненій и мукъ самолюбія и влюбленнаго сердца, добиваясь руки красавицы. Цѣль, наконецъ, достигнута. Какая трогательная и въ то же время болѣзненно напряженная исторія—семейная жизнь Пушкина!

Онъ создалъ себѣ семью, весь переполненный жаждою прочнаго сердечнаго счастья, тоскующій о подругѣ—хозяйкѣ и о дѣтяхъ. Въ немъ, оказалось, таился идеальный супругъ и отецъ—неусыпно-заботливый, рыцарственно-честный и откровенный, патріархальный по горячей привязанности къ *своимъ*, по стремленію входить во всякую мелочь семейнаго благополучія.

Письма Пушкина къ женѣ—единственные въ своемъ родѣ документы. Ни одинъ великій поэтъ не оставилъ такого краснорѣчиваго, такого живого и глубоко-трагическаго свидѣтельства о своей простой, благородной и величавой личности. Пушкинъ не могъ быть вполнѣ откровеннымъ: его письма вскрывались полиціей, прочитывались почтовыми чиновниками и администраціей. Мы увидимъ, какой смыслъ имѣло это обстоятельство въ жизни поэта, но по временамъ онъ будто забывалъ, что его подслушиваютъ нечистоплотные уши, и какъ онъ умѣлъ тогда говорить! Эта чудная сжатость рѣчи, сила выраженій, сердечность тона и въ глубинѣ—безпокойное страдальческое чувство, трепетный страхъ за безконечно-дорогихъ людей, пламенное негодованіе на все, что только грозитъ ихъ покою, довольству, достоинству.

Ни въ одной самой поэтической поэмѣ нельзя найти такой полной, могучей, самодовлѣющей любви. Каждое будто мимоходомъ брошенное нѣжное слово стоитъ самыхъ живописныхъ и рѣчистыхъ упражненій на романическія темы, и это слово всегда въ высшей степени просто, нерѣдко даже грубовато, народно: отъ него дышитъ органической силой великой личности!

Пушкинъ въ непрерывной работѣ. Онъ часто покидаетъ жену, чтобы въ уединеніи, вдали отъ столичнаго общества, предаться труду. Собираясь писать исторію Пугачевскаго бунта, онъ отправляется въ далекое путешествіе, на Волгу, живетъ по три мѣсяца въ степной глуши, скачетъ по большимъ дорогамъ—и все для нея, жены и дѣтей. На себя онъ тратитъ возможно меньше, дурно одѣвается, вдали отъ жены живетъ отшельникомъ, и все затѣмъ, чтобы его жена была одѣта не хуже другихъ, чтобы она—красавица и свѣтская дама—веселилась и блистала. „Будь молода,—пишетъ онъ ей,—потому что ты молода, и царствуй, потому что ты прекрасна“.

Уѣзжая изъ дому, онъ не забываетъ мельчайшихъ вопро-

совъ касательно здоровья жены и даже ея хозяйства. Онъ даетъ ей подробныя наставленія, какъ вести себя во время беременности, убѣждаетъ ее быть умной, это значитъ—„здоровой и спокойной“, умоляетъ беречь себя—„сдѣлать милость—не простудиться“. Онъ не желаетъ, чтобы она больная писала ему длинныя письма и въ точности описываетъ режимъ, какого она должна держаться.

Не меньше приходится заботиться и объ общественныхъ отношеніяхъ жены. У нея нѣтъ такта въ знакомствахъ: она не всегда умѣетъ сохранять свое достоинство въ чванной, но рабской средѣ, дѣлаетъ визиты невпопадъ: все это надо предусмотрѣть и объяснить. Онъ жестоко страдаетъ отъ одной мысли, что его жена потерпитъ униженіе, вдругъ окажется гдѣ-нибудь обойденной, превратится въ просительницу. Еще сильнѣе безпокоится онъ на счетъ ея свѣтскихъ знакомыхъ франтовъ. Они такъ склонны и способны говорить пошлости и глупости, признаваемыя въ свѣтѣ любезностями и остроуміемъ. Ихъ такъ легко поощрить самымъ пустымъ кокетствомъ, особенно красавицѣ, и Пушкинъ долженъ и здѣсь просить, умолять, настаивать не увлекаться дешевыми побѣдами, уяснить себѣ разъ навсегда цѣну свѣтскихъ ухаживаній.

Тяжело давать эти совѣты и въ то же время не допускать мысли, чтобы красивая молодая женщина изъ-за пошляковъ могла отказаться отъ свѣта и удовольствій.

Другая столь же неотступная забота—дѣти. Пушкинъ безпрестанно говоритъ о нихъ, дѣлаетъ женѣ указанія, какъ за ними ухаживать, кормить и лѣчить. Ему думается, что дѣти пострадали при переѣздѣ на другую квартиру, и онъ спѣшитъ навести справку. Но особенно мучительна для него мысль объ ихъ будущемъ. Онъ ужасается, что можетъ оставить дѣтей безъ средствъ: что они тогда скажутъ объ отцѣ? „Утѣшенія имъ мало будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута и, что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на аничковскихъ балахъ“.

Дома Пушкинъ является образцомъ кротости и благодушія. „Самый счастливый характеръ для семейной жизни,—говоритъ братъ жены поэта,—ни взысканій, ни капризовъ“. Онъ могъ разсердиться только отъ одного нарушенія порядка, если кто являлся въ его кабинетъ отъ часу до трехъ: это время онъ работалъ [1]).

Къ такому концу пришли всѣ бурныя увлеченія молодости, многочисленныя смѣны идоловъ! Поэтъ хотѣлъ только труда и семейнаго покоя,—онъ говорилъ:

Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Да щей горшокъ, да самъ большой...

И рѣдкій идеалъ выполнялся съ такимъ достоинствомъ, съ такой любовью, и врядъ ли кто былъ достойнѣе такого простого непритязательнаго счастья. И врядъ ли для кого оно окончилось несправедливѣе и трагичнѣе...

V.

Если весьма многихъ удивило превращеніе Пушкина въ мужа и отца,—еще менѣе понятной новостью для свѣта и даже для друзей поэта было представленіе о блестящемъ поэтѣ, какъ труженикѣ ума и знанія. Оно совершенно не мирилось съ общеизвѣстнымъ Пушкинымъ, героемъ безчисленныхъ исторій, неукротимымъ острословомъ, способнымъ сыпать риѳмами—гдѣ угодно и когда угодно—въ свѣтской гостиной, въ товарищеской пирушкѣ, у горы Бештау, на берегу Чернаго моря. И, казалось, ничего не могло быть естественнѣе—примѣнить къ самому поэту его отзывъ объ образованіи его героя: учился понемножку, чему-нибудь и какъ-нибудь...

И вдругъ, всему этому послѣдовало опроверженіе и чрезвычайно внушительное. Пушкина возвращали изъ ссылки,

[1]) *Русск. Стар.* 1880, XXVIII, 95.

его принялъ императоръ Николай, долго съ нимъ бесѣдовалъ и по Москвѣ потомъ разнесся слухъ, будто государь сказалъ вечеромъ въ тотъ же день одному изъ сановниковъ: „Знаешь, что я нынче говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи“.

А дальше уже былъ не слухъ, а достовѣрный фактъ: государь поручилъ Пушкину составить записку о народномъ воспитаніи. Это вопросъ государственный и его предоставлялось обсудить стихотворцу, нѣсколько лѣтъ просидѣвшему въ изгнаніи за неосновательный и даже преступный образъ мыслей.

Какъ это могло случиться? Очевидно, Пушкинъ *кое-что* зналъ и думалъ, и на самомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ полагалъ даже Николай I.

Вся жизнь поэта дѣлится на двѣ параллельныхъ полосы. Одна—всѣмъ видимая и всѣми оцѣненная, другая—тайная, личная, одна—полна шума, удовольствій, другая вся занятая трудомъ и размышленіемъ. И поэтъ не скрывалъ этой двойственности. Онъ часто, во всѣ періоды своей жизни, говоритъ объ уединеніи, о счастьѣ—думать и читать вдали отъ людей. Въ ранней молодости онъ воспѣлъ свою чернильницу „подругу думы“: съ ней онъ забывалъ условный часъ похмелья и праздничный бокалъ. „Часы печали томной“ коротались вдохновеньемъ, и муза ласково нашептывала одинокому поэту риѳмы и подсказывала ему—одну за другой—темы для стиховъ. И поэту общество всегда казалось цѣпями для сердца и вдохновенія. „Тихій трудъ“ и „жажда размышленій“ манили его въ одиночество и тамъ—говорилъ онъ:

Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Эта программа выполняется неуклонно, сначала безсознательно въ дѣтствѣ, потомъ съ твердымъ намѣреніемъ

„вознаградить недостатки проклятаго воспитанія“. Въ родительскомъ домѣ онъ перечитываетъ французскую библіотеку отца, къ двѣнадцати годамъ изумляетъ учителей и родныхъ обширными познаніями во французской литературѣ. Въ лицеѣ онъ не перестаетъ читать — страстно, усидчиво и въ высшей степени основательно. Онъ читаетъ съ перомъ въ рукахъ, дѣлаетъ выписки и замѣтки. Онъ *наслаждается* и *учится*. По его словамъ, онъ часто тайно, въ своей комнатѣ съ восторгомъ забываетъ цѣлый свѣтъ, его друзья — мертвецы надъ простою полкой, они живутъ съ нимъ.

И мы узнаемъ подробно имена этихъ друзей. Цѣлая энциклопедія изъ поэтовъ и критиковъ, русскихъ и иностранныхъ, и насколько хорошо съ ними познакомился молодой читатель, онъ вскорѣ докажетъ своими по-истинѣ безсмертными приговорами о крупнѣйшихъ фактахъ родной и чужой поэзіи.

Но чтеніемъ не ограничивается духовная работа Пушкина. Читая книги, онъ изучаетъ людей, жизнь и самого себя. Въ лицеѣ онъ начинаетъ записывать выдающіеся случаи изъ своей жизни, въ стихахъ же безпрестанно говоритъ о своемъ нравственномъ мірѣ, о своихъ думахъ наединѣ, предъ нами не по лѣтамъ развитое самосознаніе и врожденная наклонность отдавать себѣ отчетъ въ прожитомъ и наблюденномъ. Отсюда — горячій интересъ къ современнымъ историческимъ событіямъ. Пушкинъ-лицеистъ становится поэтомъ-лѣтописцемъ великой эпохи. Онъ вдохновенно отзывается на пожаръ Москвы, онъ усиливается осмыслить судьбу Наполеона и опредѣлить славу русскаго императора. Онъ выполняетъ задачу съ чувствомъ искренняго, отчасти наивнаго патріотизма, о Наполеонѣ говоритъ слишкомъ по московски, готовъ превратить французскаго цезаря въ колѣнопреклоненнаго почитателя русскаго царя. Но для насъ любопытны не столько идеи шестнадцатилѣтняго политика, сколько его глубокое любопытство къ историческимъ фак-

тамъ: оно ручается за совершенствованіе идей, оно, кромѣ того, показываетъ, какіе мотивы увлекаютъ молодой талантъ, свидѣтельствуетъ объ его значительныхъ и жизненныхъ задачахъ.

И самъ поэтъ сознаетъ это вполнѣ. Среди товарищей онъ авторъ безчисленныхъ эпиграммъ, любовныхъ посланій, пѣвецъ лицейскихъ шалостей, неутомимый и веселый производитель риѳмъ и стишковъ. Но для самого себя онъ и еще кое-что. Онъ чувствуетъ въ себѣ нѣкую исключительную силу и проникается инстинктивнымъ уваженіемъ къ ней. Онъ, независимо отъ какихъ бы то ни было теорій и идей, не можетъ легко и небрежно смотрѣть на даръ поэта. Геній—его личность, его натура, его *я*, и онъ погрѣшилъ-бы непростительнымъ самоуниженіемъ, если бы отнесся шутя и небрежно къ своему чудному дару пѣсенъ.

И Пушкинъ еще въ лицеѣ составляетъ свою теорію словесности—независимо отъ образцовъ и учителей. Онъ различаетъ стихотворца и поэта. Онъ признаетъ нужнымъ *учиться своему искусству*. Онъ крайне осторожно обращается съ своимъ авторскимъ именемъ, съ трудомъ рѣшается печатать свои стихи и очень неохотно подписывается подъ ними. Впослѣдствіи будутъ случаи, когда онъ по цѣлымъ годамъ станетъ вынашивать и отдѣлывать какое-либо стихотвореніе, напримѣръ, свой окончательный судъ надъ Наполеономъ. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о мнѣніи публики, будто стишки для поэта забава и междудѣлье: стоитъ присѣсть, воспѣть какую-нибудь красавицу,—и слава и деньги готовы. Такъ можетъ судить дѣйствительно только чернь, разсуждающая всегда только по внѣшнимъ впечатлѣніямъ и никогда неспособная проникнуть въ душу человѣка и писателя. Такимъ читателямъ достаточно услышать два-три стихотворныхъ каламбура, ознакомиться съ пикантнымъ сонетомъ, и мнѣніе о поэтѣ готово: онъ и есть, и будетъ легкокрылый наперсникъ харитъ и грацій; все, что не похоже на любовное

риѳмоплетство и не напоминаетъ бойкой эпиграммы,—странность и случайность.

Именно Пушкинъ особенно прочно стяжалъ эту славу, и ему придется бороться съ ней до конца своихъ дней. Но онъ не прерываетъ работы надъ самимъ собой, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. На югѣ онъ окруженъ въ высшей степени безтолковой средой, безпрестанно попадаетъ въ разныя исторіи, неоднократно изъ-за пустяковъ играетъ своею жизнью, но бенедиктинецъ въ немъ не умираетъ, сказывается часто совершенно неожиданно. Именно, на югѣ у Пушкина ярко обнаруживается замѣчательная наклонность къ *историческому* воззрѣнію на прошлое и настоящее. Онъ желаетъ изучить основу, почву и развитіе извѣстныхъ явленій. Ему нужно не отвлеченное преднамѣренное освѣщеніе дѣйствительности, а логика фактовъ. Поэтъ, оказывается, таитъ въ себѣ мыслителя и ученаго. Впослѣдствіи, выработается политика, можетъ быть, пушкинская политика не будетъ стоять на высотѣ желательныхъ идеаловъ, но мы не должны забывать, какая *исторія* была въ его распоряженіи и по какой минувшей и современной дѣйствительности составлялись его идеалы.

Одинъ изъ его знакомыхъ, генералъ Раевскій, много разсказываетъ ему объ екатерининскомъ времени. Этого достаточно, чтобы Пушкинъ увлекся XVIII вѣкомъ, и не какъ классической эпохой всевозможныхъ приключеній, полуазіатскихъ дикостей, полуевропейскихъ пороковъ. Нѣтъ, поэта занимаютъ мысли о главнѣйшихъ историческихъ силахъ Россіи, онъ старается уяснить себѣ политическую основу власти Петра, Екатерины, нарисовать нравственный образъ прославленной императрицы. И онъ достигаетъ своей цѣли.

Прочтите характеристику Екатерины II, ея любимцевъ, ея внутренней политики, уничтожающій приговоръ надъ выскочками, повелителями порабощеннаго народа. Пушкинъ не забываетъ оцѣнить по достоинству и такъ называемый про-

свѣтительный зудъ ученицы Вольтера, напомнить о судьбѣ Новикова, Радищева, о недостойной комедіи съ *Наказомъ* и коммиссіей депутатовъ. Мимоходомъ бросается истинно-государственная идея о плачевномъ вліяніи невѣжественнаго и бѣдствующаго духовенства на религіозность, нравственность и просвѣщеніе русскаго народа...

Критика получается сильная и менѣе всего подсказанная поэтическимъ воображеніемъ, и заканчивается она отповѣдью, которая сдѣлала бы честь и позднѣйшимъ ученымъ и публицистамъ:

„Простительно было фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины, но подлость русскихъ писателей для меня непонятна“.

Этотъ выводъ не останетси у Пушкина навсегда, отношеніе къ Радищеву со временемъ измѣнится, но мы пока не судимъ политическихъ воззрѣній поэта: мы желаемъ только показать полноту его умственной жизни, разносторонность его духовной работы.

Русскій восемнадцатый вѣкъ уживается рядомъ съ Байрономъ, съ англійскимъ языкомъ, съ усиленными поисками настоящей непогрѣшимой литературной школы. Съ французской словесностью счеты подводятся окончательно. Для Пушкина больше не можетъ быть и рѣчи о поэтическомъ достоинствѣ классическихъ трагедій, для него вообще и вся французская поэзія *робка* и *жеманна*, а главное, напыщенна, нереальна. Онъ хотѣлъ бы уничтожить ея *маркизовъ*. Онъ ясно видитъ, какъ мало знали человѣческую природу французскіе геніи, какъ они ловко цѣлую человѣческую личность подмѣняли одной какой-либо страстью, и еще никто такъ блистательно и убійственно не смѣялся надъ галломаніей; какъ этотъ питомецъ французскихъ гувернеровъ и книжекъ.

И съ каждымъ днемъ міросозерцаніе поэта растетъ и ширится. Его постигаетъ ссылка, одиночное заключеніе въ

глухой деревнѣ,—онъ взываетъ къ друзьямъ: „книгъ! ради Бога—книгъ!“ И онѣ идутъ къ нему въ громадномъ количествѣ. И чего только здѣсь нѣтъ! Библія, Коранъ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, *Меморіалъ св. Елены*, *Записки Фуше*, Шекспиръ, Карамзинъ... Впослѣдствіи изъ Михайловскаго придется отправить въ Петербургъ нѣсколько возовъ книгъ.

И все это читается, вызываетъ обмѣнъ мыслей съ друзьями, но прежде всего упорную личную работу. Она, разумѣется, непосредственно отражается на творчествѣ. Коранъ, русскія лѣтописи, *Исторія* Карамзина, Шекспиръ становятся источниками вдохновенія, и трудно рѣшить, что въ результатѣ болѣе дѣлаетъ чести поэту—его ли многообразный геній, или добросовѣстный трудъ?

Изучать за тѣмъ, чтобы творить, думать съ цѣлью создавать образы, писать ради умственнаго и нравственнаго просвѣщенія своего народа—такова эстетика Пушкина. Для искусства—строгій, искренній, глубокій реализмъ, для мысли—значительность, жизненность, народность идей, для формы—простота, изящество, идеальная чистота языка.

Реализмъ!—какое для насъ обыкновенное слово, и какое странное, непереводимое понятіе для современниковъ Пушкина! Классицизмъ, романтизмъ—это вполнѣ ясно, а особенно какая прелесть все романтическое, необычайное, неслыханно-красивое, недосягаемо-могучее, и, конечно, неразгаданное. Шиллеръ, Байронъ, Гюго, даже Альфредъ де-Виньи—эти истинныя солнца поэзіи, и всякій другой поэтъ можетъ свѣтить только родственнымъ, отъ нихъ же заимствованнымъ свѣтомъ.

И Пушкинъ—молодой, страстный и рыцарственный—согласенъ. Онъ также грезитъ демономъ, бѣднымъ скитальцемъ и одиночкникомъ, постарѣвшимъ не отъ лѣтъ, а отъ роковыхъ страстей, сочиняетъ очаровательныя поэмы небесной женской любви мужского нечеловѣческаго равнодушія... Дань уплачивается сполна неотразимому властителю думъ,

но только затѣмъ, чтобы очень скоро взглянуть на него трезвымъ, безпощадно-критическимъ взоромъ.

Едва *Кавказскій плѣнникъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ* закончены и вызваны всеобщіе восторги, самъ творецъ ихъ уже недоволенъ: онъ смѣется надъ своими героями, онъ рѣзко осуждаетъ содержаніе поэмъ, онъ успѣлъ перерости ихъ, и не только ихъ, а и самого вдохновителя. Онъ понимаетъ сущность байронизма такъ просто и вѣрно, какъ долго не поймутъ призванные критики и ученые. Онъ въ письмѣ къ пріятелю произнесетъ слова! роковыя для англійскаго поэта, какъ лирика: „постепенности въ немъ не было“, и уничтожитъ его, какъ драматурга: Байронъ понималъ только одинъ характеръ — свой собственный и надѣлялъ героевъ разныхъ драмъ разными чертами своей личности. Онъ не могъ создать трагедіи, не нарисовалъ ни одного живого драматическаго лица.

Возможно ли точнѣе опредѣлить лирическаго пѣвца молодыхъ безотчетныхъ стремленій къ волѣ и наслажденію, — пѣвца не мыслителя, не искателя опредѣленныхъ жизненныхъ идеаловъ, пѣвца лишь непосредственныхъ чувствъ — негодованія и страсти?

И Байронъ становится для Пушкина однимъ изъ невозвратныхъ воспоминаній зеленой молодости. Онъ плохой руководитель въ познаніи подлинной жизненной правды, сложнаго нравственнаго міра отдѣльнаго человѣка и общества — и онъ уступаетъ мѣсто Шекспиру.

Здѣсь царство цѣльныхъ, реальныхъ людей, здѣсь — яркое неограниченно-правдивое воспроизведеніе народной исторической жизни. Это и надо русскому поэту. Отнынѣ, послѣ кратковременнаго байроническаго хмеля, всѣ его произведенія будутъ основаны на данныхъ дѣйствительности, историческія — на достовѣрныхъ фактахъ, всѣ другія — на личныхъ наблюденіяхъ.

Но вѣдь русская исторія такъ бѣдна драматизмомъ, рус-

ская жизнь лишена красокъ, она—сѣра, уныла, удручающе-прозаична. Пусть такъ, но поэзія въ правдѣ, и геній художника можетъ нарисовать чарующую картину предъ самой, повидимому, невзрачной дѣйствительностью.

Ужъ, кажется, чего жалче, смѣшнѣе, немощнѣе москвича въ гарольдовомъ плащѣ, а между тѣмъ Евгеній Онѣгинъ—герой одного изъ самыхъ художественныхъ романовъ во всей европейской литературѣ. Совсѣмъ, кажется, не эстетична русская деревенская обстановка, весьма мало увлекательна и вообще русская природа, а между тѣмъ все это дало поэту мотивы для музыкальнѣйшей и благороднѣйшей поэзіи. И этотъ поэтъ имѣетъ полное право въ томъ же романѣ посмѣяться надъ важнымъ ладомъ поэтическаго слова, надъ „пламеннымъ творцомъ", надъ героемъ — совершенствомъ, неправедно гонимымъ, но съ чувствительной душой и вѣчной готовностью на неизглаголанныя жертвы... Какъ все это лживо, не-народно и,—думаетъ Пушкинъ,—не поэтично и не художественно.

Еще забавнѣе бредни вралей, на досугѣ воспѣвающихъ рощи да поля, это—плевелы литературы, трутни въ нравственно-отвѣтственной семьѣ писателей, и Пушкинъ жалѣлъ даже о цензорѣ, вынужденномъ посвящать безплодное вниманіе на птичьи пѣсни и безсмысленные звуки.

И Пушкинъ всю жизнь не переставалъ говорить о высокомъ призваніи поэта:

Служенье музъ не терпитъ суеты,—
Прекрасное должно быть величаво;..

Это правило, выработанное еще въ молодости, съ теченіемъ времени становилось все суровѣе и возвышеннѣе. Личность поэта поднималась до уровня пророка, жреца, онъ становился голосомъ своего народа, совѣстью общества, на него возлагался долгъ—идти своимъ путемъ, независимо отъ искушеній свѣта, отъ прихотей славы, отъ пастроенія власти. Поэтъ въ самомъ себѣ несетъ свой судъ, нелицепріятный,

неусыпный, потому что измѣна поэта своему генію и своему пути равносильна самоуниженію и даже самоотреченію.

Отсюда вытекаютъ гражданскія и общественныя обязанности поэта. Чтобы быть истиннымъ художникомъ, ему не нужны предписанія эстетики, безполезны самыя ученыя разсужденія по теоріи словесности, совершенно также, чтобы быть гражданиномъ, ему не надо отыскивать себѣ партію, направленіе. Какъ художникъ—онъ правдивъ, искренень; слѣдовательно, реаленъ; какъ гражданинъ—онъ честенъ, независимъ, слѣдовательно, неизмѣнный другъ мысли, гуманности и свободы.

И политика Пушкина, какъ и его эстетитка, развилась непосредственно изъ его поэтической природы.

VI.

Основной принципъ—поэтъ долженъ быть безусловно свободенъ. Это неотъемлемое условіе самого существованія генія, какъ силы естественной, развивающейся по собственнымъ ей прирожденнымъ законамъ, какъ силы стихійной, слѣдовательно, не подлежащей чисто внѣшнимъ преобразованіямъ. Ее можно задержать въ ея ростѣ, можно даже уничтожить, но передѣлать—для этого нѣтъ достаточно искусной и могучей власти. Истинный поэтъ, поэтъ милостью Божіей—не можетъ сочинять по заказу, даже по собственному желанію: у него бываютъ минуты вдохновенія, его требуетъ божество къ своему жертвеннику,—только тогда онъ творецъ.

Таковъ именно Пушкинъ. Его любимыя выраженія „Я чую рифмы“, „меня посѣтили рифмы“, и частыя жалобы на полное безсиліе писать, когда это необходимо—по *человѣческимъ* соображеніямъ, независимо отъ высшей воли, отъ голоса генія. Но зато, когда этотъ голосъ зазвучитъ, нѣтъ силъ остановить поэта, никто въ мірѣ не принудитъ его молчать. И

сколько разъ Пушкинъ говорилъ въ самыя неподходящія минуты и говорилъ, чего отъ него не желали и не ждали услышать.

Во второмъ посланіи цензору онъ пишетъ:

Недавно тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка бранчивую свербёжъ...
Но извини меня,—мнѣ было невтерпёжъ...

Это оригинальное извиненіе — одна изъ краснорѣчивѣйшихъ чертъ пушкинской личности. Ему безпрестанно становилось невтерпежъ и онъ тѣшилъ свой языкъ рѣшительно надъ всѣми—надъ свѣтскими свѣтилами, надъ государственными сановниками, надъ смѣхотворными приключеніями частныхъ глупцовъ и пошляковъ и надъ важнѣйшими мѣрами правительственныхъ особъ. Онъ идетъ на явную опасность, отлично знаетъ, что ему нечѣмъ будетъ умилостивить оскорбленнаго и тотъ ему возместитъ обиду сторицей.

Въ ранней молодости онъ пишетъ эпиграмму на Аракчеева, на *Исторію* Карамзина: можетъ быть, потому, что былъ слишкомъ молодъ и по возрасту горячъ? Нисколько. Почти за годъ до смерти онъ сочиняетъ убійственную сатиру на графа Уварова. Она принесетъ автору неисчислимыя бѣдствія, даже уравняетъ ему путь къ смерти, и онъ не можетъ не понимать значенія своего поступка. Но ему „невтерпежъ“, онъ не въ состояніи заглушить негодованіе своего сердца, и не желаетъ.

То же самое безпрестанно повторяется при еще худшихъ обстоятельствахъ. Пушкину извѣстно, что его письма вскрываются, онъ самъ неоднократно негодуетъ на это, но ничто не мѣшаетъ ему — въ минуты гнѣва — писать женѣ прямо страшныя вещи о своемъ камеръ-юнкерствѣ, объ отношеніи цензуры и администраціи къ литературѣ, жаловаться на свое

положеніе писателя именно въ Россіи, о милости государя выражаться: „упёкъ меня въ камеръ-пажи“, свой придворный мундиръ именовать шутовскимъ полосатымъ кафтаномъ и откровенно сознаваться, что онъ „ни за какія благополучія“ не согласенъ блистать при дворѣ въ качествѣ камеръюнкера. Все это пишется *пушкинскимъ* языкомъ; что ни слово, то несмываемый ударъ, и все это читается и попадаетъ въ руки Бенкендорфу.

Намъ извѣстенъ фактъ, когда Пушкинъ, только благодаря счастливой случайности, спасся отъ жестокой опасности. Одно изъ самыхъ рѣзкихъ его писемъ было доставлено шефу жандармовъ, тотъ приказалъ секретарю отложить его для доклада государю. На счастье поэта секретарь Бенкендорфа оказался искреннимъ цѣнителемъ пушкинскаго таланта, воспользовался забывчивостью графа и письмо не дошло до Николая I. Когда сообщили исторію Пушкину, онъ „измѣнился въ лицѣ“ [1]). Вполнѣ вѣроятно, но только никакая перемѣна въ лицѣ и никакая злополучная случайность не могли „проучить“ поэта: онъ до конца оставался вѣренъ себѣ. Няня дала ему едва ли не самую мѣткую характеристику: „экой ты неумчивый“, и самому Пушкину эта характеристика понравилась: она въ точности передавала самую сущность его *поэтической* натуры и его понятій о своемъ писательскомъ и человѣческомъ достоинствѣ.

Теперь представьте, какую невыносимо яркую противоположность являлъ изъ себя такой поэтъ—прежней, далеко еще не отжившей литературѣ? Онъ видѣлъ и даже воспѣлъ ея самую блестящую звѣзду—Державина, но что могло быть общаго между пѣвцомъ Фелицы, одописцемъ-администраторомъ и бѣднымъ коллежскимъ секретаремъ, рѣшительно неспособнымъ соображаться съ пищевареніемъ даже самого графа Воронцова, русскаго вельможи съ англійской складкой лорда?

---

[1]) *Русск. Стар.* 1880, XXIX, 217, 424.

По ископному правилу отъ поэта требовалась благодарность за высокое покровительство, по просту —лесть, и вотъ о ней-то именно Пушкинъ говоритъ съ глубочайшимъ отвращеніемъ. Одинокій и тѣснимый, онъ живетъ сознаніемъ своей неподкупности и независимости:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И въ силѣ, въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ.
Природу лишь учился славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей...

Но можно и не льстить царямъ, и все-таки не стоять на высотѣ поэтическаго призванія. Существуетъ даже при самой бѣдной литературѣ другой владыка, также щедрый на награды и также настойчиво требующій забавы, — толпа, грамотная чернь: ея довольно во всѣхъ слояхъ общества, и не меньше среди такъ называемаго свѣта, чѣмъ въ грубой невѣжественной массѣ. И находится не мало охотниковъ тѣшить ея тупой слухъ и варварскій вкусъ. Она презрѣнна въ глазахъ поэта столь же, какъ и завѣдомые рабы власти. Такая поэзія для него измѣна, на нее способны люди, у которыхъ нѣтъ

Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной...

Это понятія тождественныя, и поэтъ долженъ быть честенъ и независимъ просто потому, что онъ поэтъ.

И намъ понятны суровыя отповѣди Пушкина черни, толпѣ, такъ называемой „любви народа“. Онѣ ничто иное, какъ защита совѣсти и свободы, не презрѣніе къ публикѣ и къ обществу, а законный отпоръ „суду *глупца*“ и „смѣху толпы *холодной*“. Самъ поэтъ мечтаетъ быть „эхо русскаго народа“, съ другимъ идеаломъ онъ не помирится. Подобно Ломоносову, онъ приходитъ въ ужасъ при одной мысли стать

шутомъ у кого бы то ни было, даже у Господа Бога. И для него это недостижимо, противоестественно. Сочиняя „Бориса Годунова“, онъ никакъ „не можетъ упрятать всѣхъ своихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ!“ — восклицаетъ онъ съ комическимъ отчаяніемъ. И онъ правъ. Чуть не каждое стихотвореніе его нуждается въ чисткѣ и пересмотрѣ, хотя онъ и готовъ писать „въ хорошемъ тонѣ“. Но есть нѣчто посильнѣе даже его добраго расположенія: совѣсть и лира, и онѣ-то налагаютъ свою печать на каждую его фразу, на каждый его стихъ.

Ясно теперь, какъ онъ долженъ держать себя въ обществѣ, въ литературѣ, передъ властью. Для него литература — весь смыслъ его бытія и въ то же время *дѣло*, безусловно важное, всепоглощающее, родъ его жизни, если угодно — призваніе и ремесло. Для свѣта гражданинъ и піитъ это совершенно непереваримая новость Сочинитель — такого чина нѣтъ въ табели о рангахъ и такого сословія не признано основными законами Россійской имперіи. Все равно, отвѣчаетъ Пушкинъ: тогда его слѣдуетъ признать и поставить внѣ, выше всѣхъ чиновъ и достоинствъ, потому что это геній и умъ, аристократизмъ божественнаго происхожденія.

И вотъ первый догматъ политической вѣры Пушкина: писатель - великая, благороднѣйшая общественная сила, литература — одно изъ достойнѣйшихъ общественныхъ служеній, художественный талантъ — высшее неоспоримое право на уваженіе и признательность общества. Пушкину первому выпало на долю поставить вопросъ столь ясно, рѣшительно и безповоротно и счастье русской литературы! — вопросъ ставилъ человѣкъ геніальныхъ дарованій и неуимчивой натуры. Поэзія не „дѣтское тщеславіе риѳмача“, „не отдохновеніе чувствительнаго человѣка“: все это, повидимому, столь простыя истины, но поэту пришлось отвоевывать ихъ до самой смерти, съ громадной затратой силъ, жертвуя личнымъ стастьемъ, не взирая на лица и обстоятельства.

Жертва являлась тѣмъ настоятельнѣе, что общество не имѣло внушительныхъ данныхъ ставить особенно высоко личность и дѣло писателя. У него предъ глазами проходило много этого народу, и безпрестанно самые шумные герои литературы могли вызывать совершенно законное презрѣніе и праведный гнѣвъ, въ лучшемъ случаѣ снисходительный смѣхъ. Нельзя же было считать серьезно наперсниками боговъ сочинителей куплетовъ, чувствительныхъ балладъ, тріолетовъ, снотворныхъ посланій, и кому могло придти на умъ видѣть „эхо русскаго народа“ въ лицѣ Булгарина? А между тѣмъ куплетисты переполняли журналы, а *Съверная Пчела* владѣла политикой. Были и почтенные писатели, но они не объявляли литературы своимъ ремесломъ: все это люди государственные, по меньшей мѣрѣ чиновные и служащіе дворяне. Нельзя же было Карамзина именовать поэтомъ: онъ *исторіографъ*, или Жуковскаго—сочинителемъ: прежде всего онъ человѣкъ придворный и членъ высшаго общества.

А здѣсь двадцатилѣтній юноша требуетъ себѣ почета только за то, что онъ пишетъ хорошіе стихи! Да сами литераторы сочтутъ это неслыханнымъ новшествомъ и дерзкимъ притязаніемъ. Надо, слѣдовательно, сначала въ ихъ средѣ возвысить званіе писателя, внушить имъ самимъ чувство самоуваженія.

И Пушкинъ беретъ на себя и эту задачу. Литература—ремесло, промышленность, но *честная;* на этомъ настаиваетъ поэтъ. Сочинитель своей гражданской честью отвѣчаетъ за свое литературное имя и, если бываютъ измѣны въ политикѣ, преступленія по службѣ, тѣ же понятія вполнѣ примѣнимы и къ писательству. Имя писателя должно быть для него святыней. Онъ не долженъ бросать его неосмотрительно всюду и гдѣ только попросятъ, и еще менѣе торговать имъ. Самъ Пушкинъ не сразу дорось до этой истины, она пришла къ нему только съ лѣтами, съ литературной опытностью, и стала руководительницей его дѣятельности. Его имя

исчезло со многихъ изданій и ни за какія деньги Булгарины не могли бы украсить имъ своего заведенія. Дошло до того, что Пушкину негдѣ было печатать своихъ произведеній и негдѣ было помѣстить статьи и его друзьямъ о немъ и объ его поэзіи. Ему даютъ огромныя деньги и онъ больше, чѣмъ когда-либо нуждается въ нихъ, но одна мысль стоять рядомъ съ Сенковскимъ отпугиваетъ его отъ сдѣлки. Ему были бы благодарны за крупицу его труда, и заплатили бы ему какими угодно гимнами его генію. Пушкинъ предпочитаетъ скорѣе прослыть погибшимъ талантомъ, литературнымъ промышленникомъ на страницахъ *Сѣверной Пчелы* и *Библіотеки для чтенія*, чѣмъ запятнать свое писательское имя союзомъ съ Булгаринымъ и Сенковскимъ [1]).

Остается третья и важнѣйшая сила правительство. Самый вопросъ объ отношеніяхъ къ нему писателя не имѣлъ для прежней литературы никакого смысла. Единственное мыслимое положеніе писателя—безпрекословное и безотчетное воспріятіе правительственныхъ распоряженій. У него нѣтъ въ этой области своего голоса, онъ только *объектъ* наравнѣ со всѣми другими подданными. Все бытіе Булгарина, какъ журналиста, основывалось на его тѣснѣйшемъ духовномъ союзѣ съ жандармскимъ управленіемъ. Бенкендорфъ и Дуббельтъ—вотъ настоящіе публицисты, общественные политики пушкинскаго времени. *Сѣверная Пчела* сводъ негласныхъ внушеній и предписаній.

Такой порядокъ вещей не могъ даже войти въ сознаніе Пушкина. Булгаринъ не журналистъ, а *холопъ*: это выраженіе поэта и оно вполнѣ точно опредѣляетъ его собственныя понятія о политической печати.

---

[1]) Письмо къ Пушкину, октябрь 1835. *Сочиненія*. VII. 387. Статья Одоевскаго *О нападеніяхъ петербургскихъ журналовъ на русскаго поэта Пушкина. Къ біографіи*. II, 120—121. Письмо Комовскаго, лицейскаго товарища Пушкина, къ А. М. Языкову. *Ист. Вѣстн.* 1883, XIV, 535. *Отзывы современниковъ о Пушкинѣ*, Д. Садовникова.

Прежде всего, Пушкину представляется сторона вопроса, совершенно неожиданная и просто непостижимая для литературныхъ холопей. Нельзя отрицать, что въ Россіи существуетъ классъ людей просвѣщенныхъ и почтенныхъ и эти люди, по выраженію Пушкина, *дичатся* правительства, они считаютъ его враждебнымъ просвѣщенію. Убѣжденіе поддерживается близостью властей къ такого сорта литераторамъ, какъ Булгаринъ, Гречъ, Воейковъ, Сенковскій и совершенно разбитый и потерявшійся Полевой. Ни для кого не тайна, какой нравственной цѣнности русскій патріотизмъ поляковъ Булгарина и Сенковскаго и благонамѣренность Полевого, только что превозглашеннаго революціонеромъ за *Московскій Телеграфъ*. Власть, несомнѣнно, унижаетъ себя союзомъ съ этой журнальной чернью. Пушкинъ публично говорилъ, что онъ даже, какъ частный человѣкъ, брезгуетъ бывать, на литературныхъ сборищахъ и участвовать въ обѣдахъ со спичами и пьянствомъ.

— Я человѣкъ женатый—заявлялъ онъ,—и въ такіе дома ѣздить не могу!

Какъ же могла власть призрѣвать хозяевъ подобныхъ домовъ и пользоваться ими, какъ посредниками между правительствомъ и обществомъ?

Пушкинъ желаетъ уничтожить это недостойное явленіе. Необходимо создать новую журналистику, заслуживающую довѣріе общества и служащую просвѣтительнымъ видамъ правительства. Она должна быть независима, авторитетна, отнюдь не революціонна, но безусловно талантлива и просвѣщенна.

И Пушкинъ готовится къ новой дѣятельности и обнаруживаетъ большіе задатки публициста. Сначала поэтъ становится имъ по волѣ самого государя—пишетъ записку *о народномъ воспитаніи*. Это цѣлая программа и, въ высшей степени, ясная и полная исповѣдь Пушкина, какъ политика.

Въ самомъ началѣ онъ не боится напомнить правитель-

ству о декабристахъ: „несчастные“ погибли, „правительство, основанное на силѣ вещей“ оказалось неизмѣримо сильнѣе ихъ замысловъ. Но этой гибелью могутъ не кончиться заблужденія русской молодежи: подростаетъ новое поколѣніе, оно также можетъ отдаться пылкимъ впечатлѣніямъ.

Какъ защитить его?—Единственное средство широкое и основательное просвѣщеніе. Въ настоящее время русскому молодому человѣку „всякая мысль нова“ и производитъ на него неотразимое вліяніе, онъ не въ состояніи провѣрить ее, разобраться въ ней, у него нѣтъ положительныхъ знаній и правилъ.

И вполнѣ естественно. Современное воспитаніе юношества совершенно неудовлетворительно: два-три иностранныхъ языка, начатки наукъ, и никакихъ нравственныхъ понятій: ребенокъ окруженъ холопями, самъ рабствуетъ, или своевольничаетъ и едва созрѣетъ, является забота о службѣ, о чинахъ.

Пушкинъ требуетъ исключительно государственнаго образованія и высказываетъ нѣсколько соображеній, отчасти не утратившихъ новости и до нашихъ дней. Онъ безусловно возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній, противъ классическихъ языковъ: „позволительно ли, — спрашиваетъ — онъ, роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?“ Онъ, наконецъ, требуетъ безпристрастнаго, правдиваго преподаванія исторіи, о какихъ бы народахъ, идеяхъ и событіяхъ ни шла рѣчь. Пушкинъ требуетъ отъ профессоровъ „не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства кесаря, превознесеннаго 2000 лѣтъ, но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а кесаря честолюбивымъ возмутителемъ“.

Познанію Россіи Пушкинъ отводитъ первое мѣсто въ своей образовательной программѣ и рекомендуетъ преподавать очень подробно русскую исторію, статистику, законодательство. Это необходимо и въ политическихъ интересахъ.

Только путемъ историческаго изученія страны можно

опредѣлить духъ ея народа, его цѣли и идеалы. Пушкинъ и стремится выполнить эту задачу,—въ основу политики положить исторію. Бозѣе цѣлесообразнаго гражданскаго воспитанія не открыло и наше время, вопросъ только въ томъ, какъ понимать исторію?

Пушкинъ совѣтуетъ преподавать ее по Карамзину: это рѣшительное отступленіе отъ юношескаго взгляда на произведеніе краснорѣчиваго историіографа. Можетъ быть, прежній взглядъ былъ не вполнѣ справедливъ, но во всякомъ случаѣ и новый не отличался безукоризненностью. Это сознавалъ и самъ Пушкинъ. *Для Исторіи Пугачевскаго бунта* онъ не взялъ образцомъ благолѣпной и велерѣчивой *Исторіи государства россійскаго*, не отказалъ себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ величавыми пріемами карамзинскаго сочинительства въ *Исторіи села Горюхина*. И иначе быть не могло: уже самая форма карамзинскаго повѣствованія претила тонкому художественному вкусу и здравому смыслу поэта, не могъ онъ считать совершенствомъ и содержаніе—онъ, столь тяготѣвшій къ народной жизни, народнымъ нравамъ и особенно къ народной психологіи.

Но въ запискѣ для Николая I—*Исторія* Карамзина вполнѣ умѣстна. Важнѣе другой вопросъ, болѣе общій: до какой степени Пушкинъ отказался отъ политическаго идеализма и подчинился строго-фактическому воззрѣнію на идеи и предметы?

Отвѣты получаются вполнѣ ясные и съ разныхъ сторонъ.

VII.

Пушкинъ долженъ былъ пережить полосу идеализма, къ этому влекло его страстное благородное сердце, геніальный строй его душевнаго міра, отвага и широта юношескихъ стремленій. Мы слышали его восторженные отзывы объ учителяхъ и знаемъ, какъ дешево досталась эта слава ея виновникамъ. Вѣрнѣйшее свидѣтельство—наклонности поэта къ

идеализаціи людей и явленій, къ быстрой для него *желанной* влюбленности по впечатлѣніямъ, по первымъ встрѣчамъ, по случайному обмѣну мыслями.

Такимъ Пушкинъ выходитъ изъ лицея, и весь погружается въ политическую мечтательность, господствовавшую надъ молодымъ поколѣніемъ. Это было время тайныхъ обществъ по всей Европѣ, заговоровъ, революціонныхъ движеній и политическихъ убійствъ. Все это волновало и горячило воображеніе поэта, и онъ не скрывалъ своихъ восхищеній предъ нѣкоторыми событіями, сообщалъ кому угодно свои взгляды, показывалъ даже въ театрѣ портретъ убійцы герцога Беррійскаго.

Здѣсь не все было безплодной игрой празднаго ума, и не могло быть. На первомъ планѣ, какъ всегда у Пушкина, стояла русская дѣйствительность, и онъ умѣлъ отлично постигнуть ея основной недугъ и мужественно заявить о немъ. Двадцати лѣтъ онъ высказываетъ въ первый разъ политическую идею громаднаго значенія и съ полнымъ историческимъ пониманіемъ предмета. Очевидно, иноземныя вѣянія не отняли у Пушкина отечественной почвы подъ ногами и, говорятъ, даже Александръ I велѣлъ благодарить поэта за стихотвореніе *Деревня*.

Поэтъ нарисовалъ разительную противоположность цвѣтущей сельской природы и народнаго рабства, необыкновенно сильными выраженіями изобразилъ беззащитность рабовъ и прихотливый развратъ владыкъ и закончилъ пожеланіемъ:

О, еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей безплодный жаръ,
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Годомъ раньше онъ выражалъ увѣренность, что обновленіе Россіи непремѣнно совершится. Онъ написалъ Чаадаеву

горячее посланіе, исполненное гражданскаго духа. Поэтъ призывалъ товарища на зрѣлый путь дѣятельности во славу отчизны и увѣрялъ его, «Россія вспрянетъ ото сна".

Это многимъ могло казаться въ первые годы царствованія Александра, но Пушкинъ сильно ошибался и въ хронологіи, и въ своихъ надеждахъ. Онъ слишкомъ летѣлъ впередъ, „дней Александровыхъ прекрасное начало" было давно позади и во всей Европѣ идеальные помыслы о будущемъ считались нарушеніемъ общественнаго порядка.

Но Пушкинъ не успокоился и высланный изъ Петербурга. Напротивъ, онъ страстно желалъ попасть въ какое-нибудь тайное политическое общество, его не приняли, считая, очевидно, мало подходящимъ для политики да еще тайной, и онъ почувствовалъ себя „несчастнымъ"; вѣдь онъ „видѣлъ жизнь свою облагороженною и высокую цѣль передъ собою".

Въ Петербургѣ онъ усердно писалъ эпиграммы на Аракчеева, сочинилъ оду *Вольность*, особенно возмутившую власти и, дѣйствительно, написанную въ очень сильныхъ выраженіяхъ. Но все это не пріобрѣло довѣрія декабристовъ, и они были правы. Радикализмъ Пушкина коренился преимущественно въ его темпераментѣ. Чувству и вдохновенію не доставало строго опредѣленныхъ идей, безъ чего немыслимо ни убѣжденіе, ни политическое воззрѣніе. Съ самаго начала можно было предугадать охлажденіе настроеній подъ вліяніемъ личныхъ опытовъ. Байронизмъ, какъ нельзя кстати, совпадаетъ съ вольнолюбивымъ азартомъ поэта: оба явленія одного порядка, оба одинаково романтичны, лишены ясныхъ продуманныхъ, идейныхъ и жизненныхъ задачъ, оба—вопль юнаго организма, и оба они одновременно поблекли и исчезли. Жизнь и исторія нанесли рѣшительный ударъ демоническимъ грезамъ и радикальнымъ призывамъ. Въ поэзіи Пушкинъ становится реалистомъ, въ политикѣ—защитникомъ просвѣщенія и *постепеннаго* прогресса. Это слово—*постепенность*—мы видѣли, произносится по поводу Байрона, одновременно

идутъ историческія занятія поэта, развивается представленіе о „духѣ народовъ“, объ „источникѣ нуждъ и требованій государственныхъ“, т. е. объ исторической почвѣ настоящаго и будущаго.

Естественно, все чисто отвлеченное, воображаемое, не реальное встрѣчаетъ рѣшительное осужденіе: Шекспиръ предпочитается Байрону, потому что его созданія разностороннi и жизненны, а у Байрона, какъ и французскихъ классиковъ — искусственны, преднамѣренны, *теоретичны*. То же самое воззрѣніе распространяется на философію и политику и само собой понятно, что̀ должно уцѣлѣть и что̀ отпасть послѣ такой критики.

Пушкинъ не измѣняетъ своимъ молодымъ сочувствіямъ. Его сердце по-прежнему принадлежитъ декабристамъ; нельзя трогательнѣе, чѣмъ онъ, говорить объ ихъ участи, объ ихъ благородствѣ. Радищевъ по-прежнему остается для него человѣкомъ „съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью“. Но онъ рѣшительно не согласенъ съ его „горькими, возмутительными сатирами“ и пишетъ подробное опроверженіе книги Радищева, старается особенно смягчить картину крѣпостного состоянія — средствомъ самымъ неубѣдительнымъ, доказывая, что и заграницей не лучше и даже не свободнѣе живется бѣднякамъ.

Пушкинъ, разумѣется, вовсе не желаетъ защищать народнаго рабства, онъ крайне недоволенъ *пріемами* Радищева, революціоннымъ духомъ его сочиненія, призывомъ къ возмущенію. Онъ находитъ въ книгѣ благоразумныя мысли, но только слѣдовало высказать ихъ безъ брани, искренне и „съ благоволеніемъ“, потому что, говоритъ Пушкинъ, „нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви“.

Противъ этого весьма многое можно возразить: весьма часто именно искренняя любовь къ истинѣ невольно и необходимо подсказываетъ человѣку страстное негодованіе на

неправду. И Пушкинъ безпрестанно, до самой своей смерти являлся образцовымъ *поносителемъ* во имя искренности и правдолюбія. И Радищевъ, конечно, заслуживалъ снисхожденія. Но Пушкинъ желаетъ уничтожить не столько его книгу, сколько вообще отвлеченную идеологію, „безплодную метафизику", „слѣпое пристрастіе къ новизнѣ", „частныя поверхностныя свѣдѣнія, приноровленныя ко всему". Напримѣръ, Радищевъ поноситъ власть господъ: по мнѣнію Пушкина, вмѣсто этого, слѣдовало „представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ".

Совершенно ясная политика! Другой вопросъ, насколько она цѣлесообразна. Впослѣдствіи опытъ доказалъ, что способы *постепеннаго* улучшенія быта крестьянъ не привели къ благопріятнымъ результатамъ: пришлось просто и сразу отмѣнить власть господъ. Но Пушкинъ глубоко усвоилъ идею *постепенности*, теперь сказали бы *эволюціи*, и сама по себѣ она дѣлала великую честь уму поэта и свидѣтельствовала о вдумчивости работы надъ историческими фактами, о несомнѣнныхъ задаткахъ истинно политической мысли.

Новое міросозерцаніе отразилось и на философскихъ вопросахъ. Когда-то Пушкинъ заявлялъ свое сочувствіе атеизму: это говорилось въ сильной степени подъ вліяніемъ тяжелой жизни изгнанника. Теперь онъ жестокій критикъ Гельвеція и вообще холодной, сухой метафизики. Заботясь объ умственномъ развитіи Гоголя и снабжая его книгами, Пушкинъ освобождаетъ его отъ чтенія Вольтера и энциклопедистовъ. Они не удовлетворяютъ поэта своимъ мало-историческимъ, слишкомъ отвлеченнымъ мышленіемъ, Пушкинъ не вѣритъ въ жизненную силу чистой теоріи, онъ желаетъ идеалы строить на основѣ дѣйствительности и фактовъ.

Принципъ самъ по себѣ не можетъ вызывать нареканій, но окончательный выводъ зависитъ отъ *толкованія* фактовъ, а у Пушкина, какъ у поэта, въ сильнѣйшей степени отъ

личныхъ впечатлѣній. Они и наложили рѣзкую окраску на его политику послѣднихъ лѣтъ.

Пушкинъ не могъ отдѣлить своихъ идей отъ своихъ житейскихъ опытовъ. А опыты эти всѣ исключительно вели къ одной цѣли: къ глубокому непримиримому негодованію на властныхъ выскочекъ и канцеляристовъ. Именно они годъ за годомъ пили „праведную кровь“ поэта, становились непреодолимымъ препятствіемъ его умственной дѣятельности и даже личному счастью. Гдѣ было искать спасенія? Помириться на смертномъ приговорѣ всей русской исторіи и даже будущему Россіи Пушкину не могло придти и въ голову. Онъ всей душой принадлежалъ этой самой Россіи и, именно, въ ея исторіи способенъ былъ отыскивать мотивы для своего творческаго вдохновенья. И онъ страстно лелѣялъ мысль о величіи Россіи, ея національной славѣ и его обращеніе къ *Клеветникамъ Россіи* внушено искреннимъ чувствомъ, его *Бородинская годовщина*—открытый и убѣжденный голосъ его сердца. Польское возстаніе повергло его въ глубокую думу, ему припоминался двѣнадцатый годъ, онъ съ тревогой ждалъ вѣстей, взятіе Варшавы наполнило его радостью.

Она не имѣла ничего общаго съ варварскимъ узко-національнымъ патріотизмомъ, поэтъ не могъ помышлять о порабощеніи какого бы то ни было народа, онъ только желалъ, чтобы славянскіе ручьи слились въ русскомъ морѣ. А море это было источникомъ его личной жизни, онъ каждымъ нервомъ чувствовалъ свою неразрывную, нравственную связь съ русскимъ міромъ.

И онъ рѣшительно возсталъ противъ Чаадаева. Онъ не могъ допустить униженія прошлаго Россіи и отчаянія въ ея будущемъ. Онъ видѣлъ и за Россіей извѣстное историческое призваніе, считалъ ея исторію отнюдь не ничтожной и незанимательной, находилъ въ ней людей геніальныхъ и событія, полныя жизни и интереса.

Это опять не значило, будто Пушкинъ готовъ востор-

гаться настоящимъ до самозабвенія. Совершенно напротивъ. Онъ находитъ, что русская общественная жизнь „весьма печальна“, общественнаго мнѣнія совсѣмъ не существуетъ, всюду господствуетъ „равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и къ правдѣ“, „циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству приводятъ въ отчаяніе“, и онъ привѣтствуетъ Чаадаева за изобличеніе всѣхъ этихъ недуговъ. „Но,—прибавляетъ Пушкинъ,—клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторія нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ“.

Слѣдовательно, Пушкину приходилось искать рѣшенія вопросовъ на русской почвѣ, въ русской дѣйствительности. И у него составился стройный планъ. На первомъ мѣстѣ—люди ума и просвѣщенія, они сотрудники власти на пути къ общему благу, посредники между нею и обществомъ. И Пушкинъ возлагаетъ на нихъ, въ высшей степени, отвѣтственный долгъ. Онъ говоритъ: „Дружина писателей и ученыхъ стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла“.

Они должны отдавать отчетъ предъ общественнымъ мнѣніемъ во всякомъ своемъ поступкѣ, и Пушкинъ признаетъ извѣстную пользу даже за „ругателями“ въ печати: писатель—„лицо общественное“ и „пренія“ объ его дѣйствіяхъ должны быть гласны: „одно изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ“.

Усиліяписателей должны быть направлены на созданіе общественнаго мнѣнія и руководительство имъ. Кто же представители этого мнѣнія и кто практически осуществитъ высокія задачи мысли? Народъ, при существующихъ условіяхъ, не въ состояніи самъ устроитъ свое благополучіе. У него единственный опекунъ и защитникъ—дворянство. Оно, обладая

образованіемъ и досугомъ, должно посвятить себя на служеніе народному благу: это его—нравственный долгъ и историческое призваніе. И Пушкинъ мечтаетъ изъ дворянскаго сословія создать нѣчто въ родѣ національнаго представительства и народнаго представительства предъ властью.

Идея не новая: Деместръ, политикъ французской реакціи, воображалъ спасти міръ съ помощью новыхъ „патриціевъ", идеально-самоотверженной, безкорыстной аристократіи, не знающей сословныхъ разсчетовъ, а только общенародное благо. Но самъ же „идеалистъ" вынужденъ былъ сознаться, что его патриціи существуютъ только въ его воображеніи; вмѣсто нихъ, въ дѣйствительности—сплоченная каста, преисполненная предразсудками и сословными вожделѣніями, каста, ежеминутно готовая наслаждаться жизнью, именно, за счетъ народнаго благоденствія, а иногда даже въ ущербъ чести своего отечества.

И Пушкинъ все-таки лелѣялъ свою мечту. Она свидѣтельствовала о полной практической безвыходности благонамѣреннаго политика. Аристократизмъ оказывался единственнымъ орудіемъ противъ безпринципныхъ удачниковъ табели о рангахъ и нравственнаго и граждански-развращеннаго чиновничества.

Но намъ ясно, что это за аристократизмъ: менѣе всего сословная кичливость родомъ и кастовое обожаніе наслѣдственныхъ привилегій. Напротивъ, аристократическимъ предразсудкамъ Пушкинъ противоставлялъ свои *демократическіе предразсудки*; такъ онъ и выражался, т. е. личную независимость, личный умъ и личный талантъ. Онъ убѣжденъ, „имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя". И Пушкинъ не былъ бы геніальнымъ человѣкомъ, если бы полагалъ свое личное достоинство въ происхожденіи. Геній—демократъ по самой своей сущности, и аристократическія идеи поэта ни единой чертой не похожи на аристократизмъ большого свѣта,—

даже безусловно и непримиримо враждебны ему. И совершенно естественно—ученіе Пушкина объ аристократіи только еще сильнѣе озлобило на него „презрѣнныхъ потомковъ“ своихъ отцовъ и всѣ породы пресмыкающихся.

Съ такими задачами Пушкинъ выступилъ на поприще публициста. Несомнѣнно, задачи съ теченіемъ времени могли преобразоваться: за это было порукой неутомимое трудолюбіе поэта и усвоенный имъ принципъ политическаго мышленія: *историческое* изученіе явленій. Его не переставали воодушевлять стремленія ранней молодости:

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь.

Годы измѣняли его понятія объ этой чести, и самъ Пушкинъ отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ этой перемѣнѣ, въ утратѣ своихъ „моложавыхъ мыслей“. Онъ, подобно Бѣлинскому, защищалъ преобразованія идей и взглядовъ: „глупецъ одинъ не измѣняется,—говорилъ онъ,—ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ“.

Но перемѣна не была измѣной. Пушкинъ искренне искалъ выхода изъ удручающей современной дѣйствительности, искалъ, твердо оставаясь „на поприщѣ ума“, ни на одну минуту не забывая оборонять просвѣщеніе и права личности и таланта. Онъ открыто заявлялъ о своей преданности Николаю I и имѣлъ основанія быть благодарнымъ: государь, дѣйствительно, отнесся къ нему гораздо лучше и даже сердечнѣе, чѣмъ аристократы и сановники. И Пушкинъ, всегда готовый горячо отозваться на всякое доброе чувство, ужасался показаться неблагодарнымъ; это его собственное признаніе. Но благодарность не поработила его личности, не могла наложить цѣпей на его умъ и геній, и мы видѣли, крики боли и негодованія безпрестанно врывались въ спокойное обсужденіе высшихъ вопросовъ. Да и самое это обсужденіе вовсе не входило въ предначертанія низшихъ и высшихъ опекуновъ Пушкина: для нихъ онъ, со всѣми своими исторически обосно-

ванными, уравновѣшенными взглядами, со всѣмъ своимъ стремительнымъ желаніемъ принести пользу отечеству и власти, водворить въ Россіи единеніе правительства и просвѣщеннаго общества, со всѣми этими замыслами, и даже именно благодаря имъ, Пушкинъ оставался *внѣ* законнаго порядка вещей и даже внѣ покровительства общегражданскихъ законовъ. Его надлежало бояться, слѣдить за каждымъ его шагомъ, вчитываться и вслушиваться въ каждое его слово, и непремѣнно ловить, поучать и наказывать.

И спасители отечества были правы. Пушкинъ могъ задаться какими угодно почтенными намѣреніями, могъ даже въ извѣстное время дойдти до самыхъ благоразумныхъ взглядовъ; не въ этомъ была сущность дѣла,—его личность, натура, его умъ оставались неизмѣнными, неугомонными, ненасытными. Онъ родился, жилъ и умеръ безпокойнымъ человѣкомъ.

Въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ жизни, въ безвыходной тоскѣ среди одиночества, окруженный холодомъ, завистью, тайной злобой и вызывающей ненавистью, Пушкинъ писалъ слѣдующее признаніе:

Мой путь уныл. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море...
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!..

И здѣсь нѣтъ ни одной *фразы*: Пушкинъ оправдывалъ это заявленіе даже излишнимъ обиліемъ фактовъ... Легко представить, какая сложная задача предстояла русскому свѣту и русской администраціи ужиться съ подобнымъ фанатикомъ мысли! Именно въ необоримой, въ неумирающей страсти жить умомъ и всѣми великими силами души заключалась полная неприспособленность Пушкина въ средѣ. Онъ—ея прирожденный врагъ, между ними немыслимы сдѣлки, недостижимъ прочный миръ. Это явленія разныхъ міровъ, между ними возможны только временныя затишья, перемирія, отнюдь не договоры и союзы.

Въ этомъ и таилась драма Пушкина. Онъ вступилъ въ жизнь съ той роковой печатью на своей геніальной личности, какая, говорятъ, людямъ чуткимъ и первымъ бросается въ глаза при встрѣчѣ съ людьми *обреченными*. И врядъ ли еще въ чьей судьбѣ этотъ голосъ рока звучалъ такъ безпощадно и такъ настойчиво, отъ начала до конца, какъ въ жизни Пушкина!

VIII.

Въ одной изъ оффиціальныхъ бумагъ, касательно Пушкина, имѣется удивительное мѣсто, совсѣмъ не свойственное документамъ и отношеніямъ. Одинъ начальникъ поэта писалъ другому: „Исполненный горестей впродолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство — страстное желаніе независимости. Этотъ ученикъ уже рано проявилъ геніальность необыкновенную. Успѣхи его въ лицеѣ были быстры. Его умъ вызывалъ удивленіе, но характеръ его, кажется, ускользнулъ отъ взора наставниковъ“ [1]).

Драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія! Лучше нельзя отвѣтить на самый существенный вопросъ въ судьбѣ поэта: что встрѣтило его сердце сначала въ семьѣ, потомъ въ школѣ. Ни материнской любви, ни отцовской заботливости. Въ семьѣ большого свѣта на эти предметы не хватало ни желанія, ни времени, ни даже привычки. Отецъ — актеръ-любитель, каламбуристъ, эпикуреецъ, страстный охотникъ до анекдотовъ и неумолимый врагъ всякой серьезной умственной работы и какихъ бы то ни было хлопотъ. Для него дѣти совершенно безразличны. Въ ихъ присутствіи онъ разсказываетъ двусмысленныя исторіи и читаетъ менѣе всего педагогическіе

[1]) Письмо гр. И. А. Каподистріи къ Инзову. *Русск. Ст.* 1887, LIII, 241.

стихи: лишь бы дѣти сидѣли смирно и не мѣшали говорить и слушать.

Жена—его достойная соревновательница по тону, и взглядамъ на свои обязанности матери и хозяйки. Но она, кромѣ того, еще зла, взбалмошна, мстительна. Она можетъ публично, на балу, ударить дочь, цѣлый годъ не говорить съ сыномъ, смѣяться надъ его неуклюжестью и некрасивостью, изобрѣтать особенно мучительныя наказанія. Отъ нея прямо приходится спасаться и порѣже попадать въ ея общество.

И дѣти впослѣдствіи дѣйствительно бѣгутъ изъ родительскаго дому: дочь тайкомъ выходитъ замужъ, одинъ сынъ также скрытно отъ родителей поступаетъ въ военную службу, будущій геніальный поэтъ съ радостью покидаетъ ихъ, и они не огорчаются разлукой. Вскорѣ они докажутъ это блистательно.

Сынъ вернется домой изгнанникомъ. Мать встрѣтитъ его равнодушно, отецъ—съ невѣроятной жестокостью. Онъ объявитъ его чудовищемъ въ присутствіи брата и сестры, отдѣлитъ его отъ семьи, будто зачумленнаго, поэтъ вынужденъ будетъ цѣлые дни проводить гдѣ-нибудь въ полѣ, въ лѣсу, лишь бы не встрѣчаться съ отцомъ, вдобавокъ, отецъ приметъ на себя обязанности надзирателя за поведеніемъ сына и, слѣдовательно, доносчика, не побоится, въ порывѣ безсмысленнаго озлобленія, оклеветать его въ преступленіи, будто бы онъ, сынъ покушался убить его, своего отца!.. Несчастный умоляетъ власти запереть его лучше въ крѣпость, чѣмъ заставить жить съ отцомъ.

Такова семейная лѣтопись дѣтства и молодости.

Въ промежуткѣ—школа.

Какія увлекательныя перспективы! Лицей—подъ неусыпнымъ, личнымъ надзоромъ государя, воспитанники окружены, повидимому, самой пристальной заботливостью, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, они освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, имъ при самомъ открытіи лицея заявляютъ, что

ихъ назначеніе быть государственными людьми, „столпами общества“, что отъ нихъ зависятъ нравственность и благоденствіе народа... Будутъ они изучать много и необыкновенно интересныхъ наукъ — историческихъ, политическихъ, нравственныхъ. Очевидно, начальство, дѣйствительно, возлагаетъ на нихъ самыя смѣлыя надежды и готовитъ ихъ къ славному будущему...

Да, развѣ только надежды и будущее, а дѣйствительность, настоящее не имѣютъ почти ничего общаго со всѣмъ этимъ блескомъ. Уже въ самой программѣ какія-то странныя недоразумѣнія. Говорится, напримѣръ, слѣдующее: „Во второмъ курсѣ исторія должна быть дѣломъ разума. Предметъ ея есть представить въ разныхъ превращеніяхъ государствъ шествіе нравственности, успѣхи разума и паденіе его въ разныхъ гражданскихъ постановленіяхъ“... Очень величественно, но знаете, какой спутникъ въ этомъ шествіи? Боссюэ — достопочтенный идеологъ Людовика XIV и г-жи Монтенонъ.

Еще неожиданнѣе рѣшается вопросъ съ наставниками.

Самый видный, несомнѣнно,—ораторъ, столь широковѣщательно открывавшій лицеистамъ горизонты общественной дѣятельности. И Куницынъ, дѣйствительно, умѣлъ говорить, впослѣдствіи потерпѣлъ даже за неблагонамѣренную книгу *Право естественное*. Здѣсь, между прочимъ, говорилось: „употребленіе власти общественной безъ всякаго ограниченія есть тиранство, и кто оное производитъ есть тиранъ“. Очень либерально, и автора уволили отъ службы. Но именно о немъ директоръ лицея Энгельгардтъ, человѣкъ удостовѣреннаго благородства, писалъ слѣдующее:

„Не всегда тѣ люди, которые, по техническому выраженію, *смѣло* говорятъ, точно то думаютъ, что говорятъ, и не всегда то дѣлаютъ, что говорятъ. Куницынъ на каѳедрѣ постоянно говорилъ противъ рабства и за свободу, а между тѣмъ несчастныхъ своихъ рабовъ держалъ хуже собакъ и

до полусмерти бивалъ. Куницынъ на каоедрѣ насмѣхался надъ піэтизмомъ, а послѣ нѣкотораго времени, каждое воскресенье въ церкви князя Голицына всю обѣдню на колѣняхъ простаивалъ! Обыкновенно эти grands parleurs hardis, какъ моська въ баснѣ: имъ всѣмъ не до дѣла, а только для того, чтобы про нихъ сказали: „ай! моська!—смѣло говоритъ“ [1]).

И какъ преподаватель, Куницынъ не оправдалъ надеждъ. Онъ скоро перешелъ къ самому простому способу, заставлялъ лицеистовъ вызубривать его записки слово въ слово; о самодѣятельности ума здѣсь не могло быть и рѣчи.

И все-таки Пушкинъ помянулъ Куницына добрымъ словомъ! Онъ могъ не знать гражданской *практики* профессора, а потомъ и некого было больше вспомнить, развѣ Галича за доброту сердца и соучастіе съ воспитанниками въ попойкахъ.

Всѣ остальныя или смѣхотворныя, дикія фигуры, въ родѣ брата Марата, преподавателя французской словесности, или Кошанскаго—ритора и стихоплета, педанта піитики и напыщеннаго краснословія. Онъ прямо не взлюбилъ Пушкина за его слишкомъ большой и свободный талантъ и самъ Пушкинъ умолялъ въ стихахъ „скучнаго проповѣдника“ умѣрить ученый гнѣвъ своего вкуса и оставить въ покоѣ „лѣнивца молодаго“. Кошанскому ничего другого и не оставалось.

Но въ лицеѣ былъ одинъ дѣйствительно благородный и добрый человѣкъ, воспитатель по природѣ, гоголевскій идеальный наставникъ — директоръ Энгельгардтъ. Лицеисты — его семья, ихъ умственное развитіе — высшая цѣль его жизни, онъ вѣчный предстатель у государя за своихъ питомцевъ и за ихъ просвѣщеніе, онъ впослѣдствіи и за Пушкина будетъ ходатайствовать, когда надъ поэтомъ соберется гроза и ретивые охранители порядка станутъ прочить его въ Си-

[1]) «Смѣлые краснобаи». *Русск. Стар.* 1875 г., XIII, 366. Письмо къ Кюхельбекеру, мартъ 1823 г.

бирь и въ Соловецкій монастырь. Повидимому, всѣ данныя сойтись геніальному юношѣ съ подобнымъ учителемъ-другомъ.

На самомъ дѣлѣ, именно съ Энгельгардтомъ дѣло вышло хуже, чѣмъ со всякимъ другимъ. Директоръ на второмъ мѣсяцѣ послѣ своего поступленія въ лицей вздумалъ составить характеристики воспитанниковъ, и самая ужасная достается на долю Пушкина. Директору бросилась въ глаза его отчужденность, слишкомъ горячіе взрывы темперамента; онъ не справился, была ли у ребенка возможность — воспитать въ себѣ обходительность и ласковость и позаботился ли кто-нибудь объ его характерѣ и сердцѣ? И Энгельгардтъ открываетъ въ Пушкинѣ холодное сердце, лишенное любви и религіи, умъ поверхностный и пустой, отвращеніе ко всякому серьезному ученію...

Пушкинъ не могъ забыть этой опрометчивости и до конца не сходился съ Энгельгардтомъ. Нашлись и товарищи, раздѣлявшіе впечатлѣнія директора. Пущинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ поняли поэта, хотя и не сразу, и Пущинъ прямо сознается, что полюбить Пушкина можно было только послѣ тщательнаго и любовнаго изученія его необыкновенной личности. Кто же на это способенъ? Въ лицеѣ оказались далеко не всѣ Предъ нами отзывы и воспоминанія двухъ товарищей Пушкина и они менѣе всего благосклонны. Одинъ товарищъ убѣждаетъ насъ, что Пушкинъ во всю жизнь не имѣлъ „ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи“, въ лицеѣ болталъ, большею частью, тривіальныя общія мѣста или хранилъ разсѣянное молчаніе; кромѣ того, всѣхъ превосходилъ пороками молодости. Вообще, по мнѣнію товарища, Пушкинъ не былъ созданъ ни „для высшей любви, ни для истинной дружбы“. Въ немъ не было „ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ“ и въ заключеніе—„онъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата“ [1]).

[1]) *Записки графа М. А. Корфа. Къ біографіи.* II, 19.

*

Другой товарищъ современемъ наляжетъ на произведенія Пушкина, приправляетъ *Евгенія Онѣгина* къ роману Булгарина *Иванъ Выжигинъ*, вообще въ послѣдній періодъ его дѣятельности объявитъ его „спустившимся“, а по поводу *Бориса Годунова* обвинитъ даже въ недостаточно сочувственномъ и серьезномъ отношеніи къ бѣдственной эпохѣ русской исторіи [1]). Въ этихъ, хотя бы и литературныхъ приговорахъ, не видно дружескаго, даже просто терпимаго отношенія къ поэту: жестокая критика будто доставляетъ удовольствіе автору.

Очевидно, и лицей принесъ мало удовлетворенія сердцу Пушкина. У него остались навсегда поэтическія воспоминанія о своей юношеской „отчизнѣ“, но эта поэзія, все равно, какъ и память о Куницынѣ и Галичѣ, *превосходила* горячностью чувства заслуги лицъ и предметовъ, свидѣтельствовала прежде всего о способности поэта увлекаться и любить. А потомъ, именно, на воспоминаніяхъ молодости такъ легко сглаживаются и совсѣмъ исчезаютъ тѣни!

Не много далъ лицей и уму Пушкина, и не одного его. Выпускные экзамены явились комедіей, столь обычной въ доброе старое время. Вопросы и отвѣты были подготовлены раньше и каждый воспитанникъ выполнялъ заранѣе опредѣленную ему роль. Инымъ способомъ профессора не разсчитывали благополучно разрѣшить задачу. Лицеисты выпускались просто потому, что ихъ надо выпустить — все равно, что̀ и по какому предмету они знали. Въ аттестатѣ Пушкина, напримѣръ, совсѣмъ не указаны успѣхи по исторіи, географіи, статистикѣ, математикѣ и нѣмецкому языку. Съ такими лаврами вступали въ жизнь юные государственные дѣятели!

Теперь подведите итоги домашнимъ и школьнымъ благодѣяніямъ. Объ образованіи можно говорить только съ крайней снисходительностью: родители Пушкина нанимали къ себѣ въ домъ шутовъ и уродовъ, учителя охотнѣе играли

---

[1]) *Ист. В.* 1883, XIV, 529 etc, письма Комовскаго.

въ карты съ лакеями или кропали французскіе стихи, чѣмъ занимались съ дѣтьми. *Нѣмецъ* училъ будущаго поэта *русскому* языку, а французскій графъ-эмигрантъ, съ музыкальнымъ талантомъ, завѣдывалъ его воспитаніемъ. Лицей, въ общемъ, достойно продолжилъ семейную программу, только велъ ее гораздо веселѣе.

Царскосельскій садъ и лицейскіе корридоры превратились въ укромные уголки для любовныхъ приключеній съ горничными и крѣпостными актрисами. Кстати пришелся лейбъ-гусарскій полкъ, стоявшій въ селѣ, общія компаніи лицеистовъ съ офицерами, совмѣстное ученье въ манежѣ: самые подходящіе товарищи, чтобы постигнуть „шествіе нравственности и успѣхи разума“.

Но лицей покинутъ. Какъ поэту, при его африканской крови, удалось спасти душу и человѣческій образъ послѣ долголѣтняго странствованія въ тѣни царскосельскаго парка съ Наташами и гусарами — тайна исключительно его природы, отнюдь не внѣшней помощи. Еще любопытнѣе, какъ послѣ упорнаго презрѣнія къ исторіи и словесности лицейскихъ профессоровъ у поэта осталась страстная любовь къ исторіи и къ литературѣ? Какъ послѣ куплетовъ и мадригаловъ горничнымъ и актрисамъ онъ нашелъ въ себѣ охоту и волю *три года* работать надъ поэмой *Русланъ и Людмила*, и работать тайкомъ, съ неослабнымъ усердіемъ, съ величайшимъ напряженіемъ таланта и ума?

Онъ вступаетъ въ свѣтъ. Онъ молодъ и дворянинъ, это значитъ, онъ долженъ возможно чаще бывать въ театрѣ, непремѣнно стать своимъ человѣкомъ за кулисами, обзавестись спеціальнымъ сценическимъ кумиромъ, играть въ карты, кутить, ссориться съ пріятелями изъ-за актрисъ и общедоступныхъ женщинъ, драться на дуэляхъ. Попадетъ онъ въ салонъ солидныхъ людей,— онъ долженъ погрузиться въ мелочныя дрязги, въ сплетни, непремѣнно опошлѣть и поглупѣть, иначе его изведетъ скука и отвращеніе ко всему

живому. „Политика и литература для нихъ не существуютъ“, съ тоской воскликнетъ поэтъ о высшемъ свѣтѣ, и будетъ метаться, будто въ душномъ тѣсномъ углу.

Правда, въ Петербургѣ имѣется необыкновенно тонный и въ то же время чрезвычайно просвѣщенный салонъ исторіографа Карамзина. Но здѣсь Пушкину, пожалуй, еще тошнѣе, чѣмъ съ какимъ-нибудь Якубовичемъ или графомъ Толстымъ-американцемъ. Исторіографъ закаменѣлъ въ своемъ величіи. Онъ неустанно декламируетъ противъ „либералистовъ“, онъ желалъ бы, повидимому, остановить нравственную смѣну поколѣній и обморочить самую жизнь своимъ священнодѣйственнымъ оффиціознымъ фразерствомъ. Предъ Пушкинымъ онъ существо высшаго порядка, олимпійски-величественное, высокомѣрное. Пушкинъ жалуется: „Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить“. Мы не знаемъ, въ чемъ состояло оскорбленіе, но его долженъ былъ чувствовать молодой поэтъ въ каждомъ изреченіи, въ каждомъ снисходительномъ жестѣ. Собственно личность Пушкина для исторіографа безразлична. Для него это „безпутная голова“, онъ напрасно старался образумить ее и „предалъ несчастнаго року и Немезидѣ“. Такъ, по обыкновенію и не кстати упиваясь красивыми рѣченіями, вѣщаетъ Карамзинъ и находитъ возможнымъ сострадать только пушкинскому таланту.

Легко представить, какое впечатлѣніе производятъ всѣ эти аллюры на пылкую натуру поэта! Онъ не сдерживаетъ вспышки и бросаетъ ѣдкую эпиграмму въ мнимый государственный разумъ ритора. На него немедленно возстаетъ карамзинская церковь съ кн. Вяземскимъ во главѣ: потому что Карамзинъ сталъ для нѣкоторыхъ неприкосновенной августѣйшей особой, посягать на его величіе—значило быть виновнымъ въ оскорбленіи величества, чуть не въ измѣнѣ отечеству, и мы знаемъ, какъ эта „карамзинолятрія“ отомстила

Полевому. И вотъ, кн. Вяземскій, предводитель этихъ литературныхъ сендовъ, ополчается на Пушкина. Поэтъ чувствуетъ раскаяніе, но не можетъ не заявить, даже годы спустя, что Карамзинъ былъ ему *чуждъ*.

Оставались Жуковскій, Батюшковъ, тотъ же кн. Вяземскій. У нихъ даже существовало общество, называлось *Арзамасъ*, происходили очень веселыя и остроумныя засѣданія, здѣсь подвергались казни ископаемые піиты и бранчивые педанты-эстетики. Но шуткой, острословіемъ все и кончалось, да еще изобрѣтеніемъ забавныхъ прозвищъ. Научиться чему-нибудь, воспринять плодотворную идею здѣсь не было возможности. А потомъ и всѣ эти острословы сами принадлежали прошлому. Ихъ романтизмъ становился фактомъ историческимъ, и съ самаго начала былъ не національнымъ, не народнымъ: не въ такой школѣ учиться молодому геніальному таланту, и дядя Пушкина, Василій Львовичъ, одно изъ первыхъ свѣтилъ „Арзамаса“, находилъ племянника *trop libre, слишкомъ свободнымъ*... Еще теперь, когда племянникъ пока вращался въ старой атмосферѣ, романтической и международной.

Что же будетъ, когда онъ заговоритъ о „фламандскомъ сорѣ“ русской жизни, о герояхъ „обыкновенныхъ малыхъ“? Придется окончательно придти въ недоумѣніе, и отвергнуть всякое родство у „бѣшенаго сорванца“ со всѣми столпами россійской словесности.

Да, задача—этотъ поэтъ одинаково и для русскаго Парнасса, и для русскаго салона, и, что особенно важно, для петербургской канцеляріи. Приходится его „убрать“: можетъ быть, онъ поумнѣетъ, научится чинопочитанію, обратитъ должное вниманіе на службу, обзаведется семьей и станетъ мирнымъ сочинителемъ, писателемъ между прочимъ, а преимущественно бариномъ и чиновной особой.

Ожиданія, повидимому, оправдываются. Пушкинъ дѣйствительно трезвѣетъ, идеалистическіе порывы уступаютъ

мѣсто обдуманнымъ, исторически-обоснованнымъ воззрѣніямъ, дѣйствительность окончательно затмеваетъ блестящія романтическія грезы. Поэтъ начинаетъ говорить о вдумчивомъ отношеніи къ современности, объ уваженіи къ прошлому, о постепенномъ возникновеніи будущаго. И обстоятельства, повидимому, складываются вполнѣ благопріятно, чтобы поэтъ сталъ, наконецъ, признаннымъ членомъ общества и законнымъ гражданиномъ своего отечества. Самъ государь привѣтствуетъ его отрезвленіе и говоритъ ему:

— Довольно, ты подурачился, надѣюсь, теперь будешь разсудительнымъ и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ [1]).

И обѣщаніе выполняется. Шефъ жандармовъ извѣщаетъ поэта, что сочиненій его никто не будетъ разсматривать: „На нихъ нѣтъ никакой цензуры: Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ“. Поэтъ можетъ доставлять ихъ или черезъ графа Бенкендорфа, или „прямо адресовать на Высочайшее имя“. Государь, по словамъ шефа жандармовъ, увѣренъ, что Пушкинъ „употребитъ отличныя способности свои на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертіе имъ свое“.

Превосходно! Никто изъ русскихъ писателей не пользовался такой привеллегіей и никто такъ заботливо не направлялся по пути къ славѣ и даже къ безсмертію. И Пушкинъ возликовалъ:

Москва праздновала его освобожденіе, высочайшую милость къ нему, и поэтъ отдался мысли быть свободнымъ и знаменитымъ. Онъ поспѣшилъ познакомить московское общество съ *Борисомъ Годуновымъ*, вызвалъ восторгъ до самозабвенія и ликовалъ вмѣстѣ съ публикой. Будущее, казалось, открывалось дѣйствительно свѣтлое и необъятно величественное.

[1]) Разсказъ со словъ Пушкина. *Русск Стар.* 1880, XXVII, 132.

Но торжество продолжалось очень недолго, за пиромъ слѣдовало самое зловѣщее похмелье, и тяжелая завѣса упала на чарующія перспективы, лишь только онѣ успѣли открыться.

IX.

Чтеніе драмы происходило въ сентябрѣ, а въ ноябрѣ шефъ жандармовъ уже дѣлалъ внушеніе пылкому поэту: какъ онъ смѣлъ читать поэму въ обществѣ безъ вѣдома начальства? Это значитъ не чувствовать „въ полной мѣрѣ великодушнаго монаршаго снисхожденія“, вообще не быть „благомыслящимъ“ и достойнымъ милостей.

Первое предостереженіе, и Пушкинъ могъ, дѣйствительно, собраться съ мыслями и задать себѣ вопросъ: чего же ему ждать на будущее время? Если онъ вполнѣ не уяснилъ себѣ значенія письма Бенкендорфа, обстоятельства не замедлили навести его на путь истинный, прежде всего *принципіально.*

Пушкинъ представилъ свою записку о народномъ воспитаніи и получилъ оффиціальную критику, способную вразумить самаго опрометчиваго мечтателя и поэта. Авторъ записки могъ усмотрѣть изъ отеческихъ наставленій того же шефа жандармовъ, до какой степени превратно понималъ онъ просвѣщеніе. Онъ считалъ его вѣрнѣйшимъ средствомъ спасти молодежь отъ несбыточныхъ надеждъ и пагубныхъ увлеченій, воспитать настоящихъ гражданъ отечеству,—Бенкендорфъ считалъ просвѣщеніе ядомъ и заразой и „правило“ Пушкина насчетъ необходимости распространять просвѣщеніе „есть правило“, опасное для общаго спокойствія“. Изъ соображеній Бенкендорфа выходило, что просвѣщеніе непремѣнно „неопытно, безнравственно и безполезно“ и вмѣсто него должны господствовать „прилежное служеніе“ и усердіе“.

Это уже убѣдительнѣе внушенія за *Бориса Годунова* и у Пушкина должны окончательно открыться глаза, къ какимъ людямъ шелъ онъ своимъ искреннимъ желаніемъ служить родинѣ умомъ и талантомъ.

Откровенія слѣдовали одно за другимъ и Пушкинъ безпрестанно могъ вычеркивать изъ своихъ писательскихъ разсчетовъ и просто обывательской свободы одинъ пунктъ за другимъ. Освобожденіе отъ общей цензуры совершенно неожиданно, но чрезвычайно просто превратилось для поэта прямо въ лишеніе правъ, принадлежавшихъ каждому русскому литератору.

Бенкендорфъ увѣрялъ поэта, что онъ обязанъ ему, Бенкендорфу, не какъ шефу жандармовъ, а какъ человѣку-другу и покровителю, оберегающему его своими совѣтами и руководящему имъ къ его же пользѣ. Но понятія Бенкендорфа о дружбѣ и покровительствѣ, очевидно, были столь же своеобразны, какъ и о просвѣщеніи.

Онъ безповоротно убѣжденъ, что Пушкинъ существо несовершенно-лѣтнее и такимъ останется до конца своихъ дней, просто потому, что онъ сочинитель. Правда, перо у него „блистательное“, но за нимъ нуженъ зоркій глазъ, нисколько не меньше, чѣмъ за поступками невмѣняемаго субъекта. Именно такое воззрѣніе на Пушкина должно лежать въ „покровительствѣ“ Бенкендорфа: иначе невозможно объяснить безпримѣрно издѣвательскихъ отношеній его къ поэту.

Онъ часто говоритъ весьма лестно, даже льстиво о талантѣ Пушкина въ своихъ письмахъ, и здѣсь же рядомъ, непремѣнно—личное оскорбленіе, въ родѣ обвиненія въ нарушеніи честнаго слова. Лесть, очевидно, должна задобрить буйнаго человѣка, а потомъ его уже можно хлеснуть, все равно, хотя бы даже по чувству личной чести.

Напримѣръ, Пушкину необходимо только переѣхать изъ Москвы въ Петербургъ. Казалось бы, не можетъ быть и сомнѣнія въ правѣ поэта, столь благосклонно обласканнаго государемъ. Оказывается, надо подать особую просьбу и отвѣтъ на нее получается слѣдующій:

„Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное

русскимъ дворянином государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно въ полномъ смыслѣ сдержано".

Въ томъ же 1827 году, когда писалось это письмо, случилась новая исторія, окончательно смутившая Пушкина и навсегда пресѣкшая ему пути свободной дѣятельности.

У кандидата московскаго университета Леопольдова нашли отрывокъ изъ элегіи Пушкина *Андрей Шенье*, сорокъ четыре стиха, не пропущенные въ печать. Леопольдовъ сдѣлалъ помѣтку, что стихи написаны „на 14-е декабря". Листы попали въ руки генералу Ивану Никитичу Скобелеву, вѣдавшему раньше тайную полицію. Генералъ уже раньше старался вернуть себѣ карьеру при помощи пушкинскихъ стиховъ. Генералъ оставался не у дѣлъ по подозрѣнію въ „либеральности" и, по его словамъ, томился „угрызеніями грозно преслѣдующей совѣсти", хранилъ „постоянные порывы къ истинному добру" и „пламенное желаніе быть полезнымъ благодѣтелю-царю". Представился случай доказать все это доносомъ на неблагонамѣренные стихи Пушкина. Это было три года назадъ. Тогда Скобелевъ даже не имѣлъ въ своихъ рукахъ возмутительныхъ стиховъ, доносилъ по слухамъ и все-таки дѣлалъ такое заключеніе: „если бы сочинитель вредныхъ пасквилей немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры, было бы лучше".

Теперь у генерала имѣется документъ и онъ немедленно сообщаетъ его съ надлежащими соображеніями Бенкендорфу. Началось дѣло, вполнѣ не прекращавшееся относительно Пушкина до самой его смерти. Преступные стихи *Привѣтствуя тебя, мое свѣтило* не могли появиться въ собраніи сочиненій поэта до 1870 года, на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ декабрьской смутѣ. Они написаны до 14-го декабря и цѣликомъ относятся къ французской революціи 1789 года. Шенье говоритъ въ нихъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ членовъ генеральныхъ штатовъ въ залѣ Jeu de paume, о перенесеніи праха знаменитыхъ фран-

цузскихъ писателей въ Пантеонъ, и для всякаго должна быть очевидна безсмыслица приписывать все это къ 14-му декабря!

Но объясненія поэта не возъимѣли успѣха. Дѣло восходило до сената и государственнаго совѣта, къ нему привлекли знакомыхъ Леопольдова, выдержали ихъ болѣе года въ тюрьмѣ, двухъ лейбъ-гвардейскихъ офицеровъ перевели въ армію послѣ заключенія одного изъ нихъ въ крѣпости, Леопольдова было присудилъ сенатъ къ сдачѣ въ солдаты и лишенію университетскаго диплома, а въ случаѣ непригодности къ военной службѣ, сослать въ Сибирь на поселеніе. Государственный совѣтъ наказаніе Леопольдову отмѣнилъ, но Пушкина не помиловалъ.

Поэтъ на допросѣ, объяснивъ истинный смыслъ своихъ стиховъ, имѣлъ неосторожность спросить у судей: „Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?“

Государственный совѣтъ призналъ убѣдительность объясненій, но обидѣлся заключительнымъ вопросомъ поэта, постановилъ, чтобы впредь Пушкинъ безъ разрѣшенія цензуры не выпускалъ въ свѣтъ ни одного своего творенія, и прибавилъ, чтобы „за Пушкинымъ, по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самого сочиненія его, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года напечатаннаго, имѣлся секретный надзоръ“ [1]).

Какую богатую поживу представилъ Бенкендорфу этотъ приговоръ! Съ этихъ поръ Пушкинъ, будто временно, выпущенный на волю арестантъ. Негласный надзоръ сопровождаетъ его всюду. Каждый его переѣздъ вызываетъ безпокойство въ третьемъ отдѣленіи, дѣятельную переписку объ *образѣ жизни* и *поведеніи* Пушкина [2]). Секретныя отноше-

[1]) Процессъ объ *А. Шенье*. — *Р. Стар.* 1874, X, 691 etc.; XI, 584 etc 1882, XXXIII, 465, 1883; XXXVIII, 690.
[2]) *Русск. Стар.* 1882, XXXIII, 225.

нія летятъ за нимъ вслѣдъ, по канцеляріямъ всѣхъ губернаторовъ, въ чьи губерніи онъ направляется. Предъ нами отношенія нижегородскаго военнаго губернатора къ казанскому военному губернатору, казанскаго губернатора къ казанскому полиціймейстеру: превосходные образчики идеальной бдительности третьяго отдѣленія. Но особенно тревожится оно, когда Пушкину вздумалось проѣхать на Кавказъ. Помимо надзора, слѣдуетъ запросъ самому поэту о цѣли его путешествія. На Кавказѣ находится нѣсколько декабристовъ, Пушкину необходимо оставить и этотъ край, по отеческому совѣту Паскевича... Не дозволяются переѣзды даже изъ Петербурга въ Москву безъ вѣдома шефа жандармовъ: у Пушкина мгновенно требуютъ объясненій по поводу отлучки. Поэтъ горько жалуется на притѣсненія, на безпрестанные выговоры, и это въ письмѣ къ Бенкендорфу!

Мало этого, именно въ Бенкендорфѣ онъ готовъ видѣть своего единственнаго защитника. „Если завтра вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму“.

Въ какое отчаяніе надо придти, чтобы написать такія слова и такому защитнику!

И мы понимаемъ настроеніе Пушкина. Онъ рѣшительно не могъ сдѣлать шагу, ни какъ писатель, ни какъ членъ общества, чтобы не встрѣтить ненависти и интриги. Если Бенкендорфъ по-своему понялъ порученіе Николая I „оберегать“ Пушкина, то и министръ Уваровъ явно стремился извлечь изъ новаго положенія поэта новые узы и скорпіоны. Это, оказалось, нетрудно. Пушкинъ не подлежитъ общей цензурѣ, его произведенія разрѣшаются къ печати государемъ, слѣдовательно, каждое даже мелкое стихотвореніе должно быть представлено его величеству. Но въ тоже время государственный совѣтъ постановилъ лишить Пушкина права печатать что-либо безъ цензурнаго разрѣшенія. Въ результатѣ получилось нѣчто, по истинѣ, безжалостное.

Лично Пушкинъ только случайно могъ встрѣчаться съ

государемъ и, конечно, не могъ докучать ему разговорами и ходатайствами о своихъ произведеніяхъ. Это онъ самъ пишетъ Бенкендорфу. Фактически, слѣдовательно, цензоромъ являлся Бенкендорфъ и чиновники третьяго отдѣленія, которымъ онъ поручалъ разсмотръ и даже критическую оцѣнку произведеній Пушкина. Съ этими оцѣнками и представлялись рукописи поэта государю, напримѣръ, *Борисъ Годуновъ*, *19-е октября*, отрывки изъ *Евгенія Онѣгина*. Критики изъ третьяго отдѣленія не желали ограничиться своей спеціальностью, пускались и въ художественныя разсужденія, напримѣръ, совѣтовали *Бориса Годунова* переложить въ романъ. Пушкину приходилось отвоевывать даже свою *поэтическую* самостоятельность, заявлять, что онъ не въ состояніи передѣлывать разъ написанное, онъ умоляетъ снисходительнѣе относиться къ его безусловно искреннему творчеству. Бенкендорфъ, разумѣется, не внемлетъ мольбамъ, мститъ задержкой въ печатаніи драмы, разрѣшенной государемъ, и унизительнымъ запросомъ по поводу стихотворенія *Анчаръ*.

Онъ появляется въ печати, безъ представленія Бенкендорфу, съ разрѣшенія обыкновенной цензуры, и шефъ жандармовъ безъ всякихъ стѣсненій обвиняетъ его въ обманѣ, въ нарушеніи честнаго слова. Пушкинъ оскорбленъ до глубины души, онъ до самой смерти не можетъ забыть этой обиды, пишетъ Бенкендорфу, что по его мнѣнію, высочайшая милость не лишаетъ его права всѣхъ другихъ подданныхъ, печатать свои произведенія съ дозволенія цензуры.

Соображеніе, повидимому, неопровержимое, но только не для защитниковъ Пушкина. Бенкендорфъ, очевидно, считаетъ личнымъ оскорбленіемъ не знать и не одобрить каждой строки поэта, а Уваровъ, въ свою очередь, не желаетъ признавать особой цензуры для Пушкина и требуетъ цензуры его произведеній, допущенныхъ въ печать изъ канцеляріи его величества. Разумѣется, онъ не смѣетъ дѣлать этого въ самый моментъ разрѣшенія, но немедленно нала-

гаетъ свой запретъ на *вторыя* изданія разрѣшенныхъ произведеній. Пушкину остается удостовѣрить чудовищный фактъ: „Я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ“ [1]).

Но у министра Уварова свои счеты съ поэтомъ, и онъ, по собственному побужденію, образуетъ съ Бенкендорфомъ неумолимый инквизиторскій дуумвиратъ и они вдвоемъ благосклонность Николая I къ поэту сдѣлаютъ источникомъ исключительныхъ, истинно-привиллегированныхъ гоненій и оскорбленій. Пушкинъ, наконецъ, рѣшаетъ, что гораздо легче жить и писать безъ исключительной верховной цензуры, и ходатайствуетъ подчинить его обыкновеннымъ цензорамъ хотя бы отчасти, т. е. для нѣкоторыхъ произведеній.

И особенно любопытно,— все время Пушкина увѣряли въ благосклонности и въ полной его свободѣ. Бенкендорфъ пишетъ ему, будто никогда никакая полиція не получала приказанія наблюдать за нимъ и *дружескія* предостереженія его, шефа жандармовъ, могли только принести пользу ему, Пушкину. Даже отецъ поэта находитъ, что Бенкендорфъ придирается къ его сыну неслыханно и причинятъ ему ужасное настроеніе духа [1]).

Пушкину на каждомъ шагу даютъ понять, что ему не довѣряютъ и даже, что онъ не заслуживаетъ довѣрія. Ему позволяютъ работать въ архивахъ, но подъ наблюденіемъ гр. Блудова,— личности, уже составившей себѣ имя необыкновенно ревностнымъ изобличеніемъ *Московскаго Телеграфа* въ неблагонамѣренномъ направленіи. Но и подъ такимъ надзоромъ Пушкину доступны архивы только до тѣхъ поръ, пока онъ числится чиновникомъ; какъ частный человѣкъ онъ лишается этого права: „оно можетъ принадлежать только

1) Исторія по поводу *Анджело.* — Письмо въ главный комитетъ цензуры.—*Сочиненія* VII, 386.

1) Benkendorff lui fait des chicanes infies, ce qui rend mon fils d'une humeur atroce.—*Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ.*— Л. Павлищева. М. 1890, 305.

людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства“ [1]).

Эти воззрѣнія власти не тайна въ обществѣ и въ литературѣ, и здѣсь отношенія къ Пушкину складываются сообразно съ чувствами Бенкендорфа и Уварова. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе, нравственное и практическое. Онъ является самой краснорѣчивой чертой въ судьбѣ русскаго поэта. На немъ основана вся безпросвѣтная драма, душившая Пушкина въ теченіе всей жизни и, наконецъ, поразившая его насильственной смертью.

Много лѣтъ позже два русскихъ писателя, изображая свое положеніе въ современномъ обществѣ, опредѣлили его совершенно тождественно, взаимно дополнили наблюденія другъ друга. Одинъ говорилъ:

Не братъ еще людямъ поэтъ
И тернистъ его путь и не проченъ.

Другой объяснилъ почему: „Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился, что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ни откуда поддержки себѣ ждать нечего“.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ современниковъ Некрасова и Салтыкова попытается уличить ихъ въ слишкомъ мрачномъ настроеніи, относительно Пушкина немыслимо ни малѣйшее колебаніе: „служительскія слова“ отравили его нравственный міръ и варварская, тупо и слѣпо ненавистническая среда предала его медленной долголѣтней казни за свободный умъ, геніальный талантъ и благородную рѣчь.

X.

Пушкинъ, по своей страстной природѣ, могъ, пожалуй, впадать въ крайности, преувеличивать низменный характеръ

[1]) *Русск. Стар.* 1874, X, 712.

свѣтской и литературной черни, вызывавшей въ немъ дрожь отвращенія и гнѣва. Такъ именно весьма многіе склонны были думать и при жизни поэта, и послѣ его смерти. Его неумчивое сердце безпрестанно встрѣчало дружескія внушенія и укоризны. Особенно любопытно поученіе, прочитанное Пушкину кн. Вяземскимъ еще во время его ссылки въ Михайловскомъ.

Князь — человѣкъ барской словесности и карамзинскихъ воззрѣній, но онъ настоящій литераторъ, умный, посильно честный и, главное, искренне любящій Пушкина. Онъ крайне обезпокоенъ волненіями поэта въ изгнаніи, его замыслами — во что бы то ни стало вырваться изъ тюрьмы, и рѣшается отчасти навести его на путь примиренія и терпимости. „Попробуй плыть по водѣ,—убѣждаетъ князь,—ты довольно боролся съ теченіемъ“. Князь спѣшитъ, разумѣется, оговориться: онъ не совѣтуетъ плыть къ грязному берегу, надо выбрать теченіе, гдѣ „ничто не задѣнетъ совѣсти, ничто не запятнаетъ характера“.

Очень благоразумные совѣты и, мы знаемъ, Пушкинъ искренне рѣшился послѣдовать имъ. Онъ несомнѣнно, разсчитывалъ на болѣе или менѣе благополучное плаваніе и даже съумѣлъ, вѣроятно, примирить съ своими разсчетами совершенно безнадежный отзывъ князя о судьбѣ русскаго писателя въ русскомъ обществѣ. Отзывъ — въ высшей степени замѣчательный, прямо культурно историческій. Всѣ „карамзинскія“ соображенія князя вполнѣ очевидны, они могутъ быть устранены безъ всякаго ущерба самой сущности его разсужденій, и эта сущность должна остаться для насъ незабвенна.

Онъ пишетъ Пушкину:

„Ты сажалъ цвѣты, не сообразясь съ климатомъ. Морозъ сдѣлалъ свое, вотъ и все... Ты можешь быть силенъ у насъ только одною своею славою тѣмъ, что тебя читаютъ съ удовольствіемъ, съ жадностью, но несчастіе у насъ не

имѣетъ силы ни на грошъ. Хоть будь въ кандалахъ... ихъ звукъ не разбудитъ ни одной новой мысли въ толпѣ, въ народѣ, который у насъ мало чутокъ... У насъ никому нѣтъ мѣста почетнаго... Оппозиція у насъ пустое и безплодное ремесло во всѣхъ отношеніяхъ... Она не въ цѣнѣ у народа. . Поклоняемся мы одному счастью, и благородное несчастіе не имѣетъ еще кружка своего въ мѣсяцесловѣ народа ребяческаго... Пушкинъ по характеру своему, Пушкинъ, какъ блестящій примѣръ превратностей различныхъ, ничтоженъ въ русскомъ народѣ; за выкупъ его никто не дастъ алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворная отрыжка... Донъ-Кихотъ новаго рода, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаешь передъ вѣтреною мельницею, въ которой не только Бога или святого, но и мельника не бывало“ [1]).

Мѣткость этихъ разсужденій можетъ вполнѣ оцѣнить всякій читатель. Только неизвѣстно почему, кн. Вяземскій толкуетъ о народѣ: въ 1825 году это, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно и неосновательно. Крѣпостной народъ не мѣшался въ литературу и публики не составлялъ,—имя его, слѣдовательно, произносится всуе, и должно быть подмѣнено другимъ — какимъ угодно — свѣтъ, общество, публика, толпа, чернь: всѣ эти понятія въ данномъ случаѣ тождественныя, и Пушкину, какъ и всякому русскому писателю, приходилось и приходится до сихъ поръ считаться именно съ этими силами. Изображены они кн. Вяземскимъ прямо безукоризненно и отношенія ихъ къ Пушкину поняты непогрѣшимо: „они—говоритъ князь,—удовольствуются первою разгадкою, что ты человѣкъ неугомонный, съ которымъ ничто не беретъ, который изъ охоты идетъ наперекоръ власти, друзей, родныхъ и котораго вѣрнѣе и спокойнѣе держать на привязи, подальше“.

---

[1]) *Русск. Архивъ.* 1874, № 1.

Князь, будто, читалъ въ мысляхъ Бенкендорфа и Уварова! Онъ сдѣлалъ еще шагъ и, какъ свѣдущее лицо, раскрылъ психологію дѣятельнѣйшаго приспѣшника третьяго отдѣленія — большого петербургскаго свѣта. Пушкинъ именовалъ этотъ свѣтъ—чернью и гнусной грязной лужею (un vilain lac de boue [1]), но опять это, можетъ быть, взрывъ неумчивой страсти,— вотъ спокойное и вѣжливое разсужденіе князя.

„У насъ въ обществѣ писателю нѣтъ мѣста. По свѣтскому уложенію, авторство не есть званіе, коего представительство имѣетъ свои права, свой голосъ и законный удѣлъ на съѣздѣ членовъ большого свѣта. Писатель въ Россіи, когда онъ съ перомъ въ рукахъ, не въ книгѣ своей, есть существо отвлеченное, метафизическое. Если онъ хочетъ быть существомъ положительнымъ, то имѣй онъ еще въ запасѣ постороннее званіе, и сія эпизодическая роль затмитъ и перевѣситъ главную. Исключенія изъ сего правила рѣдки и всегда случайны и временны. Можно пробыть авторомъ въ обществѣ на полчаса, подобно пѣвцу или піанисту, которые обращаютъ на себя вниманіе только, пока ихъ искусство въ дѣйствіи. Роль, которую играли во Франціи писатели, такъ называемые gens de lettres, въ особенности же царствованія Людовика XV и Людовика XVI до начала революціи, такъ далека отъ нашихъ нравовъ и господствующихъ у насъ понятій, что мы худо постигаемъ всемогущее вліяніе, которое они имѣютъ не только на общую образованность народа, но и на частныя мнѣнія и привычки общества“.

Надо помнить, авторъ этихъ словъ самъ принадлежалъ къ высшему обществу, отнюдь не могъ страдать разлитіемъ литераторской желчи или страстью во что бы то ни стало защищать литературный цехъ: онъ говорилъ, какъ писатель-баринъ, какъ просвѣщенный, мыслящій и умѣренно-либераль-

[1]) *Русск. Стар.* 1880, XXVIII, 103. Письмо къ П. А. Осиповой, авг. 1835.

ный аристократъ и ни чей судъ не могъ быть освѣдомленѣе и убѣдительнѣе.

Тотъ же князь Вяземскій не оставилъ насъ безъ краснорѣчивыхъ данныхъ и насчетъ современной господствующей и признанной литературы. Вскорѣ послѣ возвращенія Пушкина изъ ссылки онъ писалъ Жуковскому:

„Я не Булгаринъ и не будочникъ, — слѣдовательно, какъ мнѣ журналъ издавать?“ [1]). Именно такіе литераторы въ силу вещей должны процвѣтать и множиться. Общество другихъ не допускаетъ и по очень основательной причинѣ: съ Булгариными можно обращаться какъ угодно — вплоть до оскорбленій словомъ и дѣйствіемъ, съ писателемъ, себя уважающимъ, надо считаться и, пожалуй, даже сообразоваться съ его мыслями и вкусами. Это — невѣроятно тамъ, гдѣ писатель — лицо отвлеченное и сановники откровенно заявляютъ: „лучше монополія въ рукахъ у людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ“ [2]).

Естественно, тѣснѣйшая родственная связь устанавливается сама собой, между обществомъ, не считающимъ писателя за лицо, литературой, отданной въ руки не лицъ и властью въ лицѣ Бенкендорфа. Это неразрывный, согласный тріумвиратъ, онъ построенъ на однихъ и тѣхъ же жизненныхъ интересахъ, у него одинъ и тотъ же врагъ — свободное мнѣніе свободно мыслящей личности, одна и та же цѣль — низкій нравственный и умственный уровень читателя, одни и тѣ же средства — притѣсненія всего самобытнаго личнаго, даровитаго. Бенкендорфъ и Уваровъ донимаютъ писателя выговорами, надзорами, покушеніями на его гражданскую и даже личную свободу, ставятъ его внѣ закона и заставляютъ Пушкина написать женѣ слѣдующія отчаянныя строки въ самомъ началѣ издательскаго поприща:

---

[1]) *Къ біографіи.* II, 37.
[2]) Ib. 123.

„У меня душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры и мнѣ говорили vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона“ [1]).

Пушкинъ дорожилъ мнѣніемъ просвѣщеннаго государственнаго человѣка и боялся, какъ бы тотъ, по обычному впечатлѣнію, не смѣшалъ его вообще съ толпой русскихъ журналистовъ. Поэтъ имѣлъ основанія такъ думать, потому что *сами* журналисты считали закономъ природы свое рабское и презрѣнное положеніе, какъ это ни удивительно, а, между тѣмъ, вполнѣ достовѣрно и блистательно было подтверждено журналистами по случаю издательской дѣятельности Пушкина.

Если письма Пушкина переполнены жалобами и гнѣвомъ на притѣсненія властей, зато признанія Булгарина кишатъ таки откровеніями: „Графъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы“; „Бенкендорфъ задушилъ меня въ объятіяхъ“. Булгаринъ получаетъ брилліантовый перстень. Бенкендорфъ ходатайствуетъ ему чинъ; указомъ правительствующему сенату признаются „похвальныя литературныя труды“ Булгарина [2]).

Очевидно, трогательнѣйшій союзъ Третьяго отдѣленія съ *Сѣверной Пчелой*. И онъ осуществляется не только въ объятіяхъ и оффиціальныхъ бумагахъ, но и публично, въ критическихъ и иныхъ статьяхъ. Булгаринъ яростно ополчается на Пушкина, какъ на писателя и человѣка, именуетъ его безпутнымъ, безнравственнымъ, картежникомъ, кутилой, готовымъ на самую унизительную лесть ради камеръ-юнкерскаго мундира. Онъ служитъ усерднѣе Бахусу и Плутону,

---

[1]) *Соч.* VII, 404.
[2]) *Ист. Вѣстн.* 1884, XV, *Полемическія статьи Пушкина.* Сухомлинова.

нежели музамъ. „Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины“; у него „сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова родъ побрякушки, набитой гремучими риѳмами, гдѣ не зародилась ни одна идея“; онъ „бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ“; онъ „мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ“ и у него „одно господствующее чувство—суетность“.

Полная ему противоположность—самъ авторъ этой характеристики, никогда не измѣнявшій долгу и чести и образцовый патріотъ.

Пушкинъ отвѣтилъ въ тонъ этому патріотизму, и привелъ въ ужасъ своихъ друзей. Булгаринъ могъ начать дѣйствовать прямо черезъ шефа жандармовъ. И Булгаринъ, дѣйствительно, ходатайствуя о новыхъ милостяхъ изъ русской казны, не преминулъ упомянуть о безнравственныхъ и революціонныхъ произведеніяхъ Пушкина. И самъ поэтъ сообразилъ *политическое* значеніе полемики Булгарина и счелъ нужнымъ предупредить Бенкендорфа о своихъ отношеніяхъ къ издателю *Сѣверной Пчелы*. Бенкендорфъ поспѣшилъ успокоить Пушкина насчетъ своихъ связей съ Булгаринымъ. Но мы знаемъ, какъ правдивы были утѣшенія шефа жандармовъ, и, несомнѣнно, позорную войну презрѣннаго патріота трехъ отечествъ противъ величайшаго русскаго поэта слѣдуетъ поставить въ число его *заслугъ* предъ отцами-командирами, Дуббельтомъ и спеціальнымъ опекуномъ Пушкина.

Булгаринъ и Сенковскій не ограничились уликами поэта въ неблагонадежности. Какъ прирожденные рабы, они вполнѣ естественно выставили на всеобщій позоръ свое ремесло, принявшись укорять Пушкина въ *самоуниженіи*: онъ сталъ журналистомъ, слѣдовательно, палъ и измельчалъ: „князь мысли

сталъ рабомъ толпы", — взывала *Сѣверная Пчела*, безсознательно рисуя свой собственный портретъ. Не дѣло поэта приниматься за журнальную работу: это слишкомъ унизительно! Любопытнѣйшее самопризнаніе журналиста, почтеннаго объятіями Бенкендорфа. И — что особенно замѣчательно — такъ смотрѣли на вопросъ и нѣкоторые, казалось бы, просвѣщенные люди. Поэтъ Языковъ находилъ, что участвовать въ журналѣ „дѣло не поэтическое". Очевидно, и въ этой средѣ идейные планы Пушкина не находили ни признанія, ни сочувствія, и Пушкинъ чрезвычайно мѣтко, хотя и рѣзко обрисовалъ двумя словами современный журнальный міръ. Изъ Михайловскаго онъ спрашивалъ у брата: „Что наши литературные паны и что сволочь?" [1]).

Языковъ былъ, разумѣется, *панъ*, но и отъ него такъ же, какъ отъ Булгарина, русская журналистика не могла ждать возрожденія. Пушкинъ оказывался неизмѣримо мужественнѣе и идейнѣе даже лучшихъ писателей своего времени и бралъ на себя задачу, которой предстояло ждать болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія еще очень долго.

До какой степени *литературные паны* стихійно враждовали съ Пушкинымъ, показываетъ еще болѣе любопытный фактъ, чѣмъ впечатлѣнія поэта Языкова. Пушкина выбрали въ Академію, но немедленно обнаружилась вся его неприспособленность къ столь почтенному собранію. Уже на второмъ засѣданіи ему прочитали параграфъ устава, повелѣвающій выводить изъ засѣданія членовъ, непристойно себя ведущихъ. Старики поняли свою ошибку, но дѣлать нечего — скрѣпя сердце подчинились факту [2]).

Бенкендорфу, слѣдовательно, нечего было ждать протеста со стороны печати. Его опыты надъ самолюбіемъ и правами Пушкина могли вызвать только полное сочувствіе у „сволочи" и пассивное состраданіе у „пановъ". Не одинъ изъ

[1]) *Русск. Стар.* 1879. XXIV, 229.
[2]) Письмо А. М. Языкова къ Комовскому. *Ист. Вѣстн.* 1883, XIV, 537

нихъ не могъ промолвить въ пріятельскомъ кружкѣ: подѣломъ Пушкину! не лѣзь въ грязь, не спускайся съ Парнасса на улицу.

Общество спѣшило присоединить свое „мнѣніе“ и дѣйствовало совершенно тождественно съ Булгаринымъ. Тотъ клеветалъ въ печати, свѣтъ выполнялъ тоже назначеніе въ салонахъ. Тотъ оповѣщалъ подписчиковъ *Сѣверной Пчелы* о безнравственности и лести Пушкина, свѣтскіе господа и дамы разсказывали, что онъ пьетъ горькую и въ пьяномъ видѣ пишетъ стихи, что онъ въ рукахъ у картежныхъ игроковъ и тѣ располагаютъ его временемъ и вдохновеніемъ, что онъ изъ ревности прибилъ жену и причинилъ ей преждевременные роды, что камеръ-юнкерскій мундиръ ему дали ради той же жены—большой красавицы и что вообще въ семейной жизни онъ хуже всякаго Отелло: не даромъ негритянскаго происхожденія [1]).

Свѣтъ не ограничился устными упражненіями, онъ также пустился въ литературу, принялся сочинять анонимныя письма, пасквили, подбрасывать ихъ въ домъ поэта, пересылать по городской почтѣ, ему лично и черезъ его знакомыхъ. Онъ всѣми способами и мѣрами изводилъ ненавистнаго человѣка: смѣялся, когда при разъѣздахъ выкрикивали карету *Пушкина-сочинителя*, жену его называлъ не иначе, какъ *Пушкина-поэтша*. Друзья, въ свою очередь, въ цѣляхъ либерализма, не приминули также посмѣяться надъ камеръ-юнкерствомъ поэта. Они не могли простить ему примиренія съ правительствомъ, не желали знать никакихъ иныхъ побудительныхъ причинъ, помимо честолюбія [2]). Драма, переживаемая поэтомъ, не бросалась имъ въ глаза, подвиги

---

[1]) Письма Пушкина. Сочиненія, VII, 329. Павлищевъ, 364. *Русск. Стар* 1880, XXX, 217.

[2]) Отношеніе къ Пушкину русскихъ «либераловъ» прекрасно изображено въ статьѣ Мицкевича о Пушкинѣ, вскорѣ послѣ смерти русскаго поэта. См. *Мицкевичъ о Пушкинѣ. Къ біографіи.* 158.

Бенкендорфа, продѣлки Уварова, подлая злоба свѣта и рабскій натискъ журнальныхъ пресмыкающихся — все это для либерально-мыслящихъ наблюдателей исчезало предъ мнимымъ привиллегированнымъ положеніемъ Пушкина, предъ его придворнымъ званіемъ, однимъ изъ источниковъ его страданій и униженій!

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить одну въ высшей степени краснорѣчивую, но до сихъ поръ пренебреженную черту, во всей этой безднѣ озлобленія противъ великаго поэта. Однимъ изъ его преступленій являлось страстное влеченіе къ русской народности. Она овладѣвала постепенно его вдохновеніемъ, его идеями, его поэтической и журнальной работой. Онъ работаетъ надъ народными сказками, создаетъ въ поэтической формѣ цѣлую теорію національнаго русскаго искусства, восторженно привѣтствуетъ Гоголя, именно какъ представителя національнаго реализма. Въ отношеніяхъ къ Гоголю сказывается настоящій призванный глава родной литературы, ея творецъ, опекунъ и первостепенный критикъ. И все это идетъ совершенно въ разрѣзъ и съ настроеніями современной журналистики, и со вкусами просвѣщеннаго общества, и съ видами Третьяго отдѣленія и цензуры.

Ожесточеннѣйшіе свѣтскіе враги Пушкина вдохновляются въ международныхъ салонахъ разныхъ посланницъ и салонницъ. Поэтъ не стѣсняется бросать въ нихъ эпиграммами, а салоны отвѣчаютъ сплетнями, анонимными пасквилями и, позже, восторгами въ честь Дантеса. Именно, здѣсь будущій убійца Пушкина встрѣтитъ самый теплый пріемъ, здѣсь создадутъ ему карьеру, отдадутъ ему и сердца, и честь, и натравятъ на семейное счастье и доброе имя Пушкина. Дантесъ— выкормленникъ и баловень петербургскаго большого свѣта, ненавидѣвшаго въ Пушкинѣ своего естественнаго врага. Даже и послѣ убійства Дантесъ не перестанетъ пользоваться весьма горячей благосклонностью петербургскихъ графинь [1]).

[1]) *А. С. П—нъ по документамъ Остафьевскаго архива. Ibid.* стр. 27.

Литература въ лицѣ Булгарина, высшая цензура въ лицѣ Бенкендорфа не имѣли ни малѣйшихъ поводовъ—цѣнить національную русскую силу таланта Пушкина. Офранцуженные салоны могли быть покойны за критику журналиста-патріота, страшно негодовавшаго на свой патріотизмъ послѣ того, какъ русская казна отказала ему въ крупной суммѣ денегъ: „скимпрометировался, а дѣлать нечего“,—восклицалъ Булгаринъ, отдавая должное русскому отечеству [1]). Бенкендорфъ, погубившій журналъ Киреевскаго *Европеецъ* за непочтительный отзывъ о нѣмцахъ, могъ только усилить свое презрѣніе къ „блистательному перу“ Пушкина за увлеченіе психологіей и поэзіей русскаго народа.

Такова сцена, гдѣ пришлось дѣйствовать Пушкину съ самыми мирными намѣреніями, съ восторженной до наивности готовностью идти рука объ руку съ правительствомъ, лишь бы оно не гнало просвѣщенія и не считало писателя непремѣнно холопомъ или бунтовщикомъ. Какой пьесѣ предстояло разыграться съ такимъ героемъ и въ такой обстановкѣ, ясно было съ самаго начала, и каждый актъ поразительно логически слѣдовалъ изъ предыдущаго: въ полномъ смыслѣ исторія постепеннаго нравственнаго удушенія со всѣми послѣдовательными симптомами и неизбѣжнымъ заключеніемъ—независимо отъ случайностей и отдѣльныхъ лицъ.

XI.

Пушкина принято обыкновенно считать очень жизнерадостнымъ поэтомъ, яснымъ, невозмутимымъ художникомъ, претворяющимъ силой могучаго таланта и объективнаго творческаго духа всѣ противорѣчія дѣйствительности въ чудную гармонію художественной красоты. Это—великое заблужденіе! Пушкинъ, дѣйствительно, первостепенный творецъ красотъ и

[1]) *Ист. Вѣстн.* 1884, XV, 491.

гармоній, но онъ въ тоже время одна изъ самыхъ трогательныхъ драматическихъ личностей даже въ русской многострадальной умственной исторіи. Нѣтъ рѣшительно ни одного періода въ жизни Пушкина, когда бы намъ не представлялось два образа. Одинъ—геніально-вдохновенный, весь преисполненный сознанія своей силы, невыразимаго счастья—видѣть многообразную жизнь и возсоздавать ее, непоколебимой вѣры въ неизмѣнную власть своего слова надъ сердцами людей. Это—одинъ. Въ иныя минуты онъ нѣсколько видоизмѣняется, именно „въ заботахъ суетнаго свѣта“: тогда онъ неумолкаемо остроумный, блещущій смѣхомъ и, повидимому, неисчерпаемый весельемъ, онъ живетъ минутой, онъ весь охваченъ впечатлѣніями и нѣтъ человѣка, равнаго ему въ блескѣ ума, въ мѣткости шутки, въ находчивости забавы.

Другой образъ до такой степени не похожъ на этотъ, что, кажется предъ нами совсѣмъ не тотъ поэтъ. Онъ молчаливъ и задумчивъ, на лицѣ его лежитъ густая тѣнь мучительной тоски или ядовитаго гнѣва; можно подумать, онъ никогда не зналъ улыбки счастья, никогда не свѣтился привѣтомъ любви къ людямъ. Это, несомнѣнно, человѣкъ, одиночества, нераздѣленныхъ думъ, никому неповѣренныхъ страданій, это—поэтъ гнѣва и презрѣнія.

И эти душевныя состоянія чередовались у Пушкина еще въ ранней молодости. Въ лицеѣ онъ часто искалъ уединенія, и ничего не могло быть для него обиднѣй и досаднѣй, какъ чужой взоръ на его укромную бесѣду съ самимъ собой. Тогда онъ стремился сторицей возмѣстить свое отшельничество, боясь, какъ бы не разгадали его тайны, старался всѣхъ товарищей превзойти въ шалостяхъ и весельи, заставить всѣхъ думать, что онъ легкомысленнѣйшій школьникъ на свѣтѣ и вовсе не предается никакимъ серьезнымъ и загадочнымъ мыслямъ.

На югѣ, гдѣ поэтъ часто давалъ полную волю своей огненной натурѣ, „тайный демонъ“ не покидалъ его. Предъ

нами въ высшей степени любопытныя впечатлѣнія очевидца, вовсе не глубокаго психолога, а простого наблюдателя. Его съ перваго взгляда поразила двойственность пушкинскихъ настроеній, даже въ обществѣ.

Разсказчикъ увидѣлъ поэта въ театрѣ. „Въ числѣ многихъ, — говоритъ онъ, — особенно обратилъ мое вниманіе молодой человѣкъ, небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, съ быстрымъ и наблюдательнымъ взоромъ, необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости, и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выраженіе думы до того было увлекательно, что невольно хотѣлось бы спросить: что съ тобой? какая грусть мрачитъ твою душу?“ Послѣ перваго акта какой-то драмы, весьма дурно сыгранной, Пушкинъ подошелъ къ разсказчику и его знакомому, начался разговоръ объ игрѣ актеровъ, Пушкинъ вспомнилъ о петербургскомъ театрѣ и невольно задумался. „Въ этомъ расположеніи духа, — продолжаетъ разсказчикъ, — онъ отошелъ отъ насъ и, пробираясь между стульевъ со всею ловкостью и изысканною вѣжливостью свѣтскаго человѣка, остановился передъ какою-то дамою... мрачность его исчезла; ее смѣнилъ смѣхъ, соединенный съ непрерывной рѣчью... Пушкинъ безпрерывно краснѣлъ и смѣялся, прекрасные его зубы выказывались во всемъ своемъ блескѣ, улыбка не угасала!“

Какой простой и живой портретъ! И онъ точное отраженіе произведеній Пушкина и его личныхъ признаній. Тучи шли вслѣдъ за солнцемъ его генія — съ дѣтства до самой смерти. Дорогой цѣной искупилъ свое избранничество русскій поэтъ! И рѣдко кто, даже среди ближайшихъ свидѣтелей, отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ искупленіи. Поэтъ безпрестанно воспѣваетъ въ стихахъ уединеніе, но вѣдь это благородный поэтическій мотивъ! Кто же не мечтаетъ объ

идиллическомъ временномъ одиночествѣ, не теряя надежды, съ новыми силами пуститься въ общественныя удовольствія?

Поэтъ говоритъ о несомнѣнныхъ страданіяхъ, объ изгнаніи, объ утратахъ, но и это лишь красивые звуки для людей:

«Тѣмъ лучше»,—говорятъ любители искусства:
Тѣмъ лучше: наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ.
И намъ ихъ передастъ...

И Пушкину, несомнѣнно, много разъ приходилось слышать эти столь обычныя утѣшенія. Тогда онъ теряя терпѣніе, сыпалъ эпиграммами, наносилъ безпощадные удары и врагамъ, и равнодушнымъ друзьямъ и самъ же откровенно сознавался:

Еще былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила...
Я былъ ожесточенъ...

И судьба не спѣшила ожесточеніе смѣнить другимъ чувствомъ. „Неравная борьба“ разгорается все сильнѣй. Поэту приходится отвоевывать свою личность, свой талантъ, свои стихи и мысли, и чѣмъ значительнѣе выростаетъ его личность и блистательнѣе становится талантъ, тѣмъ больше противниковъ и гонителей. Онъ начинаетъ удивляться, какъ можно „на Руси сохранить веселость“, у него „кровь въ желочь превращается“, онъ не находитъ на своей родинѣ мѣста душѣ и таланту. Его волнуютъ самые отчаянные планы: онъ хотѣлъ бы бѣжать куда глаза глядятъ—за границу, на Кавказъ, въ Китай. Но эти мечты можно питать, пока поэтъ одинокъ. Онъ обзаведется семьей: это необходимо, поэту хочется жить всей полнотой своего сердца. И онъ живетъ, страстно любитъ жену и дѣтей, но судьба и здѣсь предъявляетъ счетъ за счастье.

Она требуетъ, чтобы обладаніе красавицей женой было возмѣщено неустаннымъ каторжнымъ трудомъ, вѣчными безпокойствами о женѣ, какъ малолѣтней дѣвицѣ, ежедневными столкновеніями съ „гнусной и грязной лужей“, населенной

сплетниками и клеветниками, неотразимыми объясненіями съ друзьями и покровителями въ жандармскихъ мундирахъ. И за все это—нѣтъ полной, всеохватывающей радости, даже дома.

Жена дѣйствительно несовершеннолѣтняя, съ ней нельзя вести рѣчь ни о чемъ, кромѣ свѣтскихъ героевъ и происшествій, она совершенно чужда литературѣ и вообще умственной жизни, и поэтъ, даже въ самыхъ нѣжныхъ своихъ письмахъ, ни разу не рѣшится заговорить о своихъ произведеніяхъ, о своихъ творческихъ думахъ. Если онъ проситъ жену переслать ему книги, то тщательно описываетъ ихъ внѣшность и мѣсто нахожденія: очевидно, его библіотека для жены—заповѣдный міръ.

И въ отвѣтъ письма, переполненныя разсказами о свѣтскихъ побѣдахъ, о кокетствѣ... Въ отвѣтъ онъ умоляетъ жену, напоминая о своей неутомимой работѣ исключительно ради нея: „побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнью жужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc., etc.“.

Только всего, бо́льшаго поэтъ не требуетъ и предоставляетъ женѣ изо дня въ день выполнять одну и ту же обязанность, просто, но краснорѣчиво описанную матерью поэта:

„Наташа всегда прекрасна, щегольски одѣта; вездѣ празднуютъ ея появленіе. Возвращается съ вечеровъ въ четыре или пять часовъ утра, обѣдаетъ въ восемь часовъ вечера; вставъ же изъ-за стола, идетъ переодѣваться и опять выѣзжаетъ“ *).

Очевидно, она принадлежитъ свѣту и свѣтъ ей благодаренъ: онъ усиливается защитить ее отъ африканской ревности мужа, при помощи Бенкендорфа,—даже въ письмахъ. Пушкинъ не смѣетъ откровенно переписываться съ женой. Его негодованію нѣтъ границъ, онъ не можетъ взяться за

*) Павлищевъ, 335.

перо отъ омерзенія при мысли, что его „подслушиваютъ“: „каторга не въ примѣръ лучше!“ восклицаетъ онъ, жалуясь на нарушеніе своей „семейственной неприкосновенности“. Онъ вынужденъ писать „коротко и холодно“, не смѣетъ высказать „все, что придетъ на сердце“. Таково привилегированное положеніе „умнѣйшаго человѣка во всей Россіи!“

Его снова начинаютъ одолѣвать мечты о бѣгствѣ изъ этой жизни. Но теперь далеко не убѣжать. Поэтъ былъ бы счастливъ, если бы ему только удалось выселиться изъ Петербурга, зажить въ деревнѣ хозяиномъ и труженикомъ. Онъ безпрестанно пишетъ стихи на эту тему, и въ письмахъ его рѣчь невольно складывается въ стихъ: такъ сильно и непосредственно чувство: „туда бы (т. е. въ деревню), отъ жизни удралъ, улизнулъ“. Онъ лелѣетъ мысль о темномъ лѣсѣ, о небесахъ, о шумѣ волнъ, онъ былъ бы одинокъ, но

Силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь роющій поля,
Ломающій лѣса...

Но его мечтѣ никогда не сбыться. На прозаическомъ языкѣ она значитъ выйти въ отставку, т. е. явить изъ себя чудовище неблагодарности. И поэтъ остается въ темнотѣ и узахъ.

Съ каждымъ днемъ его настроенія становятся безнадежнѣе, жизнь не въ моготу; у него является мысль уйти уже не изъ Петербурга, не отъ свѣта и третьяго отдѣленія, а отъ этой самой жизни. Его характеръ рѣзко мѣняется. Пушкинъ будто заболѣваетъ недугомъ подозрительности и неограниченнаго недовѣрія ко всему человѣчеству. Свѣтъ достигъ своей цѣли. Тайная злоба и клевета заставили поэта чуть не въ каждомъ встрѣчномъ видѣть своего оскорбителя и интригана. Всякій малѣйшій намекъ на его семейную честь приводитъ его въ бѣшенство, онъ готовъ требовать удовлетворенія у мнимаго преступника, даже не провѣривъ дѣла, не убѣдившись въ винѣ.

Одно столкновеніе за другимъ.

До Пушкина доходятъ слухи, будто князь Репнинъ неуважительно отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ. Немедленно пишется запросъ и, только благодаря спокойствію и искреннему расположенію князя къ поэту, дѣло не кончается ссорой и, какъ водится, дуэлью.

Почти одновременно происходитъ столкновеніе съ графомъ Соллогубомъ: Пушкинъ узналъ, будто графъ сказалъ какую-то двусмысленность его женѣ. Поэтъ на этотъ разъ немедленно вызвалъ его на дуэль; она не состоялась послѣ объясненій графа [1]). Но было видно, до какой степени напряжены нервы поэта и какъ легко толкнуть его въ пропасть, при помощи самой наглой интриги.

И онъ чувствуетъ, пропасть недалеко. Его встрѣчаютъ въ грустномъ настроеніи, почти въ отчаяніи. Онъ съ горькой ироніей говоритъ о поэзіи, о своемъ семейномъ счастьѣ. Онъ гуляетъ одинъ, избѣгаетъ разговоровъ со встрѣчными и даже наивные почитатели его соображаютъ: „Пушкина гонитъ его злой духъ“ [2]).

Этотъ злой духъ—безвыходная тоска и неотвязная духота во всемъ окружающемъ мірѣ. Похороны матери вызываютъ у поэта слова отчаянія о своей грядущей участи. Онъ говоритъ сестрѣ:

„Если бы ты знала, какъ мое существованіе мнѣ тягостно; надѣюсь, оно не будетъ продолжительно... скажу тебѣ лучше: я это чувствую!..“

На лицейской годовщинѣ 1863 года онъ не можетъ прочитать своего привѣтствія: слезы душатъ его и рыданія прерываютъ чтеніе.

Наконецъ, онъ убѣжденно говоритъ: „мнѣ здѣсь не житье“, и послѣ его смерти нѣкоторые думаютъ, что Пушкинъ стра-

---

[1]) *Русскій Архивъ.* 1864, № 10. 1865, № 5 и 6. *Изъ воспоминаній графа Соллогуба.*

[2]) *Встрѣча нѣмца съ Пушкинымъ. Къ біографіи.* II, 145.

стно хотѣлъ умереть, что исторія съ Дантесомъ только придирки, „только удобный случай попробовать отдѣлаться отъ жизни“ *).

Можетъ быть, это преувеличено, хотя вся исторія съ Геккеренами обличаетъ страстное нетерпѣніе поэта во что бы то ни стало покончить вопросъ. Насколько онъ выяснепъ въ настоящее время, Пушкину не было настоятельной необходимости наносить несмываемое оскорбленіе отцу Дантеса и дѣлать рѣшительный шагъ къ дуэли. Анонимные дипломы на званіе исторіографа ордена рогоносцевъ у самого Пушкина сначала встрѣтили вполнѣ достойное презрѣніе. Заслуживали такого же отношенія и пошлые разговоры отца Дантеса съ Пушкиной о примиреніи ея мужа съ Дантесомъ. Друзья поэта были убѣждены, что вопросъ разрѣшится благополучно, тѣмъ болѣе, что Дантесъ успѣлъ жениться на сестрѣ Натальи Николаевны. И вдругъ всѣ ожиданія разсѣиваются въ прахъ. У поэта не хватаетъ спокойствія пренебречь подлыми кознями свѣтскихъ негодяевъ и въ ослѣпленіи гнѣва онъ послушно выполняетъ ихъ предначертанія. Послѣ исторій съ Репнинымъ и Соллогубомъ иного исхода трудно и ожидать. Поэтъ, несомнѣнно, страдалъ невыносимо, перемогалъ себя до послѣдней степени, рѣшаясь пренебречь подметными письмами, но кругомъ не дремали и наносили одинъ уколъ за другимъ. Единственное спасеніе было—бѣжать изъ этого отравленнаго воздуха и, говорятъ, это намѣревалась сдѣлать жена поэта и убѣдить мужа: остановка вышла за деньгами, не на что было выѣхать изъ Петербурга.

Но снова повторяемъ, частности здѣсь имѣютъ совершенно второстепенное значеніе. Если бы Пушкинъ успѣлъ избѣжать драмы съ Дантесомъ, онъ отнюдь не могъ бы считать себя спасеннымъ. Съ нимъ велъ войну на жизнь и смерть

*) Слова А. М. Языкова въ письмѣ къ Комовскому. *Ib.* 541.

не пошлый и ограниченный салонный шутъ и герой, а „весь Петербургъ“—въ самомъ благородномъ смыслѣ слова. Рано или поздно Пушкинъ—мужъ все той же красавицы-жены, которую, по его словамъ, „часто въ пиръ зовутъ“—вернулся бы въ лоно „просвѣщеннаго общества“ и подъ „дружеское“ покровительство графа Бенкендорфа или другого шефа жандармовъ. Сущность исторіи врядъ ли измѣнилась бы: объ этомъ можно судить по судьбѣ Лермонтова, Гоголя и многихъ другихъ. „Свѣтъ“ оставался во всеоружіи своихъ вѣковыхъ доблестей, Бенкендорфы и Уваровы уже въ силу этого обстоятельства долго не могли перевестись, а литература—ей предстояло спизойти на послѣднюю ступень безличія, немощи и безъидейности и пребывать въ этой безднѣ цѣлые годы, пока, независимо отъ нея, не посвѣжело въ воздухѣ и не посвѣтлѣло кругомъ, да и то лишь на короткое время.

Нѣтъ, Пушкину „здѣсь не житье“ было, и не только ему! Здѣшняя жизнь не сумѣла пріютить, умиротворить, открыть разумный и свободный путь и его геніальному наслѣднику. Онъ явился грознымъ мстителемъ за смерть поэта; во всѣхъ литературахъ нѣтъ примѣра такой уничтожающей, сверхчеловѣчески могучей надгробной рѣчи, какую произнесъ Лермонтовъ надъ Пушкинымъ и, повидимому, только затѣмъ, чтобъ сократить себѣ дорогу къ смерти.

И его „вольное сердце“ и „пламенныя страсти“ должны были искать выхода въ бурныхъ взрывахъ гнѣва и презрѣнія, плодить враговъ, накоплять тайныя и явныя терніи и, наконецъ, погубить его въ расцвѣтѣ гордыхъ силъ—его, не испытавшаго ни прочнаго личнаго счастья, ни отрадной всевозмещающей славы.

Развѣ только тѣни великихъ поэтовъ могли полюбоваться на нескрываемое торжество темной силы и по ея радости судить о своемъ величіи.

Прахъ Пушкина былъ взятъ подъ неусыпный полицейскій

надзоръ, въ церковь перенесли ночью, улицы наполнили отрядами военной силы и шпіонами, изъ Петербурга въ Псковскую губернію тѣло отправили также ночью, дали строжайшее предписаніе, чтобы на мѣстѣ „не было никакого особливаго проявленія, никакой встрѣчи, словомъ, никакой церемоніи“ *)... Очевидно, навстрѣчу лермонтовской мести шла другая, если не столь геніальная, то болѣе основательная и властная.

Минуло болѣе полувѣка со дня этихъ событій. Имя Пушкина пережило множество всевозможныхъ испытаній, и совершенно естественно: они только доказывали неумирающую жизненность его дѣла и непремѣнно должны были завершиться однимъ концомъ: національнымъ памятникомъ. Это—законно выплаченный долгъ народа своему народному поэту, но не о такомъ памятникѣ помышлялъ Пушкинъ: онъ говорилъ о памятникѣ *нерукотворномъ* и *вѣчномъ*. Это не „мѣдная хвала“, условнохудожественный, произвольный символъ, какъ все матеріальное, воздвигнутое во славу мысли и генія. Единственно достойный и вѣчный памятникъ великому человѣку—все равно, какъ храмъ божеству—заключается въ „духѣ и истинѣ“.

Воздвигнутъ ли онъ поэту?

Онъ говорилъ о своей жизни: „Прошелъ я мрачный путь“, а о своихъ идеалахъ:

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма?

И мы знаемъ, мракъ пути неразрывно связанъ съ идеалами: если бы Пушкинъ поставилъ себѣ другія цѣли, его жизнь не превратилась бы въ драму. Это соединеніе трагизма и идеальныхъ стремленій исчезло ли изъ русской дѣйствительности?

---

*) Письмо о кончинѣ Пушкина князя П. А. Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу. *Русскій Архивъ*. 1879, I, 387.

Мы, разумѣется, ни на минуту не помышляемъ, чтобы когда-либо на землѣ настало неограниченное и самодержавное царство музъ и разума. Въ такое будущее не вѣрилъ поэтъ, разсчитывавшій „мыслить и страдать“, какъ на свое призваніе. Нашъ вопросъ неизмѣримо скромнѣе: мы хотѣли бы знать, исчезла ли та чернь, которая отравляла геній поэта судомъ глупца, холоднымъ смѣхомъ, прирожденной ненавистью и завистью пресмыкающагося и раба? Попизнла ли чернь свой голосъ не на улицѣ, а въ „храмѣ“, т. е. въ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ? Стала ли она рѣже произносить служительскія слова, не столь охотно отрекаться отъ человѣческой личности, не столь лицемѣрно жить въ душѣ „холопомъ“ и притворяться „паномъ“? Нѣтъ ли и въ наше время, уже неоднократно „всенародно“ славящее жертву общественнаго варварства и пошлости, литературнаго пресмыкательства и бездарности,—чего-нибудь похожаго на *Сѣверную Пчелу*, на объятія Булгарина съ Бенкендорфомъ, на муть „гнусной и грязной лужи“ Петербурга временъ Пушкина?

Всѣ эти вопросы и очень много другихъ невольно приходятъ на память всякій разъ, когда русскій человѣкъ принимается волноваться и торжествовать далекую память своихъ великихъ людей, *увидѣвъ трупъ ихъ*, понимать, какъ много сдѣлали они. При жизни онъ только видѣлъ ихъ „ненависть“ и понималъ лишь одно—что-то смутно его раздражающее, непозволительно-великое, укоризненное своимъ благородствомъ и силой. Надо смѣниться нѣсколькимъ поколѣніямъ, надо исчезнуть современникамъ и очевидцамъ, надо разсѣяться духу себялюбивой обиды и зависти, тогда только толпа

Среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ встрѣчаетъ хладный прахъ,—

затѣмъ, чтобы вновь повторить наслѣдственныя чувства относительно другихъ и предоставить радостныя встрѣчи своимъ потомкамъ.

Мы припомнили гнѣвныя слова Лермонтова о французахъ, вѣнчавшихъ Наполеона годы спустя послѣ его смерти. Онъ говорилъ имъ:

Ты жалкій и пустой народъ!—

потому что этотъ народъ вѣнчалъ „поздняго раскаянья порывъ“, потому что признавалъ теперь великимъ того, кто былъ имъ покинутъ въ опасности и отданъ на жертву врагамъ...

Насъ занимаетъ вопросъ не о Наполеонѣ, не о его мнимомъ или дѣйствительномъ величіи: идея поэта гораздо глубже. Онъ укоряетъ націю за ея *позднее раскаяніе*, за ея слѣпоту предъ величіемъ живущимъ и дѣйствующимъ, негодуетъ на толпу, довольную собою, тщеславную праздничными заботами, *забывъ свое прошлое*. Поэтъ, независимо отъ какихъ бы то ни было чувствъ къ самому Наполеону, постигъ сущность *жалкой* психологіи людей безъ истинной свободы и разума: запоздалыми празднествами они услаждаютъ себя и самодовольно смѣняютъ одинъ восторгъ на другой.

Какой цѣны хвалы и памятники, расточаемые такими „потомками“? Не напоминаютъ ли ихъ монументы тѣхъ религіозныхъ приношеній, какими ханжи и преступники успокоиваютъ свою совѣсть за прошлые грѣхи и набираются смѣлости на будущіе?..

ЛИЧНОСТЬ ПУШКИНА *).

I.

Въ человѣческой природѣ существуетъ одно едва ли не самое странное и въ то же время грустное противорѣчіе. Кажется, что̀ можетъ быть доступнѣе простоты и увлекательнѣе личной свободы, не въ какомъ-либо чрезвычайномъ смыслѣ, а просто въ смыслѣ права и желанія думать по-своему, вести себя независимо отъ чужихъ вкусовъ, разъ это поведеніе никому не причиняетъ ни вреда, ни обиды?

Все это звучитъ прямо прописью, а, между тѣмъ, вся многовѣковая исторія цивилизаціи есть въ сущности борьба за простоту и индивидуальность. Всѣ преобразовательныя и даже революціонныя движенія сводятся къ торжеству природы надъ искусственными правами, личности надъ стадными принудительными истинами. И какой громкой славой увѣнчиваетъ потомство виновниковъ этого торжества!

И за какія же собственно открытія? Философъ и поэтъ объявили людямъ, что надо жить просто и естественно, что существуютъ потребности и законы природы, что каждый нравственно-здоровый человѣкъ чувствуетъ себя личностью... Да развѣ можно ничего этого не знать? Вѣдь это такіе же наглядные факты, какъ солнце, земля, море, цвѣты, и такія же невольныя ощущенія, какъ жажда и голодъ!

---

*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ пушкинскомъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности 28 мая 1899 г.

Оказывается, какъ разъ эти-то факты и склонны люди забывать, не видѣть ихъ—упорно, безнадежно, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Непосредственно чувствовать, просто думать и жить является труднѣйшей нравственной и гражданской задачей для самыхъ просвѣщенныхъ обществъ. Они періодически, будто деревья на болотистой почвѣ, начинаютъ обрастать всяческими паразитными организмами до такой степени, что организмы до неузнаваемости могутъ измѣнить человѣка, какъ личность, вытравить изъ его натуры все непосредственное и свободное,—и онъ тогда превращается въ „дитя своего времени“, съ разными наименованіями: *человѣкъ XVIII-го столѣтія, человѣкъ конца вѣка* и т. п.

Наконецъ, нѣкоторымъ вспадаетъ на умъ до умилительности ясное соображеніе. Зачѣмъ люди опутали себя столь многочисленными цѣпями, совсѣмъ ненужными для ихъ счастья? Ихъ правила жизни—предразсудки, ихъ священныя преданія—суевѣрія, ихъ образованность—рабская мода. Все это унижаетъ человѣка, мѣшаетъ развитію его природныхъ силъ и способностей и взамѣнъ не даетъ ни свѣта, ни покоя. Долой все это! Впередъ простоту, права личнаго чувства!

И на людей эти рѣчи начинаютъ производить впечатлѣніе настоящаго благовѣстія. Писателя, возставшаго противъ правилъ словесности и заявившаго, что можно гораздо лучше писать съ однимъ талантомъ и личнымъ воодушевленіемъ,—люди объявляютъ великимъ критикомъ, геніальнымъ поэтомъ: это—Шекспиръ, Лессингъ, Бѣлинскій. Философа, сумѣвшаго краснорѣчиво защитить красоту и права природы, простой строй жизни поставить выше искусственнаго,—провозглашаютъ незабвеннымъ благодѣтелемъ человѣчества, возстановителемъ сердца и совѣсти: это—Лютеръ, Руссо, отчасти гр. Толстой.

Такія изумительно-простыя истины и столько славы!

Но слава нигдѣ и никогда не является одинокой. У нея есть неотлучный спутникъ, и даже не одинъ. Призывъ къ

простотѣ и личной свободѣ, какъ, повидимому, ни общепонятны и общедоступны эти цѣли, находятъ сочувственный отзывъ только у немногихъ, особенно сильныхъ и рѣшительныхъ. Большинство, будто вьючный скотъ, чувствуетъ себя гораздо покойнѣе подъ ярмомъ заранѣе и другими обдуманныхъ мыслей и поступковъ и, по исконному нравственному закону, рабы тѣмъ страстнѣе ненавидятъ свободныхъ, чѣмъ меньше у нихъ воли и силъ самимъ освободиться.

II.

Такова общая картина всѣхъ великихъ умственныхъ движеній, судьба двигателей и родовыя черты ихъ личностей.

Русскій великій поэтъ, чью память мы нынѣ чествуемъ, какъ нельзя точнѣе подтверждаетъ общій законъ. Трагическая жизнь и смерть и безсмертная слава по смерти достались ему за то, что онъ былъ сыномъ природы, а не вѣка, поэтомъ простоты и свободы, а не школы и преданій,—человѣкъ самъ по себѣ, а не представитель современнаго общества и среды.

Да, изъ этихъ столь простыхъ и, кажется, менѣе всего преступныхъ источниковъ начался и развился тотъ „мрачный путь“, о какомъ Пушкинъ говорилъ незадолго до смерти.

Онъ сталъ опредѣляться еще въ дѣтствѣ поэта.

Ребенокъ оказался одинокимъ въ собственной семьѣ—невольно, стихійно. Семья русская, аристократическая, слѣдовательно, вся построенная на противорѣчіяхъ природѣ, естественному чувству и даже здравому смыслу. Она родилась въ Россіи, по душой принадлежитъ Франціи; она носитъ русскія имена, но говоритъ чужимъ языкомъ; все ея благополучіе построено на трудѣ русскаго народа, но она не знаетъ этого народа и презираетъ его; она, наконецъ, зовется *семьей*—мужемъ, женой, дѣтьми, но семейную жизнь она считаетъ смертной скукой и смѣшнымъ занятіемъ; она всецѣло и безраздѣльно принадлежитъ обществу, свѣту, и дѣтская въ ея

домѣ занимаетъ самое послѣднее мѣсто послѣ передней, салона, буфета и залы для театральныхъ представленій.

Это—*противоестественно,* и ребенку нѣтъ здѣсь мѣста. Онъ чувствуетъ инстинктивное отчужденіе къ гостиной, и если онъ появляется здѣсь, то забивается въ уголъ, молчитъ и смотритъ, какъ наблюдатель посторонній, и пока безсознательно-враждебный всѣмъ этимъ каламбуристамъ, актерамъ-любителямъ на сценѣ и актерамъ-артистамъ въ жизни, галломанствующимъ стихоплетамъ, униженнымъ пріятелямъ французскихъ эмигрантовъ и тупоядныхъ эксплуататоровъ русской наивной земли.

Бываютъ минуты, когда представленія въ салонѣ переходятъ всякіе предѣлы здравомыслія, и ребенокъ разражается тогда неудержимымъ хохотомъ и убѣгаетъ при общемъ негодованіи какого-нибудь напыщенаго куплетиста и его публики.

Бѣжитъ онъ туда, гдѣ природа и простота царствуютъ невозбранно,—къ бабушкѣ, старозавѣтной русской барынѣ, съ русской рѣчью и съ русскими деревенскими вкусами,—къ нянѣ крестьянкѣ-старухѣ, съ пѣвучимъ, ярко-народнымъ говоромъ, съ неистощимыми пословицами и присказками, съ прирожденнымъ талантомъ разсказчицы. Чепецъ, старинное одѣянье, глиняный ночникъ и добродушное морщинистое лицо—вотъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія пушкинскаго дѣтства.

И они не случайны. Они не капризъ барскаго дитяти, они самый подлинный голосъ натуры—человѣка и поэта. Всѣ его инстинкты влекутъ его ко всему естественному и простому, слѣдовательно, къ народу, его жизни, его творчеству, его психологіи. Сказками няни Пушкинъ воспользуется въ самый зрѣлый періодъ своей дѣятельности и тогда же онъ вполнѣ осмыслитъ стихійныя влеченія и радости своего дѣтства.

Надъ его умомъ и талантомъ пронесутся многообразныя вѣянія, но онъ непремѣнно вернется къ самому себѣ и заключитъ въ стройную идейную систему непосредственный

голосъ своей природы. Эстетика и политика явятся у Пушкина не нарочито-придуманной теоріей, не болѣе или менѣе удачнымъ спаемъ вычитанныхъ мыслей и фактовъ, а логическимъ самоопредѣленіемъ личности — простой и независимой.

Народъ, русская національность — важнѣйшіе вопросы и главное содержаніе пушкинской поэзіи. И это не плодъ народническихъ и демократическихъ ученій, это — чувство, вкусъ, инстинктъ. Пушкинъ-ребенокъ сказки няни предпочитаетъ отцовскимъ французскимъ поэтамъ, Пушкинъ — великій поэтъ, даже при дворѣ будетъ страстно защищать умъ простого народа, доказывать, какъ многому можно научиться изъ разговоровъ съ мужиками-рабочими, какъ много полезныхъ людей нашелъ Петръ въ кузницахъ и на распутьяхъ и какой широкій путь развитія пройдетъ крестьянинъ, освобожденный отъ крѣпостного рабства. Этого мало. Въ противовѣсъ западно-европейской рыцарственности и феодальному благородству, Пушкинъ открываетъ исконно-народную, русскую честь. „Да будетъ мнѣ стыдно!“ — гласитъ древне-русская присяга: развѣ это не равносильно обѣщанію англійскаго пэра — судить „по чести“, можетъ быть, даже выше?

И взгляды поэта разовьются до настоящаго народничества. Онъ провозгласитъ „соръ русской жизни“, картины русской природы, черты русскаго быта — въ прошломъ и настоящемъ, любимыми задачами своего вдохновенія, и ради ихъ посмѣется надъ самыми блестящими, но мимолетными грёзами зеленаго поэтическаго воображенія. Простота и природа восторжествуютъ сознательно, какъ законъ жизни, какъ идеальная цѣль творчества. И торжеству не будетъ угрожать никакая опасность: оно — органическое раскрытіе личности, естественный ростъ духовныхъ силъ.

III.

Но, мы уже знаемъ, именно личное и естественное особенно ненавистно стадному и традиціонному строю жизни.

Онъ мститъ за свой возмущенный покой, за пренебреженныя преданія, за поколебленныя основы,—мститъ, прежде всего, отчужденіемъ отъ безпокойнаго человѣка. Оно весьма легко можетъ перейти въ наступленіе, лишь только глашатай простоты и правды самъ явится силой дѣятельной и воинствующій.

Пушкинъ переживетъ всѣ эти опыты.

Уже въ дѣтствѣ онъ познаётъ, что такое одиночество и уединенный трудъ. Онъ читаетъ—страстно, неутомимо, днемъ и ночью—все, что попадется подъ руку, безъ руководителей и толкователей. И это—лучше.

Если бы въ этомъ фальшивомъ мірѣ вздумали надзирать за умственной работой ребенка, его непремѣнно постарались бы направить по общему пути лжи, комедіанства и безличія, и ребенокъ немедленно почувствовалъ бы инстинктивное отвращеніе къ совмѣстному труду съ другими.

Такъ произойдетъ съ нимъ и въ школѣ. Здѣсь окончательно установится его любовь къ отшельническимъ думамъ, къ потайнымъ бдѣніямъ, къ творчеству и мышленію—какъ къ единоличному, ни съ кѣмъ не раздѣленному счастью, одновременно съ поэтомъ выработается и окрѣпнетъ *бенедиктинецъ*. Такъ назоветъ Пушкина современникъ—кн. Одоевскій, и вполнѣ точно опредѣлитъ его ненасытную жажду знанія, его стремленіе все лично продумать, уяснить и вложить въ оригинальную форму поэтическаго слова.

Въ лицеѣ для этого сколько угодно побудительныхъ причинъ!

Здѣсь, какъ и въ свѣтской гостиной, царствуетъ свой этикетъ. Тамъ держатъ себя по руководству танцмейстеровъ и гувернеровъ, здѣсь думаютъ и творятъ по указанію грамматиковъ, риторовъ и эстетиковъ, не говорятъ, а *поютъ*, воспроизводятъ не дѣйствительность, а *украшенную природу*, ставятъ талантъ во фронтъ и даютъ ему въ фельдфебелей профессоровъ элоквенціи и піитическихъ хитростей.

И все это гораздо нетерпимѣй и назойливѣй даже россій-

скихъ вольтерьянцевъ и куплетистовъ. Профессоръ Кошанскій не разрѣшаетъ писать въ стихахъ слова—*говорить*, *площадь*, *колодецъ*, онъ настойчиво вымарываетъ ихъ и ставитъ—*вѣщать*, *стогны*, *кладезь*. Поэтъ въ отчаяніи отъ скучнаго проповѣдника и умоляетъ его не разстраиваться попапрасну, не тратить свой ученый гнѣвъ на „лѣнивца молодого“. Все равно ничего не выйдетъ,—лѣнивецъ будетъ непремѣнно говорить обыкновеннымъ русскимъ языкомъ и простыя вещи называть простыми именами.

Но на этомъ не кончается школьная ложь. Она несравненно значительнѣй въ области науки и мысли.

Лицей собралъ десяти и двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, воспитанниковъ французскихъ аббатовъ и эмигрантовъ, и насулилъ имъ бездну премудрости не только ученой, но даже политической. Юнымъ питомцамъ торжественно, въ присутствіи царя объявили, что они черезъ лѣтъ пять-шесть превратятся въ столповъ отечества и государственныхъ дѣятелей, изучатъ „шествіе нравственности, успѣхи разума и паденіе его въ разныхъ гражданскихъ постановленіяхъ“.

Чрезвычайно заманчивая, но ровно настолько же лживая перспектива.

Въ главные спутники шествія попадаетъ ни кто иной, какъ французскій архіепископъ Боссюэ—въ религіи фанатикъ ветхаго завѣта, въ политикѣ—умный и культурный Аракчеевъ, даже съ лестью преданный Людовику XIV и госпожѣ Ментенонъ.

Естественно, „успѣхи разума“ подъ такимъ руководствомъ должны изучаться соотвѣтственно, и будущіе государственные мужи зубрятъ тетрадки слово въ слово, какъ самые жалкіе школьники, проникаются жестокимъ отвращеніемъ и къ наукамъ нравственнымъ, и къ политическимъ, и просто къ ученью, сдаютъ экзамены по заранѣе вытверженнымъ вопросамъ для каждаго лицеиста отдѣльно, съ вѣдома самихъ профессоровъ.

Такъ откровенно лжетъ школа, нисколько не отставая отъ жизни, составляя съ ней круговую поруку.

IV.

Пушкинъ сторонится и отъ этой лжи. Теперь уединеніе дается труднѣе. Онъ на глазахъ множества учителей и товарищей. Приходится пріобрѣсти искусство быть одинокимъ, находясь въ толпѣ. Именно такую задачу надо разрѣшить въ интересахъ своей природы, своего человѣческаго достоинства и своей нравственной свободы. Теперь собственно и начинается борьба за *свой* умъ, за *свои* чувства, вообще за индивидуальность.

Оружіе противника—повальный стадный смѣхъ надъ непонятными для него явленіями. Какъ отражать этотъ смѣхъ—раздражающій, презрѣнный, часто нестерпимо-наглый?

Есть два средства:одно—постараться пересмѣять пасмѣшниковъ, заставить замолчать силой своего сарказма, ядомъ сатиры и эпиграммы, другое—попытаться скрыть отъ нихъ свой духовный міръ, замаскировать свое подлинное *я*, притвориться такимъ, какъ всѣ.

Да, при нѣкоторыхъ условіяхъ неизбѣжна и подобная комедія, это когда у человѣка правды еще не окрѣпли силы, не развился навыкъ для послѣдовательной идейной борьбы.

Пушкинъ одновременно пользуется обоими средствами: онъ рано прославляется, какъ авторъ неотразимыхъ эпиграммъ, сочинитель убійственныхъ, незгладимыхъ кличекъ. И сколько обвиненій пало на голову поэта за эту войну!

Но обвинители забыли, съ кѣмъ и во имя чего воевалъ поэтъ. Посмотрите, въ какой кунсткамерѣ и музеѣ рѣдкостей пришлось жить поэту! Самый апатичный и неостроумный зритель могъ превратиться въ пасмѣшника и злого остряка.

Большинство фигуръ настолько ярки и незабвенны, что для насъ достаточно назвать ихъ имена: Магницкій, Аракчеевъ, архимандритъ Фотій, кн. Голицынъ, библическій и монархическій Стурдза... Это—пожива для первой молодости поэта, а потомъ—Каченовскій, Булгаринъ, Бенкендорфъ.

И неужели было не смѣяться надъ этими ископаемыми европейской расы XIX вѣка?

Одинъ провозглашаетъ человѣческое слово адской силой и въ своихъ идеалахъ соревнуетъ халифу Омару, другой замышляетъ русскій народъ передѣлать даже не въ пушечное мясо,—оно все-таки обладаетъ нервами,—а просто въ летательный снарядъ для смотровъ и маневровъ, третій—и это министръ народнаго просвѣщенія—предается „безмолвному внутреннему богомыслію“, гаданьямъ по Библіи и отряхаетъ отъ себя прахъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, кромѣ салоннаго душеспасительнаго комедіанства, именуемаго мистицизмомъ, франкмасонтствомъ и, какъ водится, сопровождаемаго самой откровенной враждой къ дѣятельному свѣту евангельской любви и человѣческой мысли. И, наконецъ, по-истинѣ чудовищная смѣсь плутовства и фанатизма въ смиренномъ Фотіи, уловляющемъ многочисленныхъ овецъ въ самомъ родовитомъ стадѣ русской аристократіи,—онъ, умѣющій сочетать кнутъ и крестъ и во имя этого символа подчинять себѣ людей властныхъ и свѣтски-просвѣщенныхъ!

Могло ли *естественное* чувство поэта остаться равнодушнымъ предъ этимъ сонмищемъ! И оно заговорило, вовсе не во имя какихъ-нибудь революціонныхъ идей, можно сказать, даже просто не изъ-за идей, а инстинктивно, въ силу прирожденнаго чутья правды и отвращенія ко лжи и уродству.

И эпиграммы сыплются градомъ на „холопскія души“, на „гонителей просвѣщенія“, на профессоровъ фрунта, на литературныхъ „насѣкомыхъ“, на россійскихъ милордовъ... И впослѣдствіи исторія присоединится къ смѣху и гнѣву поэта: его крылатыя слова предвосхитятъ вдумчивый и безпристрастный судъ потомства.

Но эпиграммы—не единственное средство бороться съ чернью. Другое—уже совсѣмъ юношеское, но еще болѣе опасное для добраго имени борца. Оно состоитъ въ томъ, чтобы

бросить вызовъ обществу не на словахъ только, а образомъ дѣйствій, своей жизнью, своими отношеніями къ людямъ.

Это значитъ—заявить обществу: „ты меня считаешь порочнымъ, злымъ, легкомысленнымъ. Ты ошибаешься: я не только пороченъ и легкомысленъ, я прямо преступенъ и безразсуденъ. Ты еще не знаешь всѣхъ пятенъ моей души и всей тьмы моихъ помысловъ. Узнай и ужаснись, рабское и трусливое созданіе!“

И поэтъ начинаетъ щеголять „притворной личиной порочности“ и „странностями“. Это собственныя слова Пушкина о человѣкѣ, раздраженномъ клеветой и придирчивостью всякой мелочи и бездарности. Въ такомъ же положеніи и самъ Пушкинъ. Онъ, наперекоръ сплетникамъ и лицемѣрамъ, желаетъ казаться именно чудовищемъ разгула, безправственности, безбожія. Онъ только дразнитъ свору шавокъ, но она вполнѣ серьезно налагаетъ на него клеймо преступника и изверга, и Пушкину до конца дней не удается отдѣлаться отъ этой славы, столь безсмысленной и столь въ то же время естественной, гдѣ одинъ правдивый и великій стоитъ противъ многихъ лживыхъ и ничтожныхъ!

V.

И величіе, и правда обнаруживаются съ могучей, неудержимой силой, лишь только поэтъ можетъ, не опасаясь тупоумныхъ или злорадныхъ толкованій, явиться самимъ собой. Тогда онъ, этотъ признанный желчный разрушитель и обидчикъ, становится или добродушнѣйшимъ весельчакомъ, или чарующимъ мыслителемъ. Но и мысль у него непремѣнно блещетъ остроуміемъ, замыкается шуткой: у этого удивительнаго человѣка ясный и жизнерадостный характеръ уживается съ глубокимъ дѣятельнымъ умомъ и буквально неограниченными интересами къ знанію и жизни.

Веселость Пушкина заразительна своей искренностью и

подчасъ почти дѣтской наивностью. Отъ его хохота, говорятъ намъ, можетъ встать умирающій, для него невольно слагаются краснорѣчивыя имена и прозвища—вродѣ *Сверчокъ*, *Искра*. Онъ неистощимъ на выдумки и остроты, онъ *вѣтренъ* и *нѣжно*-говорливъ. И ничего нельзя представить увлекательнѣе, живописнѣе бесѣды Пушкина, спокойнаго, счастливаго, чувствующаго себя среди умныхъ и добрыхъ людей.

Такой же незамѣнимый собесѣдникъ онъ со всѣми, не только съ просвѣщеннымъ обществомъ. Онъ обладаетъ чрезвычайно рѣдкимъ искусствомъ—говорить съ народомъ и веселиться съ дѣтьми. Простые люди даже особенно легко и горячо привязываются къ нему, крѣпостные мужики до самой смерти не забываютъ его доброты и обходительности, мавръ Али привязывается къ нему, какъ къ сыну. И Пушкинъ не только чувствуетъ себя среди нихъ своимъ человѣкомъ, но и умѣетъ извлечь множество оригинальнѣйшихъ наблюденій. Цыгане бесѣдуютъ съ нимъ о своей религіи, о своихъ нравахъ, учатъ его своему языку, слѣпые нищіе поютъ вмѣстѣ съ нимъ „Лазаря“, дѣти въ неописанномъ восторгѣ отъ его разсказовъ, стиховъ, хитроумныхъ игръ...

Какой геніальный ребенокъ!—можно воскликнуть, глядя издали на великаго поэта, выдумывающаго уморительную игру въ дурачки, чтобы развлечь своего больного восьмилѣтняго пріятеля. Какое поразительное чутье простой человѣческой души, какая страстная любовь къ природѣ и непосредственности, скажете вы, всматриваясь пристальнѣе въ это вѣчное влеченіе ко всему искреннему, неподдѣльному, органически сильному. И оба замѣчанія будутъ одинаково справедливы, оба выразятъ одну и ту же идею: простого, самобытнаго человѣка и любвеобильнаго сердца.

Въ этомъ сердцѣ живутъ отзвуки на всякаго рода привязанность. Пушкинъ умѣетъ быть другомъ и влюбленнымъ съ одинаковой силой и глубиной. Онъ одаренъ страстной и чрезвычайно богатой природой,—естественно, и въ любви, и

въ дружбѣ рядомъ съ прочными чувствами не разъ вспыхнутъ бурныя увлеченія, не разъ вдохновенное воображеніе отуманитъ проницательный взоръ поэта, горячая кровь заглушитъ голосъ разума и опыта, и въ число пріятелей попадутъ рыцари зеленой лампы, даже какой-нибудь дуэлистъ Якубовичъ и Толстой-американецъ, цѣлая плеяда ёръ и забіякъ всѣхъ родовъ оружія.

Будутъ имѣть свои уклоненія и головокружительные порывы—и любовь: муза поэта увѣнчаетъ вѣнками красавицъ чуть ли не всѣхъ темпераментныхъ національностей—молдаванокъ, евреекъ, гречанокъ. И поэтъ во хмѣлю страсти воспоетъ *сладкое бездѣлье*, *легкокрылую любовь* и *легкокрылое похмѣлье* и будетъ взывать къ своему читателю:

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!..

Но это дѣйствительно только похмѣлье и *легкокрылая* любовь. Оно проходило, она улетала,—и тогда всегда искренній, до простодушія откровенный поэтъ говорилъ съ мучительною ядовитою тоской...

Я содрогаюсь,—сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ!..

И онъ каялся—публично, неудержимо, не щадя ни своего самолюбія, ни когда-то пережитаго захватывающаго, хотя и мимолетнаго счастья. И истинное божество становилось на мѣсто идоловъ,—и не было, кажется, поэта, съ большею сердечностью говорившаго о дружбѣ, съ болѣе возвышеннымъ и чистымъ благородствомъ рисовавшаго любовь.

VI.

Дружба, повидимому, такое спокойное, даже прозаическое чувство. Какія нѣжныя имена можно давать другу, не боясь показаться смѣшнымъ и банальнымъ?—Только одинъ Пуш-

кинъ умѣетъ создать поэзію дружбы и украсить своихъ друзей эпитетами неподражаемой граціи.

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

„Товарищъ милый“, „другъ прямой“, „братъ названный“, „мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ“,—какая музыка звуковъ и какая чарующая красота чувства, а главное—какая глубокая, пережитая правда отношеній!

Сцены съ Дельвигомъ—единственныя въ своемъ родѣ. Пушкинъ не наглядится на него, въ разлукѣ ему „мочи нѣтъ, хочется Дельвига“, при свиданіи онъ осыпаетъ его поцѣлуями, цѣлуетъ у него руки, не наговорится забавныхъ шутокъ насчетъ лѣни барона, и не знаетъ, какъ и прославить его поэтическій талантъ,—на самомъ дѣлѣ замѣчательный только въ глазахъ такой великой любви.

Можетъ быть, скажутъ, все это—темпераментъ и чувствительность. Но какъ же тогда назвать отношеніе Пушкина къ друзьямъ-декабристамъ? Какъ оцѣнить его усилія—добиться переписки съ Кюхельбекеромъ, его страстныя защитительныя рѣчи въ ихъ пользу при всякомъ случаѣ, даже при дворѣ, съ вѣдома Николая I, наконецъ, едва ли не самую трогательную для искренне религіознаго поэта священную память о нихъ—служеніе панихидъ по казненнымъ и умершимъ государственнымъ преступникамъ. При дворѣ невольно восклицаютъ:

— Какъ онъ вѣренъ имъ!

И Пушкинъ мечтаетъ современемъ воспользоваться довѣріемъ царя, чтобы добиться какой-нибудь милости для нихъ.

Это не стихи и не сантиментальности.

Тоже и въ любви,—та же рыцарственность, то же умѣнье сообщить ореолъ неприкосновенности и святости предмету истиннаго чувства. И это мы видимъ еще въ ранней молодости поэта, въ самый разгаръ идоложертвенныхъ приношеній.

На югѣ, гдѣ писались гимны гречанкамъ и еврейкамъ,—

Пушкинъ полюбилъ и не встрѣтилъ взаимности. Но его любовь для него самого не стала отъ этого менѣе поэтической и высокой.

Онъ не желаетъ никому открывать *ея* имени, онъ боится какимъ-либо намекомъ смутить ея совѣсть и память и будетъ негодовать на друзей, когда они противъ его воли напечатаютъ его стихотвореніе о *ней*, и не о ней собственно, а объ одномъ эпизодѣ, объ одной картинѣ, гдѣ красовалась и она.

Друзей нельзя не оправдать: до такой степени скромна и благородна картина и въ такомъ завидномъ поэтическомъ блескѣ является *она*—обожаемая и недоступная:

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!..

Такъ умѣлъ любить и говорить о своей любви еще юный поэтъ, безпрестанно пьянѣющій отъ страсти и послушный „мгновеньямъ жизни“.

Что же перечувствуетъ онъ, что создастъ изъ своего чувства, когда похмѣлье окончательно схлынетъ, когда раскаяніе въ униженіяхъ *гордаго ума* и въ опрометчиво растраченныхъ восторгахъ таланта очиститъ окончательно душу поэта и въ ней водворится до конца одна любовь, жизненная, простая, вдохновляющая, не только звуки сладкіе, но и упорный трудъ съ ясно намѣченною цѣлью?

Пушкинъ явится мужемъ, отцомъ, общественнымъ дѣятелемъ.

VII.

Все это совершенно неожиданно даже для людей, близко знающихъ Пушкина. Онъ и семья,—что можно представить противорѣчивѣй, фантастичнѣе и, слѣдовательно, злополучнѣе!

*

А потомъ—общественная дѣятельность... Это даже просто не понятно. Поэтъ и дѣятель! Ничей мозгъ не въ силахъ вмѣстить этихъ понятій. Примѣры налицо. Кажется, ужъ на что знаменитѣе поэтовъ Державина, Жуковскаго, Батюшкова,—но кому же когда приходила мысль будто *Ода* Фелицѣ, *Свѣтлана*, переводы иностранныхъ стиховъ—общественное служеніе! И министръ Уваровъ вполнѣ увѣренно, уже по смерти Пушкина заявилъ: писать стишки—не значитъ проходить общественное поприще. Общественные дѣятели—только министры и генералы, а поэты, надо полагать, нѣчто вродѣ актеровъ и шутовъ.

И тѣмъ не менѣе Пушкинъ обнаружитъ настойчивыя притязанія на званіе гражданина, просвѣтителя народа, даже на роль умственной силы, необходимой для самого правительства.

Онъ женится. Этимъ актомъ покончено разъ навсегда со всѣми мгновеньями и идолами. Болѣе самоотверженнаго и почтеннаго супруга петербургскому свѣту не доводилось и видѣть. Пушкинъ всѣ заботы свои полагаетъ на семью. Любитъ онъ ее со всею силой своего страстнаго организма, со всею глубиной своей мощной натуры. Онъ—нянька своихъ дѣтей, онъ—преданный и терпѣливый руководитель и оберегатель своей жены. При дворѣ изумлены, какъ рано и ревностно Пушкинъ начинаетъ хлопотать о воспитаніи своихъ дѣтей, и какъ серьезны и разносторонни эти заботы: ничего подобнаго не слыхивали въ салонахъ! Онъ—другъ и учитель своей жены. Какая вдумчивость во всякую мелочь ея жизни, какая отеческая заботливость объ ея отношеніяхъ въ обществѣ, ея знакомствахъ: она такъ молода и неосторожна, надо предусмотрѣть всякій шагъ, всякій визитъ, всякій разговоръ.

И Пушкина хватаетъ на все это.

Его письма къ женѣ — одна изъ трогательнѣйшихъ и искреннѣйшихъ исторій простого, но великаго сердца отца и мужа.

Но мы оцѣнимъ ихъ по достоинству, только представивъ всю бездну умственнаго труда, неистощимыхъ поэтическихъ замысловъ, неограниченныхъ идейныхъ интересовъ, наполнявшихъ каждый день жизни Пушкина.

Послушайте людей, близко и почти ежедневно наблюдавшихъ его за послѣдніе годы жизни. Они не находятъ словъ выразить свое изумленіе предъ богатствомъ и неутомимостью пушкинской мысли. Онъ—фениксъ, онъ—чудо, онъ—всевѣдующій и всепонимающій!

Сто́итъ заговорить Пушкину, увлечься предметомъ — и немедленно водворяется тишина. Всѣ слушаютъ, не спуская глазъ съ дивнаго оратора, только изрѣздка, украдкой мѣняясь другъ съ другомъ удивленными и восхищенными взглядами.

Нѣтъ, кажется, вопроса въ исторіи, въ литературѣ, не обдуманнаго Пушкинымъ. И какія задачи занимаютъ его умъ! Онѣ и до сихъ поръ остаются неразрѣшенными и подъ силу развѣ только первостепеннымъ ученымъ.

Онъ, напримѣръ, желалъ бы прослѣдить связь между національными характерами различныхъ протестантовъ и оттѣнками ихъ вѣроисповѣданій. Онъ читаетъ Библію со вниманіемъ и тщательностью экзегета, обращаетъ вниманіе на мельчайшія, для другихъ едва замѣтныя, но для него краснорѣчивѣйшія черты, обдумываетъ каждое изреченіе, каждое дѣйствіе Христа, и приходитъ къ выводамъ, поражающимъ новизной и правдой просвѣщеннѣйшихъ и образованнѣйшихъ слушателей.

Знаменитый Барантъ не можетъ опомниться. *Такого* Пушкина онъ не подозрѣвалъ, для него это—чистое откровеніе. И главное, какъ все это говорилось! Французскій публицистъ видитъ передъ собой замѣчательнаго прирожденнаго оратора. Онъ увлекалъ бы за собой толпы!

Можно подумать, въ самомъ дѣлѣ Пушкинъ изощрялся въ краснорѣчіи, если привелъ въ восторгъ француза.

Ничего подобнаго!

Поэтъ добродушно смѣется, когда ему передаютъ отзывъ Баранта. Онъ и не помышлялъ ораторствовать. Онъ просто *думалъ вслухъ*.

Таково именно впечатлѣніе и его слушателей. Обратите вниманіе на эту черту. *Думы вслухъ*, и въ результатѣ блестящая, увлекательная, значительная рѣчь! Какой громадный умъ и талантъ, и въ то же время сколько простоты въ идеяхъ, непосредственности въ талантѣ и искренности и скромности во всемъ человѣкѣ!

VIII.

А скромнымъ быть для Пушкина не особенно легко.

Всѣ, кого только онъ любитъ и уважаетъ, преклоняются предъ нимъ. Правда, ихъ не много, но они — избранные и внѣ ихъ темная и злобная чернь.

Пушкина часто даже смущаетъ вниманіе, съ какимъ встрѣчаютъ его *думы вслухъ*. Онъ прерываетъ рѣчь, проситъ извиненія, справляется, не слишкомъ ли много онъ говоритъ и все одинъ. Ему отвѣчаютъ горячими просьбами продолжать, и онъ также просто возвращается къ прерванной мысли.

У слушателей срываются невольныя восклицанія: „Онъ поразителенъ! Онъ думаетъ столько же, сколько поетъ и танцуетъ“. Противники поддаются очарованію, и самъ Асмодей, непримиримый князь Вяземскій, ворчитъ: ты всегда правъ. Гоголь молча записываетъ слова и мысли Пушкина, Жуковскій поощряетъ его и самъ не нарадуется на своего ученика и друга.

Въ первый разъ въ русскомъ обществѣ мысль и геній начинаютъ обнаруживать дѣйствительно царственную, всепокоряющую власть, и она принадлежитъ гуманнѣйшему и симпатичнѣйшему властителю.

Какъ онъ счастливъ встрѣтить другого человѣка, отмѣченнаго той же чудной силой! Онъ совершенно чуждъ зависти

и ревности и онъ весь блещетъ радостью и благоволѣніемъ встрѣчая родную себѣ великую душу.

Всѣмъ извѣстно, чѣмъ былъ Пушкинъ для Гоголя, самъ Гоголь подробно разсказалъ объ этомъ, и еще никогда и нигдѣ ни одинъ геніальный писатель не оплакивалъ другого такими *человѣческими* слезами! Письмо Гоголя по смерти Пушкина—безсмертный нерукотворный памятникъ нашему поэту, именно, какъ человѣку, несравненный вѣнокъ его сердцу и лучшее и достовѣрнѣйшее изображеніе его личности. Гоголь рѣшился сказать: если бы даже умерла страстно любимая мать, онъ не такъ бы горестно оплакивалъ это несчастье, какъ смерть Пушкина! Въ устахъ Гоголя это равносильно обширнѣйшимъ нашимъ изслѣдованіямъ и самымъ громкимъ хваламъ.

Но въ тѣ минуты, когда Пушкинъ цѣловалъ Гоголя за *Мертвыя души*, цѣловалъ Плетнева за знакомство съ Гоголемъ, болѣлъ за участь его произведеній и заранѣе готовилъ защитительныя статьи, когда съ восторгомъ восклицалъ: „А маленькій-то хохолъ каковъ!“ — въ эти минуты любилъ и восхищался не только добрый благородный человѣкъ, но и великій цѣнитель мысли и слова.

Въ Гоголѣ Пушкинъ горячо привѣтствовалъ новую общественную силу—независимую, правдивую, просвѣтительную.

Это представленіе о писателѣ столь новое, даже возмутительное для просвѣщенной Россіи, для Пушкина—не теорія, не параграфъ отвлеченно-составленной программы, а все то же естественное, чисто органическое стремленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, писатель вѣдь, это дарованіе, исключительное достоинство, созданное самой природой, привиллегія независимая ни отъ чьего произвола, а основанная на вѣчныхъ законахъ жизни,—слѣдовательно, это аристократія высшаго, божественнаго происхожденія. Имена Ломоносова и Минина, по словамъ Пушкина, затмеваютъ всѣ дворянскія родословныя и даръ мысли выше всѣхъ ранговъ и чиновъ.

Писатель въ униженіи и рабствѣ—явленіе *противоесте-*

ственное. Да и да унизить и поработить писателя никто и ничто не въ силахъ, если онъ самъ не наложитъ на себя цѣпей. Въ будничныхъ отношеніяхъ онъ, можетъ быть, и сольется подчасъ съ пошлой и сѣрой толпой. Нельзя же ему окончательно порвать всякую совмѣстную жизнь съ обществомъ. Она ему даже необходима, какъ источникъ для его гнѣвныхъ пророческихъ вдохновеній.

Но никогда этому инстинкту не погасить огня, горящаго въ природѣ генія, независимо отъ его личныхъ слабостей и ошибокъ. Онѣ—плодъ общей атмосферы, отраженія всеобъемлющихъ общественныхъ волнъ, но самъ поэтъ—это его талантъ, естественно-свободный и стихійно-благородный.

Таковъ смыслъ извѣстнаго и столь много разъ перетолкованнаго стихотворенія *Поэтъ*.

Толкователи просто не справились съ жизнью самого автора,—она устранила бы всякія недоразумѣнія и неясности.

Пушкину—по неволѣ камеръ-юнкеру, по трагической волѣ обстоятельствъ члену петербургскаго большого свѣта—приходилось нерѣдко погружаться въ суетныя заботы, малодушно снисходить къ уродствомъ и глупостямъ „гнусной и грязной лужи“, поддаваться, можетъ быть, слишкомъ опрометчивымъ надеждамъ на возможность очистить и облагородить лужу. Все это несомнѣнно, но суета, малодушіе и идиллическая мечтательность бывали только или неизбѣжнымъ долгомъ почти повально рабской дѣйствительности, или мимолетнымъ настроеніемъ.

Личная природа возвышала свой голосъ, и онъ звучалъ, не взирая на всѣ угрозы, опасности и препятствія, звучалъ въ самыя неподходящія минуты, когда отъ Пушкина ничего подобнаго не желали и не ждали.

Въ посланіи къ цензору Пушкинъ писалъ:

Недавно тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно,

Потѣшилъ языка бранчивую свербёжъ...
Но извини меня,—мнѣ было не втерпёжъ.

Оригинальное извиненіе, оно одна изъ краснорѣчивѣйшихъ чертъ Пушкинской личности.

Ему безпрестанно становилось не втерпёжъ и онъ изощрялъ оружіе своего ума и таланта, не взирая на лица и положенія. Въ теченіе всей жизни онъ неуклонно оправдывалъ свою восторженную хвалу французскому поэту-гражданину:

Гордись и радуйся поэтъ!
Ты не попикъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ!

IX.

Вы видите, какъ неразрывно органически, въ личности Пушкина личныя качества сливаются съ дарованіемъ и задачами писателя. Здѣсь *слово*, дѣйствительно — *дѣло*, и именно такіе геніальные люди навсегда остаются вдохновеніями, знаменами своего народа.

Для Пушкина это назначеніе стало осуществляться еще при жизни. Даже въ нравственно-дикой средѣ свѣта нашлись люди, успѣвшіе воспринять вліяніе благородной личности Пушкина.

Свѣтская и придворная дама, часто бывавшая въ его обществѣ, на всю жизнь получила убѣжденіе, что геніальные люди непремѣнно добры и великіе поэты — просты. И для нея впослѣдствіи было даже странно видѣть игру, театральность у талантливаго человѣка. Такъ глубоко и непосредственно воспитывалъ Пушкинъ людей не только своими идеями, своей поэзіей, но всей атмосферой своей личности!

У всѣхъ, часто встрѣчавшихъ его и способныхъ понять его душу, невольно являлось желаніе о немъ же самомъ повторить стихъ изъ *Евгенія Онѣгина*—*Просто очень вы добры!* И сказать это даже въ минуты колкаго остроумія поэта, молніеносныхъ шутокъ, бившихъ наповалъ свѣтскихъ героевъ.

Да, Пушкинъ былъ добръ и именно *просто* добръ, *добрый малый*, какъ выразился о немъ генералъ Инзовъ, добрый по искреннему влеченію своей природы, добрый безразсчетно, безшумно и безъэффектно.

И сколько разъ лукавые хвалители пушкинскаго генія усиливались на этомъ достоинствѣ поэта воздвигнуть лукавое сооруженіе, разукрашенное будто бы спеціально національными добродѣтелями русскаго человѣка—кротостью, смиреніемъ, невозмутимымъ миролюбіемъ, непзлѣчимо-оптимистическими, по-русски неунываюче-бодрыми чувствами!

Пушкинъ кротокъ и миролюбивъ! Пушкинъ всю жизнь длившій открытую распрю съ своими современниками, Пушкинъ стяжавшій пожизненную и даже посмертную неумолимую ненависть благороднаго общества и какъ разъ самой смиренной и кроткой литературы, подвѣдомственной третьему отдѣленію.

Наконецъ, Пушкинъ, авторъ произведеній,—даже до нашихъ дней лишенныхъ возможности предстать предъ читателями въ полномъ видѣ!

Нѣтъ, кротость и простота Пушкина были не такого цвѣта, какими хотятъ разрисовать ихъ его смиренномудрые соотечественники. Правда, поэтъ пережилъ отвлеченный идеализмъ молодости, покончилъ съ чистыми теоріями въ политикѣ такъ же, какъ и съ байроническими эффектами, слишкомъ театральными и маложизненными мотивами въ поэзіи, но покончилъ затѣмъ, чтобы начать строить свои идеалы на новой, болѣе прочной почвѣ.

Онъ страстно отдался изученію русской старины, русскаго быта и русской народной психологіи, онъ полюбилъ все это, но не во имя прошлаго и отжившаго, а во имя будущаго и живого. Онъ до конца мучительно и неугомонно искалъ, правда — почвенныхъ, національно-русскихъ, но въ тоже время непремѣнно прогрессивныхъ, общечеловѣческихъ идеаловъ. Онъ, несомнѣнно, въ своей простой, правдивой, сер-

дечной личности воплотилъ благороднѣйшія черты русской народности, но не затѣмъ, чтобъ онѣ блистали спокойной, идеалистически-мирной красотой, а затѣмъ, чтобы родная простота стала дѣятельнымъ врагомъ иноземной моды, личная правда стала выше общественной лжи, личная сердечность превратилась въ источникъ гражданскаго мужества, повелѣвшаго поэту даже въ *жестокій* вѣкъ возславить *свободу* и подсказавшаго ему вѣчный символъ писательской вѣры: „Дружина писателей и ученыхъ стоитъ всегда впереди во всѣхъ побѣдахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла“.

X.

„Безъ любви нѣтъ истины“, говорилъ Пушкинъ и негодовалъ на слишкомъ рѣзкіе протесты и запальчивыя порицанія. Но въ его *любви* была и ненависть, было много протеста и порицанія, — иначе не было бы ни невзгодъ, ни опасностей, не было бы тогда въ личности Пушкина чарующей прелести для такихъ натуръ борьбы и страсти, какъ Лермонтовъ.

Современники, огорчаясь слишкомъ бурной молодостью поэта, возлагали всѣ свои надежды на живительную силу восторговъ Лермонтова предъ Пушкинымъ. Эти чувства должны спасти его отъ легкомысленной растраты силъ, отъ небрежнаго отношенія къ своему таланту и своему писательскому назначенію.

И надежды оправдались.

Смерть Пушкина легла гранью въ нравственной жизни Лермонтова. Она до глубины души потрясла поэта, будто ударомъ молніи вскрыла ключи карающаго пророческаго слова, таившіеся въ его груди, и очевидцы разсказываютъ, какъ

стремительно буря его гнѣва налетѣла на дѣйствительныхъ убійцъ Пушкина—и въ стихахъ на смерть его, и въ личныхъ столновеніяхъ Лермонтова съ злорадствовавшимъ свѣтомъ.

Ближайшіе пріятели не могли опомниться отъ перемѣны съ Мишелемъ, когда онъ въ ихъ же присутствіи, именуя ихъ антиподами Пушкина, набрасывалъ свое грозное обращеніе къ *Надменнымъ потомкамъ*... Какой могучій блескъ вдохновенія и какое знаменательное пробужденіе новой великой поэтической и гражданской силы Россіи.

Вотъ истинныя отраженія пушкинской личности!

Говорятъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ императора, разговаривая о Пушкинѣ уже послѣ его смерти, изумлялся глубинѣ и внутреннему содержанію его нравственнаго міра. Великаго князя особенно поражала двухлѣтняя ссылка Пушкина въ глухой деревнѣ. Поэтъ не только не палъ духомъ, не предался апатіи, но явился изъ ссылки полный жизни, вполнѣ созрѣвшимъ. Онъ явился—прибавимъ мы—съ идеалами писателя-просвѣтителя и передового борца за просвѣщеніе. Онъ явился все такой же простой, сердечный, скромный, но точно знавшій предметы своей любви и горячо дорожившій ими.

И когда мы вдумаемся въ пушкинскую простоту и пушкинскую любовь, мы признаемъ ихъ чисто-русскими, истинно-народными чувствами, но которыя до сихъ поръ сказывались только въ труднѣйшіе моменты нашей исторической жизни. Одна изъ прекраснѣйшихъ и правдивѣйшихъ сценъ въ художественной драмѣ междуцарствія, именно въ хроникѣ Островскаго, писателя также по-русски добраго, объяснитъ вамъ психологію и жизненное значеніе пушкинской любви и простоты.

Къ Самозванцу является московскій человѣкъ Осиповъ и прямо начинаетъ говорить объ *обидѣ*.

Дмитрій удивленъ: какъ могъ онъ обидѣть совсѣмъ ему невѣдомаго человѣка?

Но Самозванецъ разумѣетъ личную обиду,—Осиповъ ему объясняетъ: онъ обиженъ обидой всѣхъ своихъ истинныхъ вѣрованій и чувствъ, обиженъ поруганіемъ своихъ идеаловъ, униженіемъ своей человѣческой и гражданской личности:

Гдѣ я молюсь, предъ чѣмъ благоговѣю,
Куда вступаю съ трепетомъ священнымъ,
Туда со мной литвинъ и ляхъ съ руганьемъ
И мерзостнымъ кощунствомъ вмѣстѣ входятъ...

Мы не считаемъ литвина и ляха еретиками и врагами, но и предметы благоговѣнія измѣняются съ теченіемъ времени, остается неизмѣнной способность человѣка благоговѣть, и во имя благоговѣнія „не пошикать главой передъ позоромъ лѣтъ“.

Въ самый тяжелый, загнанный періодъ своей жизни Пушкинъ писалъ женѣ: „Я какъ Ломоносовъ не хочу быть шутомъ, ниже у Господа Бога!“ Какая радость для нашего національнаго самосознанія, что уже Пушкинъ въ примѣръ своему благородству могъ вспомнить писателя-гражданина столь же народнаго и столь же простого, какъ онъ самъ!

Пусть же любовь Пушкина, какъ писателя, со всей ея благородной гордостью и открытой ненавистью будетъ нашей національной любовью и краснорѣчивѣйшія черты его личности: простота, правда и свобода—ея символами.

ЛИЧНОСТЬ И ПОЭЗІЯ ЛЕРМОНТОВА.

Рѣчь, произнесенная въ литературно-музыкальномъ собраніи Общества Любителей Россійской словесности 21 декабря 1896 года.

I.

Ни въ одной странѣ для общественныхъ дѣятелей такъ поздно не наступаетъ потомство, какъ у насъ—то потомство, которое, принято думать, изрекаетъ нелицепріятный судъ надъ личностью и дѣломъ знаменитаго покойника.

Происходитъ ли это отъ того, что у насъ далеко не всегда имѣются точныя и полныя представленія даже о самомъ достойномъ нашемъ прошлымъ, или потому, что въ нашей жизни прошлое слишкомъ медленно становится исторіей, слишкомъ туго прививаются идеи къ нашей почвѣ, и часто для внуковъ онѣ остаются такою же спорной современностью, какою были для ихъ дѣдовъ... Во всякомъ случаѣ, нигдѣ не процвѣтаетъ такая страстная и пестрая публицистика относительно именъ, пережившихъ всѣ годовщины и давности, нигдѣ не приходится такъ часто и настоятельно защищать людей, нерѣдко уже почтенныхъ національными памятниками.

И вы знаете, ни къ кому до такой степени не приложимо это разсужденіе, какъ къ нашему поэту. Онъ жилъ и писалъ будто затѣмъ, чтобы оставить по себѣ непроницаемую смуту противорѣчій и предоставить намъ рѣшать своего рода психологическую шараду.

Обратитесь къ исторіи, призовите въ свидѣтели современниковъ, друзей, родственниковъ Лермонтова,—вами овладѣетъ тяжелое и, пожалуй, безъисходное чувство. Почти ни одной симпатичной черты, ни искренности, ни любви, ни даже уваженія къ своему таланту! Какимъ чудомъ это дѣтище гусарщины, жестокій сердцеѣдъ въ юнкерскомъ мундирѣ,—неистощимый на экспромты шампанскому и героизму гвардейскихъ недорослей, какъ этотъ человѣкъ могъ быть серьезнымъ поэтомъ! Вѣдь, для этого необходима вдумчивая мысль и глубоко-чувствующее сердце. А какъ же заподозрѣть все это въ „отпѣтомъ Маешкѣ“: никому онъ не даетъ покою нестерпимыми издѣвательствами и анекдотами, трубки раскуриваетъ собственными стихами, не желаетъ даже и слышать о печати и литературной славѣ: это ниже его аристократическаго и гусарскаго достоинства!

Таковъ портретъ со словъ товарищей и родственниковъ. Многіе изъ нихъ пережили поэта и до послѣдняго времени не переставали вспоминать о „Мишелѣ“ и „Маешкѣ“, вдругъ попавшемъ совершенно безъ ихъ вѣдома въ знаменитые люди. Какъ это случилось?—трагическій вопросъ. Но на помощь озадаченнымъ современникамъ явилось услужливое потомство и принялось успокаивать смутившихся еръ и забіякъ.

Вы совершенно правы. Вашъ собутыльникъ дѣйствительно птица не высокаго полета—ловкій фигляръ, пустой малый, напускавшій на себя разныя гримасы и позы, и наивные россіяне Богъ вѣсть почему маскараднаго Мефистофель приняли за подлиннаго демона...

И мы скажемъ на эти рѣчи: да, вы всѣ правы, Лермонтовъ дѣйствительно и для васъ *спеціально* разъигрывалъ презабавный спектакль и успѣлъ окончательно сбить съ толку свою публику. Она совершенно потеряла голову отъ ловкой мистификаціи. Великій поэтъ оказался не менѣе сильнымъ артистомъ и, подобно шекспировскому Гамлету, направилъ вниманіе Полоніевъ всѣхъ поколѣній мимо своего подлин-

наго *я* на случайный внѣшній пустякъ и, именно, этимъ сберегъ свое достоинство человѣка и поэта.

Въ самомъ дѣлѣ, подойдите къ Лермонтову безъ всякихъ парочитыхъ увлеченій и сочувствій, напротивъ, съ какимъ угодно сомнѣніемъ, но только съ искреннимъ желаніемъ узнать истину—и предъ вами раскроется тайна, легко и естественно, сама собой разскажется исторія души, столь на первый взглядъ запутанная и чреватая недоразумѣніями. Трудно даже указать еще подобный случай, гдѣ бы отъ природы цѣльная единая натура развилась столь послѣдовательно, неумолимо-логически, будто совершенное художественное произведеніе естественныхъ творческихъ силъ.

Я не стану, конечно, напоминать вамъ жизни поэта,—я проведу васъ только по главнѣйшимъ станціямъ его нравственнаго бытія и прослѣжу основной психологическій мотивъ, звучавшій въ этой личности съ одинаковой силой и опредѣленностью съ первой минуты сознанія до смертнаго часа.

Лермонтовъ родился крайне болѣзненнымъ; на третьемъ году потерялъ мать и былъ разлученъ съ отцомъ. Отъ матери у него осталось невыразимо-трогательное впечатлѣніе тихой, смутно-грустной дѣтской пѣсенки; судьба отца впервые заставила его задуматься надъ людьми и „свѣтомъ“, а болѣзнь лишила его обыкновенныхъ дѣтскихъ радостей. И колыбель больного сироты стала настоящей колыбелью демонизма.

Это, можетъ быть, звучитъ очень смѣло и странно? Но раньше, чѣмъ изумляться, войдемъ въ дѣтскую.

Мальчикъ по цѣлымъ днямъ не встаетъ. Онъ давно разлюбилъ игрушки и наскучилъ болтовней няни и горничныхъ дѣвушекъ. Ему больше нравится оставаться одному. У него есть свои развлеченія. По вечерамъ онѣ не наглядится на закатъ, на румяныя облака; всходитъ луна, и онъ, не отрывая глазъ, слѣдитъ за игрой тонкаго таинственнаго сіянія. . Его шестилѣтнее сердце начинаетъ томиться горькой и вмѣстѣ какой-то сладостной тоскою: ему такъ хотѣлось бы, чтобы

кто-нибудь склонился надъ нимъ, приласкалъ его, разгадалъ его грезы, безконечной вереницей вьющіяся надъ нимъ въ часы длинной ночи.

А тѣло болитъ, иногда малѣйшее движеніе вызываетъ страданія, но ребенку совѣстно жаловаться, онъ презираетъ слезы и все думаетъ и думаетъ... О чемъ?

Ему—такому терпѣливому и несчастному—мечтаются невиданные міромъ герои, такіе же одинокіе и даже гонимые. Никто—ни бабушка, ни прислуга—не догадывается, какая напряженная работа происходитъ въ его мозгу, и онъ невольно проникается чувствомъ гордости, нѣкоторой исключительности: у него есть *свои* тайны, *свои* думы—друзья, никому невѣдомые и, можетъ быть, даже непонятные.

И постепенно складывается маленькій, еще дѣтскій, нравственный міръ, но о немъ вскорѣ поэтъ будетъ имѣть право заговорить не совсѣмъ маленькими и дѣтскими рѣчами:

Съ начала жизни я
Любилъ угрюмое уединенье,
Гдѣ скрывался весь въ себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Прочесть эти стихи, заявить, что́ такъ писалъ и думалъ какой-то десятилѣтній барченокъ,—значитъ неминуемо вызвать восклицаніе: „фраза и поза“!.. Развѣ это обычно, чтобы дѣти русскихъ помѣщиковъ искали угрюмаго уединенія и боялись не только ни къ кому не приставать со своими огорченіями, но даже чужое сожалѣніе считать для себя обиднымъ! И потомъ,—если такая рѣдкость отыщется,—у мальчика, значитъ, отъ природы черствое сердце: вѣдь, милыя, хорошо воспитанныя дѣти всегда откровенны со старшими!

Будущему поэту не дано этой добродѣтели. Ему хотѣлось бы, чтобы другіе *сами* заинтересовались имъ и постарались, безъ его нѣжныхъ и чувствительныхъ откровенностей, постигнуть свѣтъ и тѣни его души.

Такихъ проницательныхъ друзей нѣтъ,—и на полной волѣ разыгрывается воображеніе юнаго героя. Оно одарено неистощимой творческой силой—и день за днемъ, рядомъ съ дѣйствительнымъ, слишкомъ, мелкимъ, міромъ, слагается „міръ иной и образовъ иныхъ существованье". Преждевременное одиночество влечетъ къ наивному, но неистребимому культу—всего *единственнаго, исключительнаго, сказочно-могучаго.*

А вскорѣ наступитъ и первый серьезный разсчетъ этого фантастическаго міра съ реальнымъ. Мальчику придется разрѣшать вопросъ, не всегда посильный для взрослыхъ и опытныхъ. Ему надо сдѣлать выборъ между воспитательницей-бабушкой и отцомъ—и предъ нимъ проходятъ такія, напримѣръ, сцены, и онъ призванъ здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Отецъ, одинокій, загнанный бѣднякъ, молитъ его во имя матери, во имя сыновней любви, молитъ—не бросать его, и безъ того безроднаго и никому ненужнаго.

На мольбы отвѣчаютъ упреками, именно, въ бѣдности и захудалости, обвиняютъ въ пронырствѣ и въ дерзкомъ умыслѣ—пробраться путемъ женитьбы въ аристократическую семью.. Это для отца.

А для сына,—взываютъ къ сѣдинамъ, къ годамъ заботъ объ его здоровьѣ и воспитаніи,—и также горячо умоляютъ—быть благороднымъ!.. Впрочемъ,—что мольбы? Споръ готовы рѣшить даже силой, и юный виновникъ семейнаго раздора будетъ оторванъ отъ отца и разъ навсегда запомнитъ, что значитъ попасть въ среду людей слабымъ, т.-е. бѣднымъ незнатнымъ, одинокимъ.

Вы думаете—такіе опыты проходятъ даромъ, вообще, для кого бы то ни было? А, вѣдь, здѣсь новое испытаніе падало на давно уже пробужденное сознаніе и врывалось въ сердце, уже привыкшее терпѣть и молчать.

Вы, конечно, повѣрите простому заявленію поэта:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и въ разлукѣ умереть...

Это—несомнѣнно, но тогда почувствуйте всю искренность и правду запроса, бросаемаго поэтомъ къ людямъ на границѣ дѣтства и юности:

Для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?..

Распространите свое довѣріе и дальше: для этого вѣдь только нужно посовѣтоваться съ собственнымъ сердцемъ, не требуется никакихъ психологическихъ откровеній и усилій воображенія.

Лермонтовъ въ годъ смерти отца набрасываетъ первый очеркъ *Демона* и пишетъ стихотвореніе *Монологъ*, по замыслу и мотивамъ очень близкое къ позднѣйшей *Думѣ*.

Автору идетъ всего пятнадцатый годъ, Байрона онъ еще не читалъ,—откуда же у него такой полетъ.

II.

Демонизмъ, *разочарованіе*—какъ говорить объ этихъ предметахъ въ наше время со всею серьезностью и даже почтительнымъ чувствомъ! Демонъ—вѣдь, это фантастическая фигура, въ театральномъ костюмѣ, съ бутафорскими крыльями и бенгальскимъ освѣщеніемъ. Его знаменитую клятву давно уже гораздо чаще поютъ, чѣмъ читаютъ—дурной признакъ для его героической внушительности! И, можетъ быть, именно чрезвычайная пригодность Демона для сценическаго зрѣлища не осталась безъ вліянія на строгихъ судей самого поэта—лицедѣя.

Потомъ разочарованіе... Оно, пожалуй, еще рискованнѣе. Сколько наши отцы перевидали молодыхъ людей неопредѣленныхъ талантовъ и, по возможности, легкихъ профессій, сжигавшихъ дѣвичьи сердца интересной блѣдностью лицъ и мрачной загадочностью взоровъ? И почти всегда навѣрное можно было сказать: если бы смута тоскующаго сердца не мѣшала дѣвицѣ ясно соображать, она очень скоро разобла-

чила бы сфинкса: вмѣсто интереса и загадки оказалось бы существо сродни извѣстному герою басни, пережившему на своемъ вѣку необыкновенно блестящую карьеру, неожиданно для самого себя. И опять,—феерическая слава разочарованія внесла и свою ленту въ людской лукавый судъ надъ Лермонтовымъ.

Какъ разобраться намъ?

У людей имѣется одна очень любопытная манера. О нѣкоторыхъ явленіяхъ жизни,—распространенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ,—говорятъ только въ особыя, патетическія минуты и чаще всего въ „умной“ „литературной“ бесѣдѣ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ они только упоминаются и не вызываютъ общаго интереса. Таковъ, напримѣръ, вопросъ объ *одиночествѣ*.

Какое бы благодарное поприще представилось здѣсь для психолога, и сколько бы свѣта онъ могъ внести въ жизнь и характеры многихъ людей—часто великаго генія, по какой то неестественной, подозрительной судьбы!

Откуда падаетъ на человѣка величайшая кара, какая только можетъ быть изобрѣтена на землѣ! Почему онъ, одаренный исключительными силами, весь власть и блескъ, и уже потому стремящійся къ людямъ, остается одинъ на своемъ пути,—и трудно представить, сколько шагъ за шагомъ накопляетъ онъ тогда страстей и привычекъ, чуждыхъ его природѣ,—ненависти и злобы, которымъ сначала не было мѣста въ его сердцѣ,—мелочности и малодушія, не сродныхъ его уму.

Чужія сочувствія пріобрѣтаются вовсе не трудно: легчайшій путь—состраданіе, охотнѣе всего благоволятъ *сверху внизъ*.

Можно и не склоняться предъ благодѣтелемъ, а въ краснорѣчивыхъ завѣреніяхъ изобразить свое чувство и подать ему руку, какъ равный равному.

Но не для всѣхъ доступенъ даже второй путь. Вы помните,—Корделія считаетъ недостойнымъ рисовать узоры изъ своей любви къ отцу, а другая шекспировская героиня, по-

гибшая за нѣсколько дней счастья, считаетъ слова лишними въ высшіе моменты своей жизни. И это такъ естественно!

Глубина и благородство чувства заставляютъ человѣка беречь и лелѣять чувство, какъ воплощеніе *всей своей личности*. И пошлетъ ли онъ свою душу на людское зрѣлище, станетъ ли, восхваляя ея достоинства, выторговывать себѣ чужое вниманіе? Онъ, обладатель лучшихъ сокровищъ, останется гордымъ ихъ стражемъ, въ ожиданіи достойнаго участника.

И многимъ онъ покажется суровымъ, холоднымъ и даже злымъ. А, между тѣмъ, именно онъ преисполненъ страстной жажды—любить, она—вся его нравственная стихія,—не мимолетное влеченіе и не спокойная игра впечатлѣній,—и онъ тѣмъ глубже будетъ прятать отъ другихъ свое я, чѣмъ необычнѣе среди людей подобная сила.

И она необычна. Она требуетъ особенно богатой мужественной натуры, и одиночество неминуемо постигаетъ тѣхъ, у кого болѣе всего правъ на личное счастье. И пусть теперь ваше воображеніе, все ваше знаніе людей представитъ ужасъ борьбы между неумирающимъ голосомъ сердца и недоумѣніемъ или даже враждой человѣческаго общества!.. Опять не надо никакихъ искусственныхъ освѣщеній, чтобы разгадать совершенно реальный смыслъ драмы. *Она — первая глава демонической поэмы.* Это пока еще неудовлетворенное *положительное* чувство. Къ нему скоро присоединится другое, изъ него вытекающее, хотя и противоположное ему,—и лермонтовскій Демонъ встанетъ во весь ростъ.

„Любить необходимо мнѣ“, „пустое сердце ныло безъ страстей“,—безпрестанно повторяетъ поэтъ, и мучительно мечется среди окружающихъ его людей, ища *родной души.*

Можетъ быть, это только раннее пробужденіе горячей крови, шалости своевольнаго барчука?... Въ отвѣтъ послушайте, какъ пятнадцатилѣтній школьникъ толкуетъ о *дружбѣ.*

Для него слово *другъ мой* звучитъ потрясающей музыкой, онъ весь дрожитъ отъ неслыханнаго счастья, ему кажется,—душа его заключила въ селѣ съ этой минуты несмѣтныя богатства. Это—не фразы. Лермонтовъ переживаетъ такой же стремительный *романъ дружбы*, какой другимъ удается пережить на мотивъ страсти. Его первыя стихотворенія посвящены *друзьямъ*, первое его негодованіе на людскіе немощи внушено—*женской душой* недостойнаго друга и первыя клятвы, напоминающія демоническій пафосъ, произнесены въ честь *перваго и послѣдняго* друга...

Но въ результатѣ, поэтъ все-таки впишетъ въ свои воспоминанія лишній обманъ въ людяхъ. Кто изъ товарищей могъ стать въ уровень съ этой преждевременной „жертвой среди степей"?... Выраженіе—громкое, какъ и подобаетъ очень юному поэту, но мы знаемъ,—его смыслъ не плодъ фантазіи. Стихи къ друзьямъ гнѣвно клеймятъ ихъ легкомысліе, измѣны,—очевидно молодой мечтатель требовалъ и отъ другихъ не меньше, чѣмъ самъ давалъ,—и слабымъ душамъ могло становиться тѣсно и тяжко отъ подобной дружбы... Впослѣдствіи Демонъ вспомнитъ объ этомъ безсиліи людей—открыто ненавидѣть и любить.

Еще одинъ опытъ,—и вся программа демоническихъ воззрѣній на міръ будетъ готова.

III.

Представте совсѣмъ на видъ немужественнаго юношу, неуклюжаго, маленькаго роста, съ очень непріятной походкой, оливковое лицо и будто воспаленные красные глаза, смотрящіе изъ подлобья... Можно ли признать его героемъ романа? И даже просто героемъ?.. А, между тѣмъ, онъ зачитывается Байрономъ и выбралъ еще едва ли не самое большое изданіе, очевидно, весь проникнутъ его поэзіей, готовъ безпрестанно цитировать и вести чувствительные разговоры...

Контрастъ нестерпимо комическій,—и Катя Сушкова вмѣстѣ съ подругами взапуски пользуются даровымъ спектаклемъ. „Отрокъ“ къ ней неравнодушенъ, посвящаетъ ей стихи,—вотъ здѣсь-то и доканать его. Въ отвѣтъ на „сентиментальныя сужденія“—ему предлагается веревочка, воланъ, булочки, начиненныя опилками. Его косолапая походка и вздернутый носъ также занимаютъ свое мѣсто въ дѣвичьей потѣхѣ...

Это на сценѣ,—а за кулисами уничтоженный, осмѣянный горе-богатырь пишетъ свою первую поэтическую автобіографію. Это—сплошной вопль души, перегорающей въ огнѣ думъ и желаній, это—своего рода проклятія Фауста въ другой формѣ, но вѣдь и здѣсь все та же вѣчная драма одиночества, все та же безнадежная тоска о счастьѣ.

Отрокъ говорилъ о себѣ:

Нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны...

И это точный историческій отчетъ о дѣйствительности.

Вы видите,—нѣтъ, въ сущности, крупныхъ происшествій, ничего романтическаго,—все обыкновенно, за исключеніемъ одного: *самого поэта*, его природы. Она отовсюду извлекаетъ свои особые звуки и краски, она со дня рожденія—чудными дарами выдѣленная изъ людской толпы—по своему воспримetъ сиротское дѣтство, униженія и смерть отца, разочарованіе въ дружбѣ и комедію отроческой любви. Пусть все это произойдетъ съ самымъ заурядным человѣкомъ, пусть онъ въ шестнадцать лѣтъ доживетъ до мысли,—что до сихъ поръ ему не удалось ни одно влеченіе сердца, что предъ нимъ жизнь стояла холодная и удручающе сѣрая,—этотъ смертный не напишетъ *Демона*, но, навѣрное не одинъ разъ, въ тиши ночи подумаетъ о странномъ постоянствѣ судьбы. Для него—въ результатѣ явится, можетъ быть, примиреніе съ ней, и пониженіе запросовъ и стремленій,—для Лермонтова—выводъ другой, единственно возможный и уже испробованный.

Я кажусь смѣшнымъ, вмѣсто отвѣта на мое чувство меня укоряютъ физическимъ безобразіемъ и малолѣтствомъ,—такъ пусть же они узнаютъ, какъ *я* умѣю смѣяться и сколько власти заключено въ моемъ невзрачномъ тѣлѣ... Отнынѣ война безтрепетнымъ красавицамъ и ихъ свѣту,—война самая вызывающая, безпощадная—разрушеніе подъ акомпаниментъ смѣха!

И *злоба* становится рука объ руку съ *любовью*. Это—основная и глубочайшая черта вынужденнаго одиночества: *я ненавижу и люблю*—въ этомъ сочетаніи тайна всѣхъ противорѣчій лермонтовской психологіи, точное выраженіе его демонизма и разочарованія.

Возможность этого сочетанія подмѣчена еще древнимъ поэтомъ,—но нигдѣ и никогда оно не пріобрѣтало такого нравственнаго и общественнаго значенія, какъ въ нашемъ отечествѣ и, прежде всего, въ личности Лермонтова.

Въ глубинѣ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней,—

вотъ простыя молодыя строки, охватывающія сущность лермонтовской природы.

И всмотритесь теперь въ эти мрачныя, подчасъ будто сверхъестественныя лица, всѣ запечатленныя дыханіемъ демонизма—Мцыри, Демона, Арсенія, Измаила-Бея—вы всюду прочтете одну и туже исторію сердца самого поэта, жизненную и трогательную до послѣдней черты.

Я принесъ въ міръ слишкомъ большое сердце и властное чувство,—не вынести было моимъ близкимъ этой силы, и даже не понять! Моя любовь—это вся мощь геніальной натуры, моя рѣчь страсти—это бурный крикъ всего моего существа,—это желаніе безраздѣльнаго, всенаполняющаго счастья, остающагося счастьемъ даже въ минуты невзгодъ:—потому что нѣтъ на землѣ врага, страшнаго моей волѣ, воодушевленной самоотверженіемъ моей избранницы!..

И явись она,—какая бы мощная торжествующая поэзія полилась съ устъ Лермонтова. Теперь другое.

Поэта вздумаютъ наградить „мелкой страстью“, обычными получувствительными, полупошлыми свѣтскими романами, вообразятъ, что и его, какъ всякаго другого *кавалера*, приводятъ въ восторгъ многозначительныя улыбки и рукопожатія, возносятъ на седьмое небо случайныя встрѣчи и внезапныя tête-à-tête... Онъ не откажется отъ игры: она выдастъ ему врага со всѣми его маленькими военными хитростями. И какой же горечью и злостью будетъ послѣ этого облитъ стихъ, направленный на глупцовъ, вообразившихъ себя—властителями сердца и мыслей поэта!

И во имя *великой* любви устами Демона онъ будетъ проклинать все, что шарлатански присвоиваетъ его имя! И этотъ столь эффектный, театральный герой—на самомъ дѣлѣ пророкъ естественности и правды, *освободитель чувства*. Онъ въ русской литературѣ такое же воплощеніе протеста противъ лжи, лицемѣрія и всевозможныхъ извращеній природы какими были Руссо и Шиллеръ на Западѣ. Это—не свободная любовь въ пошломъ смыслѣ, это—любовь, какъ цѣльная нравственная сила, находящая себѣ оправданіе въ великой облагораживающей и вдохновляющей власти женщины надъ мужчиной. И когда Демонъ клянется Тамарѣ отрѣшиться отъ злобы и мести,—предъ нами опять вполнѣ жизненный, хотя и идеальный мотивъ. Если есть какой-нибудь культурный человѣческій смыслъ въ *вѣчно женственномъ*,—онъ ни что иное—какъ неисчерпаемая любовь женскаго сердца, вносящая источникъ умиротворенія и личнаго счастья въ столь часто измѣнчивую и истерзанную жизнь мужчины.

Именно эта мысль скрывается въ грандіозной картинѣ Лермонтова и исторія Демона—исторія одинокой и поэтому озлобленной души, чающей въ великой личной любви найти исходъ своимъ исключительнымъ силамъ—къ не менѣе великому *общечеловѣческому* благу.

Искалъ ли подобнаго пути самъ Лермонтовъ? Демонъ вѣдь еще сохранилъ способность любить,—а самъ поэтъ разъ навсегда перешелъ въ разрядъ разочарованныхъ и облекся въ модный плащъ неотразимаго корнета.

Мы стоимъ у другой едва ли не важнѣйшей тайны лермонтовской поэзіи и личности.

IV.

Разочарованіе и комедіанство—они неразрывно связаны, и „свѣтъ“ призналъ ихъ одинаково интересными и загадочными.

Да, *свѣтъ*! Именно *онъ* всегда чувствовалъ особенное влеченіе къ разочарованнымъ и *страннымъ*. Именно здѣсь маленкіе чайльдъ-гарольды срывали обильнѣйшіе цвѣты удовольствій и производили неограниченныя опустошенія. Все равно, какъ въ каждомъ салонѣ XVIII-го вѣка обязателенъ было собственный Мг. Гильоме,—такъ позже княжны Зизи обзавелись разочарованными нижними офицерскими чинами большею частью изъ декоративныхъ войскъ.

Происходили легкія семейныя исторіи. Кн. Звонскій велъ двустороннюю аттаку—на княжну Лидину и графиню Гремину,—смотря, гдѣ скорѣе оцѣнятъ его презрѣніе къ свѣту и наградятъ презрѣнными благами вмѣстѣ съ сердцемъ „ангела“. Въ финалѣ съ разочарованнымъ страстотерпцемъ происходило точь въ точь то самое превращеніе, какое вы видите на сцѣнѣ въ оперномъ *Фаустѣ*: стоитъ Мефистофелю протянуть руки,—и все отвергавшій и ненавидѣвшій мудрецъ моментально молодѣетъ и взываетъ совершенно влюбленнымъ теноромъ *къ ней*...

Съ Лермонтовымъ что-то не происходитъ подобныхъ исторій. Правда, онъ не является въ салоны Чацкимъ, не разстраиваетъ вальсовъ гражданской скорбью, но умѣетъ возбудить живѣйшее чувство ненависти у всего „свѣта“. Въ

Демонъ, вы помните, изображаются вѣка разрушительныхъ предпріятій духа мести и злобы, рисуется какая-то ненасытная жажда истребленія—нѣчто подобное наполняетъ свѣтскую жизнь автора. Онъ не вноситъ въ нее ни капли личнаго сочувствія, для него это міръ—совершенно сгнившій на своихъ устояхъ и онъ—поэтъ—призванъ нанести послѣдній толчокъ.

Задача не изъ доблестныхъ! Мало славы разстроить чужой романъ, поднять на смѣхъ какого-нибудь шута, произвести хаосъ въ пошлой гармоніи пошлыхъ существованій. Перечитайте разсказъ поэта, какъ онъ отомстилъ Сушковой,—все это—*въ глазахъ свѣта, въ свѣтѣ, передъ свѣтомъ*—вамъ станетъ больно за растрату благороднѣйшихъ силъ на темную игру съ несчастными, которые и защищаться-то какъ слѣдуетъ не могли...

Вамъ станетъ еще больнѣй, когда вы узнаете, что игра эта не доставляла герою даже минутныхъ радостей. Когда у человѣка щемитъ грудь, перехватываетъ горло, онъ дѣлаетъ самыя отчаянныя движенія,—и готовъ издавать самые дикіе крики. Въ такомъ именно настроеніи Лермонтовъ неистовствовалъ на гусарскихъ пирушкахъ и въ свѣтскихъ салонахъ.

Онъ изобразилъ это отчасти въ Печоринѣ. Отчего этотъ человѣкъ горитъ будто на огнѣ? Онъ вѣдь разочарованный,—зачѣмъ же его сердце бьется при всякомъ воспоминаніи о прошломъ счастьѣ, зачѣмъ разлука съ Вѣрой повѣргаетъ его въ настоящее отчаяніе, почему одно пожатіе ея руки для него иногда—блаженная минута,—и онъ даже способенъ плакать, метаться въ какой-то безысходной тоскѣ!

Разочарованные, обыкновенно, брали богатѣйшій дивидендъ самоуслажденія и самообожанія со своихъ страданій,—а этотъ человѣкъ минутами задыхается отъ горя! И тогда не попадайся ему на пути какой-нибудь пламенный глупецъ—вродѣ Грушницкаго или ангелоподобная невинность—вродѣ княжны Мэри: въ немъ просыпается вампиръ,—и онъ

нанесетъ ударъ, лишь бы заглушить свое мятущееся сердце. Таково ужъ свойство сильныхъ неудовлетворенныхъ натуръ! Вы помните,—въ какой ужасъ приводитъ Базаровъ Аркадія, намѣреваясь серьезно подраться съ нимъ—какъ разъ въ одну изъ такихъ минутъ, когда Печорину прямо ненавистны младенчествующіе счастливчики.

Таково это странное разочарованіе. Подъ внѣшнимъ равнодушіемъ и припадками неудержимой злобы горитъ все прежняя пожирающая жажда счастья и *смысла*. Да,—эти два понятія нераздѣльны въ лермонтовской психологіи. Она одарена неугомоннымъ анализомъ, мысль всякую минуту готова внести горечь сомнѣнія и критики въ самую идиллическую картину.

Отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьѣ нѣтъ...

И нѣтъ также въ разочарованіи. Потому что,—нѣтъ возможности логически покончить всѣ вопросы на равнодушіи ко всему. Есть нѣчто за предѣлами окружающей пошлости, потому что въ насъ горитъ ничѣмъ незаглушимое стремленіе къ идеалу, *неисполнимыхъ* желаній намъ Создатель не вложилъ бы въ душу... Слѣдовательно,—всѣ эти Кати Сушковы, Мэри, Грушницкіе, самъ Печоринъ—отнюдь не послѣднія слова человѣческой природы,—и поэтъ будетъ привѣтствовать память своего друга Одоевскаго, именно за то, что тотъ сохранилъ

И вѣру гордую въ людей, и въ жизнь иною...

И когда Бѣлинскій, сначала было запуганный лермонтовскимъ маскарадомъ,—разсмотрѣлъ страннаго человѣка лицомъ къ лицу,—онъ пришелъ къ такому заключенію:

„Мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей, сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого“.

Бѣлинскій не скрывалъ своего впечатлѣнія отъ Лермонтова, и тотъ улыбнулся и сказалъ.

— Дай Богъ!..

И вчитайтесь въ поэзію Лермонтова — съ первыхъ опытовъ до послѣдняго стихотворенія,—васъ будетъ всюду преслѣдовать безпримѣрно упорная работа мысли, неукротимая душевная борьба:

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь...

И поэтъ со всею точностью отражалъ свою жизнь, рисуя парусъ—неудовлетворенный и безпріютный — даже среди спокойнаго моря и подъ ясной лазурью.

V.

И вотъ съ такой-то натурой приходится жить тамъ, гдѣ приличіемъ стянутыя маски убиваютъ и гонятъ всякую оригинальность, гдѣ все новое немедленно окорнается, изуродуется и превратится въ шаблонъ. Даже байронизмъ здѣсь успѣютъ перекроить по такой мѣркѣ, что онъ окажется въ пору всякому недорослю и „актрисъ коварныхъ обожателю“.— Уйти изъ этого общества! Такъ Лермонтовъ и думалъ послѣ перваго изгнанія на Кавказъ,—но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе своимъ планамъ со всѣхъ сторонъ. Мысль оставить службу все-таки жила въ немъ и незадолго до смерти— онъ высказалъ рѣшительное намѣреніе больше не подчиняться ни чьей волѣ.

Но пока онъ въ этомъ обществѣ...—Въ какія отношенія стать къ нему? Искренно и открыто быть самимъ собой, обнаружить предъ всѣми свою безпокойную мысль и сердце, стремящееся къ чему-то тайному?

Этого, вѣроятно, не потребовалъ бы отъ Лермонтова злѣйшій его врагъ. Оставимъ въ сторонѣ поэтическія изліянія, всѣ эти безпощадныя издѣвательства надъ „свѣтомъ“ и его героями,— обратимся къ простой исторіи.

Совершилась смерть Пушкина,—писателя, признаннаго и покровительствуемаго даже верховной властью,—писателя-аристократа и даже камеръ-юнкера. Кажется, всѣ данныя для „свѣта“—сколько-нибудь вникнуть въ смыслъ драмы. Ничуть не бывало. Злополучное званіе—литераторъ—горитъ клеймомъ на геніальномъ челѣ—въ глазахъ la crême de la noblesse, какъ самъ имеруетъ себя тотъ свѣтъ, который задушилъ и сердце и счастье покойника.

Свѣтъ пускается въ сплетническое изслѣдованіе дѣла,—и приходятъ къ заключенію, что виноватъ Пушкинъ, онъ былъ такъ нехорошъ собой, что не имѣлъ права ревновать красивой жены, и Дантесъ выполнилъ только то, что всякій сдѣлалъ бы на его мѣстѣ!..

Все это слышитъ Лермонтовъ... И не требовалось особеннаго гражданскаго чувства, чтобы загорѣться гнѣвомъ на рабовъ, безчестившихъ еще не закрывшуюся могилу.

Послѣднія 16 строкъ знаменитаго стихотворенія—отповѣдь „надменнымъ потомкамъ“—имѣютъ свою исторію,—и она въ высшей степени поучительна для взаимныхъ отношеній Лермонтова и той среды, гдѣ ему пришлось спасать себя и свое вдохновеніе. Я позволю себѣ напомнить этотъ эпизодъ.

Во время пушкинской трагедіи Лермонтовъ былъ боленъ. Его, между прочимъ, навѣстилъ родственникъ—Столыпинъ, дипломатъ и джентльмэнъ во всемъ значеніи слова, по отзыву современника. Естественно,—завязался разговоръ о событіи дня. Гость сообщилъ слухъ, будто жена Пушкина намѣрена долго носить трауръ и оставаться вдовой,—и находилъ, что это ей вовсе не къ лицу. Что касается стиховъ Мишеля—они не дурны,—только онъ напрасно, апоѳеозируя поэта,—слишкомъ очернилъ его убійцу. Дантесъ долженъ былъ стрѣляться, а смерть уже результатъ дуэли.

Лермонтовъ всъ время слушалъ съ ѣдва сдерживаемымъ волненіемъ.—„Всякій русскій человѣкъ,—воскликнулъ онъ,

наконецъ,—конечно, чистый русскій, а не офранцуженный и испорченный, какую бы обиду Пушкинъ ему не сдѣлалъ, снесп бы ее во имя любви своей къ славѣ Россіи, и никогда не поднялъ бы на этого великаго представителя всей интеллектуальности Россіи своей руки...

Столыпинъ засмѣялся и нашелъ, что у Мишеля раздраженіе нервовъ и что лучше оставить этотъ разговоръ. Пошли дальнѣйшія сплетни. Лермонтовъ уже не слушалъ, схватилъ листъ бумуги и началъ что-то быстро чертить карандашемъ, ломая одинъ за другимп (и переломалъ такъ съ полдюжины).

Столыпинъ бросилъ ироническій взглядъ па поэта и, подмигивая, замѣтилъ.

La poesie enfante!—Поэзія рождается на свѣтъ!.. Поболтавъ еще о всякомъ вздорѣ съ четверть часа, гость сталъ прощаться: *Adieu, Michel!*

Лермонтовъ окончательно потерялъ терпѣніе и закричалъ:

— Вы, сударь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, ежели вы сію секунду не выйдете отсюда.

Столыпинъ не заставилъ повторять приглашеніе дважды, быстро вышелъ, бросивъ на ходу французскую фразу:

— *Mais il fou à lier!*—Но этого сумасшедшаго пора связать!

Вотъ превосходная иллюстрація къ главѣ лермонтовской біографіи: *Поэтъ въ свѣтѣ*!.. Онъ—Мишель, Маіошка, интересный донъ жуанъ, пожалуй,—хорошій товарищъ по гусарщинѣ,—пока онъ никого не безпокоитъ своей душой и своими думами. Иначе онъ—смѣшной донъ-кихотъ, сумасшедшій.

И еще требуютъ, чтобы онъ—гордый и властный—выставлялъ себя день за днемъ на всеобщее посмѣшище, пускался, по примѣру дѣтскихъ лѣтъ, въ умные разговоры и сентиментальныя сужденія съ людьми,—даже въ смерти Пушкина усмотрѣвшими только интересную вдовушку и рыцаря свѣтской чести!

Нѣтъ, Лермонтовъ предъ „важнымъ шутомъ“ самъ явится въ театральномъ костюмѣ. Онъ, подобно древнему Бруту, употребитъ всѣ усилія ума и воли, чтобы заградить нечистымъ рукамъ доступъ въ свой задушевный міръ. Онъ, подобно Гамлету, будетъ дурачить Полоніевъ и Розенкранцевъ,—но наединѣ съ своимъ „мятежнымъ духомъ“ онъ дастъ свободу наболѣвшему сердцу, и изъ подъ его пера выльется то проникновенная восторженная молитва, то—стихъ, облитый горечью и злостью. У него также найдутся свои Горація—имъ онъ просто и трагательно будетъ говорить свои монологи. У него есть другъ—женщина, одна изъ сестеръ Лопухиныхъ. Какимъ-то чудомъ она давно разгадала своего пріятеля, столь страшнаго для другихъ. Она открыла въ немъ и любящее сердце, и даже добрый характеръ... Да, это ея слова—и посмотите какъ *сторицею* спѣшитъ жестокосердый левъ вознаградить ее за пониманіе его души и сочувствіе ей! Онъ, не желавшій ничьего состраданія еще въ дѣтствѣ, покорно выслушиваетъ отъ Лопухиной выговоры, укоризны и даже угрозы,—и вдумайтесь хотя бы въ эти слова,—и помните, они пишутся въ самый разгаръ свѣтскаго комедіанства:

„Съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или не достаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что случай когда-нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью. А что порукою, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезъ-чуръ некстати“...

То же самое говорилъ Пушкинъ, также принужденный расплачиваться за свою душу и хоронить ее возможно дальше,—и, слѣдовательно, притворяться, надѣвать несвойственные костюмы.

Краснорѣчивое совпаденіе,—и понять его такъ для всѣхъ было бы легко: стоитъ только рѣшить вопросъ, дѣйствительно

ли во всякомъ обществѣ можно свободно занимать вниманіе людей своими думами и идеалами, дѣйствительно ли—всюду сколько угодно цѣнителей глубокаго чувства и серьезнаго ума?... Если само евангеліе отвѣтило отрицательно и рѣзкимъ словомъ заклеймило извѣстнаго сорта публику,—какъ же поступить было человѣку пламеннаго сердца и неукротимаго духа?...

Бѣжать оттуда, гдѣ нельзя быть самимъ собой. И, несомнѣнно, Лермонтовъ такъ поступилъ бы. Вся его натура принадлежала другой средѣ и другимъ задачамъ. Въ университетѣ, не состоя въ студенческихъ кружкахъ, онъ живетъ ихъ мечтами,—и пишетъ драму противъ крѣпостнаго права. Въ свѣтѣ онъ единственный отзывается на смерть Пушкина,—и какъ отзывается! Ни въ въ одной редакціи, ни въ одномъ литературномъ кружкѣ не раздалось—ни болѣе мѣткаго, ни болѣе мужественнаго слова... И мы знаемъ,—это не было случайнымъ взрывомъ! *Молитва*, *Дума* писались въ одинокой тиши подъ отдаленный шумъ свѣтскихъ пустяковъ. На другой сценѣ не требовалось бы уединенія, поэтъ всюду могъ бы остаться самимъ собой—и вмѣстѣ съ другими разобрать эти безсмертные мотивы о постыдномъ равнодушіи, о гражданскомъ рабствѣ, о безплодной наукѣ, о преждевременномъ скептицизмѣ.

Вѣдь, это все—*наши* болѣзни,—*наши* до послѣдняго дня. И онѣ всѣ заключены въ страстной негодующей поэзіи Лермонтова. А, между тѣмъ, она была только началомъ. Незадолго до смерти онъ говорилъ гр. Соллогубу: „Я чувствую,—во мнѣ дѣйствительно есть талантъ... Я думаю серьезно посвятить себя литературѣ. Вернусь съ Кавказа, выйду въ отставку,—и тогда давай вмѣстѣ издавать журналъ“...

Судьба судила иначе,—и геній поэта погибъ несозрѣвшій, даже не раскрывшій всѣхъ своихъ цвѣтовъ. Но его тѣнь можетъ быть удовлетворена: никто за столь краткій срокъ не успѣлъ вызвать столько *сильныхъ* чувствъ,—и еще теперь,

когда болѣе полвѣка минуло со дня его кончины, вы—даже въ нашемъ столь спокойномъ и литературно-непартійномъ обществѣ—безпрестанно можете встрѣтить людей, о которыхъ поэтъ наканунѣ смерти говорилъ:

Я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній.

Откуда вражда?

Не изъ того ли она источника, гдѣ, по словамъ кн. Васильчикова—отнюдь не друга поэта, составилась такая эпитафія на его кончину: „туда ему и дорога“. И, кажется, будто до сихъ поръ все еще преслѣдуетъ кое-кого этотъ тяжелый надменно-насмѣшливый взоръ, умѣющій проникать въ глубочайшіе закоулки душевныхъ изъяновъ,—и безпощадно обнажать ихъ предъ человѣческой совѣстью.

Но есть другіе. Они не пугаются очей поэта,—и, всматриваясь въ нихъ,—они видятъ перваго русскаго поэта *печали* и *гнѣва*,—и проникаются чувствомъ, которое во всей русской литературѣ можетъ вызвать только Лермонтовъ.

Чтобы объяснить это чувство,—позвольте мнѣ нѣкоторый лирическій безпорядокъ.

Пять лѣтъ тому назадъ пятнадцатаго іюля на Кавказѣ чествовалось пятидесятилѣтіе смерти Лермонтова. Послѣ длиннаго ненастья выдался чудный сверкающій день. Горизонтъ открылся во всемъ необъятномъ просторѣ, неизъяснимымъ величіемъ и страстнымъ трепетомъ жизни вѣяло отъ безчисленныхъ сноповъ золотого блеска;—и снѣга далекихъ горъ, казалось, никогда еще не были такъ чисты, такъ дѣвственно-свѣжи... Съ холма, гдѣ стоитъ пятигорскій памятникъ Лермонтову,—можно видѣть все, что было когда-то радостью и вдохновеніемъ поэта. Двухглавый Эльбрусъ все также высился надъ всѣмъ Кавказомъ, будто, надъ всей землей, утреннее солнце играло искрами въ его коронѣ, и темно-голубыя, прозрачныя тѣни, будто сказочныя птицы, бродили по его склонамъ... Къ востоку тянулись громады вершинъ, похожія на грани невиданныхъ стеколъ, мѣнявшія свѣтъ и

тѣни въ причудливыхъ, фантастическихъ сочетаніяхъ... Я глядѣлъ на эту картину, — и невольно одинъ за другимъ въ моей памяти возникали мотивы Лермонтовской поэзіи, и какъ бы изъ далекой мглы выплывалъ его одинокій, вѣчно-неумиротворенный, вѣчно-протестующій образъ... Въ эти минуты не нуженъ былъ никакой разсудочный анализъ его творчества и личности: не даромъ онъ именно этой природѣ повѣрялъ свою тоску и у нея заимствовалъ столько силы и блеска въ свою поэзію...

Она — эта поэзія — такая же безсмертная естественная сила. Пусть она не подскажетъ вамъ уроковъ жизни на кождый случай отдѣльно, пусть ея внушенія будутъ не всегда подробны и практически ясны, — но она — подобно вотъ этому царственному южному солнцу, этой неистощимо-жизненной природѣ — наполнитъ вашу грудь мужественнымъ подъемомъ духа вѣрующей въ себя нравственной силы. А развѣ это не первый *важнѣйшій* шагъ къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, съ которыми связано человѣческое достоинство и независимая мысль?

Вы вернетесь къ своимъ будничнымъ дѣламъ, снова погрузитесь въ міръ, гдѣ нѣтъ и помину о демонахъ, гдѣ даже Тамары встрѣчаются рѣдко, — но вѣдь и надъ болотомъ мелькаютъ огни и изъ осенняго неба гремятъ грозы! — Такъ и для самаго прозаическаго смертнаго наступаютъ иногда минуты нравственной ревизіи, невольнаго раздумья надъ смысломъ неустаннаго житейскаго метанія. Тогда онъ, можетъ быть, томимый жаждой по душевному прочному свѣту и отдыху, — пусть не забудетъ что нашъ поэтъ, по самой сущности своего генія; такое же явленіе въ творчествѣ природы, какое — созданія искусства въ человѣческой дѣятельности... А безъ этихъ созданій, — говорилъ Гоголь:

„Міръ задремалъ бы, обомлѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души“.

---

*

ЛИЧНОСТЬ ТУРГЕНЕВА.

Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, въ память десятилѣтія по кончинѣ Тургенева.

Въ наше время большую извѣстность пріобрѣлъ весьма простой взглядъ на художественное творчество и личность художника. Все это будто результатъ совершенно опредѣленныхъ данныхъ. Сопоставьте внѣшнія вліянія, законъ наслѣдственности,—въ результатѣ получится сумма, именуемая геніемъ, характеромъ, міросозерцаніемъ. Процессъ необыкновенно заманчивый: онъ вполнѣ отвѣчаетъ современной задушевной мечтѣ—мыслить всегда и обо всемъ путемъ опытныхъ наукъ.... Но сколько уже разъ остроумнѣйшія построенія отвлеченной мысли гибли въ свободномъ, неудержимомъ потокѣ жизни! Сколько самонадѣянныхъ стремленій—предписать пути человѣческому духу—отступало предъ вѣчной истиной:

Теорія суха,
А жизни дерево—цвѣтуще и прекрасно.

И стоило бы заниматься этимъ деревомъ, если бы нашелся садовникъ, по собственной волѣ управляющій его расцвѣтомъ и ростомъ. На землѣ нѣтъ такой силы. Пусть милліоны прозябаютъ по какимъ угодно законамъ, подтверждаютъ всевозможныя теоріи, внезапно поднимантся одинъ избранный и повергаетъ въ безысходное недоумѣніе всѣхъ теоретиковъ и законодателей.

Такое явленіе теперь предъ нами. Его можно изучать, съ каждой минутой можно изумляться самобытности и богат-

ству творческихъ силъ природы,—но пытаться подчинить ихъ правиламъ повседневнаго опыта—значитъ подражать варвару-деспоту, который вздумалъ своими цѣпями сковать бурное море.

Я имѣю въ виду только личность великаго романиста. Ни его таланта, ни его произведеній я касаться не стану. Я не могу разсчитывать на совершенство, на полноту изображенія. И самъ по себѣ предметъ слишкомъ обширенъ, можетъ быть, неисчерпаемъ и много въ немъ сторонъ, для нашего времени или слишкомъ деликатныхъ, или мало уясненныхъ, чтобы мы съ увѣренностью могли налагать на нихъ свою руку. Я представлю только основныя, по моему мнѣнію, черты характера и только существенныя житейскія отношенія... Одна вѣдь линія классическаго профиля, говорятъ, свидѣтельствуетъ о красотѣ цѣлаго.

Ближайшій къ Тургеневу человѣкъ—его мать—показываетъ, какіе продукты создавались на Руси по всѣмъ законамъ наслѣдственности и внѣшнихъ вліяній въ недавнее время. Въ жизни Варвары Петровны двѣ рѣзкихъ половины: одна—темная исторія исключительныхъ страданій, другая—бѣшеный разгулъ мести за все выстраданное. Мать не любитъ ребенка, отецъ рано умираетъ, является вотчимъ, развратный, вѣчно пьяный. Сначала онъ преслѣдуетъ ее, какъ чужую дочь, потомъ, какъ дѣвушку. Она спасается бѣгствомъ, пѣшкомъ, полуодѣтая, проходитъ 60 верстъ до имѣнія дяди И. И. Лутовинова. Это—тотъ самый деспотъ, скупецъ, который, повидимому, не давалъ покоя генію своего наслѣдника, появлялся то въ безпощадномъ разсказѣ однодворца Овсянникова, то въ отвратительномъ образѣ героя *Трехъ портретовъ*. Крестьяне долго по смерти Лутовинова все еще грезили страшнымъ призракомъ, указывали мѣсто, гдѣ бродила тѣнь ихъ мучителя.

У такого человѣка находитъ пріютъ шестнадцати-лѣтняя бѣглянаа и до 30 лѣтъ остается свидѣтельницей и жертвой его подвиговъ. Вся молодость въ тюрьмѣ—безъ воли и свѣта!

А жить хотѣлось, страшно хотѣлось. Наконецъ—желанная свобода, Варвара Петровна выходитъ замужъ за красавца кавалериста. „Это былъ великій ловецъ предъ Господомъ“, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ про своего отца. Романическія приключенія—единственный интересъ мужа Варвары Петровны. Врядъ ли она счастлива,—красоты нѣтъ, а первая молодость давно стала тяжелымъ воспоминаніемъ, и вотъ вся накипѣвшая злоба, всѣ былыя жгучія слезы падаютъ страшными ударами на всѣхъ подвластныхъ и беззащитныхъ.

Эта женщина выросла отверженной сиротой, —такими она сдѣластъ собственныхъ дѣтей. Она испытала причуды и дикія насилія самодурства, окружающіе за все это заплатятъ сторяцей. Громадный домъ—царство всевозможныхъ нравственныхъ пытокъ. Отсюда исходятъ распоряженія, во мгновеніе ока разбивающія жизнь цѣлыхъ семей. Подъ окнами являются опальные, ссылаемые въ Сибирь за то, что забыли поклониться госпожѣ. Сыплются побои на всѣхъ безъ различія пола и возраста, почетнѣйшіе слуги подвергаются опасности быть убитыми...

Слезами и кровью дописывалась послѣдняя глава вѣковой мученической исторіи, и прежніе герои этихъ лѣтописей, казалось, еще участвовали въ звѣрствахъ своего потомка.

Особая зала увѣшана портретами Лутовиновыхъ, и что это за лица? *Человѣкъ звѣрь*—Василій Ивановичъ Лучиновъ—дѣйствителкность: авторъ еще смягчилъ характеръ и біографію своего двоюроднаго дяди. Разсказъ о старухѣ, убившей костылемъ козачка и сѣвшей на него, чтобы ускорить агонію,—достовѣрнѣйшее преданіе о бабкѣ Ивана Сергѣевича. Впослѣдствіи ему не надо собирать свѣдѣній извнѣ, чтобы заклеймить крѣпостное право въ лицѣ его гнуснѣйшихъ представителей.

Таково прошлое и настоящее этого ужаснаго дома...

Теперь представьте, въ одной изъ сорока комнатъ начало биться сердце, осужденное до конца жизни съ особенной

чуткостью воспринимать людскія печали. Едва загорѣлась искра сознанія, ребенокъ окруженъ ужасами. Онъ рано узнаетъ хронику старыхъ портретовъ, скоро на самомъ себѣ испытываетъ, что значитъ быть заброшеннымъ въ логовище.

Тургеневъ выросъ, по его словамъ, „среди побоевъ и истязаній“: „драли меня за всякіе пустяки чуть не каждый день“. Разъ мать собственноручно высѣкла его по наговору приживалки. Ребенокъ не знаетъ за собой никакой вины, умоляетъ—сказать ее. Вмѣсто отвѣта—новое истязаніе и угроза повторять его до тѣхъ поръ, пока ребенокъ самъ не догадается, въ чемъ онъ провинился. „Я былъ въ такомъ страхѣ, въ такомъ ужасѣ,—разсказываетъ Тургеневъ,—что ночью рѣшился бѣжать. Я уже всталъ, потихоньку одѣлся и въ потемкахъ пробирался корридоромъ въ сѣни. Не знаю самъ, куда я хотѣлъ бѣжать, только чувствовалъ, что надо убѣжать и убѣжать такъ, чтобы не нашли, и что это единственное мое спасеніе. Я крался, какъ воръ, тяжело дыша и вздрагивая“.

Бѣгство разстроилъ и отъ дальнѣйшихъ наказаній за невѣдомую вину спасъ ребенка нѣмецъ-учитель.

Много горя причиняла мальчику его искренность. Разъ его заставили прочесть басню Дмитріева въ присутствіи автора. Иванъ Сергѣевичъ прочелъ, но здѣсь же заявилъ: „твои басни хороши, а И. А. Крылова гораздо луше“. Юнаго критика высѣкли такъ, что онъ до конца жизни помнилъ свое первое знакомство съ писателемъ. Въ другой разъ его представили старушкѣ, свѣтлѣйшей княгинѣ. Ему было не болѣе шести лѣтъ, но онъ счелъ нужнымъ высказать свое мнѣніе объ ея внѣшности: „ты совсѣмъ похожа на обезьяну“. И на этотъ разъ откровенность, конечно, не осталась безъ возмездія.

Наступаетъ возрастъ, прекращающій безпрестанныя встрѣчи съ розгой, но жизнь юнца съ каждымъ днемъ тяжелѣе. Одинокій дома, онъ ищетъ *родной души* среди чу-

жихъ, и съ какой восторженной страстью привязывается ко всѣмъ, въ комъ чуется ему священный огонь идеальной мысли и благороднаго чувства. Въ Берлинскомъ университетѣ онъ встрѣчаетъ Станкевича, вскорѣ сближается съ нимъ, видитъ его каждый день, любуется его „свѣтлымъ умомъ, теплымъ сердцемъ, всею прелестью его души". Стенкевичъ умираетъ, и врядъ ли съ такой горячей болью, съ такимъ отчаяніемъ можно отозваться на смерть ближайшаго родного, какая звучитъ въ письмѣ Тургенева. „О, если что-нибудь могло бы заставить меня сомнѣваться въ будущности, я бы теперь, переживъ Станкевича, простился съ послѣдней надеждой. Отчего не умереть другому, тысячѣ другихъ, мнѣ, напримѣръ?.. Зачѣмъ на землѣ можетъ гибнуть или страдать прекрасное?"...

Три года спустя Тургеневъ встрѣчаетъ Бѣлинскаго, и до конца жизни образъ великаго критика кажется ему воплощеніемъ всего возвышеннаго, искренняго, человѣчнаго. Двадцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, Тургеневъ пишетъ воспоминанія о немъ, чтобы этотъ спутникъ его юности снова побылъ съ нимъ, чтобы еще разъ—съ высоты своей славы и всемірнаго авторитета обратить къ великой тѣни слова: „человѣкъ онъ былъ!"

Такъ умѣлъ любить и оставаться вѣрнымъ своей любви молодой Тургеневъ. Онъ и позже будетъ искать дружбы, какъ высокаго нравственнаго удовлетворенія, будетъ сѣтовать, что въ Россіи такъ слабо товарищество, и только одно, по его убѣжденію, можетъ вознаградить лишеннаго друзей,—семья, прочное, родное гнѣздо. Онъ, не знавшій свѣтлаго дѣтства, сынъ равнодушнаго отца и матери, внушавшей ужасъ, горячо любилъ семью, дѣтей. Мечта о женской любви у *своего* очага родилась вмѣстѣ съ нимъ и умерла безъ удовлетворенія, безъ отвѣта.

Въ дѣтствѣ Тургеневъ думалъ убѣжать отъ наказанія, грозившаго ему лично,—взрослый онъ не знаетъ, куда дѣ-

ваться отъ чужихъ мукъ, предъ которыми онъ безсиленъ. У него одно оружіе—просьбы, ходатайства, нерѣдко слезы. Въ этой забитой средѣ „все его любили“,—разсказываетъ очевидецъ,—„всякій чуялъ своего и душой былъ преданъ ему“, по оружіе слишкомъ слабо. Сынъ пытается доказывать матери, на какихъ жестокихъ правахъ покоится ея власть, какъ унизительна эта власть и для господина и для раба. Тщетныя доказательства. Тогда Иванъ Сергѣевичъ въ страстномъ порывѣ грозитъ близкимъ паденіемъ позорнаго строя и повергаетъ въ бѣшеный гнѣвъ свою мать... Такъ продолжаться не можетъ. „Почти все, что я видѣлъ вокругъ себя,—говорилъ потомъ Тургеневъ,—возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія, отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя *всѣхъ и вся*, даже рискуя потерять много, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ“...

Съ тѣхъ поръ для Тургенева навсегда исчезаетъ родная семья. Онъ живетъ далеко отъ родины, среди чужого народа, въ чужомъ домѣ. А между тѣмъ, посмотрите, съ какими запросами вступилъ этотъ человѣкъ на жизненный путь и хранилъ ихъ до конца!..

Онъ начинаетъ стихами, поэмами. Для насъ они дороги, какъ первая исповѣдь генія. Какія сердечныя строфы посвящены женщинѣ, ея любви, первому расцвѣту молодого чувства! Какъ бережно, почти благоговѣйно лелѣетъ поэтъ каждую искру въ душѣ своихъ героинь! Предъ ними будущій творецъ идеальныхъ женскихъ образовъ. Здѣсь женщина не только предметъ вдохновенія, это—мадонна рыцаря, олицетвореніе нравственнаго мужества и высокихъ стремленій. И въ жизни поэтъ такой же рыцарь. „Онъ ожилъ въ обществѣ женщинъ“, пишетъ его другъ. Онъ сознается, какъ много онъ думалъ о прошломъ и настоящемъ русской женщины. Онъ преклоняется предъ ея судомъ, предъ ея прав-

ственнымъ и художественнымъ чувствомъ. По ея приговору онъ намѣренъ сжечь романъ *Наканунѣ*. Онъ не знаетъ, что дѣлать, когда женщина обзываетъ *Новь* „водевилемъ съ переодѣваньями“. Великому, уже прославленному. художнику и на умъ не приходить отнестись равнодушно къ такому приговору... Не скоро русской женщинѣ дождаться такого благороднаго, такого могучаго духомъ и сердцемъ защитника! Прибавьте исключительную величавую красоту, поражавшую иностранцевъ до самой смерти Тургенева, и вы невольно воскликнете: кому же быть счастливымъ, какъ не этому обладателю столькихъ богатствъ!..

Тургеневъ на многихъ производилъ впечатлѣніе „женственной натуры“, и въ немъ дѣйствительно развита одна черта, составляющая гордость женщины—любовь къ дѣтямъ. Забавлять дѣтей, бесѣдовать съ ними—его страсть еще въ юные годы. И сколько граціи, можно сказать, материнской нѣжности въ этихъ бесѣдахъ! Ребенокъ боится грозы, Иванъ Сергѣевичъ посадитъ его на колѣни и на своемъ чудномъ языкѣ станетъ описывать ему красоту облаковъ и всей природы во время грозы. Ребенку особенно понравилась одна сказка, Иванъ Сергѣевичъ не пропуститъ случая вызвать малотку разсказать любимую исторію и безъ конца слушаетъ съ величайшимъ интересомъ. Въ гостяхъ онъ оставляетъ взрослыхъ, уходитъ въ дѣтскую—и какой праздникъ наступаетъ тогда для его юныхъ друзей! Кто можетъ разсказать такую волшебную сказку, у кого еще такая плѣнительная улыбка, кто вѣритъ дѣтскому смѣху такимъ задушевнымъ, искреннимъ хохотомъ! И не разъ родители только отъ Тургенева узнаютъ о характерѣ и наклонностяхъ своихъ дѣтей. Только съ нимъ дѣти сразу становятся откровенными, деспотически распоряжаются его желаніями, но зато никакая книжка, никакой учитель не оставляетъ въ ихъ чуткой душѣ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ этотъ добродушный великанъ.

Въ старости онъ все тотъ же другъ дѣтей. Утромъ онъ является въ ихъ комнату, убираетъ ихъ вещи, отправляется въ лѣсъ съ юной свитой и вмѣстѣ съ нею восторженно кричитъ: „Что я вижу! какой прелестный подберезникъ!“.. Смертельно больной онъ пишетъ маленькіе письма своимъ маленькимъ пріятелямъ, придумываетъ новую сказку, и вмѣстѣ съ безграничной скорбью первыхъ людей своей родины уноситъ въ могилу наивныя слезы малютокъ... Скажите, кому еще выпала такая доля?...

Да, по смерти, а при жизни милліоны были и будутъ счастливѣе великаго писателя. Онъ убѣжденъ, что по природѣ созданъ для семьи, но „какая-то туча заслоняла его отъ солнечнаго свѣта и бросала тѣнь на его жизненный путь“. Такъ выражается иностранецъ, слышавшій жалобы Тургенева. Онѣ—безъ конца. „Осужденъ я на цыганскую жизнь и не свить мнѣ, видно, гнѣзда нигдѣ и никогда“... Рисуя образъ Лаврецкаго, онъ лелѣетъ ту же мечту. У него сильнѣйшее утѣшеніе для друга: „У тебя есть семья“. Другому онъ пишетъ: „женитесь непремѣнно. Это вамъ совѣтуетъ старый холостякъ, который знаетъ, какъ горько быть холостякомъ“.

Это говорилось, когда Тургенева окружала семья и онъ осыпалъ эту семью благодѣяніями, дарилъ нѣжнѣйшей любовью,—семья гг. Віардо. Г-жа Віардо—его казначей, ея воля—для него законъ, съ ея семьей онъ не разстанется,—поѣдутъ они въ Австралію и онъ за ними. Таковы его признанія. Они подтверждаются внушительными подробностями. Каждое событіе въ этой семьѣ захватываетъ Тургенева. Малѣйшее нездоровье г-жи Віардо, ея сценическіе и композиторскіе успѣхи, воспитаніе и карьера ея дѣтей—во всемъ и вездѣ Тургеневъ на первомъ планѣ. Онъ репетируетъ сына Віардо, даетъ богатѣйшее приданое дочери и не знаетъ, какъ выразить удовольствіе по поводу ея счастливаго супружества. Позже онъ превратится въ ея сидѣлку и восторженно

будетъ привѣтствовать ея новорожденнаго. Его письма за это время—подробные бюллетени. На первый взглядъ это—истинное семейное счастіе, но только *на первый взглядъ*.

Въ первый же годъ пребыванія въ Парижѣ Тургеневъ переживаетъ минуты жгучей, но безпредметной и ничѣмъ необъяснимой тоски. Съ годами она растетъ. „Какъ мнѣ тяжело и горько бываетъ,—пишетъ онъ,—этого я вамъ передать не могу. Работа можетъ одна спасти меня, но если она не дается, худо будетъ!.. Темный покровъ упалъ на меня и обвилъ меня. Не стряхнуть мнѣ его съ плечъ долой“... Это не лиризмъ юноши. Тургеневу идетъ 40-й годъ, и онъ отмѣченъ особенно мрачнымъ настроеніемъ. Иногда проскальзываетъ горькая иронія, и краски, кажется, еще сильнѣе сгущаются. „Молодость прошла, а старость не пришла,—вотъ отчего приходится тяжко!.. Я переживаю эту трудную сумеречную эпоху порывовъ, тѣмъ болѣе сильныхъ, что они уже ничѣмъ не оправданы, эпоху покоя безъ отдыха, надеждъ, похожихъ на сожалѣнія, и сожалѣній, похожихъ на надежды. Потерпимъ маленько, потерпимъ еще, и мы въѣдемъ, наконецъ, въ тихую пристань старости, и явится тогда и возможность старческой дѣятельности и даже старческихъ радостей“.

Но и эта надежда не оправдалась. Старость со всякими недугами быстро наступала, а желанный нравственный миръ не приходилъ. И намъ говорятъ не о „старческихъ радостяхъ“, а о „старческой тоскѣ“, припоминаютъ монологи Гамлета, усиливаются открыть „блаженную прелесть“ въ такомъ существованіи, когда одинъ день походитъ на другой. Этого мала. Вы помните „Живыя мощи“ несчастное созданіе, скованное болѣзнью, отрѣзанное отъ дѣйствительной жизни, сны считаетъ великимъ счастьемъ. Кто бы могъ повѣрить, что самъ авторъ по временамъ погружается въ такую жизнь, внѣшній міръ подмѣняетъ грезами!..

А здѣсь же рядомъ несомнѣнно реальная и радостная

жизнь. Альфонсъ Додэ, искренно вѣровавшій въ счастье Тургенева въ нѣдрахъ французской семьи, рисуетъ неизмѣнно одну и ту же картину. Когда бы онъ ни приходилъ къ своему русскому другу, внизу, въ роскошныхъ залахъ неумолкаемо звучала музыка и пѣнье, а въ третьемъ этажѣ, въ крохотномъ, полутемномъ кабинетѣ лежала на софѣ молчаливая, согбенная фигура больного старика. Тургеневу остается жить два мѣсяца, беззаботные романсы царятъ по прежнему, обидная заброшенность тамъ, гдѣ въ это время витали надежды всѣхъ лучшихъ людей Россіи. Французу казалось, что умирающій писатель чувствовалъ себя счастливымъ среди любимыхъ искусствъ. Никто здѣсь не догадывался, что въ извѣстмыя минуты человѣку нужны люди, а не искусства...

Но скоро исчезаютъ и искусства. Тургеневъ остается въ полномъ одиночествѣ. Онъ постепенно примиряется съ самыми ужасными лишеніями. Онъ ме можетъ двигаться; но вѣдь это не необходимый законъ природы: живутъ же устрицы и моллюски! Его *личная* жизнь прекратилась; но вѣдь ему на-дняхъ 64 года! Его оставили одного: на этотъ разъ мы ждемъ, по крайней мѣрѣ, жалобы: именно одиночество всегда причиняло ему столько страданій. Оказывается—все превосходно: „одиночество мнѣ очень по вкусу“, и на жалобу другихъ получается отвѣтъ: „на счетъ одиночества я съ вами не согласенъ. Вотъ я теперь совершенно одинокъ, аки перстъ, и—ничего“...

Съ чѣмъ только не можетъ помириться человѣкъ въ минуты неизлѣчимой немощи и ни съ кѣмъ не раздѣленной тоски!..

Личная жизнь всегда отражается на отношеніяхъ человѣка къ людямъ. Счастливому легко быть добрымъ и снисходительнымъ, но когда цѣлая жизнь проходитъ безъ отвѣта на запросъ молодости и жажду преклонныхъ лѣтъ, тогда естественно человѣку пресытиться людьми и равнодушно смотрѣтъ на все, что совершается съ ними. А если еще

исключительное положеніе даетъ возможность съ высоты взирать на слабыхъ, неудачниковъ, слишкомъ обыкновенныхъ... Какъ часто одиночество озлобляло людей, слава кружила головы и застилала туманомъ пути своихъ любимцевъ!.. Въ судьбѣ Тургенева, повидимому, всѣ условія, чтобы подчинить его тому же правилу...

Уже рожденіе возвышало Тургенева надъ большинствомъ, давало ему власть, богатство, совершенно естественнымъ путемъ вело его къ неограниченному господству надъ безотвѣтной толпой. И раньше, чѣмъ стать полноправнымъ господиномъ, онъ, подобно своей матери, на себѣ испыталъ тяготу рабства. Но результаты оказались разные...

Тургеневъ отъ начала до конца чувствуетъ себя подавленнымъ, смущеннымъ предъ своею ролью. Онъ—свой человѣкъ среди дворовой прислуги, крестьяне съ необычной нѣжностью относятся къ его любимому удовольствію, къ охотѣ. Онъ мечтаетъ о сближеніи съ ними, о взаимномъ пониманіи, и къ великому огорченію убѣждается, что все это невозможно при крѣпостныхъ порядкахъ. Его думы направлены на грядущее освобожденіе, онъ горячо дѣлится своими надеждами съ матерью, съ ея окружающими, на свои средства даетъ спеціальное образованіе крѣпостному человѣку, обнадеживая его недалекой свободной дѣятельностью. Мать умираетъ, и онъ всѣми силами стремится загладить ея грѣхи: дворовыхъ отпускаетъ на волю, всѣхъ желающихъ переводитъ на оброкъ, безпрестанно освѣдомляется у крестьянъ о ихъ положеніи. Любопытны эти бесѣды. Одинъ очевидецъ изумляется откровенности мужиковъ съ своимъ барином, другой, иностранецъ, считаетъ для себя „настоящимъ наслажденіемъ“ слушать, какъ Тургеневъ въ своей деревнѣ разговариваетъ съ своими крестьянами. Третій изумляется безграничной щедрости Ивана Сергѣевича. Безпрестанно раздается земля, лѣсъ—и никогда не справляются, насколько велика нужда просителя. Раздачи производятся такъ неосто-

рожно и неразсчетливо, что дворовые, получившіе землю рядомъ съ господскою усадьбой, начинаютъ тѣснить своего барина. Въ послѣдній пріѣздъ въ любимое Спасское Тургеневу нельзя напиться воды изъ своего колодца, выйти въ садъ, чтобы не столкнуться съ претензіями новыхъ хозяевъ. Въ такихъ случаяхъ Иванъ Сергѣевичъ чувствуетъ себя безпомощнымъ, разводитъ руками и произноситъ: „Вотъ ты тутъ и дѣйствуй“...

Не мало разочарованій и обидъ пришлось испытать Тургеневу въ эпоху реформы. Великое событіе вызвало прискорбную смуту въ умахъ народа, породило несбыточныя чаянья у людей, только еще вчера лишенныхъ человѣческой личности. Кому не приходилось считаться съ этимъ воображеніемъ, разыгравшимся на непривычной свободѣ! Тургеневъ, восторженный, вѣрующій, проводитъ первое лѣто послѣ реформы въ своей деревнѣ въ борьбѣ съ „упорствомъ“, „задними мыслями“, съ наивнымъ, но злобнымъ недовѣріемъ, со всѣми инстинктами, наболѣвшими въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ гнета и обидъ... Онъ вооружается терпѣніемъ, во всемъ уступаетъ, и въ результатѣ можетъ сообщить: „съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо“.

Ничто не можетъ поколебать интересъ, глубокое сочувствіе Тургенева къ темной крестьянской массѣ. До реформы онъ задумываетъ журналъ исключительно для разработки вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права, предлагаетъ основать общество для распространенія въ народѣ первоначальнаго образованія съ помощью имущихъ и развитыхъ классовъ государства, сочиняетъ уставъ, разсылаетъ его выдающимся лицамъ обѣихъ столицъ. Послѣ реформы школа—одна изъ его ревностныхъ заботъ. Онъ придаетъ громадный смыслъ изученію народной жизни, народнаго міросозерцанія, сѣтуетъ, что его личныя свѣдѣнія о крестьянахъ съ теченіемъ времени утратили свѣжесть. Предъ нимъ рисуется таинственная формула народной правды и все, что отвергается ею, въ его

глазахъ—мертвый плодъ. Съ одра смертельной болѣзни онъ пишетъ своимъ крестьянамъ письмо на ихъ сожалѣніе, что его нѣтъ съ ними. „Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за добрую память обо мнѣ и за хорошія пожеланія. Мнѣ самому очень жаль, что болѣзнь помѣшала мнѣ въ нынѣшнемъ году побывать въ Спасскомъ. Мое здоровье поправляется и я надѣюсь, что будущее лѣто я проведу въ Спасскомъ". Письмо заканчивается обычнымъ ежегоднымъ подаркомъ лѣса... Таковъ Тургеневъ—помѣщикъ, баринъ.

Но ему выпала на долю несравненно болѣе благородная власть надъ людьми. Росла она съ каждымъ годомъ и достигла высоты, невѣдомой до тѣхъ поръ ни одному русскому. Власть мысли, генія, творчества, власть всемірная, въ первый разъ для нашего соотечественника - культурная, просвѣтительная. На западѣ отъ Тургенева ждали объясненія великой загадки, которая зовется Россіей, прислушивались къ его голосу съ восторженнымъ изумленіемъ и жаднымъ любопытствомъ. Какое чувство должно было охватывать не только самого виновника славы,—всѣхъ русскихъ, когда имя *Тургеневъ* произносилось съ одинаковой *любовью*—я подчеркиваю это слово—на языкахъ всѣхъ цивилизованныхъ націй,—все равно, какъ бы не относились онѣ къ нашей странѣ! И вотъ этотъ человѣкъ безпрестанно въ теченіе всей своей жизни являетъ неслыханный примѣръ скромности, авторскаго самоуниженія.

Поколѣніямъ, которыя смѣнятъ современниковъ Тургенева, должна казаться едва вѣроятной исторія его литературной дѣятельности. Пересмотрите журнальныя и газетныя статьи, посвященныя произведеніямъ чествуемаго нынѣ художника: не мало, конечно, справедливыхъ, часто восторженныхъ отзывовъ, но едва ли не больше критикъ, заставляющихъ думать, что дѣло идетъ о какомъ-то жалкомъ литературномъ поденщикѣ.

Я приведу крупнѣйшіе факты. Не буду называть судей:

подсудимый давно простилъ ихъ, и наша цѣль не укоризны, а простая исторія.

Выходитъ *Рудинъ*; одинъ критикъ находитъ,—лучше бы автору вовсе не писать, другой обвиняетъ его въ подлой угодливости богатымъ друзьямъ: ради нихъ герой романа—человѣкъ бѣдный—превращенъ въ карикатуру. Тургеневъ отвѣчаетъ: „при всемъ моемъ невысокомъ мнѣніи о моемъ талантѣ, мнѣ все-таки не хочется согласиться, что лучше было бы мнѣ вовсе не писать". Обвиненіе заставляетъ его отказаться отъ сотрудничества въ журналѣ и—только. Клеветы слѣдуютъ непревывно; онъ, имѣя полную возможность *документально* изобличить враговъ, хранитъ молчаніе.

Дальше—*Дворянское гнѣздо*. Тургеневу приходится пережить настоящую пытку. Писатель, его сверстникъ, обвиняетъ его въ плагіатѣ. Происходитъ третейскій судъ, вины не оказывается,—но ничто ни раньше, ни позже такъ глубоко не возмущало Тургенева, какъ эта процедура. До конца жизни онъ не можетъ забыть обиды, хотя во всемъ извиняетъ обидчика.

Годъ спустя появляется *Наканунѣ*. Одна дама доказываетъ автору, что его романъ фальшивъ отъ A до Z и поселяетъ въ немъ отвращеніе къ его „продукту". Тургеневъ тщательно записываетъ всѣ замѣчанія умной барыни и умоляетъ Анненкова—придти обсудить дѣло: иначе онъ броситъ романъ въ огонь.

Возникаютъ *Отцы и дѣти*: на этотъ разъ травля критики и нравственныя терзанія автора превосходятъ всякое вѣроятіе. Тургеневъ будто предчувствуетъ бурю. До выпуска въ свѣтъ романа онъ боится публики, посылаетъ его Анненкову, Боткину и послѣ ихъ замѣчаній принимается за передѣлку, проситъ мнѣнія даже у Фета, хотя онъ въ это время уже въ ссорѣ съ нимъ и чувствуетъ отвращеніе къ его общественнымъ и эстетическимъ взглядамъ. До какой степени Тургеневу приходилось жутко, доказываетъ слѣдую-

щее письмо къ Майкову, одобрившему романъ: „Любезнѣйшій Аполлонъ Николаевичъ! Скажу Вамъ прямо, по-мужицки: дай Вамъ Богъ здоровья за Ваше доброе и милое письмо! Очень Вы меня утѣшили. Теперь я могу сказать, что не могъ же я написать совершенную чепуху, если такіе люди, какъ Вы да Достоевскій глядятъ меня по головкѣ и говорятъ мнѣ: „хорошо, братецъ, ставимъ тебѣ 4“. Но отзывы Достоевскаго и Майкова не повліяли на крайне странное положеніе вопроса. На Тургенева нападаютъ люди со совершенно различными убѣжденіями: Катковъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ спустилъ флагъ предъ радикаломъ и отдалъ ему честь, другіе обижаются будто бы унизительной ролью того же радикала. Послѣдній взглядъ особенно огорчаетъ Тургенева. Онъ признаетъ нужнымъ объясниться, находитъ, что „мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить“,—и даетъ цѣлый рядъ объясненій;—сначала гейдельбергскимъ студентамъ, потомъ въ письмахъ неоднократно представляетъ общественную критику своего романа, наконецъ пишетъ всѣмъ извѣстную статью—*По поводу Отцовъ и дѣтей*. „Я бы желалъ,—говоритъ Тургеневъ,—чтобъ не было недоразумѣній насчетъ моихъ намѣреній“. Это говорилъ человѣкъ, имѣвшій полную возможность—замкнуться въ олимпійское безстрастіе. Даже больше. Художникъ, подавленный воплями черни, намѣренъ отступить и замолчать. Возникаетъ элегія *Довольно*. Она такъ чудно изящна, что сама по себѣ, безъ всякихъ возраженій со стороны, свидѣтельствуетъ, что напротивъ—*недовольно*, что живой источникъ вдохновенія все еще струится обильной волной,—и скоро слѣдуетъ блестящее доказательство—*Дымъ*.

Едва романъ напечатали,—возстаетъ другой знаменитый сверстникъ Тургенева. „Эту книгу надо сжечь рукой палача“,—говоритъ онъ, и Тургеневъ впервые слышитъ обвиненіе въ ненависти къ Россіи, въ презрѣніи къ ея будущему. Рука обвинителя легка: до послѣднихъ дней не перестаютъ упре-

кать одного изъ величайшихъ русскихъ людей въ недостаткѣ патріотизма, въ непониманіи Россіи, въ незнаніи ея народа...

Тургеневъ часто увѣряетъ, будто для него безразличны всевозможные упреки,—но на самомъ дѣлѣ его мужество колеблется. Онъ становится еще нерѣшительнѣе насчетъ судьбы своихъ произведеній, еще тщательнѣе передѣлываетъ ихъ, еще настойчивѣе добивается чужихъ мнѣній. Напрасно Тургеневъ припоминаетъ гордый стихъ своего учителя: „Поэтъ, не дорожи любовію народной“, — сравнительно скромный успѣхъ *Степного короля Лира* снова вызываетъ рѣшеніе — *остановиться*. Но развѣ можетъ истинный художникъ остановиться подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ обстоятельствъ! И на зло критикамъ, совѣтовавшимъ Тургеневу прекратить свое творчество,—появляется *Новь*...

Сколько опять страховъ, колебаній! „Никакого нѣтъ сомнѣнія,—пишетъ авторъ,—что если за *Отцовъ и дѣтей* меня били палками,—за *Новь* будутъ лупить бревнами—и точно также съ обѣихъ сторонъ“. Тургеневъ не ошибся. Надъ нимъ смѣются при всякомъ случаѣ. Въ газетѣ напечатанъ разсказъ объ его жизни за границей, разсказчикъ имѣетъ неосторожность сравнить его съ старцемъ Гете—повторить сравненіе, множество разъ высказанное въ иностранной печати,—среди соотечественниковъ поднимается зубоскальство. „Теперь мое имя,—пишетъ Тургеневъ,—не появляется въ печати иначе, какъ сопровождаемое нареканіями и насмѣшками“, и онъ умоляетъ друга—не печатать посланія къ нему, не давать журнальнымъ забіякамъ лишняго повода—накинуться сразу на двухъ человѣкъ. Онъ хочетъ, чтобы о немъ совсѣмъ перестали упоминать, онъ боится подать о себѣ вѣсть; публика, пожалуй, подумаетъ, что онъ опять ухватился за случай—заявить о себѣ, о своемъ существованіи. Настроеніе его ужасно. Вотъ отрывокъ изъ дневника: „Полночь... Сижу я опять за своимъ столомъ... а у меня на душѣ темнѣе темной ночи... Могила словно торопится проглотить

*

меня. Какъ мигъ какой, пролетаетъ день,—пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь—опять вались въ постель. Ни права жить, ни охоты нѣтъ. Дѣлать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать"...

Развѣ это не исторія литературнаго мученичества? Правда, на этомъ фонѣ часто загораются ослѣпительные взрывы общественнаго энтузіазма... Они всегда кажутся Тургеневу чѣмъ-то неожиданнымъ, незаслуженнымъ. Онъ смущается передъ своей славой, онъ отказывается принять банкетъ англійскихъ писателей и ученыхъ, едва рѣшается—на скромную дружескую бесѣду въ тѣсномъ кружкѣ. Власть его генія, казалось, также подавляла его, какъ *другая* власть, доставшаяся ему по рожденію. Онъ не могъ видѣть окружавшихъ его крестьянъ съ непокрытыми головами: ему также странно было попасть въ среду людей, преклонявшихся предъ нимъ, какъ предъ художникомъ. И рядомъ съ такой поистинѣ неслыханной скромностью—столько обидъ, незаслуженныхъ нареканій, личныхъ навѣтовъ!..

Но ничто и никогда не могло вызвать у Тургенева мести и зависти. Никто искреннѣе не любилъ молодости, никто не понималъ ея глубже со всѣми увлеченіями, ошибками, крайностями. „Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ",—говорилъ онъ юнымъ дѣятелямъ, и самъ показывалъ примѣръ смиренія и терпимости. Съ какимъ усердіемъ старается онъ растолковать молодежи свое произведеніе, болѣе всего смутившее ее! И нѣтъ случая, когда бы онъ отказался лично принять участіе въ судьбѣ молодежи. Не пересчитать всѣхъ, облагодѣтельствованныхъ имъ за границей. Послѣдняго изъ молодыхъ соотечественниковъ, попавшаго на чужбину безъ документовъ, безъ средствъ, Тургеневъ пристраиваетъ въ высшее учебное заведеніе, уже страдая смертельнымъ недугомъ.

Малѣйшую искру чужого таланта онъ считаетъ своимъ долгомъ взлелѣять. Неудивительно, что онъ создаетъ за гра-

ницей извѣстность гр. Толстому, самъ переводитъ его сочиненія, развозитъ ихъ на дома къ французскимъ критикамъ, пользуется своимъ громаднымъ авторитетомъ, чтобы убѣдить прочесть чудовищный для нихъ романъ—въ четырехъ томахъ. И посмотрите,—съ какой истинно-отеческой радостью сообщаетъ онъ автору о каждомъ шагѣ успѣха! Онъ называетъ себя „нянькою“,—и дѣйствительно болѣе нѣжной заботливости художника о товарищѣ, болѣе искреннихъ восторговъ предъ произведеніями опаснѣйшаго соперника не знаетъ ни одна литература. Въ послѣдній пріѣздъ въ Россію, въ деревенскомъ уединеніи онъ упивается—Богъ вѣсть въ который разъ—лучшими страницами *Войны и мира*, носится съ однимъ описаніемъ, какъ съ рѣдкимъ сокровищемъ, и за два мѣсяца до смерти обращается къ автору съ словами безграничной любви...

Какое безсмысленное, преступное обвиненіе: „Тургеневъ мало любилъ Россію. почти всю жизнь провелъ за границей, вмѣсто настоящей русской жизни, вмѣсто подлинныхъ русскихъ людей сочинялъ какихъ-то международныхъ героевъ“! Да, слышались, врядъ ли еще окончательно замолкли и теперь такіе упреки... А, между тѣмъ, не было еще примѣра, чтобы вымышленные, искусственно-составленные образы были долговѣчны, чтобы самыя имена превратились въ національныя типичныя клички...

Великому писателю дѣйствительно суждено было много лѣтъ провести вдали отъ родины. Но это въ полномъ смыслѣ разлука съ милой: та же тоска, та же неутолимая жажда свиданія, то же болѣзненное чувство, когда свиданіе не удается. Письма Тургенева переполнены этими мотивами. Отраду поѣздокъ на родину онъ привозитъ и на чужбину. Онѣ порождаютъ въ его творческомъ духѣ новыя идеи, новые планы. „Никакая печаль,—пишетъ иностранецъ,—не могла долго противостоять радостному чувству, испытанному имъ въ отечествѣ во время пребыванія въ деревнѣ... Онъ

увѣрялъ насъ, что нашелъ много новыхъ прекрасныхъ темъ для будущихъ произведеній и что онъ снова начнетъ писать, не заботясь о томъ, что нарушаетъ данное обѣщаніе".

Каждый годъ Тургеневъ на нѣсколько мѣсяцевъ пріѣзжаетъ домой. Только въ послѣдніе два года онъ не въ силахъ совершить обычное путешествіе: недугъ приковываетъ его къ постели. Страдалецъ мирится со всѣми лишеніями,—но мысль, что онъ не увидитъ родины, отравляетъ его до послѣдней минуты. Онъ умѣетъ терпѣть и молчать, даже умоляетъ друзей не разспрашивать его о здоровьи, свою личную жизнь онъ считаелъ законченной,—но на одну тему онъ неизтощимъ. „Поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу—родинѣ поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда больше не увижу"...

И такъ безъ конца. Можно подумать—лирически настроенный юноша тоскуетъ о своемъ единственномъ утраченномъ счастьѣ. Но здѣсь не одинъ лиризмъ. Тургеневъ глубже и искреннѣе, чѣмъ всѣ его судьи, сознавалъ вредъ житья за границей для своего творчества. Всѣ его романы, кромѣ двухъ послѣднихъ, написаны въ Россіи. На это онъ самъ указываетъ,—все-таки не перестаетъ повторять: „мое постоянное пребываніе заграницей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совсѣмъ ее уничтожитъ". Это говорится послѣ *Дыма*, перваго романа, созданнаго на заграничной почвѣ. Два года спустя таже рѣчь и еще тоскливѣе: „Я готовъ допустить, что талантъ отпущенный мнѣ природою, не умалился, но мнѣ нечего съ нимъ дѣлать. Голосъ остался,—да пѣть нечего. Слѣдовательно, лучше замолчать. А пѣть нечего потому, что я живу внѣ Россіи. Незадолго до смерти—то же настроеніе; „чтобы писать, надо жить въ Россіи,—жить я тамъ постоянно не могу,—ergo писать не слѣдуетъ". И Тургеневъ дѣйствительно, какъ художникъ, молчитъ по цѣлымъ годамъ. Онъ искрененъ съ собой и съ своими читателями. Только Россія пробуждаетъ

его творчество. Онъ это знаетъ и до конца жизни лелѣетъ мечту—навсегда водвориться дома. Чѣмъ ближе конецъ, тѣмъ неохотнѣе онъ покидаетъ Россію, тѣмъ чаще его жалобы на связи съ чужой страной.

И врядъ ли удалось бы порвать эти связи. Тургеневъ утѣшалъ себя, какъ могъ: „Я люблю семейство, семейную жизнь, но судьба не послала мнѣ собственнаго моего семейства и я прикрѣпился, вошелъ въ составъ чужой семьи и случайно выпало, что эта семья французская. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи“... Здѣсь, предъ этимъ признаніемъ долженъ умолкнуть всякій голосъ суда и осужденія...

Этотъ человѣкъ самъ такъ глубоко понималъ чужое горе! Много художниковъ-сердцевѣдцевъ, но врядъ ли чей взоръ съ такимъ постоянствомъ, съ такой проницательностью былъ обращенъ на тѣ изгибы человѣческаго сердца, гдѣ такъ часто, никѣмъ незримыя, таятся горючія слезы. Тургеневу достаточно одного взгляда: онъ разгадаетъ тайну. „Между нами—мнѣ кажется, что ей не совсѣмъ легко жить на свѣтѣ“.—пишетъ онъ послѣ перваго свиданія съ писательницей Марко-Вовчекъ. Въ релультатѣ отеческія заботы о ней и объ ея семьѣ. Поведеніе Тургенева въ такихъ случаяхъ поражаетъ чисто женственной, какой-то пугливой и всегда непогрѣшимой чуткостью. Онъ не пересылаетъ Писемскому денегъ въ письмѣ, узнавъ объ его семейномъ горѣ. Другому знакомому онъ не пишетъ утѣшеній по поводу смерти жены—письмо проникнуто безмолвнымъ сочувствіемъ. И съ какою благодарностью и тотъ и другой должны были оцѣнить тактъ своего великаго друга!..

Я представилъ только общія неполныя черты этой избранной личности. Пусть то самое *человѣческое чувство*, какимъ въ совершенствѣ обладалъ нашъ художникъ, подскажетъ вамъ недосказанное, дополнитъ недоконченное. Пусть то же самое чувство воспроизведетъ предъ вами тяжелый жизнен-

ный путь Тургенева, путь разочарованій, борьбы, оскорбленій, путь среди величайшаго лишенія, какое только вѣдомо человѣку съ душою и сердцемъ,—среди одиночества; пусть то же чувство представитъ вамъ во всемъ величіи столь рѣдкое на землѣ зрѣлище— союзъ генія, славы, добродушія, скромности,— тогда мы оцѣнимъ по достоинству и, можетъ быть, найдемъ въ себѣ достаточно доброй воли—выполнить предсмертный завѣтъ Тургенева. За нѣсколько дней до его кончины къ нему собралось нѣсколько соотечественниковъ. Тяжелое чувство лежало у нихъ на сердцѣ при видѣ этого изможденнаго многолѣтними страданіями лица, уже обвѣяннаго дыханіемъ смерти, но по прежнему величаво-прекраснаго, одухотвореннаго вѣщимъ геніемъ. Одинъ изъ присутствующихъ наклонился поцѣловать руку умирающаго учителя. Тургеневъ нервно отдернулъ руку и произнесъ, будто въ эту минуту, въ лицѣ этихъ немногихъ, предъ его глазами проходили грядущія поколѣнія далекой, но пламенно любимой родины: „Живите и любите людей, какъ я ихъ всегда любилъ“.

Бѣлинскій какъ русскій культурно-историческій типъ *).

I.

Принято думать, исторія нелицепріятный судья людей и ихъ дѣйствій и потомство—для памяти великаго человѣка возмѣщаетъ всѣ несправедливости и заблужденія его современниковъ. И сколько разъ дѣятелямъ мысли и слова, непонятымъ и гонимымъ, приходилось возлагать свои единственныя надежды на поколѣнія будущаго! И надежды оправдывались, воздвигались монументы на мѣстахъ казни и терновые вѣнки смѣнялись лавровыми.

Въ настоящую минуту предъ нами совершается одинъ изъ актовъ этой справедливости.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ произошла похоронная церемонія. Ее одинъ изъ самыхъ благоговѣйныхъ свидѣтелей могъ описать въ трехъ строкахъ:

„Немногіе друзья провожали тѣло Бѣлинскаго до Волковаго кладбища. Покойнаго отпѣли, опустили въ могилу, и огорченные друзья его бросили молча, по христіанскому обычаю, горсть земли въ его могилу, въ которой уже начинала проступать вода“ **).

Въ Москвѣ въ то же время произносились надгробныя рѣчи. Самая пространная и намѣренно-безпристрастная при-

*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности въ память Бѣлинскаго 8-го апрѣля 1898 года.

**) *Панаевъ*: «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ». Спб., 1876 г., стр. 412—3.

надлежала профессору Погодину—одному изъ виднѣйшихъ ученыхъ и журналистовъ своего времени.

Здѣсь усиленно подчеркивалась малообразованность и легкомысліе критика, журналъ „Московскій Телеграфъ“ объявлялся единственнымъ источникомъ свѣдѣній и умственнаго развитія Бѣлинскаго, его сочиненія сами по себѣ признавались даже недостойными воспоминанія...

„Найдите мнѣ,— восклицалъ ученый публицистъ,—въ этихъ почти пятнадцатилѣтнихъ разсужденіяхъ хоть одну мысль собственную, теоретическую или критическую. Ни одной! Или общія мѣста, или чужія мысли!“ *).

И подобныя рѣчи могли раздаваться невозбранно и неопровержимо. Со смертью Бѣлинскаго и самое имя его исчезло въ печати. Въ теченіе восьми лѣтъ лежалъ строжайшій запретъ на личности и произведеніяхъ писателя, проповѣдывавшаго, будто бы, только общія мѣста и чужія мысли!

Какой превосходный случай для русскаго общества, по общему мнѣнію, такого забывчиваго и не любопытнаго,— забыть безповоротно автора рецензій и критическихъ разсужденій!

Но случилось нѣчто другое.

Лишь только представилась возможность печатно говорить о Бѣлинскомъ, вліятельнѣйшій общественный руководитель шестидесятыхъ годовъ, Чернышевскій поспѣшилъ установить тѣснѣйшую нравственную и идейную связь своего поколѣнія съ великимъ критикомъ. И съ тѣхъ поръ начался открытый и побѣдоносный судъ потомства. Въ наши дни онъ договорился до памятниковъ, до просвѣтительныхъ учрежденій, до торжественныхъ празднествъ и навсегда поставилъ имя Бѣлинскаго на ту высоту, куда не достигаютъ самыя злобныя посягательства партій и враговъ.

Но есть одна сомнительная сторона въ праведныхъ при-

*) «Москвитянинъ» 1848 г., IV, стр. 43.

говорахъ потомства. Оно всегда пишетъ *исторію*, оцѣниваетъ *историческія* заслуги. Пусть это совершается спокойно, вдумчиво и разносторонне, — для кого безусловно внушителенъ окончательный выводъ? Какъ бы ни былъ глубокъ умъ мыслителя, какой бы оригинальной силой ни блисталъ талантъ писателя,—время и общій прогрессъ могутъ сдѣлать и глубину, и оригинальность весьма относительными. Знатоки вопроса, никогда не упускающіе изъ виду исторической перспективы, знаютъ, чего стоили когда-то современныя ходячія истины и какимъ геніемъ и нерѣдко исключительнымъ мужествомъ завоеваны страницы позднѣйшихъ учебниковъ.

Но какъ смутно и двусмысленно звучитъ для большинства самое выраженіе—*историческія заслуги!* Читатель раскрываетъ сочиненія стараго прославленнаго писателя и на каждой страницѣ встрѣчаетъ идеи совершенно безспорныя, общепризнанныя, нѣкоторыя — знакомыя еще со школьной скамьи.

Впечатлѣніе легко становится рѣшающимъ. Идеи другого порядка, еще не дожившія до разумѣнія толпы—естественно попадаютъ въ разрядъ парадоксовъ и заблужденій,—и писатель цѣликомъ сдается въ архивъ. Онъ превращается въ своего рода памятникъ священной древности. Прохожій останавливается съ любопытствомъ, поддается пріятнымъ романтическимъ ощущеніямъ и идетъ дальше съ незапятой мыслью и нетронутымъ сердцемъ.

Отъ подобной участи не обезопасенъ никакой великій умъ, и въ особенности отдающій себя вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ. Здѣсь труднѣе всего запоминаются первоучители и родоначальники и легче всего смѣшивается былая оригинальность съ современными труизмами.

Нашъ случай одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ.

Еще при жизни Бѣлинскаго начали составляться учебники, основанные исключительно на его литературныхъ идеяхъ.

Первый появился за годъ до смерти критика*),—можно представить, какая обильная жатва собрана за полвѣка!

О всѣхъ старыхъ и новыхъ нашихъ поэтахъ до второй половины текущаго столѣтія мы судимъ по Бѣлинскому, всѣ общія понятія о творчествѣ, о талантѣ, объ отношеніяхъ писателя и общества заимствованы у Бѣлинскаго, самое представленіе о серьезныхъ жизненныхъ запросахъ публики къ литературѣ, о вдумчивомъ и осмысленномъ чтеніи художественныхъ произведеній—ведетъ начало отъ Бѣлинскаго. И потомство живетъ всѣмъ этимъ наслѣдствомъ, часто даже не подозрѣвая благодѣтеля и не видя указующей руки. Все равно, какъ давно забыты имена творцовъ первѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій общежитія и цивилизаціи.

Вы видите, какая сравнительно сложная задача—понять настоящую цѣну просвѣтительной работы писателя, и вотъ здѣсь-то нашъ основательнѣйшій судъ не сравнится силою чувства съ непосредственными впечатлѣніями современниковъ.

Но въ исторіи Бѣлинскаго заключается нѣчто высшее и болѣе прочное, чѣмъ всѣ его завоеванія въ критикѣ. Это рядъ моментовъ, событій непрестанно развивавшагося духа, дающихъ цѣльный общедоступный обликъ. Именно его слѣдуетъ считать богатѣйшимъ и нетлѣннымъ наслѣдствомъ Бѣлинскаго, именно на немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе будутъ утверждаться связи всѣхъ живыхъ силъ русскаго народа съ Бѣлинскимъ, какъ своимъ вдохновителемъ и прообразомъ.

II.

Событія начинаются очень рано, еще въ стѣнахъ чембарскаго уѣзднаго училища. Двѣнадцатилѣтній школьникъ, бѣдный, оборванный, безъ уютнаго угла въ семьѣ и безъ близкаго человѣка во всемъ остальномъ мірѣ, онъ не производитъ

*) *А. Милюковъ*: «Очерки исторіи русской поэзіи».

впечатлѣнія слабаго и заброшеннаго. Онъ шутя справляется со школьной наукой, не смущается ни низшаго, ни высшаго начальства, не приходитъ въ восторгъ отъ его похвалъ и не волнуется его наградами. Онъ будто *знаетъ себя* и чувствуетъ силы, превосходящія всяческія внѣшнія поощренія и не нуждающіяся въ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Намъ разсказываютъ сцену, извнѣ очень простую, но совершенно необычную ни въ старое, ни въ новое время, въ школьной средѣ и съ героемъ-ребенкомъ.

Училище посѣтилъ ревизоръ, лицо грозное одинаково и для учащихся, и для учащихъ. Бойкіе и умные отвѣты мальчика очаровали его. Ревизоръ здѣсь же наградилъ его поцѣлуемъ и книгой съ лестной надписью. „Мальчикъ,—разсказываетъ ревизоръ,—принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства“ *).

Но будущій неистовый Орландъ смѣлъ не только въ поступкахъ и рѣчахъ, онъ независимъ и рѣшителенъ въ важнѣйшихъ вопросахъ своей дальнѣйшей жизни.

Онъ рано задумываетъ попасть въ университетъ и перестаетъ посѣщать школу. Его исключаютъ „за нехожденіе въ классъ“. Его это не смущаетъ. Не даромъ онъ не руководится чужими мнѣніями, самъ обо всемъ думаетъ, и изгнаніе изъ школы не разрушаетъ его плановъ и не подрываетъ его энергіи. Онъ является въ Москву съ единственнымъ капиталомъ—„пламеннымъ желаніемъ“ достигнуть намѣченной цѣли, и становится студентомъ.

Вотъ краткая исторія, не требующая никакихъ толкованій! Это первый актъ самодовлѣющей и самоопредѣляющейся личности. Это не игра своевольнаго юношескаго воображенія, не плодъ незрѣлой и неискушенной самоувѣренности, это—система, точнѣе *натура*. И нѣтъ въ человѣческой природѣ талантовъ, равныхъ этой способности *осмысленнаго* выбора и *страстнаго* дѣйствія. Энтузіазмъ и воля, каждая изъ этихъ

силъ отдѣльно—способна творить чудеса, но при особыхъ обстоятельствахъ, когда для идеи, по общественнымъ условіямъ, не требуется восторга и героизма, когда она — нормальное явленіе жизни. Для русскаго идеалиста до-реформенной Россіи требовалось запастись и холодомъ разсудка, и жаромъ чувства, тогда только онъ могъ смѣло отправиться въ путь и пройти его, не вписавъ лишней страницы въ безконечную истинно-русскую исторію о трагическихъ паденіяхъ и безвременныхъ нравственныхъ смертяхъ.

Бѣлинскій въ университетѣ... Съ незапамятныхъ временъ въ судьбѣ русскихъ молодыхъ поколѣній стало общимъ мѣстомъ — нетерпѣливое, часто восторженное ожиданіе свѣта высшей науки и — быстрое жестокое разочарованіе. За исключеніемъ немногочисленныхъ, будто случайныхъ проблесковъ, мы на протяженіи десятилѣтій слышимъ, съ различными варіаціями, все ту же рѣчь Константина Аксакова, товарища Бѣлинскаго:

„Солнце истины освѣщало наши умы очень тускло и холодно“... **).

А юношеской природѣ необходимъ свѣтъ яркій и грѣющій, и Бѣлинскій-студентъ оказывается въ такомъ же положеніи, какъ и гимназистъ.

Ему досадно и тягостно въ университетской аудиторіи, онъ не можетъ уважать подвижниковъ мертвой буквы и ремесленническаго производства изъ двухъ книгъ третьей. Онъ такъ же чуждъ своимъ призваннымъ наставникамъ, какъ живой организмъ трупу, и онъ жадно набрасывается на такихъ же неудовлетворенныхъ и протестующихъ товарищей, какъ онъ самъ.

Здѣсь онъ счастливъ. Станкевичъ, Герценъ, Бакунинъ—

*) «Замѣтки для біографіи Бѣлинскаго». *Сочиненія И. Ложечникова.* Спб., 1884 г., томъ XII, стр. 269, 270.

**) «Воспоминаніе студенчества 1832—1835 годовъ». «День». 1862 года, сентября 29, № 39, стр. 3.

чистая романтическая душа, сильный свободный политическій темпераментъ, блестящая, художественно-гибкая отвлеченная мысль,—рыцарь, трибунъ и артистъ-діалектикъ! Какая богатая пожива для самаго прихотливаго ума и безпокойной натуры!

Какія чудныя незабвенныя ночи—свидѣтельницы доблестныхъ турниpовъ, головокружительныхъ полетовъ въ сферы высшихъ тайнъ! Настоящія бдѣнія во имя страстно-исповѣдуемой философской вѣры!

Нашъ герой, сначала смиреннѣйшій оглашенный, потомъ священно-служитель—фанатикъ, и на этой ступени снова одинокій и даже для лучшихъ, еще вчерашнихъ друзей—безпокойный и тягостный.

Университетъ извергаетъ его изъ своего святилища, какъ недостойнаго, но и за стѣнами храма, въ товарищескихъ номерахъ и гостиныхъ Бѣлинскій не свой человѣкъ и не родная душа. Только первое впечатлѣніе скрадываетъ естественную пропасть, отдѣляющую его отъ его сверстниковъ.

Всѣ они явились въ университетъ балованными дѣтьми судьбы. Чѣмъ бы ни увлекалось ихъ молодое чувство,—вездѣ имъ чуялась сладость бытія, сопровождавшая ихъ съ первой минуты сознанія. Шиллеровская поэзія баюкала Станкевича эстетической истомой и розовой мглой сверхъ-земныхъ грёзъ и желаній. Гегеліанство тѣшило Бакунина нескончаемой замысловатой тканью едва осязаемыхъ и неуловимыхъ анализовъ и синтезовъ. А Герценъ, больше другихъ связанный съ землей и дѣйствительностью, незамѣтно, въ захватывающемъ опьяненіи кипучей молодости, перешелъ отъ дѣтства сказочнаго принца къ орлинымъ взмахамъ мужественнаго идеализма.

И всѣ эти люди, бережно взлелѣянные и великолѣпно воспитанные, приступили къ западной поэзіи и мудрости во всеоружіи аристократическаго образованія, съ превосходнымъ знаніемъ языковъ, съ готовой культурной почвой, давшейся

такъ же просто и даромъ, какъ пища и тепло въ родительскомъ домѣ.

Естественно, здѣсь не можетъ быть никакихъ экстренныхъ нравственныхъ терзаній, болѣзненныхъ драматическихъ запросовъ къ какимъ бы то ни было идеямъ и теоріямъ.

Будетъ ли это шиллеризмъ или гегеліанство,—все это воспримется спокойно и уравновѣшенно. Молодые люди просто станутъ продолжать путь постепеннаго умственнаго развитія. Это—*эволюція* просвѣщеннаго общества, безъ вмѣшательства какихъ бы то ни было бурныхъ *революціонныхъ* стихій. И недаромъ,—жизнь Бакунина въ философскій періодъ рисуется Станкевичемъ, какъ нѣкій отрывокъ изъ сказаній о золотомъ вѣкѣ, а біографію самого Станкевича можно представить въ формѣ нѣсколькихъ стихотвореній: для дѣтства—лирическая пѣсня, для молодости—задумчивая идиллія, изящная элегія, подъ конецъ прерываемая сдержаннымъ стономъ наслѣдственнаго недуга...

III.

Теперь—рядомъ съ этими поэмами и прекраснодушными или беззаботно-героическими фигурами — вызовите нервный лихорадочно-впечатлительный образъ, явно изможденный самыми реальными страданіями отъ голода, холода и нравственнаго неуюта.

Вамъ не потребуется особенной проницательности и терпѣнія, чтобы заглянуть въ душу этого плебея-самоучки. Онъ переполненъ жгучей жаждой высказаться. Для него міръ слова и мысли—единственное пристанище и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ. Нельзя же человѣку жить почеловѣчески въ темномъ углу, ежеминутно задыхаясь отъ дыма и смрада и надрывая больную грудь въ безспльной борьбѣ съ пронизывающимъ холодомъ. Душа невольно вопіетъ о свѣтѣ и волѣ...

И съ Бѣлинскимъ совершается тотъ самый процессъ, какой когда-то тысячи униженныхъ и оскорбленныхъ устремлялъ къ подножію голгоѳскаго креста. Всевозможные пасынки судьбы искали здѣсь истины, какъ вполнѣ дѣйствительнаго нравственнаго утѣшенія, какъ осязательнаго цѣльнаго счастья, торжествующаго надъ смутой и невыносимой разорванностью человѣческихъ будней.

Съ такой же алчбой истины, просвѣщающей и дѣйствующей, Бѣлинскій приступитъ къ современной философіи, и вѣчный разладъ между философами, ради философіи, и мыслителемъ, ради жизни, обнаружится немедленно.

Станкевичъ преслѣдуетъ Бѣлинскаго мольбой: „будь посмирнѣе“; Бакунинъ приходитъ въ ужасъ отъ неистовства Виссаріона и старается *заговорить* его; раздраженный неуклоннымъ приспособленіемъ философской разумной дѣйствительности къ русской жизни, Герценъ порываетъ съ Бѣлинскимъ личныя отношенія...

Но развѣ древніе христіане справлялись, какого мнѣнія ихъ друзья и даже отцы—объ ихъ вѣрѣ? Они не задавали себѣ вопроса и о томъ, насколько изобрѣтательны римскіе палачи и какою смертью придется умереть за Христа? Совершенное счастье уже въ самомъ познаніи истины, а борьба за нее—предѣлъ человѣческаго призванія.

И Бѣлинскій ни на минуту не смутится настроеніями своего кружка и пойдетъ съ своей правдой на какой угодно бой. Онъ именно затѣмъ и искалъ ее, чтобы создавать прозелитовъ и ниспровергать невѣрующихъ. Онъ—прирожденный апостолъ, и для него не только вѣра, но всякая мысль и всякое чувство безъ дѣлъ, безъ неуклоннаго жизненнаго осуществленія мертвы. И Бѣлинскій, внося свою правду въ жизнь, неминуемо провѣритъ достоинство своего оружія и не замедлитъ преобразовать его, разъ оно окажется недостаточно крѣпкимъ и острымъ.

Въ этомъ фактѣ вся разгадка многообразно обсуждае-

мыхъ, но въ дѣйствительности мнимыхъ метаморфозъ Бѣлинскаго. Его нравственные принципы оставались неизмѣнны, мѣнялись только пути, какими онъ думалъ достигнуть общаго блага и свѣта, и мѣнялись не въ силу чьихъ-либо вліяній и личныхъ настроеній, а сообразно съ указаніями пережитаго опыта.

Сначала гегеліанство, вопреки чисто-философскимъ наклонностямъ учителей, превращено въ религіозный и, слѣдовательно, практическій догматъ. А потомъ, когда вышли плохія шутки съ русской дѣйствительностью, пришлось совершить дальнѣйшее преобразованіе, уже по существу, и авторитетъ самого Гегеля палъ окончательно.

Какъ это произошло—понять въ высшей степени просто. Надо только на мѣсто философа-созерцателя поставить дѣятеля живой жизни, и немедленно, вполнѣ логически, преобразуются основныя философскія идеи.

Коренное гегеліанское понятіе—*разумная дѣйствительность*. Это—діалектически развившаяся и осуществившаяся идея. Бѣлинскій усвоилъ эту истину, но съ нею трудно рѣшать практическіе вопросы и въ искусствѣ, и въ жизни. Требуется опредѣленіе, ясно предписывающее и цѣль, и путь дѣйствій, слѣдовательно, опредѣленіе не чисто-философское, а нравственное.

И дѣйствительность является у Бѣлинскаго противоположностью лжи, мечтательности, поддѣльнаго и слабаго. Въ искусствѣ это—реализмъ, въ наукѣ—безусловная трезвость мысли, въ жизни—законченная твердость души.

И вспомните характеристику Печорина у Бѣлинскаго! Вы увидите, дѣйствительность слилась съ позитивизмомъ и критикѣ шестидесятыхъ годовъ не придется прибавить ни одной существенной черты къ этому портрету „спльнаго организма“ и „реальнаго мыслителя“ *).

*) Статья «Герой нашего времени», т. III, 1840 г.

Еще любопытнѣе судьба другого философскаго понятія, излюбленнѣйшаго у молодежи тридцатыхъ годовъ—*объективность*.

Германская поэзія и философія жили одинаково: это значитъ—поглощеніе личности внѣшнимъ міромъ, сліяніе субъекта съ дѣйствительностью, какъ волны съ моремъ.

Перенесите эту истину на практическую почву и вы получите самоотреченіе, уничтоженіе личной дѣятельности и, конечно, борьбы. Для Бѣлинскаго это означало бы самоубійство и *объективность* должна претерпѣть нѣкоторыя поправки.

Неразрывная связь личности и внѣшняго міра будетъ достигнута обратнымъ путемъ, чѣмъ у философовъ: не личность исчезнетъ въ океанѣ жизни, а дѣйствительность цѣликомъ войдетъ въ нравственный міръ человѣка. Проще, это значитъ неограниченная отзывчивость нашего *я* на всѣ явленія, вѣчно напряженная чуткость ко всему положительному и отрицательному внѣ насъ *).

Теперь вамъ ясно, съ какой системой можно выступить на сцену дѣйствій. Опредѣлена психологія борца и установлены цѣли борьбы. Философская религія, наконецъ, создана въ полномъ смыслѣ слова, т.-е. открыта истина теоретически развитая и практически творческая.

Такъ разрѣшилось для Бѣлинскаго одно изъ могущественнѣйшихъ европейскихъ вліяній на русское общество, разрѣшилось тѣмъ самымъ путемъ, какой опредѣлилъ судьбу Бѣлинскаго сначала гимназиста, потомъ студента. Нѣтъ надъ нимъ авторитета болѣе внушительнаго, чѣмъ личная совѣсть, нѣтъ другой цѣли, кромѣ давнишней юношеской мечты. Она вполнѣ уяснилась еще въ то время, когда писалась романтическая драма противъ крѣпостного права,—писалась, по словамъ автора, „со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго

*) Статьи «Дѣтскія сказки дѣдушки Иринея», т. III, стр. 508, 1840 г. «Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда», т. III, стр. 253, 1839 г.

любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость".

Но гегеліанство и дружба не послѣднія препятствія на свободной дорогѣ Бѣлинскаго. Признавъ дѣйствительностью открытую правду жизни, онъ восторженно встрѣтитъ и будетъ сопровождать великаго художника-реалиста. Онъ истощитъ свой обильный художественный языкъ, призоветъ все свое глубокое чувство красоты и мощный инстинктъ истины, чтобы нарисовать во всемъ блескѣ талантъ Гоголя, раскрыть смыслъ созданныхъ имъ типовъ и, среди оглушительнаго гама слѣпотствующихъ и враждующихъ, утвердить за писателемъ мѣсто, подобающее великому учителю родного народа.

И что же?

Именно этотъ человѣкъ, на комъ покоились лучшія надежды критика, кто былъ его настоящимъ и будущимъ, кто для его задушевнѣйшихъ идей создалъ незабвенные образы, этотъ человѣкъ вздумалъ отречься отъ своего дѣла, не понять внушеній своего генія и призваніе общественнаго судьи смѣнить на роль усыпителя.

Какое страшное *личное* горе для Бѣлинскаго! Вѣдь у него никогда не было и нѣтъ высшихъ интересовъ, чѣмъ литература: она,—говорилъ Бѣлинскій,—„мое призваніе и ремесло", она,—прибавимъ мы,—и его счастье. И вотъ на все это совершается посягательство рукою одного изъ немногихъ избранныхъ, сообщавшихъ громадный смыслъ призванію и ремеслу и возвысившихъ счастье чудною силой своего творчества. Смертельнымъ чувствомъ обиды и гнѣва загорится рѣчь Бѣлинскаго. Онъ напишетъ письмо. И до сихъ поръ ни въ одной литературѣ мы не знаемъ примѣра, гдѣ бы человѣкъ и гражданинъ слились въ такомъ подавляющемъ паоосѣ идеи и страсти, гдѣ бы отдѣльная личность съ такой глубиной и мукой пережила общую утрату, какъ свое собственное лишеніе.

„Да еслибъ вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и

тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ!“—писалъ Бѣлинскій, свидѣтельствуя своей ненавистью къ „позорнымъ строкамъ“ о силѣ своей любви къ чести писателя и славѣ его родины.

И онъ разорвалъ съ Гоголемъ, какъ религіознымъ проповѣдникомъ и аскетомъ. Онъ ни минуты не колебался раздѣлить рѣзкою чертой прирожденный геній непосредственнаго художника и притязательные замыслы самообольщеннаго и, можетъ быть, отчасти лицедѣйствующаго человѣка. И этотъ разрывъ, несомнѣнно, былъ самымъ тягостнымъ. Накапунѣ быстро наступавшей смерти Бѣлинскому приходилось поставить крестъ на любимомъ дѣтищѣ своего идеализма, и будущее русскаго общества становилось еще темнѣе и тревожнѣе.

IV.

Я въ самой краткой формѣ представилъ вамъ глубочайшіе моменты духовной жизни Бѣлинскаго, но общій смыслъ вамъ ясенъ. Раскрытію его посвящена въ сущности вся дѣятельность критика. Бѣлинскій напомнилъ о немъ и въ своей предсмертной статьѣ.

Разбирая романъ Герцена, онъ такъ опредѣлялъ „задушевную мысль“ автора: Это — „мысль о достоинствѣ человѣческомъ, которое унижается предразсудками, невѣжествомъ, и унижается то несправедливостью человѣка къ своему ближнему, то собственнымъ добровольнымъ искаженіемъ самого себя“ *).

И вотъ послѣдній-то источникъ униженій—самый могущественный и ядовитый въ судьбѣ русскихъ людей. Добровольное самоискаженіе скрывается въ основѣ и чисто-личныхъ паденій и, повидимому, невольныхъ уступокъ средѣ и времени.

*) «Взглядъ на русскую литературу въ 1847 году», т. XI, стр. 376.

Кто бы сталъ обвинять Бѣлинскаго въ самоискаженіи, еслибъ онъ искренне и безраздѣльно отдался школьной и университетской наукѣ тридцатыхъ годовъ? Изъ него бы могъ выйти почтенный ученый и заслуженный статскій совѣтникъ. Кто бы бросилъ въ него камнемъ, если бы надъ нимъ окончательно восторжествовало гегеліанство? Онъ остался бы однимъ изъ многочисленныхъ идеалистовъ, пожалуй, съ оттѣнкомъ донкихотства и неизлѣчимой умственной близорукости, но безъ малѣйшаго нравственнаго пятна.

Кто бы, наконецъ, произнесъ смертный приговоръ разсудку и характеру Бѣлинскаго, еслибъ онъ, зачарованный творческою геніальностью Гоголя, пошелъ вслѣдъ ему и по новому пути? Потомство, несомнѣнно, посѣтовало бы на двойное самозакланіе таланта и мысли, но у него не поднялась бы рука на вѣрное преданное чувство критика первостепенному художнику своего времени.

И исторія во всѣхъ этихъ случаяхъ признала бы не постыдное самоискаженіе, а идейное самопожертвованіе.

Она нашла бы основаніе своему приговору и помимо психологіи,—въ самыхъ наглядныхъ свойствахъ среды и времени Бѣлинскаго. Сегодня вы услышите стихотворную характеристику литературныхъ условій, встрѣтившихъ критика въ началѣ его пути *),—я представлю вамъ прозаическую кар-

*) Неизданное стихотвореніе Некрасова, разсказывающее жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго. Отрывокъ о положеніи литературы:

Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ, безъ него
Любовь къ ней публики остыла.
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она, погрязнувъ, поглупѣла,
До общества, до жизни ей
Какъ будто не было и дѣла.
Въ то время какъ въ родномъ краю
Открыто зло торжествовало;
Ему лишь «баюшки баю».
Литература распѣвала

тину болѣе широкаго содержанія. На ней захвачена вся атмосфера со всѣми ея живыми разумными организмами и явленіями.

Картина нарисована вполнѣ достовѣрнымъ лицомъ, профессоромъ и цензоромъ Никитенкомъ,—человѣкомъ, какъ видите, не безпокойнымъ и не фрондирующимъ безъ толку.

Никитенко очень усердно читалъ лекціи, писалъ статьи, составлялъ ученыя изслѣдованія,—вообще честно выполнялъ программу высокообразованнаго интеллигента. Но по временамъ на него находило странное чувство, близкое къ отчаянію и гамлетовскому пессимизму. Тогда, затворившись въ своемъ кабинетѣ, онъ писалъ:

„Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: *развитіе, направленіе мыслей, основныя идеи искусства.* Все это что-нибудь и даже много значитъ тамъ, гдѣ существуетъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ,—это дѣйствительное, глубокое злополучіе. Часто, очень часто я бываю пораженъ глубокимъ мрачнымъ сознаніемъ моего ничтожества. Еслибъ я жилъ среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло, а теперь я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и

Ничья могучая рука
Ея не направляла къ цѣли,
Лишь два задорныхъ поляка (Булгаринъ и Сенковскій)
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.
Ужъ новый геній поднималъ
Тогда главу свою межъ нами.
Но онъ одинъ изнемогалъ,
Тѣснимъ безстыжими врагами.
Къ нему подъ знамя приносилъ
Запасъ идей, надеждъ и силъ
Кружокъ еще несмѣлый, тѣсный,—
Потребность сильная была
Въ могучемъ словѣ правды честной
Въ открытомъ обличеньи зла.

призраки! О, кровью сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная оффиціальная необходимость моральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды, гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ“ *).

Это очень сильно, но у автора были утѣшенія: онъ служилъ и награжденья бралъ. Неудовлетворенное нравственное и общественное чувство болѣе или менѣе возмѣщалось чиновничьимъ честолюбіемъ и оффиціальною карьерой.

Если для лекцій и статей Никитенка не существовало общественнаго мнѣнія, его способности и усердіе цѣнило начальство, и эта оцѣнка, конечно, была дорога для дѣятеля: иначе онъ не усердствовалъ бы до послѣдняго напряженія силъ на казенной службѣ.

Но и ему, мы видимъ, приходилось жутко только потому, что, помимо чиновника, въ немъ жилъ еще гражданинъ, подъ мундиромъ билось человѣческое сердце. И этого достаточно, чтобы высокопоставленный литераторъ доходилъ по временамъ до полной душевной растерянности.

Чего же ждать отъ просто писателей, принужденныхъ опираться только на общество, на ту самую косную, рабскую и дикую толпу, какая удручаетъ нашего лѣтописца?

V.

Бѣлинскій былъ такимъ писателемъ и въ десять съ небольшимъ лѣтъ достигъ поразительныхъ результатовъ. Какихъ именно,— пусть объяснитъ одинъ изъ принципіальныхъ враговъ критика, И. С. Аксаковъ. Съ болью въ сердцѣ и съ жестокимъ сѣтованьемъ на участь дорогого славянофильскаго ученія Аксаковъ напишетъ отцу слѣдующія строки:

„Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно

*) «Записки и дневникъ». Спб., 1893 г., стр. 423—424.

каждому, сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю... „Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеньемъ“, говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны — взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, — вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора съ идеями гуманности... И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго“ *).

Это говорилось сорокъ два года назадъ. Многое, что возмущало Аксакова, стало преданіемъ и, слѣдовательно, многія идеи Бѣлинскаго утратили новизну. И искреннѣйшимъ желаніемъ нашимъ должно быть, чтобы *всѣ* идеи Бѣлинскаго пришли къ такому результату, чтобы наша дѣйствительность достигла уровня его идеаловъ, чтобы, наконецъ, его сочиненія превратились въ прописи нашихъ будней. И такъ произойдетъ непремѣнно хотя бы даже въ отдаленномъ будущемъ.

Тогда писательская дѣятельность Бѣлинскаго станетъ въ полномъ смыслѣ исторической. Предъ его именемъ исчезнутъ партіи и оно пребудетъ навсегда въ спокойномъ, ясномъ ореолѣ безспорной славы.

*) «Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ». Часть первая, томъ третій. Москва, 1892 г., стр. 290—291.

Но одновременно не изсякнетъ и другой источникъ—болѣе сильныхъ и лирическихъ чувствъ самыхъ позднихъ поколѣній. Это не отдѣльныя идеи, а сама органическая почва, вызвавшая великій даръ личнаго самоопредѣленія и религіозно-прочувствованнаго сознанія личнаго достоинства и личной умственной и нравственной неприкосновенности.

Обратитесь къ нашимъ днямъ.

Одинъ изъ самыхъ настойчивыхъ современныхъ вопросовъ—идея самообразованія. Всякому извѣстно, сколько тратится нерѣдко героическихъ усилій русскою молодежью и грамотной, и полуграмотной и даже образованной,—во имя осмысленнаго и одухотвореннаго знанія. Очевидно, школьный недугъ,—отъ низшихъ до самыхъ высокихъ ступеней,—до сихъ поръ не уврачеванъ, за стѣнами и гимназій, и университетовъ остается много препебреженнаго, и какъ разъ самаго насущнаго и жизненнаго... Очевидно, школьныя мытарства Бѣлинскаго остаются самою современною и самою обыкновенною исторіей.

Но знаній и науки жизни новыя поколѣнія, подобно своимъ предшественникамъ, ищутъ еще дальше, чѣмъ классы и аудиторіи,—ищутъ у вѣковыхъ учителей русскаго общества. Гегеліанство,—послѣдняя зарубежная новость при Бѣлинскомъ,—давно смѣнилось другими вліяніями и теченіями, не прекращаются они и до сегодня, не прекратятся и въ отдаленнѣйшемъ будущемъ, пока Россія останется культурною европейскою страной.

Великая и часто мучительнѣйшая задача, какъ достойно разсчитаться съ этими неизбѣжными фактами. Мы знаемъ, какъ Бѣлинскій рѣшилъ задачу. Онъ во главѣ своихъ идей поставилъ русскую дѣйствительность во всей ея жестокой истинѣ и цѣли русскаго человѣческаго благоденствія и развитія, и къ этимъ исходнымъ точкамъ просвѣтительной дѣятельности примѣнилъ силу и результаты европейской мысли. Скажите, когда перестанетъ быть современнымъ такой способъ учиться у Европы?

Долго еще не перейдетъ на страницы исторіи и тотъ подвигъ свободной и ясной мысли, какой увѣковѣченъ письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю.

Для развитія творческаго генія не существенъ средній или высшій культурный уровень среды и великій художникъ можетъ быть роднымъ дѣтищемъ общества, въ громадномъ большинствѣ не представляющаго ничего великаго въ области ума и нравственныхъ идеаловъ.

Отсюда неотъемлемый истинно-національный фактъ нашей литературы—сліяніе сильнаго поэтическаго таланта съ весьма слабыми общественными инстинктами, уживчивость реальнѣйшихъ созданій вдохновенія съ мертвыми и мелкими идеями міросозерцанія.

А между тѣмъ есть ли что обаятельнѣе геніальнаго творчества? Существуетъ ли въ нашемъ мірѣ болѣе законный и болѣе благородный соблазнъ, чѣмъ увлеченіе великимъ художникомъ? И сколько надо идейнаго мужества, страсти къ общему благу, чтобы въ произведеніяхъ художника распознать плевелы отъ пшеницы, чтобы отвергнуть недостойную *мысль*, предлагаемую подъ покровомъ признаннаго *художественнаго таланта!*

Бѣлинскому представился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ опытовъ, и онъ, лично одаренный музыкальнѣйшею художественною организаціей, трепетно и пламенно отзывавшійся на малѣйшій проблескъ творческой силы, предпочелъ разрушить гармонію своего личнаго чувства, чѣмъ преклониться передъ заблужденіями восторженно-чтимаго писателя.

Вотъ завѣты Бѣлинскаго, для которыхъ нѣтъ предѣловъ во времени и нѣтъ опасности забвенія, какъ бы коротка ни была наша память. Въ его лицѣ воплотились высшія нравственныя стихіи русской національности, онъ живой обобщитель культурныхъ задатковъ русской природы. Въ каждомъ изъ насъ, въ лучшія *человѣческія* минуты нашей жизни, непремѣнно горитъ искра, причастная тому пламени, въ какомъ перегорѣло сердце Бѣлинскаго.

Древніе отцы христіанской церкви съ невольнымъ благоговѣніемъ останавливались предъ такими преданіями язычества, какъ Сократъ, Маркъ Аврелій, и не рѣшались произнести слова правовѣрнаго осужденія. Они признавали, что эти *святые* язычники творили законъ добра безотчетно, по внушеніямъ своего сердца, не вѣдая писаннаго откровенія.

Мы не *святые*, хотя часто, слишкомъ часто бываемъ *язычниками* и творимъ себѣ кумировъ изъ своего эгоизма и чужого зла... Но какъ бы упорно ни идолослужительствовали мы въ нашихъ личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, по временамъ все-таки мы исполняемъ завѣты великаго идеалиста.

Мы живемъ умственными завоеваніями Бѣлинскаго, не сознавая первоисточника, осуществляемъ его духъ, хотя бы даже въ рѣдкіе моменты пробужденія нашего личнаго достоинства и свободы.

Враги Бѣлинскаго, по свойственной врагамъ проницательности, давно поняли эту непобѣдимую силу нашего писателя. Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ, видя неудержимое торжество его имени, со скрежетомъ зубовнымъ объявлялъ:

Бѣлинскій умеръ,—живъ Бѣлинскій! *).

А мы эти же слова можемъ повторить, какъ убѣдительнѣйшее свидѣтельство, что и у насъ не только есть незабвенное общечеловѣческое прошлое, но что мы способны находить въ немъ опору въ настоящемъ и вѣрный залогъ будущаго.

---

*) *Князь П. А. Вяземскій*: «Полное собраніе сочиненій». Спб., 1887 г., стр. 439.

ШЕВЧЕНКО ВЪ КРУГУ НАРОДНЫХЪ ПОЭТОВЪ *).

I.

Наше чествованіе памяти малорусскаго народнаго поэта случайно совпало съ годовщиной большого событія вообще въ исторіи русской народнической литературы. Ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ „Современникѣ“ появились „Записки охотника“.

Это совпаденіе даетъ мнѣ право напомнить вамъ одну изъ любопытнѣйшихъ чертъ въ жизни и въ творчествѣ Тургенева. Она непосредственно связана со моею задачей.

Въ теченіе всей литературной дѣятельности—отъ перваго молодого разсказа до предсмертныхъ стихотвореній—нашего художника волновалъ—врядъ ли и до сихъ поръ вполнѣ разрѣшенный—вопросъ.

Тургеневъ стоялъ на вершинѣ современной образованности. Его личная и общественная гуманность не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Всюду, въ просвѣщеннѣйшихъ обществахъ Запада, онъ является передовымъ выразителемъ благороднѣйшихъ идеаловъ европейской цивилизаціи. И нѣтъ человѣка какой бы то ни было національности, кто бы не заслушался всегда блестящихъ, сердечныхъ, поучительныхъ рѣчей русскаго писателя.

И его самого увлекала эта роль...

---

*) Рѣчь, произнесенная въ музыкально-литературномъ собраніи Общества любителей россійской словесности 3-го апрѣля 1897 года.

Да и можно ли было оставаться равнодушнымъ, когда во-очію, часто едва знакомые, люди поддавались невольному обаянію классически-художественнаго и идейно-значительнаго слова!

И впослѣдствіи, уже послѣ смерти Тургенева, свидѣтели, менѣе всего способные оцѣнить его писательскій талантъ и оригинальный умъ,—вродѣ какого-нибудь Гонкура,—будутъ восторженно вспоминать о Тургеневѣ-собесѣдникѣ.

Но у великаго чародѣя была совершенно особенная публика, повидимому, недоступная его обаянію. Передъ нею, какъ это ни странно, онъ чувствовалъ себя почти совершенно безоружнымъ и чары отъ него отлетали.

Иванъ Сергѣевичъ могъ поставить въ нестерпимо-комическое положеніе самыхъ пышныхъ героевъ французской литературы—Золя, Гюго, умѣлъ однимъ словомъ убить историческій талантъ Тэна, но предъ какимъ-нибудь Иваномъ изъ сельца Спасскаго имъ овладѣвала какая-то оторопь, будто смущеніе за какую-то невѣдомую не совершенную вину.

Тургеневъ лично менѣе всего былъ способенъ погрѣшить предъ своими крестьянами,—напротивъ, его біографія, какъ помѣщика—сплошная исторія милостей, уступокъ, снисхожденія и прощенія.

И, между тѣмъ, онъ часто не находитъ рѣчей съ имъ же самимъ облагодѣтельствованными людьми, при случаѣ не рѣшается уличить ихъ въ явной неправдѣ, онъ, прожившій съ ними дѣтство и молодость, затрудняется произносить рѣшительные приговоры насчетъ ихъ быта и нравственнаго міра...

На каждомъ шагу чувствуется пропасть, стихійный мучительный туманъ, отдѣляющій народъ даже отъ его искреннѣйшаго друга.

И это чувство переходитъ во всѣ произведенія Тургенева.

„Таинственный незнакомецъ“ остается неразрѣшимою загадкой для героевъ и героинь самыхъ разнородныхъ характеровъ.

О томъ, что *отцы* — „старые романтики“ — совершенно безпомощны и даже въ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ трагикомичны предъ лицомъ „меньшого брата“, нечего и говорить.

Но та же самая участь выпадаетъ и на долю *дѣтей*.

Вы помните зловѣщій „маскарадъ“ Нежданова, помните краткую, но поразительную сцену юныхъ революціонеровъ съ Павломъ и Татьяной: идеальная искренность и самоотверженіе Маріанны не поднимаютъ нашихъ героевъ до нравственнаго и даже умственнаго уровня фабричнаго мужика и его жены.

Но этого мало. Самъ Базаровъ,—плебей и демократъ до послѣдняго нерва своего могучаго организма, столь гордый своей духовной близостью къ народу,—терпитъ рѣшительное фіаско въ простомъ мимоходномъ разговорѣ съ мужикомъ.

И авторъ будто съ особенно горькой иронiей подчеркиваетъ неудачу своего сильнѣйшаго героя: Базаровъ въ глазахъ мужиковъ нѣчто вродѣ шута гороховаго!..

И до конца дней Тургеневъ не забываетъ этой темы. Ею переполнены письма къ Герцену, она преслѣдуетъ писателя въ минуты уединенныхъ сокровеннѣйшихъ думъ, наконецъ, подсказываетъ ему потрясающую исторію о *Чернорабочемъ* и *Бѣлоручкѣ*.

Всюду неотразимый призракъ грознаго недоразумѣнія, фатальнаго взаимнаго непониманія между народомъ и его прекраснодушными рыцарями.

Герценъ—другимъ, не тургеневскимъ, путемъ доходитъ до такого же безнадежнаго вывода. Сказочный великанъ, истребляющій во тьмѣ собственныхъ дѣтей,—вотъ, по его мнѣнію, точная аллегорія одной изъ самыхъ тяжелыхъ культурныхъ драмъ.

А между тѣмъ вся исторія—не что, иное какъ періодическое повтореніе этой драмы.

Роскошные цвѣты, всегда и вездѣ распускающіеся на почвѣ народнаго труда, съ теченіемъ времени часто совер-

шенно утрачиваютъ сознаніе своей связи съ ней и стремятся создать для себя исключительную экзотическую атмосферу.

Воздвигаются грани всевозможныхъ предразсудковъ, нравственныхъ и сословныхъ, нація распадается на два будто чуждыхъ другъ другу племени, одно живетъ всѣми благами цивилизаціи, другое—своей извнѣ вѣками неподвижной жизнью.

Естественно, духовное и даже національное единеніе исчезаетъ.

Французскій маркизъ и екатерининскій вельможа гораздо лучше знаютъ и понимаютъ другъ друга, чѣмъ своихъ соотечественниковъ, не причастныхъ парижскому просвѣщенію.

Но все, оторванное отъ родной почвы, осуждено на органическое худосочіе и вырожденіе. Искусственная оранжерейная культура въ нравственномъ мірѣ неминуемо мельчаетъ, хирѣетъ и умираетъ медленной агоніей.

Тогда у погибающихъ является инстинктивная жажда чистаго воздуха, непосредственной природы, здоровыхъ соковъ народной души и жизни. Тогда даже для самыхъ немощныхъ отпрысковъ вѣкового тунеядства и эгоизма звучатъ волшебными звуками слова: *природа*, *народъ*, *простота*, *естественность*.

Но какъ открыть, что̀ такое народъ?

Это смутный, далекій міръ. Жилъ и живетъ онъ молча, никому не объясняя—ни книгами, ни рѣчами—основъ и прелестей своей жизни, никого не убѣждая въ ея смыслѣ и значеніи.

Теперь къ нему спускаются верхи интеллигенціи и готовы искать у него отвѣтовъ на труднѣйшіе вопросы человѣческаго бытія и счастья.

На какомъ языкѣ станутъ бесѣдовать столь неожиданые ученики съ такимъ—вчера еще дикимъ и презрѣннымъ—учителемъ? Какое впечатлѣніе они произведутъ другъ на друга?

Вопросъ въ высшей степени существенный. Тургеневу пришлось даже Герцена,—кажется, вполнѣ осмысленнаго и

положительнаго человѣка,—разочаровывать по части гражданскихъ доблестей русскаго мужика.

Что же могли вообразить другіе искатели „народной правды“?...

И такъ повторялось всюду, гдѣ интеллигенцію захватывала волна демократическихъ и народническихъ увлеченій. Одна изъ такихъ волнъ вошла въ идеализмъ нашихъ сороковыхъ годовъ и общественную политику шестидесятыхъ,—и вы знаете, оставила ли она прочные и безспорные результаты...

Отъ лица народа съ одинаковой увѣренностью говорили люди столь разнородныхъ убѣжденій и практическихъ задачъ, что безусловно обязательнымъ можно признать единственный выводъ: да, народъ заслуживаетъ глубокаго интереса, его бытъ и психологія въ высшей степени поучительны...

Но какая *положительная* польза отъ этой поучительности для нашего культурнаго прогресса,—до сихъ поръ можно дать нѣсколько разныхъ отвѣтовъ и во всѣхъ подробностяхъ возобновить полемику Герцена, Тургенева, *молодой Россіи*.

А, между тѣмъ, существуютъ пути, устраняющіе эту смуту. Самый надежный, когда народъ непосредственно сливается съ интеллигенціей, когда ему такъ же доступна цивилизація, какъ и всякому другому члену общества.

Но это идеалъ. Онъ осуществляется медленно и съ великими затрудненіями. Это—*идейное* самооткровеніе народа—высшая цѣль національнаго развитія, ему предшествуетъ—*художественное*.

II.

Народная поэзія долго для просвѣщенныхъ людей остается единственнымъ окномъ въ темный міръ народной души, и на общую культурную и политическую сцену народъ появляется сначала въ роли сказочника, пѣсенника, прибауточника.

Немного находится внимательныхъ и серьезныхъ охотниковъ для подобнаго зрѣлища. Это большею частью ученые спеціалисты, рѣдкіе энтузіасты, прирожденные любители неукрашенной природы и дѣвственной почвы.

А для большинства поэтъ-народъ среди поэтовъ-художниковъ то же, что шутъ въ трагедіи или лубочная картинка въ античномъ музеѣ.

И такъ способны чувствовать не только тонко-воспитанные господа и эстетическіе младенцы, а даже критики, вродѣ Бѣлинскаго.

И они, пожалуй, правы.

Вѣдь народъ не разсчитывалъ въ своемъ творчествѣ на такую избранную публику. Онъ говорилъ, какъ сказалось, и пѣлъ, какъ запѣлось. Для него все это не литература и не искусство, а столь же непроизвольныя явленія, какъ взрывъ смѣха, крикъ боли,—часто не изящныя по формѣ, туманныя по смыслу.

Но представьте, къ многовѣковому богатству народной духовной жизни подойдетъ человѣкъ, самъ воспитанный ею, по рожденію и по природѣ неразрывно связанный съ народнымъ прошлымъ и настоящимъ, и въ то же время одаренный талантомъ выдѣлять чистое золото изъ первобытной руды, непосредственный голосъ сердца заключать въ стройную музыкальную мелодію и безпорядочно, случайно разбросанные цвѣты вязать въ художественные гирлянды и вѣнки.

Это будетъ народный поэтъ, и онъ станетъ одновременно трибуномъ, истолкователемъ и славой своего племени.

Онъ — единственное, естественное звено между обществомъ и народомъ. Его устами „таинственный незнакомецъ“ открываетъ намъ свои тайны, перестаетъ быть мучительною загадкой для своихъ друзей и неопредѣленно-грозной темной силой для недруговъ. Блескъ генія озаряетъ весь міръ, откуда вышелъ поэтъ, и непоколебимо утверждаетъ права этого міра на человѣческое достоинство, на всѣ высшіе дары человѣче-

ской природы, и, слѣдовательно, на общія всѣмъ человѣческія права.

Отсюда—логическій выводъ: чѣмъ больше создалъ народъ даровитыхъ поэтовъ, тѣмъ ярче обнаружилъ мощь своей нравственной стихіи, тѣмъ рѣшительнѣе отвоевалъ себѣ почетное мѣсто въ міровой культурѣ.

Но вопросъ не въ одной даровитости.

Не видимъ ли мы на каждомъ шагу, какъ безплодно погибаютъ или совершенно извращаются всевозможные таланты, какъ именно талантливость, вмѣсто славы, съ особенной жестокостью подчеркиваетъ безславіе даровитой личности и отягощаетъ ея отвѣтственность предъ современниками и потомствомъ?

И не намъ, русскимъ, затрудняться въ выборѣ примѣровъ...

Талантъ то же самое, что—неизвѣстно, какъ и по какому праву пріобрѣтенное богатство, будто кладъ, найденный счастливцемъ случайно, безъ малѣйшихъ личныхъ усилій и заботъ, своего рода шальныя деньги.

А вы знаете, *какъ* слишкомъ часто растрачивается подобный капиталъ. Человѣкъ не созданъ быть баловнемъ, все равно, природы или судьбы: требуется исключительная сила воли—не стать *ниже* своего незаслуженнаго счастья.

Даровитость, слѣдовательно, отнюдь не одно украшеніе и пріятная привилегія, она, нерѣдко, бремя, лишнее обязательство предъ жизнью и людьми.

И оно тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ духовнѣе и благороднѣе даровитость и чѣмъ матеріальнѣе и прозаичнѣе окружающій міръ.

Сопоставьте теперь поэтическій талантъ съ будничной народной дѣйствительностью,—вы признаете,—быть народнымъ поэтомъ задача нѣсколько другая, чѣмъ—вообще поэтомъ и писателемъ.

Среди просвѣщеннаго общества, литература—настоящее

*

и даже очень почтенное дѣло, вдохновеніе—высшій даръ небесъ, а въ народѣ все это, по меньшей мѣрѣ, междудѣлье или даже праздная забава, а подчасъ просто юродство.

Въ результатѣ, народный поэтъ — скорѣе жертва своего генія, чѣмъ герой, подвижникъ за великія силы своей души, а не торжествующій обладатель общепризнанныхъ сокровищъ.

Это—общее правило.

Исторія не знаетъ ни одного истинно-народнаго поэта безъ драматической судьбы.

Это совершенно особенныя біографіи, часто удивительно похожія одна на другую.

И вполнѣ естественно. Во всѣхъ одинъ основной мотивъ—своего рода прометеева борьба, только здѣсь коршуны несравненно реальнѣе, чѣмъ въ эллинскомъ сказаніи.

Всѣхъ вообще ихъ даже трудно перечислить, но они непремѣнно играютъ первую роль въ жизни всякаго народнаго поэта,—разница только въ количествѣ и въ жестокости хищниковъ.

Сравненія въ высшей степени любопытны—и особенно для насъ и въ нашемъ случаѣ.

Съ незапамятныхъ временъ въ исторіи литературы принято Гёте считать типичнѣйшимъ и разносторонпѣйшимъ поэтомъ новаго времени и, кромѣ того, образчикомъ счастливаго человѣка.

Это, дѣйствительно, типъ, но только не поэта вообще, а именно спеціально-счастливаго поэта.

Изумительная *художественная* впечатлительность и завидное *человѣческое* равнодушіе, полнота поэтическихъ воспріятій и божественный покой души,—однимъ словомъ, пѣвецъ вертеровыхъ страданій и фаустовскаго отчаянія въ кафтанѣ камергера и въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Мнѣ невольно представилась эта фигура, когда я перечитывалъ поэмы Шевченка. Особенно настойчиво преслѣдовала меня одна сцена.

Передъ Гёте стоитъ Эккерманъ, этотъ недосягаемый образецъ интервьюверовъ, единственный въ своемъ родѣ канцелярист департамента знаменитостей. Онъ съ забавнымъ постоянствомъ именуетъ геніальнаго поэта *превосходительствомъ* и умоляетъ его разсказать о свиданіи съ Наполеономъ.

Это капитальнѣйшій моментъ въ біографіи поэта! Съ величественной и загадочной улыбкой Гёте отклоняетъ просьбу,— будто нѣкій праведникъ, удостоившійся сверхъестественнаго видѣнія, не желаетъ посвящать смертныхъ въ свои сношенія съ высшимъ міромъ!..

Это, говорятъ, идеальный поэтъ, охватившій своимъ взоромъ и чувствомъ всѣ тайны природы!

Но куда же вы тогда опредѣлите нашего кобзаря?

Это совершенный полюсъ для гётевскаго олимпійства и гётевскаго счастья и долженъ также считаться типомъ въ исторіи литературы.

Возьмите какого угодно европейскаго народнаго поэта. У каждаго непремѣнно есть своя звѣзда и благодарный источникъ поэтическихъ вдохновеній.

Напримѣръ, самый даровитый, Бэрнсъ.

Онъ простой земледѣлецъ, всю жизнь принужденъ томиться заботой буквально о насущномъ хлѣбѣ, музѣ его приходится терпѣть не мало грубыхъ оскорбленій отъ житейской прозы и тьмы.

Но за то кругомъ, за предѣлами бѣдной хаты — какая благодать!

Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой романтической народной старины. Чуть не каждое ущелье и долина кричатъ историческими былями, и были стоютъ самаго пылкаго фантастическаго вымысла.

Всюду столько блеска, отваги, рыцарственнаго благородства. Это—сплошная эпопея свободы, грозной, несокрушимой, величественной даже въ неудачахъ и въ самой смерти,

Пусть личная жизнь шотландскаго поэта тяжела и сум-

рачна, но кругомъ рѣютъ тѣни Валласа, Брюса, предъ нимъ возстаетъ обаятельный образъ поэтичнѣйшей и несчастнѣйшей изъ королевъ и въ безграничную даль вѣковъ несутся воспоминанія, одно другого драматичнѣе, одного другого богаче національною славой.

И не даромъ Бэрнсъ не одинъ.

Въ разныхъ концахъ страны, въ едва доступныхъ ущельяхъ, въ захолустныхъ городахъ расцвѣтаютъ поэтическіе таланты, пастухи, ремесленники. Будто самъ воздухъ насыщенъ пѣснями, — достаточно явиться на свѣтъ съ тонкимъ слухомъ, чтобъ изъ готовыхъ, вѣками накопленныхъ сокровищъ создать себѣ славу.

И она создается быстро, прививается къ почвѣ какъ давно желанное всѣмъ родное растеніе.

Бэрнсъ одинаково дорогой и понятный поэтъ для потомка древняго тана и для его вассала. Онъ, не переставая быть *народнымъ*, остается — *національнымъ*.

Возьмемъ другой примѣръ, — поэта, своей славой современнаго кобзарю и до сихъ поръ затмевающаго у насъ другихъ народныхъ пѣвцовъ Запада.

Говорятъ, главный секретъ успѣха во всякомъ дѣлѣ — попасть кстати. И вотъ передъ нами исключительно рѣдкій образчикъ человѣка и поэта кстати.

Представьте, вашего друга постигъ страшный нравственный разгромъ. Еще вчера онъ былъ въ почетѣ и въ славѣ, окруженъ толпой приспѣшниковъ и даже рабовъ, могъ безнаказанно кого угодно казнить и миловать, а сегодня будто Іовъ на гноищѣ, и вчерашніе льстецы — сегодня первые укорители и обидчики.

Вы окажетесь совершенствомъ гуманности и мудрости, если приметесь тоскующіе взоры несчастнаго обольщать былыми перспективами силы и удачи и сулить въ будущемъ естественный поворотъ судьбы.

Какъ легко вамъ будетъ въ чемъ угодно убѣдить чело-

вѣка! Не потребуется ни точныхъ свѣдѣній, ни глубокихъ соображеній, ни строгихъ доказательствъ. Люди такъ охотно вѣрятъ въ то, въ чемъ полагаютъ свое единственное утѣшеніе и спасеніе!

И вотъ Беранже является къ бурбонской Франціи—истомленной и развѣнчанной—и начинаетъ пѣть про славу ея отцовъ и еще незабытыя униженія ея побѣдителей...

Какъ путникъ, измученный жаждой, припадаетъ къ источнику, такъ вся французская нація устремится за удачливымъ пѣвцомъ,—и надъ чѣмъ она еще такъ недавно смѣялась, что ненавидѣла,—теперь для нея священно и велико.

И понесутся гимны маленькому капралу, сѣрому сюртуку, маленькой шляпѣ.

Зазвучатъ воинственные словесные залпы инвалидовъ, потекутъ слезоточивыя рѣчи бабушекъ и внучатъ, пока, наконецъ, не загремятъ дѣйствительныя пушки и парламентскія рѣчи въ честь *его*...

Да, при такихъ обстоятельствахъ стоитъ поработать надъ ріомами и куплетами. Публика уже заранѣе приготовила руки для апплодисментовъ и набрала воздуха для криковъ, все равно какъ бы артистъ ни сыгралъ свою роль.

III.

Одновременно съ Беранже пѣлъ свои пѣсни Шевченко и, между прочимъ, написалъ слѣдующія строки:

Свѣтъ, кажись, широкій,
А въ немъ мѣста не отыщетъ
Странникъ одинокій.
Одному отмѣритъ доля
Съ краю и до краю,
А другому лишь оставитъ
То, гдѣ закопаютъ.

Лучше не могъ бы выразиться Шевченко, еслибъ захотѣлъ свою „долю“ сравнить съ судьбой другихъ народныхъ поэтовъ.

Только у одного изъ нихъ, также славянскаго, именно у Сырокомли-Кондратовича, мы находимъ соотвѣтствующій мотивъ.

Помните „Филиппа изъ Конопелей—донъ-Кихота шляхетскаго царства, самаго несчастнаго изъ всѣхъ людей некстати?

Въ школѣ его желаютъ обучить изящной поэзіи, разнымъ аллегоріямъ изъ мнѳологіи, ловкимъ штучкамъ изъ реторики.

Филиппъ не согласенъ.

Ему подавай простую рѣчь и неподдѣльное чувство!

Товарищи устраиваютъ облаву на жидовъ, просто за то, что они—жиды, Филиппъ опять въ оппозиціи!

Жидъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и вести съ нимъ войну за грѣхъ предковъ—стыдъ и срамъ.

Но дальше еще хуже.

Филиппъ отказывается жениться на богатой и благородной дѣвушкѣ только потому, что она его не любитъ; наконецъ, поднимаетъ вопіющую смуту на сеймѣ,—и за кого же?

За хамовъ, они, будто бы, равны шляхтѣ, даже больше: трудъ мужиковъ несравненно полезнѣе, чѣмъ подвиги шляхты, ихъ дѣти должны учиться грамотѣ наравнѣ съ шляхетскимъ потомствомъ, и въ заключеніе Филиппъ пьетъ здоровье добрыхъ хлоповъ!

Сильно доставалось ему за всѣ сумасбродства, но послѣднее рѣшило его судьбу разъ навсегда.

Филиппъ вернулся домой изувѣченнымъ и избитымъ на смерть. Можно подумать, польскій поэтъ, не удовлетворившись переводомъ „Кобзаря“ на свой языкъ, вдохновился личною судьбой Шевченка.

Нѣкоторые эпизоды изъ драмы Филиппа будто выписаны изъ поэмъ малорусскаго пѣвца, разница только въ одномъ: Филиппъ, какъ и самъ авторъ,—шляхтичъ, а Шевченко—*хлопъ*.

На кого онъ можетъ разсчитывать, отдавъ свое сердце украинской музѣ?

Ея языкъ для великоруссовъ,—даже просвѣщенныхъ народниковъ,—забавный жаргонъ анекдотовъ и плясовыхъ куплетовъ. Для малорусской интеллигенціи—это говоръ мужиковъ, рабовъ, недостойный панскихъ устъ.

И чѣмъ просвѣщеннѣе и либеральнѣе малорусскій панъ, тѣмъ глубже онъ презираетъ хлопское невѣжество и дикость.

Даже когда увлекающіеся паничи рѣшатся подписаться на поэму Шевченка, они потребуютъ, чтобъ ихъ имя не оповѣщалось публикѣ на „мужицкой книжкѣ“

Какъ и вездѣ, есть, конечно, и здѣсь отрицательный полюсъ: ультранаціональные энтузіасты.

Для этихъ исторія Украйны кишитъ Брутами и Коклесами. Но трудно сказать, кто наноситъ сильнѣйшій ущербъ достоинству націи и ея прогрессу,—идолопоклонники-патріоты или народные отщепенцы.

Поэтъ не присоединится къ энтузіастамъ именно потому, что онъ *народенъ*, т.-е. владѣетъ здравымъ смысломъ и совершенною любовью къ родинѣ.

Итакъ, *языкъ* будущей поэзіи со всѣхъ сторонъ дискредитированъ, не лучше судьба и ея *содержанія*.

Прошлое Украйны...

Когда Бэрнсъ говорилъ „прошлое *Шотландіи*“—это означало борьбу свободной націи во главѣ съ національной династіей противъ иноземнаго врага. Даже этотъ самый врагъ не могъ бы бросить словомъ укоризны и презрѣнія въ рыцарственныя усилія потомковъ викинговъ—сохранить свою независимость.

Въ прошломъ Украйны не меньше борьбы, не мало и героевъ и самыхъ подлинныхъ мучениковъ за родной край.

Но это не протестъ цѣлой націи, а бунтъ порабощеннаго низшаго класса.

Именно бунтъ, т.-е. преступленіе, измѣна въ глазахъ не только Польши, но и отечественнаго привилегированнаго сословія.

Хлопъ, смѣнившій ярмо на ножъ, герой только для такого же безправнаго и презрѣннаго хлопа, какъ онъ самъ: для всѣхъ другихъ онъ—разбойникъ, собака, въ бѣшенствѣ бросающаяся на своего господина.

И нѣтъ позора и достойныхъ казней за подобное беззаконіе!

И почти противъ каждаго героическаго украинскаго имени идетъ длинный списокъ рабскихъ мукъ — по тюрьмамъ, по городскимъ площадямъ на потѣху торжествующей толпы и на вящее униженіе хлопскаго народа.

Попробуйте воспѣть *такую* исторію и *такихъ* героевъ!

Это не то, что вѣнчать Марію Стюартъ, Наполеона. Здѣсь требуется особое нравственное мужество,—отнюдь не менѣе рѣшительное, чѣмъ воодушевлявшее когда-то самихъ украинскихъ витязей.

Положеніе—совершенно тождественное.

Желѣзнякъ, Гонта, поднимая знамя народной свободы, обращались и могли обратиться исключительно къ хлопамъ. Только въ движеніяхъ, связанныхъ съ подобными именами, и выразилась *народная* сила Украйны. Все остальное—достояніе пановъ и недовѣрковъ.

На какую же другую публику могъ разсчитывать поэтъ, принимаясь писать Иліаду *гайдамаковъ*, Одиссею *батрачки?*

На такихъ же Ярёмъ и Оксанъ, каковы его герои и героини.

И поэтъ не только это отлично знаетъ, но всю славу свою полагаетъ именно въ читателяхъ-хлопахъ.

Каждый народный поэтъ, конечно, демократъ, но Шевченко нѣчто большее — воплощенный духъ народа, своего рода *микрокосмъ народныхъ стихій.*

Мое выраженіе, можетъ быть, нѣсколько искусственно, но оно въ точности передаетъ сущность всей *натуры* поэта, а не только его воззрѣній и сочувствій.

Быть народнымъ можно на разные манеры, и особенно

въ наше время, демократическое по неотразимымъ законамъ исторіи.

Можно любить и высоко цѣнить народъ, какъ великую, но внѣшнюю силу. Можно пристально и даже страстно изучать до мельчайшихъ подробностей народную жизнь и психологію, но именно какъ предметъ знанія и наблюденія.

Есть третья любовь. Она не восторгается и не нуждается ни въ какихъ изслѣдованіяхъ, она просто естественное тождество личности съ предметомъ, дѣятеля съ народомъ. И практическіе результаты *этого* народничества часто совершенно противоположны понятіямъ и идеаламъ народниковъ по разуму и по политикѣ.

Мы это видимъ на примѣрѣ Шевченка.

Поэтъ знаетъ, чѣмъ пріобрѣтается въ его время литературная слава и деньги.

Надо воспѣвать „свѣтъ“, т.-е. паркетъ и шпоры, а народъ изображать въ лицѣ Матрёшъ и Парашъ—исконныхъ утѣхъ счастливыхъ паничей.

И у поэта, конечно, хватило бы умѣнія на этотъ вздоръ, но, на его взглядъ, всѣ эти умныя рѣчи „враньемъ подбиты“, а главное—унизительны для народнаго поэта.

Онъ останется при своей одинокой хатѣ, при пѣспяхъ нищихъ, при синемъ морѣ и при ненаглядной Украйнѣ.

Для его любви и печали хватитъ и „простого слова“, того „немудраго“ слова, какимъ слѣпые кобзари, сидя подъ тыномъ, повѣствуютъ деревенскому люду о родныхъ бляхъ.

Но вѣдь поэтъ рискуетъ самъ остаться только при такихъ же слушателяхъ.

И пусть. Здѣсь есть свой разсчетъ.

Ученые и важные люди готовы вездѣ искать зрѣлища, даже въ человѣческихъ страданіяхъ.

„Я застоналъ, какъ въ кольцахъ удава“,—разсказываетъ поэтъ о своихъ личныхъ страдальческихъ опытахъ.

— Онъ очень хорошо стонетъ,—отвѣтили ему любители сильныхъ эстетическихъ ощущеній.

Не такъ отнесется простой человѣкъ къ чужой тоскѣ и мукѣ, и если пѣсни поэта вызовутъ слезу на глаза сѣдого казака и на карія очи украинскихъ красавицъ,—ему и довольно славы, панъ онъ надъ панами.

И это—не фразы.

Шевченко послѣдователенъ въ своемъ плебействѣ—отъ вдохновеннѣйшихъ думъ поэзіи до мельчайшихъ подробностей личной жизни.

Напримѣръ, онъ отлично говоритъ по-польски, но щепетильная панна все-таки подмѣчаетъ нѣчто *хлопское* въ его говорѣ, и поэтъ чрезвычайно доволенъ: онъ всегда и вездѣ остается очевиднымъ, неподдѣльнымъ мужикомъ. Это—его гордость.

Подъ конецъ жизни его изводитъ тоска по Украйнѣ, по Днѣпру, по деревенской хатѣ и хозяйкѣ, „безталанной Оксаночкѣ", т.-е. простой крестьянкѣ.

Эти мечты кажутся странными друзьямъ и даже землякамъ знаменитаго поэта: они желали бы поженить свою славу съ какой-нибудь панной—письменной и благородной.

Что же отвѣчаетъ Шевченко?

„Твой совѣтъ хорошъ, спасибо тебѣ. Но только ты забылъ вотъ что: я по плоти и по духу сынъ и родной братъ нашего безталаннаго народа,—какъ же мнѣ породниться съ панской кровью?"...

И поэтъ вполнѣ сознательно осуждаетъ себя на хлопскую жизнь и хлопское вдохновеніе.

Оно не можетъ поразить эффектомъ, богатствомъ и игрою красокъ, влекущей загадочностью образовъ,—оно будто безнадежно тоскующая красавица, замершая на одномъ крикѣ боли.

Степь широкая какъ море
Вкругъ синѣетъ,
За могилою могила
Дальше чуть виднѣетъ...

Вотъ основной тонъ „Кобзаря“.

Безраничная, безлюдная равнина, усѣянная памятниками смерти,—и какой смерти! Каждая могила—свидѣтельство о страшномъ взрывѣ народнаго гнѣва. Но это только высшій драматическій моментъ,—до него и послѣ него—неволя, нищета и кое-гдѣ хватающія за сердце пѣсни слѣпыхъ стариковъ.

А обыкновенно лишь вѣтеръ, гуляющій по степи, въ особенно грустныя минуты навѣваетъ юному землепашцу смутную тоску о прошломъ.

Предъ нимъ изъ недосягаемаго далека выплываютъ грозные витязи Сѣчи, кровавыя дѣла гайдамацкой вольницы—и онъ склоняется надъ плугомъ въ глубокой мучительной думѣ.

Мы не должны представлять, будто эта картина—спеціальное изобрѣтеніе чувствительнаго украинскаго воображенія. Это самое реальное и будничное явленіе жизни, хотя въ немъ вся сущность поэтической малорусской натуры.

Позвольте напомнить вамъ одно мѣсто изъ гоголевскаго „Тараса Бульбы“. Помню, еще въ дѣтствѣ, при первомъ чтеніи поэмы, я не могъ достаточно начитаться именно этихъ нѣсколькихъ строкъ, и это впечатлѣніе, навѣрное, испытали многіе.

Свиданіе Андрія съ полячкой. Она отвѣчаетъ на страстную рѣчь запорожца проникновенными жалобами на свою странную участь, и поэтъ ея голосъ описываетъ такимъ сравненіемъ:

„Подобно тому какъ вѣтеръ, поднявшись въ прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника,—зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки и ловитъ ихъ съ непонятною грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука гдѣ-то проѣзжающей телѣги“...

Вы видите, никакого зрѣлища нѣтъ, природа спокойна и скромна; но попросите этого путника подѣлиться съ вами „непонятной грустью“, отчего онъ остановился и къ чему прислушивается?

Не къ внѣшнему міру,—а къ музыкѣ собственной души. Ей данъ только толчокъ, и она,-будто необыкновенно чуткій и тонкій инструментъ,—продолжаетъ звучать своей мелодіей, трепетной и задушевной, уносящей думы куда-то вдаль, мимо окружающаго однообразія и мрака въ міръ разгульнаго веселья и богатырской силы.

Эта воспріимчивость украинскаго слуха и взора къ самымъ мимолетнымъ и простымъ явленіямъ родной природы творить чудеса *красоты* и *сердечности* еще въ народныхъ пѣсняхъ; у Шевченка это цѣлая своеобразная психологія, тѣсно связанная съ его нравственнымъ міросозерцаніемъ.

IV.

Внѣшній репертуаръ очень скромный,—не живопись шотландскихъ горъ и не волшебства страны лимоновъ и пальмъ.

Яворъ, калина, ива, хмѣль, цвѣтущій макъ, тополь—вотъ и вся поэтическая ботаника Шевченка. Потомъ—Днѣпръ, бурный и сердитый, Днѣпръ, сѣдой и вспѣненный, рѣдко море, а чаще всего—степи и могилы: вотъ и весь пейзажъ Шевченка

Что можно сдѣлать съ этимъ богатствомъ?

Какъ ни расписывай калину и вербу,—имъ далеко до той делосской пальмы, на какую, по словамъ Гомера, была похожа Навзикая; какъ ни красивъ Днѣпръ, но ему не сравниться съ пурпурно-лазурными волнами южнаго моря.

Но поэту и не нужны эти узоры.

Его сила въ изображеніи не *красоты*, а *души*,—не *цвѣтовъ*, а *настроеній*.

Для него яворъ и ива—не болѣе или менѣе изящныя произведенія природы, а выраженія того или другого чувства этой самой природы.

Да, не удивляйтесь.

Природа, — живое мыслящее и чувствующее существо, и поэтъ можетъ вамъ съ точностью объяснить, какъ и чѣмъ выражаются ея настроенія.

Развѣ вы не видите,—ива, склонившаяся надъ водой—живая грусть и душевная истома, пышный макъ, наоборотъ, сіяющее счастье, зеленый хмѣль—беззаботная молодость, а яворъ— неутолимая тоска по утраченному счастью.

Но краснорѣчивѣе всего калина.

Вамъ кажется она такимъ заурядным, даже неуклюжимъ кустарникомъ, — вовсе нѣтъ: она только скромна и проста, *стыдлива* и *трогательна*. Такъ переведетъ поэтъ свое впечатлѣніе—и калину сдѣлаетъ эмблемой дѣвичьяго сердца и дѣвичьяго счастья.

И все дѣло въ *чуткости*, въ прирожденной способности слышать и понимать голосъ природы, читать великую поэму стихійной жизни.

А дальше все придетъ само собой,—и правда, и поэзія, и главное—органическая чисто-братская сердечность ко всему живому.

И, что замѣчательнѣе всего, вамъ невольно сообщаются впечатлѣнія поэта. Столько силы въ непосредственномъ голосѣ взволнованнаго сердца!

Прочтите стихотвореніе:

Въ огородѣ возлѣ броду
Маковъ цвѣтъ не сходитъ,—

поэтъ не уходитъ съ этого огорода, —и предъ вами цѣлая драма покинутой дѣвушки, набросанная будто контурами, отрывочными чертами. Но каждая изъ нихъ— тотъ непостижимый ударъ художественнаго рѣзца, какой мгновенно мер-

твую ремесленническую работу превращаетъ въ живое чудо искусство.

Прочтите посланіе къ Основьяненку,—его начало:

Бьютъ пороги, мѣсяцъ всходитъ,
Всходитъ, какъ бывало

И дальше:

Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ-призываетъ;
Солнце свѣтитъ, вольной степью
Вѣтеръ пробѣгаетъ...

Простое перечисленіе, но настроеніе у васъ сразу создано,—и когда поэтъ безъ всякой видимой связи, вслѣдъ за порогами и мѣсяцемъ, затоскуетъ:

Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетмановъ,
Все на вѣкъ пропало,—

вы, оказывается, именно такого мотива и ждали.

Однимъ взмахомъ руки поэтъ будто отдернулъ завѣсу и приготовилъ васъ къ далекой, величественной перспективѣ незабвеннаго прошлаго.

Да, *величественной.* Стихи звучатъ будто трагическая прелюдія, и когда вы читаете подлинникъ, — вы невольно припоминаете: это тотъ самый языкъ, на какомъ Катерина изливаетъ свое горе: тамъ онъ трогателенъ и наивенъ; это тотъ самый языкъ, на какомъ кобзарь поетъ пѣсню для бурнаго танца гайдамаковъ: тамъ онъ неудержимо веселъ и легкомысленъ.

И мы теперь понимаемъ, почему хлопы заслушивались поэмъ Шевченка, почему они дали простое, но точное опредѣленіе его литературной личности: это тотъ, кто про волю пишетъ. Такъ сливать форму и содержаніе въ одно цѣльное чувство можетъ только первостепенный и сердцемъ творящій художникъ.

И такъ вездѣ.

Вы знаете, сколько усилій требуется, напримѣръ, новѣй-

шимъ поэтамъ увѣрить міръ въ своей возвышенной безнадежной тоскѣ, въ безысходномъ томленіи выспренняго неудовлетвореннаго духа, преимущественно изъ-за женскаго равнодушія и дѣвичьяго легкомыслія.

У Шевченка—своя тоска и свои мольбы.

Онъ проситъ у Бога — „не остынуть сердцемъ“. Вы знаете,—это дѣйствительно *задача* при „щербатой долѣ“ поэта, и минутами ему становится холодно и жутко.

Какая благодарная тема для самаго драматическаго краснорѣчія!

У Шевченка всего нѣсколько строкъ, но опять та же неотразимая сила прочувствованной природы подчиняетъ васъ безусловно настроенію поэта:

Проходятъ дни, проходятъ ночи;
Прошло и лѣто; шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій... Гаснутъ очи;
Заснули думы; сердце спитъ.
Заснуло все... Не знаю я,
Живешь ли ты душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ—
И нѣту слезъ, и смѣха нѣтъ!..

Наконецъ, эта единственная легенда о *тополѣ*—настоящая исторія и теорія малорусской и шевченковской поэзіи.

Посмотрите, какъ возникло сказаніе.

У дороги стоитъ тополь — самое обыкновенное дерево, но необыкновенно его положеніе: кругомъ пусто, ни былины, тополь—совершенно одинокъ.

Этого достаточно, чтобы взоръ украйнца остановился на деревѣ съ исключительнымъ интересомъ, чтобы отозвалось сердце и заработало воображеніе.

И въ результатѣ цѣлая быль о разбитомъ сердцѣ дѣвушки и ея неподражаемо-лирической, *музыкальной смерти*, если такъ можно выразиться.

Вы видите, какъ въ этой психологіи поэтическая чуткость переплетается съ человѣческой отзывчивостью: это

въ сущности два тона одной и той же мелодіи, два напѣва одной пѣсни.

Началось съ тополя, а продолженіе—трогательный романъ, хватающія за сердце рѣчи дѣвушки: я ни у одного поэта не знаю болѣе *женственной* сцены, чѣмъ разговоръ Оксаны съ гадалкой.

И гадалка здѣсь особенная.

Не даромъ Оксана называетъ „сердце мое“, „голубка“, „пташка“.

Это—не колдунья, искусница своего *ремесла*, а умудренная опытомъ *женщина*, когда-то такая же горемычная дѣвчина, теперь—мать и утѣшительница чужихъ дѣвичьихъ невзгодъ.

И гаданье ея необычное: дѣвица въ пѣснѣ кончаетъ и съ жизнью, и съ горемъ.

Никакой анализъ полнѣе и правдивѣе не познакомитъ насъ съ духомъ національнаго генія нашего поэта, чѣмъ эта народная быль.

V.

Поэту придется разсказывать кровавую эпопею гайдамачины.

Это не война двухъ народовъ, а звѣрское взаимное истребленіе, безграничная ненависть въ крови, въ вѣковой памяти, въ переживаемой дѣйствительности.

Здѣсь нѣтъ пощады ни слабому, ни невинному: преступленіе—самый фактъ рожденія въ той или другой національности.

Но для поэта громадная разница: гайдамаки—его народъ, униженный и порабощенный, Гонта и Желѣзнякъ—мстители за потоптанную Украйну; достаточно просто быть связаннымъ по крови съ этими людьми, чтобы заговорить языкомъ гнѣва и страсти.

И посмотрите, какимъ громомъ ненависти и сарказма звучатъ пѣсни Берапже, когда онъ вспоминаетъ объ иноземцахъ, поправшихъ священную почву Франціи!

Но Шевченко не трибунъ національнаго азарта. Ему, истинному дѣтищу славянскаго племени, ненавистенъ шовинизмъ, и даже война съ поляками въ его глазахъ междоусобица и братская ссора.

И онъ съ глубокой болью сердца станетъ повѣствовать о крови и насиліяхъ.

Подчасъ у него невольно сорвется крѣпкое слово: вѣдь даже Филиппъ изъ Коноплей, этотъ праведнѣйшій изъ Дон-Кихотовъ, не могъ равнодушно говорить о ксендзахъ и іезуитахъ.

Отдастъ дань святому гнѣву и нашъ поэтъ, но этотъ крикъ потонетъ въ рѣчахъ широкаго общечеловѣческаго горя о людскомъ ослѣпленіи.

И опять предъ нами все та же волшебная сила поэта—*природой* освѣтить *мысль*, на фонѣ стихійнаго міра однимъ ударомъ кисти сообщить ослѣпительную яркость человѣческой душѣ.

Кругомъ весна, кипучая жизнь и радость, но груди людей холодны: имъ мало солнца и красокъ,

Надо кровію подкрасить,
Освѣтить пожаромъ...

И поэта не подкупятъ неслыханные подвиги гайдамаковъ: онъ благодаритъ Бога, что прошли жестокія времена, и предъ нимъ развертывается безграничная даль общеславянской культуры не во имя славянофильскаго торжества надъ другими націями, а ради мирнаго народнаго труда:

„Пусть житомъ и пшеницею, какъ золотомъ покрытая, неразмежеванной останется навѣки отъ моря до моря славянская земля“.

Такое пожеланіе могъ бы высказать самый простой, не *письмѐнный* хлопъ, и между тѣмъ какую высшую цѣль,

*

какое болѣе прекрасное будущее вы назовете для такъ называемой международной политики и славянской идеи?

Безъ всякихъ ученыхъ словъ и хитроумныхъ соображеній народный поэтъ возвышается до истинной мудрости въ самыхъ сложныхъ вопросахъ.

Какимъ путемъ?

Крайне простымъ и искони обычнымъ тамъ, гдѣ жизнь—не простой, часто весьма интересный процессъ, а своего рода жаръ-птица и сказочная царевна, попадающія въ руки героя только послѣ многихъ и тягостныхъ приключеній.

Въ исторіи американскаго невольничества разсказываются изумительные факты, тождественные по существу съ нашимъ случаемъ.

Негры рабы, не получавшіе рѣшительно никакого образованія, не умѣвшіе читать, часто являлись блестящими проповѣдниками. Даже бѣлая паства заслушивалась краснорѣчія черныхъ,—столько въ немъ было живой нравственной силы, столько истинно-христіанскаго вдохновенія, хотя ораторы часто не знали ни одного библейскаго текста.

И весь секретъ заключался въ необыкновенно суровой жизненной школѣ. Въ устахъ раба не было ни одного слова о страданіяхъ, о борьбѣ, о милосердіи, лично не искупленнаго, не оправданнаго иной разъ жертвой лучшихъ лѣтъ, всего личнаго счастья.

Такъ и Шевченко.

Когда онъ смѣялся надъ фантазіями „паничей“ насчетъ сельскихъ идиллій,—райскаго житья въ лѣсу и поляхъ,—онъ могъ просто разсказать исторію своего дѣтства, припомоить свои „самыя раннія слезы“, преждевременную смерть матери на барщинѣ, и эта *правда*, навѣрное, стоила всякаго реторическаго искусства.

Когда поэтъ, поддаваясь лирическому порыву, убѣждалъ своихъ героевъ не показывать людямъ своихъ слезъ, его устами опять говорилъ личный горькій опытъ. Людямъ,

обыкновенно, нѣтъ дѣла до чужихъ огорченій, даже больше,— они невольно подчиняются общему теченію:

Тѣхъ, кого Господь караетъ,
И они карають...

Негодовать на нихъ?

Нѣтъ, они скорѣе достойны сожалѣнія: вѣдь здѣсь не столько злобы, сколько слабости.

И Шевченко, по человѣчеству имѣя полное право на терновый вѣнокъ, не допускаетъ мысли даже разсказать о своихъ страданіяхъ:

„Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, коварная память, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердный Человѣколюбецъ!“

И это не фраза.

Въ единственной автобіографіи Шевченко отказывается входить въ подробности, и какъ разъ по соображеніямъ, которыя другого заставили бы пуститься въ самое трагическое краснорѣчіе: пережитое у него слишкомъ живо, чтобы онъ могъ поручиться за спокойный разсказъ.

Осталась поэзія.

Она—единственное прибѣжище Шевченка во всѣхъ положеніяхъ жизни.

Когда въ ссылкѣ поэту становится невыносимо тяжко, онъ уходитъ на берегъ моря и тамъ поетъ свои пѣсни.

Когда благородный свѣтъ доводитъ до истомы его душу, онъ бѣжитъ на Днѣпръ, садится на кручѣ и зоветъ къ себѣ родную музу.

И въ такія минуты намъ невольно вспоминается любимый образъ поэта—кобзарь Перебендя.

Онъ также поетъ *на могилѣ, съ волной* говоритъ, люди. его считаютъ страннымъ и капризнымъ, и вся его вина въ томъ, что онъ „все знаетъ, все чуетъ“. И за это ему

На свѣтѣ нѣтъ мѣста, угла...

Шевченко до послѣдней капли выпилъ эту чашу.

VI.

Поэты, вдохновляясь опытами личной жизни, обыкновенно сообщаютъ имъ самыя блестящія краски и всегда въ стихахъ далеко *переговариваютъ* прозу.

Зато послѣ самыхъ, повидимому, отчаянныхъ искушеній имъ ничто не мѣшаетъ достигать всеблаженнаго мира души и безоблачнаго, величественнаго заката жизни.

Изъ мимолетнаго любовнаго приключенія могла вырости эффектнѣйшая трагедія какого-нибудь Вертера, въ результатѣ юношескаго шумнаго похмѣлья могла возникнуть увлекательнѣйшая поэма разочарованія, а сами поэты—опочить на лаврахъ славы и мудраго благоволенія.

Не то съ Шевченкомъ.

Онъ рѣшилъ *не договаривать* правды даже въ своей поэзіи.

Это — единственный примѣръ среди поэтовъ и просто писателей.

И какой правды!

Часто одной черты ея хватило бы для неувядаемаго украшенія иного богатыря слова и лицедѣя жизни.

Зато ничего не можетъ быть внушительнѣе шевченковскихъ пѣсенъ. Предъ вами небольшая книжка, но вы знаете, это—только отрывки великой реальной поэмы, будто издали донесшійся до васъ шумъ грандіозной бури или случайно упавшіе на васъ сквозь темную, густую тьму лучи полуденнаго солнца.

Намъ приходится на каждомъ шагу слышать самыя симпатичныя рѣчи, самую мелодическую музыку просвѣщеннаго слова, но далеко не всегда ваше сердце бьется отвѣтнымъ тактомъ на эту игру.

Еще чаще предъ вами взываютъ о личной энергіи, гуманности, самодѣятельности, но сколько разъ вы остаетесь холодны и безучастны къ самому громкому призыву!

А когда предъ вами звучатъ еще болѣе современныя и возвышенныя рѣчи о сліяніи науки и жизни, о неоплатномъ

нравственномъ долгѣ высокаго просвѣщенія и развитого ума предъ грубой дѣйствительностью и особенно народной темнотой,—вы жадно прислушиваетесь къ рѣчамъ, но невольно передъ вами возстаетъ длинный безконечный рядъ жрецовъ ученаго тунеядства, рыцарей темнаго ремесленническаго педантизма.

Шевченка тоже занимаютъ эти мотивы, но онъ посвящаетъ имъ всего двѣ-три строки.

Горе ученымъ, которые злое нарекли добромъ и истину святую прятали отъ простыхъ людей!

Онъ обращается къ родной „черной нивѣ“, чтобы она усѣялась не словами, а разумомъ, а по части общественной доблести заявляетъ:

Страшна неволя—тяжко въ ней...
На волѣ жить—и спать страшнѣй!

И только... Но вы знаете, это своего рода тексты, на ихъ темы можно сказать цѣлую проповѣдь, гдѣ выражаясь словами поэта,

Зерна неправды нѣтъ.

Недаромъ великороссъ Катенинъ могъ привѣтствовать „Кобзаря“ Шевченка, перечисляя евангельскія добродѣтели.

Нигдѣ, дѣйствительно, такая сердечная непосредственность и человѣческая простота не сливаются съ такимъ достоинствомъ души и такимъ благородствомъ мысли.

Отсюда совершенно особенное чувство, когда вы изучаете Шевченка, какъ поэта.

Во всякомъ другомъ случаѣ вы спокойно можете оставаться критикомъ, историкомъ, психологомъ, но здѣсь вы будто положили руку на больную грудь вашего друга или брата, и подъ нею бьется сердце не простаго страдальца, а великое сердце великаго народа.

И нѣтъ живого человѣка, кто бы не ощутилъ этого трепета, но зато и трудная, далеко не всегда выполнимая задача передать и объяснить все, что подсказываетъ вамъ это сердце.

ПОЭЗІЯ НЕКРАСОВА.

Рѣчь, произнесенная на литературно-музыкальномъ собраніи Общества любителей россійской словесности 1897 г. 27-го марта.

Пять лѣтъ тому назадъ знаменитый сатирикъ наканунѣ смерти завѣщалъ своимъ современникамъ вспомнить „забытыя слова". Рука писателя застыла навсегда раньше, чѣмъ успѣла дописать завѣщаніе. Поэтъ досказалъ рѣчь покойнаго: онъ назвалъ слова: *отчизна, совѣсть, честь*.

Но только ли эти слова забыло наше время?

Въ современной литературѣ растетъ тоска по чистому искусству, и лепетъ младенцевъ и нервно-больныхъ возводится въ поэзію, въ дѣйствительности нѣтъ былого почета для искусства и въ немъ исчезаютъ исконные мотивы старыхъ поэтовъ учителей общества и друзей народа.

Кто же властною рѣчью разсѣетъ этотъ пыльный налетъ? Кто возстановитъ тѣснѣйшій союзъ жизни и поэзіи и воскреситъ великій образъ поэта-гражданина?

Преемника тебѣ не видимъ мы пока,

говорилось у могилы Салтыкова. Это справедливо до послѣдняго дня. Но одно имя, уже много лѣтъ написанное на могильномъ памятникѣ, можетъ во всемъ блескѣ и полнотѣ напомнить намъ все, что мы растеряли, чѣмъ пренебрегли.

Это имя—Некрасовъ.

Какое ясное и сильное творчество! Не надо никакихъ хитроумныхъ загадокъ, никакихъ критическихъ дополненій. Каждый стихъ мечется въ глаза—живой и реальный и будто

лучъ солнца уничтожаетъ туманы современной тщедушной музы.

Такая поэзія можетъ быть при единственномъ условіи: когда она—непосредственный, искренній откликъ на душевную жизнь поэта, когда она вся пропитана красками и соками дѣйствительности.

Некрасовъ въ своихъ стихахъ откровенно разсказалъ и свою жизнь, и свои стремленія, ошибки и грѣхи, самъ произнесъ надъ собой нелицепріятный судъ и не переставалъ при этомъ окружать всей прелестью своего таланта своего генія вдохновителя, свою мать.

Никто изъ поэтовъ ни одной женщинѣ до конца жизни не пѣлъ такихъ восторженныхъ, глубоко-сердечныхъ пѣсенъ. Каждая минута прошлаго, связаннаго съ матерью, для нашего поэта незабвенна. И сколько горя и боли въ этихъ воспоминаніяхъ.

Одна изъ первыхъ красавицъ Варшавы, окруженная блестящею толпой поклонниковъ, увлекается русскимъ армейскимъ офицеромъ, бѣжитъ съ нимъ въ далекую холодную страну и на проклятья родителей отвѣчаетъ молчаньемъ. Наградой—многолѣтнія страданья.

Мужъ, дикарь, деспотъ, скоро перестаетъ любить жену, она по-прежнему любитъ, въ восемнадцать лѣтъ одинока, но находитъ въ себѣ силы страдать за другихъ. Ея жизнь кажется ей завидной предъ участью крестьянки, крестьянина раба, согбеннаго надъ плугомъ, предъ несчастіями ея новаго отечества.

Она живетъ будто узница въ тюрьмѣ,
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

и гдѣ

...только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

Отвергнутая женщина борется съ заразой, насколько хватаетъ силъ, ограждаетъ своихъ дѣтей отъ безумныхъ забавъ отца. Ея первенецъ — будущій поэтъ, чувствуетъ себя въ родномъ домѣ затравленнымъ волченкомъ, и сколько усилій стоитъ матери спасти ребенка отъ обидъ и издѣвательствъ! И не разъ гдѣ-нибудь украдкой, обнявшись съ ней, онъ плачетъ объ ея мукахъ и общей неволѣ.

Ребенокъ понимаетъ, сколько здѣсь желѣзной воли, самоотверженнаго терпѣнія. И въ дѣтствѣ еще страдалица-мать „силу свободную, гордую заложила въ его грудь“, научила „не робѣть передъ правдой-царицей.

Ему скоро понадобится эта наука.

Рано онъ оставляетъ семью, въ шестнадцать лѣтъ живетъ своимъ трудомъ, учится урывками, подолгу голодаетъ. Въ двадцать лѣтъ — усталый, обезсиленный, но неизмѣнно смѣлый и гордый, онъ пріѣзжаетъ домой и не застаетъ матери въ живыхъ.

Теперь на ея могилѣ онъ вновь вспоминаетъ ея жизнь, ея завѣты.

Незадолго передъ ея смертью, послѣ двадцатилѣтнихъ терзаній, сѣрый день будто просвѣтлѣлъ. Раскаяніе вспыхнуло въ груди мучителя и онъ палъ къ ногамъ страдалицы. Она умерла спокойно, не переставая молиться о дѣтяхъ.

И передъ сыномъ теперь будто на яву стоитъ блѣдное лицо, слышится печальный голосъ, воскресаютъ чудныя сказки по зимнимъ вечерамъ у догорающаго огня, но еще больше воскресаетъ слезъ.

О, сколько силъ явила ты, родная!
Какимъ путемъ къ побѣдѣ ты пришла!

шепчетъ поэтъ надъ могильной плитой, и уроки матери неизгладимо запечатлѣваются въ его сердцѣ.

Сколько бы ни жилъ поэтъ, сколько бы ни испыталъ онъ, — жизнь не вызоветъ въ немъ новаго чувства, какого бы онъ давно не пережилъ вмѣстѣ съ матерью.

Она томилась среди ужасовъ крѣпостнаго рабства, сама была первой безотвѣтной жертвой: сынъ всей душой возненавидитъ жизнь, создающую тирановъ и жертвъ. Мать ни разу не заставила раба почувствовать страхъ, видѣла въ немъ близкаго себѣ страдальца и преклонялась предъ его мученической судьбой: сынъ научится распознавать человѣка, даже героя въ бѣдномъ запуганномъ созданіи, на лицѣ бурлака еще ребенкомъ прочтетъ „спокойно безнадежный взоръ“, „покорность безъ конца“ и родную Волгу въ первый разъ назоветъ.

Рѣкою рабства и тоски.

Онъ такъ много перенесъ, передумалъ, столь многому научился въ объятіяхъ матери—дѣтскія обиды сольются съ горемъ узницы. Негодованіе на „ужасъ женской доли“ будетъ расти съ каждымъ днемъ: именно здѣсь мать—учительница и образецъ, и къ мотивамъ грусти прибавятся еще пѣсни о дѣтскомъ сиротствѣ.

И передъ нами—поэтъ печали и гнѣва, поэтъ жгучей мести и нѣжнѣйшихъ сочувствій, мести—всякой неправдѣ и насилію, сочувствій—безсильнымъ и бѣднымъ.

Поэту не потребуется усилій воображенія: ему достаточно помнить, чтобы творить, видѣть просвѣтленный страданіями образъ матери, чтобы не остудить въ себѣ ни любви, ни ненависти. И этотъ образъ не тускнѣетъ до конца дней поэта. Наканунѣ смерти Некрасовъ посвящаетъ матери поэму, еще разъ преклоняясь предъ ней, какъ преклонялся тридцать лѣтъ назадъ, разсказывая впервые объ ея судьбѣ.

Сынъ не можетъ простить слезъ, пролитыхъ матерью, и онъ прежде всего явится безпощаднымъ историкомъ темной старины.

Онъ воскреситъ героевъ недавней эпохи, когда даже слова „общественное благо“ считались преступными.

Помѣщикъ—солнце, каждая травка любовно шепчетъ ему: „Я твоя“. Его воля—законъ. Безконечные праздники текутъ среди разгула.

Молодыя поколѣнія воспитываются необыкновенно просто: въ дѣтствѣ достаточно умѣть забираться на чужія плечи, въ юности—развратъ, потомъ „наука жизни“ въ гостиныхъ и лакейскихъ и въ заключеніе—„доходныя мѣста“.

Программа иногда разнообразится. Въ результатѣ праздности и кутежей юноша начинаетъ страдать хандрой, особымъ русскимъ разочарованіемъ.

Тогда юный герой
Являлъ... Байрона черты
Въ характерѣ усталомъ.

Онъ, утратившій радость въ рестораціи Дюссо, познавшій тщету надежды за картами и биллiардомъ, остудившій сердце въ танцъ-классахъ.

И среди этихъ паразитовъ и глупцовъ—лучшимъ былъ „лишній человѣкъ“, „честный по натурѣ, лѣнтяй, избыточно снабженный всѣмъ житейскимъ, боготворившій красоту и европейскую культуру, тщательно обходившій жизнь и житейскую прозу“.

Рыцарь добраго стремленья
И безпутнаго житья!..

Этимъ людямъ случалось говорить громкія рѣчи, но всякое усиліе ихъ пугало, они карали зло лишь презрѣніемъ, и героп слова на дѣлѣ были дѣтьми.

А народъ?

Ему предоставленъ трудъ и вѣчная борьба. За каждую крошку хлѣба онъ расплачивается каплей пота.

Безъ наслажденья онъ живетъ,
Безъ сожалѣнья умираетъ.

Цѣлая страна—„Забытая деревня“. Вѣка проходятъ среди тьмы и рабства—и нѣтъ ни откуда спасенья: не идетъ желанный баринъ, подавленный стонъ звучитъ даже въ пѣсняхъ, застываетъ въ спокойно-безнадежномъ взорѣ пахаря, захватываетъ будто всю природу—печальную, сѣрую, слез-

ливую. Здѣсь все кричитъ о неустанномъ подневольномъ трудѣ и о страданьяхъ, никѣмъ не признанныхъ.

Ни болѣзнь, ни смерть не облегчаютъ цѣпей: хозяинъ при смерти—его полоса гибнетъ несжатой, онъ умеръ—его некому оплакивать: жена едва успѣваетъ схоронить покойника, не можетъ приласкать дѣтей—ежедневный трудъ, борьба съ голодомъ стоятъ надъ ней и не даютъ ей ни на минуту остаться человѣкомъ.

Но иногда человѣкъ вдругъ поднимается и заявляетъ свои права. Неожиданно для всѣхъ примѣрный холопъ—вѣшается, высѣченный парень—бросается въ рѣку, всю жизнь покорный труженикъ напивается до пьяна. Это—расплата несчастныхъ за поруганный другими образъ человѣка, расплата рабовъ, отомщающихъ господамъ собственной гибелью.

Но это не все.

—въ отвѣтъ стенаньямъ народа
Мысль русская стонала въ полу-тонѣ.

Она переживала свои драмы, можетъ быть, еще болѣе горькія.

Надъ литературой тяготѣло другое крѣпостное право. Сколько разъ поэту приходилось повторять элегію о „пропавшей книгѣ!“ Единственная отрада русскаго образованнаго бѣдняка—любимый писатель. Художественная, открытая рѣчь скрашиваетъ и будничную нужду, и тяжелый неизбѣжный трудъ.

Вы помните, въ какой высоко-поэтической картинѣ изобразилъ Гоголь это счастье нашей родины. „Трещитъ по улицамъ сердитый тридцати-градусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары, слѣпя глаза... но привѣтливо и сквозь летающіе перекрестно охлопья, свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь и въ четвертомъ этажѣ: въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго

русскаго поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ".

Но бывали времена и эти скромныя радости оказывались мало доступны, часто недосягаемы. Поэтъ оплакиваетъ одну изъ многочисленныхъ жертвъ, вѣруя, что его печаль— печаль родины. Вѣдь тамъ, въ глубинѣ Россіи, гдѣ царитъ вѣковое затишье, больнѣе всего почувствуютъ утрату,—и поэтъ напутствуетъ пропавшую книгу, какъ безвременно погибшаго друга:

Прощай! горька судьба твоя,
Бѣдняжка! Какъ зима настанетъ,
За чайнымъ столикомъ семья
Гурьбой читать тебя не станетъ.
Не занесешь ты новыхъ думъ
Въ глухія темныя селенья,
Гдѣ изнываетъ русскій умъ
Вдали отъ центровъ просвѣщенья!

А сколько сдѣлокъ съ совѣстью предстояло писателю на его пути въ старое время! Сколько отступленій, страха, вынужденнаго молчанія: единственная надежда, говоритъ поэтъ,— завоевать снисхожденіе у мыслящихъ людей „трудомъ и безкорыстной цѣлью".

И рабство не убило ни въ народѣ, ни въ литературѣ свободныхъ чувствъ и общихъ стремленій.

Въ народѣ сохранилось сердце, уцѣлѣла даже энергія и воля. Ермилъ Гиринъ—простой писарь въ барской вотчинѣ.

Однако, для крестьянина
И писарь человѣкъ.

И Ермилъ на своемъ мѣстѣ оказывается истиннымъ благодѣтелемъ одной изъ „забытыхъ деревень". Онъ безкорыстный мірской печальникъ; міръ не знаетъ, какъ и цѣнить его. Недовѣрчивый ко всякой власти и силѣ, онъ вѣритъ каждому слову Ермила и ручается за его честное будущее до самой смерти.

А вотъ примѣръ энергіи.

Раскольники, сосланные въ Сибирь,—въ одинъ годъ создаютъ богатую, счастливую деревню. А свободный трудъ совершаетъ чудеса.

...свободу
— Только и нужно народу.

Говоритъ дѣдушка внуку,—дѣдушка, самъ много пострадавшій за свободу, но въ страданіяхъ еще тѣснѣе сжившійся съ народомъ.

Одинъ ли „Дѣдушка?“

Поэтъ вызываетъ изъ прошлаго цѣлый рядъ идеалистовъ, боровшихся во тьмѣ, предъ вѣчной опасностью—разбить своей борьбой всю жизнь. Сколько мелкихъ препятствій, засадъ, оскорбленій! Какая страшная задача для людей, переполненныхъ „святымъ недовольствомъ“, у которыхъ рвется наружу жгучее чувство. Но нѣтъ силъ, способныхъ уничтожить „божьихъ ратниковъ“. Ихъ мало, но какія все свѣтлыя имена: Бѣлинскій, Грановскій, Гоголь! Каждому изъ нихъ поэтъ посвящаетъ восторженную эпитафію,—но одинъ поднимается надъ всѣми, предъ нимъ поэтъ преклоняетъ колѣни, какъ предъ учителемъ:

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

—

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я,—не бѣлоручка!»
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка.

—

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ.

—

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя...

И оно вѣчно будетъ спасать людей отъ самообольщенья и застоя, оно—старшія поколѣнія примиритъ съ лучшими стремленіями „дѣтей“ и у сѣдого старца вызоветъ горячія привѣтствія новымъ идеямъ—свободы и разума.

Такъ возникло единеніе между народомъ и литературой, у нихъ одни и тѣ же стремленія. Народъ жадно ждетъ свободы, писатели стараются

Какъ-нибудь
Намекомъ натолкнуть на честный путь
Къ развитію способную натуру,—

воспитать въ темной средѣ сознаніе личнаго достоинства. Народъ не знаетъ пока о своихъ защитникахъ,—но вѣра въ него—источникъ великаго нравственнаго мужества, часто единственная награда для такихъ людей, какъ Бѣлинскій.

Вы видите,—съ какой точностью и полнотой разсказалъ поэтъ исторію своей родины въ тяжелыя времена. Какой разсказъ можетъ сравниться блескомъ и силой изображеній, мѣткостью характеристикъ, жизненной правдой картинъ. Поэтъ выполнилъ завѣщаніе своей матери: ужасы крѣпостнаго рабства подвергнуты огню безпощаднаго гнѣва, бѣдствія народа воспѣты въ глубоко-трогательныхъ мотивахъ поэтической печали. Но поэтъ не замолчалъ, когда освобожденіе совершилось... „Народъ свободенъ, но счастливъ ли народъ“,—спрашивалъ онъ. И не получилъ успокоительнаго отвѣта. Сколько еще оставалось пищи его „святому недовольству“! Историкъ превращается въ сатирика современной дѣйствительности.

Онъ разсказалъ сначала, сколько эгоизма сказалось въ эпоху освобожденія, сколько людей стремилось погасить зажженный свѣтъ,—и какъ росло тайное озлобленіе. Помѣщику кричали: „Проснись! Вставай! Учись! Трудись!“

На это онъ отвѣчалъ:

Трудись? Кому вы вздумали
Читать такую проповѣдь?
Я не крестьянинъ—лапотникъ—
Я Божіею милостью
Россійскій дворянинъ!..
. . . . . .
. . . . . Чему учился я?
Что видѣлъ я вокругъ?..
Коптилъ я небо Божіе,
Сорилъ казну народную...

Народились мудрецы, „лакеи благородныхъ мыслей“— великіе искусники мирить свои пошлыя дѣлишки съ либелизмомъ и идеями. Народились умники, „вооруженные опытомъ жизни“ и потому равнодушные къ процвѣтающему злу. Поэтъ не находитъ словъ выразить свое негодованіе на этихъ самодовольныхъ паразитовъ, убивающихъ въ зародышѣ всякое благородное стремленіе:

Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
Будь ты проклятъ растлѣвающій
Пошлый опытъ—умъ глупцовъ.

Народились филантропы-шарлатаны, дѣятели—не консерваторы и не прогрессисты, подрывающіе хорошее и не исправляющіе дурного. Къ одному изъ нихъ и обращается поэтъ:

Что тебѣ эта скорбь вопіющая.
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ.
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою.
И со славой умрешь
. . . . . .

Вотъ всѣ эти герои должны быть отмѣчены карающей музой, и она неустанно срываетъ маски и бросаетъ на все-

общій позоръ—лицемѣровъ, аферистовъ, сладкорѣчивыхъ деспотовъ, удачливыхъ глупцовъ, суетливыхъ тунеядцевъ. И разъ познакомившись съ этими портретами, вы не забудете ихъ никогда; каждый стихъ—клеймо, каждая подробность—зіяющая язва, каждое сравненіе—безсмертная кличка.

А внизу попрежнему томятся безсильные и униженные. Бѣднякъ-чиновникъ; будни пишетъ, по праздникамъ поздравляетъ начальство; для него и смерть—наказаніе и цѣлая цѣпь неудачъ. Крестьянинъ-рабочій, заброшенный въ городѣ и одиноко умирающій въ больницѣ съ мучительными воспоминаніями о деревнѣ. Несчастныя женщины, выброшенныя на улицу нищетой и непосильной борьбой. Ничто не укрывается отъ глазъ поэта. Даже извозчикъ съ его измученной клячей говорятъ поэту о тайной житейской драмѣ.

Солнечный блескъ, роскошь столицы не скрываютъ отъ его чуткаго сердца незримыхъ міру слезъ. Онъ знаетъ, что и самый свѣтъ—не на радость несчастнымъ.

Чѣмъ солнце ярче, люди веселѣй,
Тѣмъ сердцу сокрушенному больнѣй.

И какъ пересчитать эти сокрушенные сердца? Кто не отмѣченъ Богомъ, у кого нѣтъ любящей руки—тотъ осужденъ бродить цѣлую жизнь, кипѣть, тратить силы,—и у могилы видѣть за собой рядъ невольныхъ ошибокъ и случайныхъ паденій.

Некрасовъ на себѣ испыталъ, что значитъ это блужданіе среди чужихъ, и какую суровую пѣсню заводитъ потомъ совѣсть, когда человѣкъ оглядывается на пройденный путь.

Онъ чувствовалъ за собой нравственное право сказать:

Стихи мои! Свидѣтели живые
За міръ пролитыхъ слезъ?

Но вѣрилъ ли міръ этимъ слезамъ? Страшный вопросъ, мучившій поэта всю жизнь. Какая цѣна поэзіи, если она не голосъ сердца, не воплощеніе души поэта!

Но Некрасовъ судилъ строго не только другихъ. Вспоминая своихъ безпощадныхъ судей, онъ говорилъ:

Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!

И сколько разъ поэтъ возобновляетъ эту казнь! „Я не былъ бойцомъ безъ упрека". „Во мнѣ нѣтъ силъ героя".

И проклялъ я то сердце, что смутилось
Передъ борьбой—и отступило вспять!

Все это признанія самого поэта. Но слушайте дальше! Некрасовъ напутствуетъ Салтыкова въ его заграничномъ путешествіи и желаетъ ему съ новыми силами возвратиться „на журнальный путь".

На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей.

И сатирикъ, вѣроятно, не сталъ бы возражать поэту и вину въ сдѣлкахъ не оставилъ бы на его совѣсти.

А когда мы намѣрены расточать упреки дѣятелямъ прошлаго, обвинять ихъ въ лицемѣріи, даже въ измѣнахъ,—вспомнимъ и эти скромныя, но несомнѣнно правдивыя слова:

Кто выдержалъ то время роковое,
Есть отъ чего тому и отдохнуть...
. . . . . .
Не предали они—они устали
Свой крестъ нести.

Мы такъ склонны открывать фальшь и неправду у талантливѣйшихъ представителей старыхъ поколѣній! Кто не повторялъ упрека въ комедіантствѣ по адресу Лермонтова? Кто не слышалъ безпощадныхъ приговоровъ въ ханжествѣ—противъ Гоголя? А давно ли замолкла клевета на Пушкина-аристократа, презирающаго народъ и воспитывающаго барское сибаритство?

Какъ часто правъ поэтъ, негодуя на стадность и рабскіе инстинкты русскаго, такъ называемаго общественнаго мнѣнія:

На немъ предательства печать
И непонятнаго злорадства!

Вы помните горькое чувство сатирика, взывавшаго: „гдѣ ты, русскій читатель? откликнись“. И отклика не приходило до самой смерти писателя.

„Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился, что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ни откуда поддержки для себя ждать нечего“.

Такъ говорилъ Салтыковъ въ концѣ своей, повидимому, славной дѣятельности.

И искомаго читателя не оказывалось именно у поэтовъ-отрицателей. Гоголь сѣтовалъ, что ему суждено изображать печальное и пошлое, что у него нѣтъ таланта показать людямъ ихъ красоту, польстить имъ и увлечь, и онъ ждалъ для себя вмѣсто славы суроваго, пристрастнаго суда. Некрасовъ повторилъ то же самое въ стихотвореніи „Блаженъ незлобивый поэтъ“.

Нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

—

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Это — одинъ источникъ вражды.

Другой — въ личности такихъ поэтовъ, какъ Лермонтовъ и Некрасовъ.

Это безпокойные люди. Всякій фактъ жизни глубоко волнуетъ ихъ. Сердцу тяжко отъ переполняющихъ его чувствъ, и мысли одна за другой толпятся въ разгоряченномъ мозгу.

Некрасовъ говоритъ о себѣ:

Сердцемъ я больно строптивъ:
По пусту глупое рвется.

—

Какъ сладить съ бѣдной головой,
Когда врывается толпой
Въ нее тревожныхъ мыслей рой!

Куда бы поэтъ ни взглянулъ—негодованіе закипаетъ въ его груди: даже народъ своимъ терпѣніемъ и нищетой „только досаду родитъ“.

И поэтъ называетъ эти чувства „святымъ безпокойствомъ, „правой ненавистью“. Зато какъ мучительно творчество въ пылу этимъ чувствъ! Невозможно разсказать, во что обходится союзъ съ музой мести и гнѣва: кипѣть, горѣть и снова стыть.

— Я когда начну писать
Перестаю и ѣсть, и спать.

Неужели все это ложныя признанія?

А жизнь поэта, исполненная жестокихъ испытаній, вызвавшая въ немъ еще въ молодости страстную жажду независимости отъ кого бы то ни было! Сколько разъ ему самому приходилось переживать минуты, когда одинъ изъ его героевъ, застигнутый несчастьемъ, вынужденъ воскликнуть:

Блаженъ, кому дана судьбой
Жена съ геройскою душой,
Но тотъ блаженнѣй у кого
Нѣтъ близкихъ ровно никого!

Это—дѣйствительно жизне-драма:

Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство
И молодость въ мучительной борьбѣ.

И до конца жизни — болѣзненная чуткость, безсильный гнѣвъ, скоплявшійся годами, горькая увѣренность, что народъ, которому отданъ весь талантъ, не знаетъ объ этой жертвѣ и Богъ вѣсть узнаетъ ли.

Когда становилось невыносимо тяжело, поэтъ обращался къ памяти своей матери и приносилъ ей свою исповѣдь.

Кто изъ поэтовъ чувствовалъ надъ собой такого безконечно-любимаго, но неподкупнаго судью? У кого душевныя страданіи могли быть глубже, чѣмъ у сына, сознающаго въ каждой своей ошибкѣ оскорбленіе обожаемой матери? И кто на могилѣ матери могъ бы лицемѣрно умолять святую тѣнь:

Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Нѣтъ, этотъ человѣкъ дѣйствительно любилъ, ненавидя, и глубоко страдалъ, проповѣдуя любовь словомъ отрицанія.

Некрасовъ безпрестанно высказывалъ надежду, что его оцѣнятъ послѣ смерти. Онъ, пробуждавшій совѣсть въ людяхъ, безкорыстно защищавшій народъ и всѣхъ угнетенныхъ, кто или совсѣмъ не зналъ о немъ, или ничѣмъ громкимъ не могъ заявить своей признательности, — онъ будетъ для потомства совсѣмъ другимъ, чѣмъ для современниковъ.

Надежда поэта начала осуществляться надъ его могилой. Панаевъ, знавшій покойнаго въ теченіе почти 40 лѣтъ, торжественно заявилъ, что такой талантъ могъ жить только въ человѣкѣ высокихъ нравственныхъ качествъ. Достоевскій, у той же могилы, имя Некрасова поставилъ рядомъ съ именами Пушкина и Лермонтова. А потомъ въ „Дневникѣ писателя“ онъ разсказалъ слѣдующее.

На второй день послѣ смерти Некрасова Достоевскій пошелъ поклониться его тѣлу. Достоевскаго поразило изможденное и искаженное страданіями лицо покойнаго. Вернувшись домой, онъ не могъ сѣсть за работу и взялъ сочиненія Некрасова. Страницу за страницей до шести часовъ утра онъ перелисталъ всѣ томы—и ему показалось, что послѣднія тридцать лѣтъ онъ пережилъ вновь. „Въ эту ночь, разсказываетъ онъ, я перечелъ чуть не двѣ трети всего, что написалъ Некрасовъ, и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ: какъ много Некрасовъ, какъ поэтъ, во всѣ эти эти тридцать лѣтъ занималъ мѣста въ моей жизни“.

Чувства Достоевскаго не разъ испытывалъ русскій чита-

тель и будетъ испытывать въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Такихъ читателей придутъ милліоны, когда исполнится горячая вѣра поэта:

Не робѣй за отчизну любезную...
Вынесъ достаточно русскій народъ...

—

Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ.

Одинъ изъ его любимыхъ героевъ, несчастный Кротъ, умирающій въ Сибири, передъ смертью мечтаетъ о будущемъ родины:

Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней...
. . . . . .
Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ.

Когда эти силы проснутся, когда „вѣковая тишина въ глубинѣ Россіи“ смѣнится живою мыслью, когда народъ станетъ обществомъ, тогда явятся истинные цѣнители и читатели Некрасова. Тогда оцѣнятъ эту великую идею:

Въ мірѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза—

чѣмъ союзъ поэзіи и народной жизни. Тогда вспомнятъ, какой лучъ сознанія бросилъ поэтъ на тотъ путь, которымъ идетъ народъ. Тогда „капли крови общая съ народомъ“—перетянетъ на вѣсахъ народной признательности всѣ невѣрные звуки некрасовской лиры, всѣ колеблющіеся шаги поэта,—и уже не порвется столь желанный для поэта союзъ между нимъ и честными сердцами, потому что надъ этимъ союзомъ вѣчно будутъ бодрствовать.

Тѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ воли,
Которымъ нѣтъ смерти...
Въ которыхъ такъ много и злобы, и боли,
Въ которыхъ такъ много любви.

ПОЭЗІЯ И ЛИЧНОСТЬ ЖАДОВСКОЙ.

Рѣчь произнесенная въ литературно-музыкальномъ собраніи Общества любителей россійской словесности 18-го марта 1895 года.

I.

Русская литература знаетъ много блестящихъ, въ высшей степени эффектныхъ героевъ. Они не только увлекали и до сихъ поръ увлекаютъ читателей, — они налагаютъ яркую несмываемую печать на эпохи общественной исторіи, вызываютъ настоящія повѣтрія восторженной идеализаціи и слѣпого подражанія.

Тайна ихъ очарованія объясняется просто. Они одарены мучительно безпокойной мыслью, вѣчно тоскующимъ сердцемъ. Окружающая дѣйствительность ложится гнетомъ на ихъ нравственный міръ,—ихъ стремленія—широкія и вольныя—не вмѣщаются въ тѣсныя рамки сѣрыхъ людскихъ будней, мелкаго стаднаго труда и робкихъ себялюбивыхъ вождѣленій. Ихъ обычныя настроенія—печаль и гнѣвъ, ихъ излюбленныя рѣчи—протестъ и насмѣшка.

И въ результатѣ они—„властители думъ“,—одинаково и въ своемъ дѣйствительно героическомъ образѣ, и въ смѣшныхъ каррикатурахъ. Они вѣнчаются лаврами и, какъ Чацкіе — подлинныя жертвы чужой пошлости и рабскихъ инстинктовъ, и, какъ Онѣгины—изуродованныя отраженія великихъ образовъ.

На долю Онѣгиныхъ достается часто еще больше сочув-

ствія и удивленія, потому что крикливые искусственные уборы гораздо рѣзче поражаютъ глаза толпы, чѣмъ скромная естественная красота. Чтобы замѣтить и оцѣнить ее, требуется много доброй воли и вдумчивости, искреннее развитое чутье правды.

Этимъ объясняется, почему въ длинномъ ряду литературныхъ и общественныхъ любимцевъ мы видимъ почти только смѣлыхъ, краснорѣчивыхъ выразителей протеста,—и лишь изрѣдка промелькнетъ молчаливое, будто сконфуженное лицо, съ задумчивымъ взоромъ, съ блѣдной жалобной улыбкой. Здѣсь и помину нѣтъ объ эффектѣ, о громкихъ рѣчахъ, о торжествующей иронiи. По временамъ слышится тихая слезная молитва, подавленный вздохъ, — и кто распознаетъ, сколько нравственной силы въ этой молитвѣ и безысходной тоски, — сколько оскорбленныхъ надеждъ и неудовлетворенныхъ думъ!..

Счастливъ тотъ, чей голосъ доходитъ до людей! Страданіе, признанное обществомъ,—перестаетъ быть страданіемъ, и горе, высказанное въ горячемъ словѣ, переходитъ въ чувство отрады и удовлетворенія. Чацкаго упрекали, будто онъ проповѣдуетъ прѣдъ недостойной аудиторіей, но въ этой проповѣди и въ какихъ бы то ни было слушателяхъ заключался единственный исходъ накипѣвшему гнѣву и мести.

А если кому суждено одиночество, если его разочарованія и муки вѣдомы только четыремъ стѣнамъ и всю жизнь должны перегорать среди темной борьбы великихъ силъ съ столь естественной жаждой счастья и сочувствія, тогда непотухающій душевный свѣтъ и неизмѣнное гуманное чувство—признаки настоящаго нравственнаго величія.

Вы, безъ сомнѣнія, угадываете, о комъ идетъ моя рѣчь.

Русская жизнь далеко не можетъ похвалиться способностью вырабатывать сильныя натуры. Недаромъ популярнѣйшими именами у насъ отмѣчаются цѣлыя поколѣнія, и проходятъ десятилѣтія, не создавъ ни одного яркаго типа,

не отмѣтивъ громадныхъ полосъ жизни ни одной самобытной личностью.

Но часто крѣпкая воля и безпокойная мысль загораются тамъ, гдѣ менѣе всего ихъ можно бы ожидать по современнымъ культурнымъ условіямъ. Въ кругу старомодной полуварварской семьи выростаетъ дѣвушка, ни единой чертой своего душевнаго склада не похожая на „отцовъ“. Она со дня рожденія обречена на самый узкій подневольный путь. Кто допуститъ мысль, будто барышня можетъ протестовать и возмущаться, днями и ночами жить совершенно другими думами и надеждами, чѣмъ жила ея мать, и чувствовать глубокія обиды своему человѣческому достоинству тамъ, гдѣ старшіе видятъ мудрый и неизмѣнный законъ природы и нравственности?

Если въ такое положеніе попадетъ „сынъ“,—онъ становится грознымъ мстителемъ, смѣло громитъ семью и общество укоризнами и презрительнымъ смѣхомъ, цѣлому поколѣнію бросаетъ въ лицо „стихъ, облитый горечью и злостью“, или идетъ еще дальше—отвергаетъ самыя основы мысли и жизни „отцовъ“.

И онъ великъ и опасенъ даже въ глазахъ враговъ—Чайльдъ Гарольдъ онъ или Базаровъ, — и для писателей нѣтъ болѣе завлекательнаго предмета, чѣмъ исторіи о „герояхъ времени“, или о „дѣтяхъ“ въ борьбѣ съ „отцами“.

Но какъ же живутъ и борются „дочери?“ Не бываетъ ли и среди нихъ „героинь времени?“

Отвѣты есть у даже утвердительные, но какъ они сравнительно коротки и рѣдки!

Нужно явиться Тургеневу,—писателю, лично искушенному страшнымъ семейнымъ деспотизмомъ, съ дѣтства наблюдавшему всѣ виды рабства, какіе могло создать крѣпостное право, тогда только русскіе читатели узнали о существованіи Лизы, о необычайно глубокой и оригинальной натурѣ „дочери“ рядомъ съ банальнымъ, часто пошлымъ существованіемъ отцовъ.

Надо было въ домѣ армейскаго офицера и полудикаго помѣщика родиться поэту „печали и гнѣва“, чтобы свѣтъ узналъ, сколько безмолвныхъ подвиговъ совершено *женой* и *матерью*, сколько сокровищъ женскаго сердца перешло въ пѣсни о страданіяхъ народа.

Это — счастливые случаи, и художественное созданіе Тургенева и правдивая исторія Некрасова—двѣ главы одной великой повѣсти объ исключительно-русскомъ явленіи, о невидномъ героизмѣ на закрытой сценѣ, о торжествѣ идеализма сердца надъ жестокой безпощадной дѣйствительностью.

Но эта же самая повѣсть—единственный разъ въ нашей литературѣ—одновременно пережита и разсказана, гармонически слила въ одной жизни и одной личности правду и поэзію.

И трудно представить,—могло ли воображеніе создать такой обильный источникъ нравственныхъ страданій и одарить страдалицу такой силой благороднаго вдохновенія?

II.

Вглядитесь въ это совсѣмъ неэффектное лицо, проникнутое какой-то затаенной болѣзненной думой, будто вѣющее на васъ тоской одиночества,—вы прочтете на немъ несравненно больше человѣческихъ чертъ и настоящей красоты, чѣмъ на интересномъ „демоническомъ“ обликѣ разочарованнаго „героя времени“, каждымъ движеніемъ и взглядомъ взывающаго къ вашему благоговѣйному сочувствію.

На первый взглядъ странно даже сравнивать ослѣпительныхъ мучениковъ разочарованія съ Жадовской. Сама природа, повидимому, хотѣла подобное сравненіе превратить въ жестокую насмѣшку.

Юлія Валерьянова родилась безъ лѣвой руки и только съ тремя пальцами на правой. Физическое уродство для

женщины при настоящемъ уровнѣ нашей цивилизаціи неизмѣримо болѣе чувствительное несчастіе, чѣмъ всѣ другіе пороки, и будущая поэтесса съ самаго ранняго дѣтства должна мириться съ своимъ безправнымъ и фатально-приниженнымъ положеніемъ.

И примиреніе было особенно мучительно. Судьба наградила ребенка не только непоправимымъ несчастіемъ, но вложила въ него необыкновенно воспріимчивое, чуткое сердце, мечтательную, идеально-настроенную мысль и всепоглощающую жажду любви и счастья.

Этого достаточно, чтобы жизнь женщины превратить въ драму, но и здѣсь еще не конецъ.

Жадовская поступаетъ въ пансіонъ; ея блестящія литературныя способности увлекаютъ учителя словесности, знаменитаго педагога—Перевлѣсскаго,—взаимный интересъ переходитъ въ любовь – глубокую и прочную; она длится пять лѣтъ, учитель рѣшается просить руки своей ученицы, счастіе, очевидно, и близко, и возможно, но противъ брака рѣшительно возстаетъ отецъ влюбленной, находя постыднымъ родство съ семинаристомъ.

Вы видите, исторія въ высшей степени простая. Отецъ, по сословнымъ соображеніямъ, не позволилъ дочери выйти замужъ за любимаго человѣка. Это происходитъ ежедневно и рѣшительно никого не безпокоитъ, кромѣ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ. Но варварство извѣстной среды именно тѣмъ и характеризуется, что насилія надъ личностью кажутся заурядными, естественными явленіями, необходимыми даже со стороны любящаго отца, какъ это думалъ Жадовскій. Косное царство предразсудковъ выработало удобныя и съ виду невинныя формулы для прикрытія вопіющаго деспотизма. Оно не признаетъ за дѣвушкой другихъ путей личной жизни, кромѣ брака, неизбѣжно, слѣдовательно, вопросъ сердечныхъ влеченій превращаетъ въ вопросъ нравственной жизни и смерти и все-таки считаетъ законнымъ рѣшать его

внѣшней физической силой, будто разрубать не живой организмъ, а трупъ.

А между тѣмъ, удары чаще всего поражаютъ самые чувствительныя организаціи и раны не заживаютъ въ теченія долгихъ лѣтъ, нерѣдко до самой смерти. „Разбитая жизнь“ изъ красивой романтической метафоры превращается въ самую удручающую дѣйствительность.

Это именно и произошло съ Жадовской.

Литература знаетъ множество юныхъ героевъ, ставшихъ поэтами своихъ несчастныхъ сердечныхъ исторій. Достаточно вспомнить Гёте. Извѣстны также писательницы, почерпавшія вдохновеніе изъ собственныхъ житейскихъ романовъ: Жоржъ-Зандъ—блестящій примѣръ.

Имя Жадовской, конечно, не можетъ стоять рядомъ съ этими всемірно-знаменитыми именами. Но мы говоримъ не о славѣ и не о силѣ талантовъ, а объ ихъ душѣ и вдохновеніи.

Для Жадовской первая молодая страсть не была первымъ влюбленіемъ, которому идетъ на смѣну множество другихъ, столь же сильныхъ и мимолетныхъ. У Гёте личный романъ являлся матеріаломъ для поэтическаго творчества, у Жоржъ Зандъ—практическимъ опытомъ надъ страстью мужчины и женщины.

Жадовская совершенно иначе представляетъ свою любовь. Много лѣтъ спустя, вспоминая о прошломъ, она говоритъ:

Да, я вижу—безумство то было:
Въ наше время грѣшно такъ любить,
И души благодатныя силы
Объ единое чувство разбить.

И ей несказанно дорого это чувство. Въ самыя тяжелыя минуты одинокой пасмурной жизни готовая проклясть все, что приносило когда-то и горе и радость, она спѣшитъ оговориться:

Лишь тебѣ въ этомъ хаосѣ темномъ,—
Какъ ни стынетъ отъ холода кровь,—

Лишь тебѣ не пошлю я проклятья,
Моей юности первой любовь.

Много требовалось энергіи сердца, чтобы остаться вѣрной столь грустнымъ воспоминаніямъ. Они говорили не о счастьѣ, было нѣчто въ родѣ намека на счастье, преддверіе къ нему, внушавшее скорѣе тоску и опасенія, чѣмъ свѣтлую радость. Но въ сумракѣ, который теперь наступилъ для покорной дочери, и такое прошлое казалось „звѣздой".

Блѣдный лучъ мнѣ до сердца доходитъ,
Разливаяся ясной мечтой,—

писала Жадовская и свято берегла память о дорогомъ другѣ и наставникѣ.

Жизнь течетъ ровно и безцвѣтно, тихо и грустно. Всѣ дни походятъ одинъ на другой. Воля отца попрежнему тяготѣетъ надъ „дочерью", она не выходитъ изъ положенія несовершеннолѣтней. Кругомъ люди совершенно чужіе, не только не способные понять ея горя, готовые даже посмѣяться надъ ея тоской, надъ ея вѣрностью злосчастному чувству.

Сколько насильственнаго притворства на каждомъ шагу. вынужденнаго смѣха, когда хотятъ литься слезы, придуманныхъ милыхъ разговоровъ, когда грудь объята холодомъ!

Одинъ изъ нашихъ геніальныхъ поэтовъ разсказалъ, чего стоитъ прожить годы среди общества, погруженнаго въ будничныя дрязги, знающаго только или мудрый разсчетъ, или презрительный смѣхъ въ отвѣтъ на все, что возвышается надъ уровнемъ житейской пошлости.

Поэзія Лермонтова переполнена страстными воплями души, скованной цѣпями „важнаго шута", оскорбленной лицемѣріемъ „нарядныхъ масокъ", возмущенной ихъ равнодушіемъ къ идеальнымъ стремленіямъ.

Поэтъ бѣжалъ изъ этой нравственной тюрьмы въ царство могучей свободной природы. Ей онъ разсказывалъ свои мечты и она „прозрачной лазурью небесъ" и „чуднымъ воемъ мгновенныхъ громкихъ бурь" отвѣчала на его тихія, часто

молитвенныя настроенія и на грозные взрывы его негодующаго генія.

У Жадовской нѣтъ лермонтовской мощи, она не бредитъ съ первыхъ дней сознанія *могучимъ образомъ*, и на ея языкѣ нѣтъ огненныхъ карающихъ рѣчей, но тѣмъ трогательнѣе ея одинокая скорбь, проникновеннѣе жалобы и молитвы.

Какое счастье великому поэту метать громы въ своихъ мучителей! Это значитъ ихъ же клеймить рабами, а себя чувствовать молніеноснымъ орломъ. Но дѣвушкѣ, запертой въ деревенской глуши, отъ рожденія обездоленной и природой, и семьей, какъ подняться на эту царственную высоту? У нея совершенно другіе образы, другія пѣсни, но прислушайтесь къ нимъ, и васъ поразитъ изумительное сходство подавленныхъ стоновъ съ торжествующимъ гимномъ демонической страсти.

III.

Здѣсь нѣтъ внѣшняго блеска, но въ каждой строкѣ трепещутъ изстрадавшіеся нервы, взываетъ къ сочувствію надорванное сердце.

Исторія цѣлой жизни вмѣщается въ одномъ стихотвореніи. Оно не велико по размѣрамъ, не эффектно по формѣ, но вникните въ настроеніе, продиктовавшее его: изъ такихъ настроеній слагается поэзія Жадовской.

Впереди темнѣетъ
Жизнь безъ наслажденья,
Въ сердце проникаетъ
Скорбное сомнѣнье...
Мало ли ихъ было,
Чистыхъ упованій...
Ни одно изъ жаркихъ
Не сбылось желаній!
Безпощадной волей
Всѣ они разбиты...

Не было участья,
Не было защиты!
Гдѣ жъ для новой жизни,
Гдѣ возьму я силы?
Знать, не будетъ больше
Счастья до могилы!

Какимъ бы было утѣшеніемъ передать другимъ эти грустныя думы! Можетъ быть, нашлось бы слово отрады. Но Но нѣтъ такого собесѣдника, нѣтъ „родной души,—повторяетъ Жадовская любимое выраженіе Лермонтова, и, случалось, въ минуты раздумья

Она въ душѣ вдругъ обрѣтала звуки
Чудесные; ихъ выразить желала;
Но, посмотрѣвъ вокругъ, вздыхала и молчала.

Только съ дѣтьми она не скрываетъ своей тоски и своихъ слезъ. Дѣти также не понимаютъ одинокаго горя, но они зато и не смѣются надъ нимъ, и вотъ одна изъ прелестнѣйшихъ по истинѣ солнечныхъ картинъ этой долголѣтней осени:

Съ какой печальною, смущающею думой,
Малютка, предъ тобой безмолвно я стою.
Ахъ, чувства тяжкія волнуютъ грудь мою!
Здѣсь, въ этой комнаткѣ, удалена отъ шума,
Здѣсь я могу, дитя, не скрыть слезы моей
И при тебѣ излить тоску мою могу я;
Но ты играй, мой другъ; пытающихъ очей
Ко мнѣ не обращай, и лаской поцѣлуя
Мнѣ горя усладить не покушайся! Дай
Поплакать мнѣ одной, въ тиши, не узнавай,
О чемъ я плачу такъ, о чемъ я такъ страдаю,
Зачѣмъ отъ всѣхъ свои страданія скрываю!
Ты также слезъ моихъ, какъ люди, не поймешь;
Но, какъ они, ты ихъ, мой другъ, не осмѣешь!

Другая неизмѣнно „родная душа“ для поэта—душа безграничнаго міра. Мы знаемъ безчисленныя пѣсни о природѣ, о весеннемъ утрѣ, о лѣтней ночи, о соловьиныхъ пѣсняхъ, но это не вдохновеніе Жадовской.

Природа для нея не только необозримое царство прекрасныхъ созданій, не только великая загадка безсмертной жизни,— это лучшая подруга, единственная повѣренная задушевныхъ думъ и драгоцѣннѣйшихъ воспоминаній.

Предъ нами единеніе двухъ родственныхъ міровъ, музыкальный дуэтъ человѣческаго сердца и какой-то таинственной силы, однимъ могучимъ дыханіемъ укрощающей его боли.

Жадовская обращается къ природѣ, какъ къ своему гепію-утѣшителю, существу мыслящему и чувствующему:

Какъ сладко приникнуть мнѣ
Къ святому лону твоему,
Мать всеисцѣляющая—
Природа!..

И это не фраза.

Каждый моментъ въ природѣ, въ особенности исполненный меланхоліи и тайны, вызываетъ отклики въ умѣ и сердцѣ Жадовской. Вы безпрестанно встрѣчаете стихотворенія: „Вечернія думы“, „Вечерняя мысль“. Въ книгѣ природы записана вся печальная исторія поэтическаго разбитаго сердца. „Ясно-голубое небо“ вызвало первый трепетъ въ дѣтской груди, потомъ подъ музыку весенней грозы родился и выросъ „восторгъ безотчетный“, и сердце

Будто птица въ клѣткѣ трепетала
Незнаемымъ и чуднымъ ощущеньемъ.

Темная аллея слышала „прерывистыя рѣчи“ первой любви, простыя, не льстивыя, часто жестко-правдивыя, а „духъ сада“ нашептывалъ лукавымъ голосомъ надежды на счастье, бодрствовалъ надъ каждой минутой мечтательной дѣвушки, говорилъ ей:

Люблю я головы горячей увлеченье,
И сердца страстнаго безумный, жаркій бредъ
И рядъ печальныхъ думъ, и вѣчное стремленье
Къ тому, чему у васъ названья въ мірѣ нѣтъ.
Моихъ цвѣтовъ краса и упоенье
Пускай тебя восторгомъ подаритъ.

Пусть шумъ деревъ заглушитъ на мгновенье
Предчувствіе того, что будущность сулитъ.

Предчувствіе оправдалось, но благодѣтельный духъ не отлетѣлъ отъ своей любимицы. Въ сумерки онъ вмѣстѣ съ ней оплакивалъ прошлое, на крыльяхъ величественной бури приносилъ ей душевный миръ, въ пѣснѣ соловья оживлялъ дорогія воспоминанія, онъ подсказалъ ей, наконецъ, трогательную аллегорію о завядшемъ цвѣткѣ и безвременно загубленной молодости, и полную смысла исторію о посѣвѣ. Не всѣмъ сѣменамъ счастливится упасть на добрую землю, въ глубокія борозды:

Многія вѣтеръ отнесъ на дорогу;
Много подъ глыбы заброшено было...

И не одинаковы всходы: одни принесли плодъ обильный и зрѣлый:

Тѣ же, что въ бороздѣ иль на дорогу,
Или подъ глыбы заброшены были,
Тщетно стремяся къ назначенной цѣли,
Сгибли, завяли въ борьбѣ безъисходной...

И даже сѣятель не помнитъ и не вѣдаетъ тѣхъ зеренъ, что зачахли въ „тяжелой истомѣ“.

Трудно подыскать болѣе правдивое и прочувствованное изображеніе личной жизни Жадовской.

Мы знаемъ источникъ ея страданій, вѣримъ въ ихъ искренность и глубину, но развѣ не поднимаются у васъ невольные вопросы: „Но вѣдь это только сердечная печальная исторія? Это—неудавшійся романъ мечтательной дѣвушки? Это чисто-личное горе и личныя чувства?“

И попробуйте отвѣтить утвердительно, вы въ глазахъ весьма многихъ отнимете глубокій интересъ у личности и поэзіи Жадовской.

И такъ отвѣчали первые читатели стихотвореній нашей

поэтессы. Они появились въ печати въ самую горячую эпоху русской общественной мысли, наканунѣ освободительныхъ реформъ. Кто могъ вчитываться въ разсказъ о разбитомъ сердцѣ женщины, когда рѣшалась участь великаго многомилліоннаго народа? И Жадовская сама это сознавала.

„Очень вѣроятно,—писала она,—что стихи мои проданы только въ количествѣ 300 экз., судя по читающей публикѣ и ея направленію. Кому теперь до стиховъ?..“

Очевидно, тяжелой истомѣ колоса, попавшаго подъ глыбу, такъ и суждено было остаться безъ людского сочувствія. Добролюбовъ могъ оцѣнить „задушевность, полную искренность чувства и спокойную простоту его выраженія“, могъ указать на скромность вдохновенія Жадовской; но не это волновало русскихъ людей въ шестидесятые годы.

И къ многочисленнымъ актамъ драмы прибавился еще одинъ. „Холоднымъ свѣтомъ“ оказалось почти все русское общество.

И оно было право. Вопросъ народной свободы стоялъ неизмѣримо выше личной судьбы какого бы то ни было поэта...

Но правда ли, что Жадовская воспѣвала только свое личное горе? Некрасовъ, достойнѣйшій судья въ вопросѣ, рѣшилъ его совершенно опредѣленно. Его суровая муза не погнушалась дружбой съ авторомъ скромныхъ стиховъ: она почуяла близкіе ей мотивы *общаго* горя, *общей* неволи.

Поэтъ всѣхъ угнетенныхъ никогда не забывалъ „женской доли“, и вотъ эта доля, столь глубоко запавшая ему въ сердце съ перваго дѣтства, завѣщанная незабвенной страдалицей матерью, явилась ему въ лицѣ непризнанной поэтессы. Онъ понялъ, что ея устами говорятъ тысячи русскихъ женщинъ, что такихъ колосьевъ, увядающихъ безъ солнца и влаги—разсѣяно по русской нивѣ едва ли не больше, чѣмъ золотистыхъ и радостныхъ. Онъ инстинктомъ поэта-борца и гражданина проникъ въ глубину этихъ молитвенныхъ дѣвственно-боязливыхъ строкъ, и увидѣлъ сдавленное мукою и

переполненное любовью сердце, которому помѣшали раскрыть предъ свѣтомъ свои сокровища. А этихъ сокровищъ было не мало...

IV.

Жадовская необыкновенно искренно судила о себѣ. Въ стихахъ и въ прозѣ она не высоко оцѣнивала свой талантъ, говорила о своемъ „слабомъ женственномъ стихѣ“, восторженно привѣтствовала сильныхъ пѣвцовъ, въ томъ числѣ Некрасова, очищающихъ людскія сердца, укоряла другихъ, забывшихъ важное назначеніе поэта; Щербинѣ она писала:

Себялюбиво увлеченъ
Ты блескомъ чувственной мечты,—
Прерви эпикурейскій сонъ,
Оставь служенье красоты—
И скорбнымъ братьямъ послужи.
За насъ люби, за насъ страдай...
И духа гордости и лжи
Стихомъ могучимъ поражай.

Но сама она рѣдко затрогивала общественные вопросы, и если ей приходилось заговорить о нихъ, она будто смущалась и спѣшила сократить рѣчь.

Почему же?

Объясненіе заключается въ слѣдующихъ словахъ. Она только-что заговорила объ одномъ явленіи крестьянской жизни и уже спѣшитъ прервать себя.

„Ну, да не мое дѣло толковать объ этомъ, всю эту несвязную страницу пишу вамъ ради того, чтобъ вызвать отъ васъ нѣсколько лишнихъ строкъ. Ради Бога только не заключите поэтому, что я равнодушна къ общественному благу. Если я сказала: „не мое дѣло толковать объ этомъ“, это значитъ, что я не умѣю толковать. Немногіе въ положеніи Жадовской рѣшились бы на такое признаніе. Но по временамъ, будто невольно, у Жадовской срывалось горячее слово о народѣ, столь долго ожидавшемъ желанной свободы.

„Отчего такъ тянется крестьянскій вопросъ? — писала она осенью 1860 года,—и будетъ ли ему конецъ? Будетъ ли конецъ этой истомѣ, этому лихорадочному ожиданію бѣдныхъ людей?“

Иногда вдругъ насъ поражаетъ свѣтъ, озаряющій вереницу, очевидно, продолжительныхъ и глубокихъ размышленій. Эти моменты рѣдки, но мы уже знаемъ почему, и тѣмъ выше цѣнимъ будто мимоходомъ брошенныя мысли.

Жадовская должна была пережить столь естественную идеализацію народа накапунѣ освобожденія, слышала и читала восторженныя рѣчи о будущемъ новыхъ гражданъ. Но неизмѣнно вдумчивая строгая мысль подсказывала ей другое, указывая на темный путь крѣпостныхъ рабовъ, вѣками уродовавшій человѣческую природу:

Всѣ говорятъ, что бѣдный нашъ народъ
Пойметъ свое высокое призванье,
Со временемъ окрѣпнетъ, возростетъ...
Прекрасное, благое упованье?
Но мнится мнѣ съ тоской непобѣдимой,
Что тотъ, чье дѣтство протекло
Въ невѣжественной тьмѣ, непроходимой,
Укоренявшей пагубное зло,
Въ кого съ невинныхъ первыхъ лѣтъ
Любви къ благому не вселили,
Въ комъ рядомъ тяжкихъ смутъ и бѣдъ
Самосознаніе убили,
И истины прямой отрадный свѣтъ
Предубѣжденьемъ заслонили,—
О, тотъ растетъ неправильно и тупо
И не дойдетъ развитія вполнѣ...

Такъ могъ говорить истинный общественный мыслитель, не закрывающій глазъ на тернистый путь къ просвѣщенію народа и воспитанію въ немъ основы культурнаго гражданскаго общества.

Жадовская до конца жизни не дождалась ровнаго, свѣтлаго счастья. Она рѣшилась покончить со своей неволей и такъ сама объясняетъ свое рѣшеніе:

„Мнѣ такъ тяжело приходилось отъ страстныхъ привязанностей, связывавшихъ мою судьбу, что у меня достало характера стряхнуть ихъ разомъ, не смотря на весь ихъ трагизмъ".

Тридцати-восьми лѣтъ Жадовская вышла замужъ за пятидесятитрехлѣтняго доктора Севена. О мужѣ и жизни съ нимъ она пишетъ:

„Живемъ мы ладно и смирно. Мужъ мой—рѣдко добрый и честный человѣкъ, но идеалистъ первой руки и въ 53 года сохранилъ теплоту и свѣжесть юношескихъ мечтаній; это, однако, душа наболѣвшая, настрадавшаяся до того, что въ самомъ счастіи находитъ какое-то томленіе и безкойство. Напримѣръ, вдругъ ему представится, что какое-нибудь чудовище похититъ меня, или я умру, или нѣчто въ этомъ родѣ... и находитъ на него болѣзненный страхъ и ужасъ, который умѣетъ прогнать только моя нѣжность и ласка. Онъ слишкомъ сосредоточился на любви ко мнѣ"... Повидимому, это картина настоящаго семейнаго счастья, но болѣзни и тяжелая нужда постоянно нагоняютъ тучи, и письма Жадовскій переполнены страдальческими воплями, нерѣдко сплошь заняты домашними дрязгами и хозяйственными счетами на рубли и копѣйки. „Кабы вы знали, — писала она,—какъ мнѣ бываетъ жутко подчасъ отъ житейскихъ заботъ... не даромъ обезпамятѣла... дни и числа забываю".

Но былая поэтическая чуткость не замолкла. Весна, солнце, рѣзвящіяся ласточки и теперь тѣшатъ ее, какъ въ годы мечтательной юности. Старое сравненіе съ цвѣткомъ невольно припоминается при чтеніи откровенныхъ, часто трогательныхъ писемъ.

„Теперь зима—тяжелое для меня время—ужъ на исходѣ, а съ ней вмѣстѣ проходитъ и многое непріятное, накопившееся на душѣ, вслѣдствіе разныхъ столкновеній, недоразумѣній, эгоистическихъ побужденій и проч. Вѣдь я такая ужъ странная, эластичная натура, что какъ судьба ни жметъ

меня, а стоитъ только упасть на меня солнечному лучу—я вновь оживала. Я говорю—оживала и сію же минуту сама грустно посмѣиваюсь надъ такимъ выраженіемъ. Видно, ужъ я такъ до гробовой доски буду все понемножку оживать и никогда не оживу вполнѣ".

Смерть пришла внезапная, непредугаданная, будто спѣша достойно закончить драму цѣлой жизни.

Но она не прервала надеждъ поэтессы, онѣ звучатъ намъ и изъ-за могилы...

Въ нашемъ мірѣ появилось существо „съ многодумной и страстной душой", но никто не распознавалъ его думъ, никто не щадилъ его души. Жизнь прошла незамѣтной проселочной дорогой, и никто не разглядѣлъ, сколько терпій судьбы и цвѣтовъ сердца разсѣяно здѣсь, „въ сторонѣ отъ большого свѣта". И одинокая путница невольно обращала взоръ, полный ожиданій, не къ жизни, а къ смерти.

Я тихо и грустно свершаю
Безъ радостей жизненный путь
И какъ я люблю и страдаю—
Узнаетъ могила одна.

Это написано въ молодости, но могила многое должна также и разсказать намъ. „Большого таланта у меня нѣтъ,—писала Жадовская съ обычной искренностью,—ное желі есть то, что̀ понятно и доступно многимъ, то, что̀ многіе чувствовали, а я за нихъ высказала, то уже и это не лишнее на бѣломъ свѣтѣ".

Кто же эти многіе?

Ихъ назвала прежде всего сама поэтесса:

Пройду своимъ путемъ хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ;
И, можетъ быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдетъ;
На то, что̀ скажетъ онъ, на то, о чемъ помыслитъ,
Я вѣрно отзовусь безсмертною душою...

Мы вѣримъ этому, потому что личныя страданія—вѣрнѣйшій путь къ пониманію чужихъ страданій. А врядъ ли когда въ жизни женщины было вмѣщено столько горя, нравственной и житейской борьбы.

И мы знаемъ, кто и какъ ее создалъ.

Жадовская въ молодости любила сравнивать себя съ падучею звѣздой. Это — звѣзда не первой величины, она не ослѣпляетъ насъ разнообразными переливами блеска, но свѣтъ ея чистъ и прекрасенъ. Онъ говоритъ о длинныхъ ночахъ, посвященныхъ упорной думѣ, объ оскорбленномъ благородномъ женскомъ чувствѣ, о безчисленныхъ жертвахъ эгоизма и предразсудковъ, о незамѣтномъ торжествѣ рабскихъ инстинктовъ общества надъ стремленіемъ отдѣльныхъ личностей къ свободѣ и независимому человѣческому достоинству. Этотъ свѣтъ говоритъ намъ, наконецъ, о великой русской ночи, гдѣ столько настоящихъ звѣздъ превращаются въ падучія.

ПОЭТЪ ГОРЬКОЙ ПРАВДЫ *).

I.

Личности людей, одаренныхъ поэтическими талантами, безконечно разнообразны, неуловимо различны достоинства и направленія самихъ талантовъ. Вѣдь, даровитость, и въ особенности художественная, главная основа и источникъ оригинальности въ человѣческой природѣ!.. И, все-таки, при имени *поэтъ* въ вашемъ воображеніи невольно рисуется опредѣленный образъ съ яркими типичными чертами. Вы даже припоминаете попытки многочисленныхъ поэтовъ—набросать общими широкими штрихами поэтическую біографію и поэтическую натуру.

На всей землѣ не встрѣтите поэта,
Дерзнувшаго приняться за перо,
Не омокнувъ его сперва въ прекрасныхъ
Слезахъ любви...

Таково убѣжденіе Шекспира, и оно подтверждается фактами на каждой страницѣ литературной исторіи.

Сердечная драма или идиллія для поэтической души—неизмѣнный ударъ молніи, извлекающій изъ нѣдръ земли родникъ живой воды. Ударъ нерѣдко постигаетъ впечатлительное сердце будущаго пѣвца чужихъ страданій въ самую раннюю молодость, и въ лучшихъ произведеніяхъ художника

*) Рѣчь, произнесенная въ литературно-музыкальномъ собраніи Общества Л. Р. С. 13 января 1896 года.

звучитъ тогда вся боль обманутыхъ желаній и въ неразрывномъ сродствѣ правды и поэзіи кроется тайна неотразимой внутренней силы творчества.

„Мы начинаемъ жизнь пѣснями радости, кончаемъ воплями отчаянія“,—это другое—болѣе обширное изображеніе жизни поэта—столь же исторически-правдиво *). „Пѣсни радости“ и „вопли отчаянія“ могутъ принимать какія угодно формы—лирической комедіи и безпросвѣтной драмы у Шекспира, хохотуньи-эпиграммы и удручающей элегіи у Пушкина, юмористической картинки и мрачныхъ видѣній у Гоголя, сущность вездѣ одна и та же.

Поэтъ, будто вольная птица, привѣтствуетъ свое утро, легко и отважно поднимаясь въ голубую высь надеждъ и идеаловъ. Но съ теченіемъ дня облака заволакиваютъ небо, меркнетъ солнце, настаетъ непогода, и недавній заоблачный пѣвецъ теперь—подъ вечеръ—съ измятыми крыльями и надорванною грудью едва доканчиваетъ свой путь къ ночлегу и когда-то рѣявшая надъ нимъ несказанной красоты и граціи богиня фантазіи исчезаетъ предъ зловѣщими образами тоскующаго духа **).

Нѣкоторымъ удается въ послѣднемъ пристанищѣ обрѣсть ясность и миръ души: послѣ громовыхъ проклятій Макбета — тѣшить себя чудесами волшебнаго царства, смертное отчаяніе Фауста смѣнить на олимпійское созерцаніе... Но это счастливцы: большинство повторяетъ вѣчную сказку. Мы найдемъ ея болѣе или менѣе ясное отраженіе въ жизни и творчествѣ всякаго истиннаго поэта,—идиллію въ началѣ, романъ въ срединѣ и драму въ концѣ.

Согласно съ этимъ порядкомъ составилась и программа для характеристики поэтовъ. Прежде всего ищутъ дѣтскихъ впечатлѣній, благотворныхъ для развитія таланта, разсказы-

*) We poets in our youth begin in gladness.
But there of comes in the end despondeney and madness—Вордсворта.

**) «Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева—«Посѣщеніе» и «Старуха».

ваютъ, какія прелести природы будили мечты ребенка, какія преданія старины увлекали его воображеніе, какіе оригинальные люди затрогивали его чуткое сердце. А потомъ идутъ тщательныя изысканія насчетъ товарищей-друзей, а въ особенности подругъ. Часто отдѣльныя главы поэтической біографіи называются однимъ именемъ или эпизодомъ. Въ общемъ получается задача благодарная и увлекательная.

Теперь представьте поэта, ни единою чертой своей жизни и личности не напоминающаго обычнаго поэтическаго облика. Онъ „принялся за перо“ и не выпускалъ до самой смерти, *ни разу* „не омокнувъ его въ прекрасныхъ слезахъ любви“. Въ началѣ у него не было безотчетнаго свободнаго лиризма, а въ концѣ—ни отчаянія, ни возвышеннаго самодовольства. Даже больше,—не было въ сущности ни одного спеціально-поэтическаго настроенія, т.-е. возможнаго лишь въ минуты вдохновенія и пропадающаго въ часы житейской прозы. Поэтъ рѣшительно—по натурѣ—не могъ бы доказать знаменитой двойственности поэтической личности: величіе у жертвенника Аполлона и ничтожество „въ заботахъ суетнаго свѣта“. Поэтъ и человѣкъ здѣсь одно. Въ результатѣ поэзія, непосредственно прикованная къ самому реальному источнику, теряетъ въ блескѣ, въ полетѣ, въ эффектномъ размахѣ. Она менѣе всего способна вызвать головокруженіе у шестнадцатилѣтней читательницы, она также не подниметъ и у зрѣлыхъ читателей мгновеннаго чувства негодованія силой красокъ. Она могла бы взять своимъ девизомъ эпиграфъ съ сочиненій Стендаля, главы французскаго реализма *to happy few—для немногихъ счастливцевъ*. Но только нашъ поэтъ ни за какія сокровища не рѣшился бы написать этихъ словъ на своей книгѣ: они оскорбили бы одновременно и его гордость, и его скромность.

Этотъ удивительный человѣкъ, соединяющій въ себѣ столь, повидимому, противорѣчивыя нравственныя свойства и оригинальное вдохновеніе, носитъ самое заурядное имя.

происходитъ изъ самой прозаической среды, получаетъ менѣе всего изящное и либеральное воспитаніе, всю жизнь занимается самымъ не эстетическимъ дѣломъ: Иванъ Саввичъ Никитинъ, мѣщанинъ, семинаристъ, хозяинъ постоялаго двора и книжной лавки... Отыщите еще у какого-нибудь поэта такой букетъ прозы, „суетныхъ заботъ“, житейскихъ мелочей и пошлостей. Вы вспомните Кольцова, земляка и старшаго современника Никитина. Но какая разница! Тамъ съ самой ранней молодости поэзія врывается въ жизнь, да еще какая поэзія!

Степь съ ея чудной, могучей красотой, съ ея безграничнымъ просторомъ, съ ночными стоянками чумаковъ, съ неизъяснимой, чарующей меланхолическою тоской малорусскихъ пѣсенъ и былей,—все это картины и мотивы совершенно другого порядка, чѣмъ душная и пыльная городская площадь, пьяный гомонъ извозчиковъ, копѣечные разсчеты съ молодцами и кухарками. А этотъ таинственный, но потрясающій романъ Кольцова съ крѣпостной красавицей, этотъ смертельный недугъ отъ разлуки съ ней и страстный взрывъ „думъ“ и „сердечнаго огня“, когда надежда на счастье исчезла безвозвратно!.. Вѣдь, такой школѣ позавидовалъ бы самый мечтательный и лирическій романтикъ.

И ничего подобнаго у Никитина!

Мы должны до послѣдней степени понизить тонъ, говоря объ его жизни и поэзіи. Наша рѣчь должна принять самую скромную и сдержанную форму. Намъ необходимо заранѣе отказаться отъ столь увлекательной перспективы, изображая творчество поэта, самимъ пережить нервный трепетъ, холодъ и жаръ стремительнаго вдохновенія. Насъ ждетъ тяжелое испытаніе, какое только можетъ представить талантъ и личность писателя: распознать и полюбить правду во всей ея естественной суровой красотѣ, помириться съ мыслью, что алтарь прекраснѣйшему олимпійскому богу можетъ быть воздвигнутъ среди грязи и мусора самой прозаической борьбы

за кусокъ насущнаго хлѣба и что языкомъ музъ можно говорить подъ самый безтолковый назойливый „гудовень“ *) „презрѣнной черни“.

II.

Исторія дѣтства и первой молодости даровитѣйшихъ русскихъ людей и въ особенности поэтовъ безпрестанно повторяетъ одну и ту же тему: одиночество и заброшенность въ родной семьѣ въ самые ранніе годы, жестокая, часто непримиримая борьба въ возрастѣ сознанія и самостоятельнаго развитія. Культура русскаго общества въ его цѣломъ стоитъ на такомъ уровнѣ, что въ рѣдкой семьѣ даровитый ребенокъ съ самаго начала встрѣчаетъ безошибочное пониманіе и сознательно-любовное бережливое отношеніе къ своему оригинальному, необыкновенно впечатлительному нравственному міру. Даровитость, по самой своей сущности,—протестъ противъ узкихъ общежитейскихъ рамокъ, вездѣ и всегда приспособляемыхъ обществомъ для средняго шаблоннаго человѣческаго типа данной среды и данной эпохи. Въ эти рамки вдвинуты — воспитаніе, умственное развитіе, обязательный путь жизни и намѣчена конечная цѣль существованія. Чѣмъ личная духовная жизнь ограниченнѣе или чѣмъ практическія условія тяжелѣе, тѣмъ благоговѣйнѣе и настойчивѣе выполняется общепринятая программа и тѣмъ труднѣе становится задача личныхъ независимыхъ стремленій.

Въ результатѣ—отъ высшихъ ступеней русской интеллигенціи, въ родѣ свѣтскаго салона, до низшихъ, до мѣщанской темной избы,—русскій талантъ—сначала „ребенокъ нелюдимый“, а потомъ—мятежный сынъ, виновникъ вѣчно новой варіаціи старой исконно-русской „борьбы поколѣній“.

*) Въ ковылѣ гудовень и поютъ и жужжатъ,
Раздаются свистки, молоточки стучатъ...
Никитинъ: «Поѣздка на хуторъ».

Недаромъ именно въ нашей литературѣ явилось геніальное художественное воплощеніе этой борьбы и недаромъ именно у насъ слово „отцы и дѣти“, независимо отъ литературы, получило совершенно опредѣленный и въ высшей степени краснорѣчивый смыслъ нравственный и общественный.

Но дѣтское одиночество и юношеская борьба относительны. Пушкинъ-ребенокъ вызываетъ насмѣшки и пренебреженіе своихъ родителей: у него зато своя „подруга юности“, крѣпостная старушка—няня, посредница между тайнами русскаго народнаго генія и ихъ будущимъ великимъ истолкователемъ. Лермонтовъ на третьемъ году лишается матери, разлучается съ отцомъ, попадаетъ къ людямъ, совершенно не подозрѣвающимъ въ его душѣ „скрытаго огня“, но зато никому не приходитъ въ голову мысль уродовать и угнетать самую душу, и въ ней какимъ-то чудомъ отголосками младенческаго счастья звучатъ колыбельныя пѣсни безгранично-нѣжной матери. Еще два поэта съ подобной участью.

Тургеневъ—въ родномъ домѣ запуганный и загнанный сирота, онъ убѣгаетъ въ садъ—глотать дѣтскія слезы обидъ и насилій. Но въ томъ же саду есть никому невѣдомый истинно-райскій уголокъ: здѣсь ребенокъ невыразимо счастливъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ слугой за „тайнымъ великимъ дѣломъ“—чтеніемъ старинныхъ русскихъ поэтовъ. И у него, какъ у Лермонтова звуки материнскаго голоса, какъ у Пушкина сказки няни, на всю жизнь останется въ памяти дѣтскій сладостный трепетъ и „нѣмотствующее ожиданіе“.

Наконецъ, Некрасовъ. Онъ помнитъ себя „травленымъ волченкомъ“, его, ребенка, осыпаютъ злыми шутками, издѣваются надъ его страхомъ и дикостью, онъ спасается отъ родного отца, какъ заяцъ отъ охотника,—подъ пьяные крики „ату его!“... Но надъ нимъ бодрствуетъ ангелъ хранитель, его мать, столь же несчастная и униженная, но тѣмъ болѣе сердечная и самоотверженная. Она вѣчно останется для поэта и его музой, и его героиней. Ея страдальческій

голосъ будетъ звучать ему въ тяжелыя и малодушныя минуты жизни или упрекомъ совѣсти, или призывомъ ободренія.

А потомъ, когда для всѣхъ этихъ поэтовъ настанетъ время молодости и кому-нибудь изъ нихъ придется разсчитываться за свои „грезы души“ съ „отцами“, — война загорится страстная и мучительная, но это будетъ *война идей*. Ея наступательныя и оборонительныя силы — взгляды, принципы, научныя и логическія доказательства, общественное *мнѣніе* и личная *критика*. И какая въ сущности идиллическая сцена происходитъ предъ нами, когда „сынъ“, вмѣсто сочиненій Пушкина, даетъ „отцу“ книгу по естествознанію. Даже сраженіе самаго запальчиваго „отца“ съ самымъ отважнымъ „сыномъ“ — Павла Кирсанова съ Базаровымъ — обыкновенная бесѣда, только въ нѣсколько ускоренномъ темпѣ.

И это потому, что споръ происходитъ между двумя *культурами* и даже слабѣйшая изъ нихъ, осужденная на смерть,— явленіе во многихъ отношеніяхъ симпатичное и прогрессивное. Никому изъ „отцовъ“ средняго уровня не придетъ на умъ сомнѣваться въ достоинствахъ науки, мысли, вообще высшей духовной дѣятельности. И родители Пушкина и Тургенева, бабушка Лермонтова не находятъ ничего страннаго въ пристрастіи дѣтей къ чтенію, считаютъ совершенно естественнымъ даже университетское образованіе. Они только отступаютъ предъ новыми плодами, какіе молодое поколѣніе начнетъ собирать съ древа познанія. Само же древо отнюдь не кажется имъ источникомъ проклятія и преступленія.

И это сравнительно высокое и свободное міросозерцаніе. Къ нему ведутъ многочисленныя и трудныя ступени. Онѣ тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ ниже, и въ самомъ основаніи лѣстницы отметается вообще культура, идеи и стремленія, не связанныя непосредственно съ практическими интересами, считаются признаками неразумія, юродства, даже душевнаго недуга. Здѣсь борьба отцовъ и дѣтей превращается въ основной вопросъ человѣческой жизни, съ неподражаемой силой

и точностью поставленный еще въ Евангеліи: живъ ли человѣкъ хлѣбомъ единымъ или также и словомъ?

Именно этотъ вопросъ и суждено было рѣшать нашему поэту съ первой минуты сознанія до послѣдняго вздоха. И путь, какимъ онъ шелъ къ цѣли, какихъ результатовъ достигъ и какую душу вынесъ изъ многолѣтнихъ мытарствъ несомнѣнно поучительнѣе всякой иной интеллигентной исторіи объ отцахъ и дѣтяхъ.

Въ сущности все русское общественное развитіе слагается изъ подобныхъ единичныхъ путей, часто невѣдомыхъ, въ полномъ смыслѣ проселочныхъ, но именно они громадную первобытную страну превращаютъ въ воздѣланный культурный край, именно по ихъ направленіямъ мерцаютъ въ далекихъ захолустьяхъ свѣточи мысли и гуманности. Изъ десятка лучшихъ русскихъ людей всегда найдется не одинъ и не два, кому та или другая черта изъ жизни Никитина, тотъ или другой мотивъ его поэзіи покажутся родными, лично пережитыми и горячо перечувствованными. И эта связь тѣмъ дороже, что сознать ея силу можетъ самое простое сердце и самый безхитростный умъ: нужно только обладать способностью чувствовать и мыслить.

III.

Никитина неоднократно упрекали въ подражаніи разнымъ поэтамъ, чаще всего называли двухъ—Кольцова и Некрасова. И упреки имѣли основанія. Оба поэта сильно увлекали Никитина въ молодости: объ этомъ онъ самъ заявлялъ и друзьямъ, и публикѣ. Подражать Кольцову для его земляка и современника было совершенно естественно, и молодой Никитинъ не разъ принимается воспѣвать степь, усваиваетъ не только форму кольцовскаго „Лѣса“, а даже отдѣльные мотивы—картины красоты и силы, смерти и запустѣнія. Онъ любитъ изображать „волю твердую“, „удаль смѣлую“, рисовать

молодца-сокола „при нуждѣ, въ бѣдѣ“, сравнивать „удаль“ и „заботу“ такъ, что невольно вспоминаются „Пѣсни Лихача Кудрявича“, — наконецъ, разсказываетъ объ измѣнѣ „милой“, будто перелагаетъ кольцовскій „Хуторокъ“ и даже стремится воспроизвести злополучныя думы своего учителя *). Но почти всѣ эти отголоски чужого таланта принадлежатъ самому раннему періоду: они съ теченіемъ времени замолкаютъ совершенно, и Никитинъ утрачиваетъ всякое сходство съ поэтомъ-прасоломъ.

Та же исторія и съ Некрасовымъ. Отраженія здѣсь не такъ ярки и многочисленны, но они преслѣдуютъ васъ въ мимолетномъ сожалѣніи о „жертвахъ порока“, въ тоскливомъ раздумьи старушки объ участи сиротъ, въ деревенской драмѣ матери, потерявшей молодца-сына, наконецъ, въ совершенно правдивомъ заявленіи поэта о себѣ самомъ:

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,—

Здѣсь звучитъ некрасовскій мотивъ:

... рано надо мной отяготѣли узы
... неласковой и нелюдимой музы... **).

Но опять заимствованные звуки съ годами замираютъ, и Никитинъ даже явно и рѣзко отрекается отъ обличительной поэзіи.

Кольцовъ и Некрасовъ были только временными образцами для Никитина: такіе образцы бываютъ у самыхъ талантливыхъ поэтовъ,—вопросъ, не съ чего начать, а чѣмъ кончить. Но у Никитина есть еще одинъ первообразъ, критикой не указанный, самимъ поэтомъ не названный, но вѣющій на насъ изъ самыхъ нѣдръ никитинской натуры и поэзіи. Вы

*) Стихотворенія: «Весна по степи», «Степная дорога», «Грусть старика», «Наслѣдство», «Удаль и забота», «Измѣна»; подражанія думамъ—«Жизнь и смерть», «Успокоеніе».

**) Стихотворенія: «Тишина ночи», «Помню я: бывало, няня»..., «Зимняя ночь въ деревнѣ», «Пряха», «Портной» (вступленіе).

немедленно назовете его по имени,—стоитъ лишь напомнить нѣсколько самыхъ искреннихъ и задушевныхъ признаній нашего поэта изъ разныхъ эпохъ его жизни.

Одно молодое стихотвореніе описываетъ „Ночь на берегу моря“: картина тишины заканчивается такимъ настроеніемъ:

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

Затѣмъ поэтъ изображаетъ „Вечеръ“ и часъ,

Когда закатъ прощальными лучами
Спокойныхъ водъ озолотитъ стекло,—

и оба стихотворенія заключаются однимъ и тѣмъ же аккордомъ:

Гляжу на небеса и въ тишинѣ молюсь...

О чемъ же молитвы поэта?
Отвѣтъ вполнѣ ясный и навсегда неизмѣнный:

«Суровый холодъ жизни строгой
Спокойно я переношу
И у небесъ дороги новой
Въ часы молитвы не прошу

Отраду тайную находитъ
И въ самой грусти гордый умъ».

И поэту даже людское „участье“ кажется „жалкою отрадой“. Любимые образы его юной фантазіи—одинокій дубъ, заброшенный ключъ, засохшая въ глуши береза... Воображая себя въ такомъ же положеніи среди людей, поэтъ бросаетъ имъ гордый вызовъ:

«... Жаль мнѣ отдавать
На судъ людской восторги вдохновеній
И отъ толпы, какъ платы, ожидать
Пустыхъ похвалъ иль горькихъ обвиненій.
Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ,
Я нахожу въ моей пустынѣ счастье;

Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ,
Стыжусь просить холоднаго участья.
Печаль моя застѣнчиво-робка,
Въ родной груди скрываясь боязливо,
За пѣснь свою награды и вѣнка
Не требуетъ она самолюбиво».

Единственный другъ и сочувственникъ этой печали — природа, единственное утѣшеніе — даръ пѣсенъ, „слезы вдохновенья“. Поэту становится невыразимо больно, если чужой взоръ проникаетъ въ его душевный міръ, и его напѣвы, вырванные изъ сердца, становятся предметомъ суда, остротъ, клеветы и торга. Тогда будто „непосвященною рукой“ разоблачаются его „чувства лучшія“...

Для насъ достаточно. Съ первыхъ же словъ предъ нами возсталъ гордый, могучій пѣвецъ одиночества и личной непобѣдимой нравственной силы. Это Лермонтовъ съ „начала жизни“

«...скрывался весь въ себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье».

Это онъ въ буквальномъ смыслѣ таилъ свое вдохновеніе отъ чужихъ взоровъ и окружалъ свое истинное *я* непроницаемымъ туманомъ легкомыслія, суроваго, нерѣдко злостнаго смѣха. Онъ первый изобразилъ въ благороднѣйшемъ величіи таинственныя воздѣйствія природы на вдохновенную душу поэта —

«Когда волнуется желтѣющая нива»,—

и онъ же, наконецъ, въ укоръ людской близорукости и равнодушію, признался:

«Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ заботъ».

Только вдохновеніе... Поэтъ не допускаетъ даже мысли, что онъ какимъ бы то ни было нравственнымъ облегченіемъ можетъ быть обязанъ чужой помощи:

*

«То гордости была бъ измѣна,—
А ей лишь робкій измѣнялъ».

И даже къ небу онъ не хочетъ обратиться съ молитвой о защитѣ въ минуты самыхъ тяжелыхъ испытаній.

И поэтъ отнюдь не рисовался и не игралъ фразами. Одиночество, рано постигающее людей по натурѣ страстныхъ и любящихъ, по характеру—сильныхъ и гордыхъ, неизмѣнно развиваетъ въ нихъ до болѣзненности чуткое самосознаніе и нервно-любовное обереганіе своего личнаго міра отъ внѣшнихъ врывательствъ.

„Онъ жилъ съ людьми какъ бы съ чужими“,—говоритъ Лермонтовъ про свое дѣтство и раннюю молодость,—совершенно естественный психологическій результатъ:

«Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней».

Такое же нравственное развитіе выпало на долю Никитина. Его произведенія по духу, по мотивамъ, по излюбленнымъ поэтическимъ образамъ совпадаютъ съ лермонтовскими, и совпаденія повторяются одинаково въ началѣ и въ концѣ его дѣятельности. Это, слѣдовательно, отнюдь не юношеская подражательность. Предъ нами встрѣча двухъ родственныхъ художественныхъ натуръ, двухъ жизненныхъ путей, одинаковыхъ въ важнѣйшихъ исходныхъ точкахъ. Оба поэта, съ первой минуты сознанія, оказались будто „лишними гостями въ пиру чужомъ“: именно этимъ сравненіемъ они оба опредѣляютъ свое положеніе въ семьѣ, въ окружающемъ обществѣ *). Положеніе тождественное и для будущаго пѣвца „Демона“, и для автора „Кулака“, но самая среда совершенно различна въ обоихъ случаяхъ. У Лермонтова *свѣтъ*, высшее общество Москвы и Петербурга, приличіемъ стянутыя маски, пошлые, бездушные франты и безтрепетныя красавицы...

*) Стих. Лермонтова «Стансы»: «Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ...»; Никитина: «Я помню счастливые годы»...

Никитинъ не зналъ этого блеска, хотя бы и фальшиваго, но изящнаго, красиваго и подчасъ даже поэтическаго. Ему пришлось дышать спертымъ воздухомъ мѣщанскихъ будней и провинціальнаго варварства. Лермонтовъ могъ тѣшить свое дѣтское воображеніе грандіозными вымыслами, лелѣять демоническіе образы, гордые и могучіе, изъ-за облачныхъ сферъ бросать надменные взоры на жалкое людское стадо съ мелкими страстями и малодушными, блѣдными чувствами... На такую высоту возможно подняться въ томъ случаѣ, когда для пылкаго юноши не существуетъ самыхъ насущныхъ вопросовъ низкой дѣйствительности, когда его не преслѣдуетъ мысль о простомъ бренномъ существованіи. Лермонтовъ сравнительно долго пребывалъ въ фантастическомъ царствѣ ангеловъ, демоновъ и героевъ съ человѣческими именами, но сверхъестественными доблестями—именно потому, что трагикомедія настоящей житейской пошлости и духовной бѣдности совершалась за предѣлами юношескихъ поэтическихъ опытовъ. Но лишь только поэтъ приблизился къ подлинному житейскому спектаклю, лицомъ къ лицу позналъ его дѣйствующихъ лицъ,—демоны быстро уступили мѣсто Печоринымъ и Грушницкимъ, Тамары также размѣнялись на болѣе мелкую, но дѣйствительно ходячую монету. И только съ этого момента многообѣщающій лирическій мечтатель является геніальнымъ поэтомъ...

У Никитина не могло быть демоническаго періода. Онъ еще въ дѣтствѣ долженъ вступить въ самую реальную и настоятельную борьбу—не съ равнодушіемъ простыхъ смертныхъ къ романтическимъ „грезамъ души“, а съ *нуждой*. Вотъ слово, которому отъ начала до конца принадлежитъ первое мѣсто въ поэзіи Никитина. Оно произнесено впервые въ ту самую минуту, когда поэтъ мужественно отрекался отъ чужого участья, пища успокоенія своему горю въ природѣ и въ восторгахъ вдохновенія:

«И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь...»

Не съ бѣдными условіями нашей планеты, столь не похожими на „небо или адъ“, а съ явленіемъ самымъ будничнымъ, мелкимъ, но безконечно болѣе трагическимъ, чѣмъ все смѣшное и низкое въ кругу большого свѣта. Вскорѣ поэтъ заявитъ и о своемъ задушевнѣйшемъ желаніи: оно опять будетъ лишено всякаго романтическаго героизма:

«О, еслибъ въ пору перехода
Изъ дѣтства въ зрѣлые года
Широкій путь моя свобода
Нашла для скромнаго труда...»

Скромный трудъ — все, о чемъ мечтаетъ поэтъ. Это такое заурядное, непоэтическое и, повидимому, ничѣмъ не замѣчательное стремленіе. А между тѣмъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ осуществить его оказывается не менѣе трудно, чѣмъ вызвать у людей могучія страсти, найти среди нихъ долговѣчную красоту и вообще всѣ чары идеально-недосягаемаго міра.

И вотъ на самой первобытной, нечистой аренѣ происходитъ въ полномъ смыслѣ лермонтовская борьба, только безъ демонизма и романтическаго блеска,—борьба реально-мыслящей и просто-чувствующей человѣческой личности съ полудикимъ обществомъ, для котораго еще не рѣшенные вопросы самая мысль и самое чувство, а не ихъ размѣры и цѣли. Два русскихъ поэта въ чистѣйшей и краснорѣчивѣйшей формѣ воплотили нравственный протестъ противъ стихійныхъ общественныхъ силъ, одинъ среди извращенной, трусливо-лицемѣрной и внутренненемощной культуры, среди стадныхъ, рабскихъ отпрысковъ чужого ума, другой—въ еще болѣе низкихъ слояхъ, гдѣ даже понятіе *общество* смутно и недоступно, но гдѣ тѣмъ сильнѣе давленіе стихій и инстинктовъ. И если Лермонтовъ-аристократъ такъ близокъ нашимъ сочувствіямъ, такъ обаятельна власть его поэзіи надъ всѣмъ юношески-благороднымъ и сильнымъ, Лермонтовъ-мѣщанинъ, хотя бы его талантъ и уступалъ блескомъ и мощью

генію старшаго современника,—подлинное воплощеніе тысячъ русскихъ людей, волею „жребія“ присужденныхъ къ „низкой долѣ“, но личною волей проложившихъ

«... дорогу жизни новой
Средь зла и грязи...»

IV.

Что значитъ родиться въ мѣщанской семьѣ, вырости и трудиться въ русскомъ провинціальномъ городѣ?.. „Общественное мнѣніе“, казалось бы, должно быть принадлежностью только *общества*, а не сѣрой непросвѣщенной толпы мелочныхъ лавочниковъ и кулаковъ. На самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно другое. Деспотизмъ свѣта весьма часто можно обойти, укротить, а при счастливыхъ случайностяхъ даже подчинить. По крайней мѣрѣ, здѣсь возможно извѣстное движеніе и даже развитіе. Напримѣръ, въ петербургскомъ свѣтѣ убійство Пушкина и позже такая же кончина Лермонтова были встрѣчены съ громкимъ сочувствіемъ. Это историческій фактъ, но въ настоящее время онъ врядъ ли былъ бы возможенъ, по крайней мѣрѣ, въ такой вызывающей откровенной формѣ.

Не то въ сѣрой непросвѣщенной толпѣ. Она пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не могла помириться съ мыслью, чтобы кто-либо изъ ея среды сталъ заниматься высшими науками, писать книги; для нея „ученый“ и „философъ“—бранныя слова. Если родился среди насъ, на заднемъ дворѣ человѣчества, здѣсь ты долженъ и оставаться всю жизнь: иначе ты хочешь быть „умнѣе людей“ и „учить отца съ матерью“, а это такіе же смертные грѣхи, какъ „дурной тонъ“ въ свѣтѣ, даже хуже: лишній умъ и непокорность могутъ составить бѣдствіе всей жизни человѣка, виновнаго только въ томъ, что онъ болѣе другихъ—*человѣкъ*.

Его не воспитываютъ, а закаляютъ, не слѣдятъ любовно

за его исключительно-воспріимчивымъ дѣтскимъ умомъ, а приспособляютъ для традиціонной суровой борьбы за существованіе, любовь же выражается не въ снисхожденіи и пощадѣ, а въ возможно раннемъ подавленіи всего дѣтскаго и внушеніи понятій и способностей, необходимыхъ въ ежедневной свалкѣ за трудно достающійся кусокъ хлѣба. И совершенно согласно съ такимъ взглядомъ дѣтскія шалости превращаются въ преступленія, юношескія стремленія къ знанію и болѣе свободной жизненной дорогѣ—въ безуміе, инстинктивное отвращеніе высшей натуры къ низостямъ и пошлостямъ—въ ненавистнѣйшій грѣхъ „непокорности“ и особенно „неблагодарности“ за родительскій хлѣбъ.

Это—общая біографія мѣщанскихъ сыновей и дочерей. Исключенія рѣдки, и ни одно изъ нихъ не осчастливѣло талантливѣйшихъ русскихъ поэтовъ изъ народа.

Отецъ Никитина—сначала довольно состоятельный, потомъ разорившійся торговецъ восковыми свѣчами, типъ русской „широкой натуры“ изъ породы Лихачей-Кудрявичей: при удачѣ орелъ, въ несчастіи—мокрая курица. Разница въ одномъ: Никитинъ-отецъ въ куриномъ состояніи усиливался подогрѣть въ себѣ геронзмъ извѣстнымъ средствомъ отчаянія и проявить свой орлиный полетъ на женѣ и сынѣ. Жена умерла, остался одинъ отвѣтчикъ за „злую долю“—будущій поэтъ.

Вина его, въ глазахъ отца, очень серьезная: онъ родился на свѣтъ, ежедневно обѣдалъ за его столомъ, жилъ въ его хатѣ, учился сначала въ духовномъ училищѣ, потомъ въ семинаріи. За всѣ эти благодѣянія сынъ долженъ расплачиваться буквально до самой смерти, плакать навзрыдъ, уже совершенно независимый отъ средствъ отца,—напротивъ, помогая ему, приходить въ отчаяніе отъ жестокихъ обидъ во время смертельной болѣзни и, наконецъ, умереть подъ пьяные вопли и укоризны.

И прочтите нѣсколько семейныхъ сценъ изъ поэмы „Ку-

лакъ", вы поймете, что такое борьба поколѣній въ мѣщанствѣ, изъ-за чего идетъ нескончаемая драма безпощаднаго уродованія чужой жизни и личности. И вся жестокость положенія заключается въ его неизбѣжности, пожалуй даже законности.

Пьяный кулакъ издѣвается надъ дочерью, надъ женой, попрекаетъ своими заботами объ ихъ пропитаніи, но поэтъ позаботился изобразить эти заботы, разсказать невѣроятныя униженія бѣдняка за каждый грошъ, изобразить его отчаянную изворотливость предъ жертвами своихъ плутней и въ особенности передъ болѣе счастливыми и сильными плутами... На каждомъ шагу—заушеніе человѣческой совѣсти, какой угодно покладливой и жесткой. Въ одинъ день такой жизни накопляется на душѣ бездна горечи, презрѣнія къ себѣ и ненависти къ людямъ. Столь естественно дать исходъ затаенной злобѣ и задавленному чувству самаго простого человѣческаго достоинства... Средство одно—хмѣль до самозабвенія, до звѣрства. Надо обладать высоко развитымъ самосознаніемъ, исключительными нравственными силами или дойти до послѣдняго предѣла забитости и рабства, чтобы ни на минуту не ощутить въ груди протестующаго чувства подъ огнемъ обидъ и лишеній. И человѣкъ протестуетъ, какъ можетъ, кулакъ—пьянствомъ и самодурствомъ.

И такъ идетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и вся тяжесть *доли* падаетъ, конечно, на тѣхъ, кого природа некстати одарила болѣе впечатлительнымъ сердцемъ и вдумчивою мыслью.

Можетъ быть, ребенокъ отдохнетъ среди товарищей и учителей, на время забудетъ домашній адъ въ классѣ, за книгой.

Нѣтъ. Наставникъ порою замѣчаетъ ему: „мѣщанскій выговоръ у васъ". Классъ хохочетъ, ребенокъ блѣднѣетъ, но наставникъ правъ: онъ дѣйствительно мѣщанинъ и разговору учился среди споровъ „о дегтѣ и лыкахъ". Для товарищей

онъ совершенно не интересенъ. Изъ дому онъ приноситъ невольное чувство ранняго дѣтскаго горя, у него есть свои не дѣтскія тайны и страданія, онъ незамѣтно переростаетъ сверстниковъ, знакомыхъ только съ классной наукой и еще не подозрѣвающихъ самаго суроваго, неумолимаго наставника... Съ этимъ наставникомъ уже знакомъ будущій поэтъ: ему ежедневно твердятъ о хлѣбѣ, о трудѣ, объ отплатѣ родителямъ за ихъ благодѣянія,—и онъ, подавленный какимъ-то смутнымъ страхомъ предъ настоящимъ и будущимъ,—

...нелюдимъ и дикъ
Кружкомъ товарищей оставленъ.

„Ребенокъ нелюдимый“—постоянное выраженіе Никитина о своемъ дѣтствѣ. Никого, конечно, не занимаетъ эта нелюдимость, развѣ только воспитателямъ придетъ мысль лишній разъ упрекнуть ребенка за дикость или даже безсердечность. Потому что кто же повѣритъ, будто молчаливый, „неласковый“ ребенокъ именно и носитъ въ груди самое любящее и нѣжное сердце и ждетъ только искренняго, довѣрчиваго призыва?..

Его пѣтъ, и ребенокъ отдается одинокимъ грёзамъ—о чемъ, онъ и самъ не могъ бы опредѣлить,—но только въ этихъ грёзахъ есть что-то несказанно сладостное, вознаграждающее мечтателя за столь раннія огорченія. Просыпается душа поэта, робко и таинственно, никому невѣдомая, привѣтствуемая лишь гуломъ лѣса, пѣніемъ птицъ, заревомъ вечерней зари, сіяніемъ лѣтняго дня и грознои бурей. Для другихъ все это невнятныя рѣчи, они предпочли бы шумъ и веселье людскихъ сборищъ, забавы городской улицы, но для поэта навсегда прекраснѣйшими воспоминаніями останутся садъ и лѣсъ. Онъ безпрестанно, въ стихахъ и въ прозѣ, будетъ восторгаться ими, какъ восторгаются друзьями, первою любовью, счастливѣйшими событіями далекой молодости.

Дома, кругомъ, идутъ нескончаемые разговоры о товарѣ, о деньгахъ,— ребенка занимаютъ свои мысли:

А садъ сіяньемъ затопленъ...
Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
Тамъ лепетъ, пѣнье и жужжанье—
И голоса ему звучатъ:
«Иди же въ садъ! Иди же въ садъ!..»

Впослѣдствіи, въ разгаръ досадныхъ хлопотъ по торговлѣ, во время приступовъ жестокаго недуга высшее счастье поэту будетъ неизмѣнно представляться въ видѣ тѣнистаго сада, гдѣ такъ прекрасна „теплая, зеленая, благоухающая весна, съ ея синими ночами, мерцающими звѣздами и съ соловьиными пѣснями...“ Никитинъ будто подъ напоромъ какой-то волшебной силы превращался въ поэта и начиналъ говорить лирической рѣчью, лишь только вспоминалъ убѣжище своего дѣтства. Все тяжелое и мучительное забывалось въ эти минуты, и поэтъ разсказывалъ такія смѣющіяся исторіи:

Утромъ встанешь,
Прямо въ садикъ... Рай земной!
Пѣсни, говоръ... А какъ глянешь
На росинки,—самъ не свой!

Чуть сорока прощебечетъ,—
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть, молъ, она хочетъ:
«Здравствуй, Ваня!.. долго спишь!»

Ребенокъ еще счастливѣй, если изъ тѣсной ограды сада ему удается попасть на безграничный просторъ поля, подъ „величавый навѣсъ“ кудряваго лѣса. Поэтъ разсказываетъ, какъ одинъ изъ его героевъ, Тарасъ, въ дѣтствѣ спасался въ лѣсъ отъ пьянаго отца. Мальчикъ бѣжалъ сюда будто на какое празднество, бросался на росистую траву и жадно слушалъ шумъ лѣсного населенія, дышалъ дыханіемъ цвѣтовъ и грезилъ „снами золотыми“.

Въ другой разъ поэтъ, не прикрываясь чужимъ именемъ, описываетъ былыя наслажденія своего дѣтства, обращаясь къ лѣсу съ благодарнымъ привѣтомъ:

И любо было мнѣ!.. Какъ съ существомъ роднымъ,
Съ тобой я всѣмъ дѣлился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И пѣснью, сложенной подъ говоромъ твоимъ.

Этотъ мотивъ повторяется у Никитина въ теченіе всей жизни. Это не обычные поэтическіе восторги, а настоящая сердечная исповѣдь. Для него явленія природы — не предметъ художественнаго наслажденія, не благодарная, всегда роскошная рамка для фигуръ и эпизодовъ и не божество, исполненное тайнъ и влекущей силы. Къ этому божеству до такой степени близко подходитъ поэтъ, такъ легко и счастливо чувствуетъ себя и ему такъ необходима эта близость, что врядъ ли у кого еще изъ поэтовъ можно найти такое очевѣченное, реальное и прочувствованное воплощеніе природы. Только развѣ разсказъ „Мцыри“ можетъ соперничать съ этимъ изумительнымъ *нравственнымъ* сліяніемъ человѣческой души и безграничныхъ безличныхъ естественныхъ силъ.

Никитинъ въ сущности не описываетъ картинъ природы, какъ художникъ, наблюдая извнѣ. Онъ будто извлекаетъ ихъ изъ своего влюбленнаго сердца и подсказываетъ природѣ тотъ или другой образъ. Это *одновременное творчество* двухъ поэтовъ, проникнутыхъ другъ другомъ, и одинъ изъ нихъ, одаренный силой слова, не знаетъ, какимъ высокимъ правомъ и родственною связью наградить другого. Среди поля, предъ золотистыми нивами, онъ восклицаетъ:

Одинъ я... и сердцу, и думамъ свобода...
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ—природа.

Въ лѣсу та же рѣчь: онъ съ дѣтства привыкъ понимать „таинственный языкъ“ лѣсной жизни,—

Какъ что-то близкое, родное...

И здѣсь, какъ и вездѣ—ни одного риторическаго слова: Никитинъ то же самое повторитъ и прозаическимъ языкомъ, въ спокойномъ дружескомъ письмѣ, разсказывая о своихъ охотничьихъ странствіяхъ по степи:

„Садовъ тамъ никакихъ не было, но случалось мнѣ заходить подъ тѣнь лѣса, съ говоромъ котораго я такъ сроднился съ младенчества, что слышу въ немъ что-то родное, понятное моему сердцу, будто ласкающую рѣчь милаго друга... Вы любите природу, стало быть, вы меня поймете и не скажете, что я мечтаю отъ бездѣлья. Мнѣ, выросшему въ удушливомъ воздухѣ, нельзя было ся не полюбить: она была моею нравственною опорой, поддержкою моихъ силъ, свѣтлою стороной моей жизни, она замѣняла мнѣ живыхъ людей, которыхъ вокругъ меня было такъ мало, или, лучше сказать, вовсе не было. Она никогда мнѣ не измѣняла, всегда оставалась одинаковою ея божественная, вѣчная красота“.

Предъ нами, очевидно, не *художественное* только созерцаніе красотъ, а настоящее *человѣческое* удовлетвореніе, не мечта и творчество, а самое подлинное счастье смущеннаго одинокаго сердца. Отсюда—оригинальный никитинскій способъ пользоваться картинами природы. Онѣ неразрывно связаны съ его дѣтскими впечатлѣніями, лучшая и совершенно реальная половина его личной жизни, въ его поэзіи онѣ будутъ не *украшать*, а *пояснять*, не разнообразить живопись, а служить ея неотъемлемымъ психологическимъ нервомъ.

Поэтъ самъ разсказалъ, какъ у него въ дѣтствѣ зарождались поэтическія настроенія и образы среди природы. Поэма „Лѣсникъ и внукъ“ одна изъ самыхъ изящныхъ исторій о пробужденіи поэтическаго таланта подъ вліяніемъ самыхъ, повидимому, незамысловатыхъ явленій.

Внукъ разсказываетъ дѣду, что онъ видѣлъ въ лѣсу: все это обыкновенныя вещи, но ребенокъ чуетъ за ними нѣчто другое, для дѣда странное и забавное. Это другое — таинственная прелесть всеобъемлющей жизни, могучей и прекрасной— отъ самыхъ ничтожныхъ мелочей, вродѣ трепета листьевъ на осинѣ и журчанія ручья, до потрясающаго размета грозныхъ стихій. И ребенку не нужно никакихъ усилій придать своей рѣчи картинность и движеніе: въ его душѣ, будто

въ калейдоскопѣ, внѣшній міръ вызываетъ звучную и яркую волшебную галлерею. Это будто чувствительнѣйшій музыкальный инструментъ, немедленно издающій отвѣтные звуки на „родной“ голосъ единственнаго друга.

И пересмотрите всѣ никитинскіе пейзажи,—васъ поразитъ безпримѣрная простота и, на первый взглядъ, даже прозаичность рисунка. Поэтъ разсказываетъ будто о своихъ будняхъ, рѣчь его не обличаетъ ни лиризма, ни элегическаго настроенія, ни восторженнаго порыва. Такъ дѣйствительно можно писать только о другѣ, близкомъ родномъ, старомъ извѣданномъ товарищѣ. Вамъ невольно припоминается благородная рѣчь Джульетты,—невольный укоръ глубокаго, но скромнаго чувства пышному краснорѣчію:

Истинному чувству не дано
Высказываться въ громкихъ выраженьяхъ:
Оно безъ нихъ само собой полно,
И нѣтъ ему нужды въ ихъ украшеньяхъ...

Это значитъ нѣтъ нужды въ сравненіяхъ, гиперболахъ и иныхъ поэтическихъ фигурахъ.

Совершенно также Никитинъ любитъ природу и также говоритъ о своей любви.

Вы нерѣдко изумляетесь легкости переходовъ поэта отъ самыхъ прозаическихъ разговоровъ къ чарующимъ картинамъ природы—и это одинаково въ личныхъ письмахъ и въ поэмахъ. Только что авторъ говорилъ о появленіи въ журналѣ своихъ „Записокъ семинариста“,—въ слѣдующей строкѣ онъ сообщаетъ о необыкновенно раннемъ появленіи жаворонковъ,—и кстати описываетъ пѣсню жаворонка. Прочтите это описаніе: оно—пересказъ одного изъ поэтичнѣйшихъ стихотвореній,—и такой свободный, естественный для самого поэта—невольный: онъ въ заключеніе и проситъ прощенія въ томъ, это „немножко заговорился“ *).

*) Письма Н—па. «Сочиненія». М. 1893 г., т. I, стр. 139.

Такъ вездѣ и всегда. Никитину не требуется заранѣе приготовлять краски, запасаться извѣстнымъ настроеніемъ, вникать въ *натуру:* она сама ложится на его полотно во всей своей правдѣ и, будто восходящее солнце, мгновенно озаряетъ всѣ неясные, затуманенные уголки картины, или музыкальный аккомпаниментъ, яснѣе всякихъ словъ характеризующій драматическое положеніе.

Примѣры безчисленны. Припомните тоску Саши, дочери Кулака, когда ей отказываютъ въ единственномъ счастьи—въ бракѣ съ любимымъ человѣкомъ, и здѣсь же рядомъ, въ саду, пѣсни малиновки, свившей въ глуши гнѣздо и теперь счастливой матери. Припомните тягостныя мытарства Лукича на ярмаркѣ, его возвращеніе домой—пьяное и злобное,—и здѣсь же угрюмый, сѣрый вечеръ, съ мертвеннымъ отблескомъ зари и зловѣщимъ горизонтомъ. И всѣ эти картины складываются, повидимому, изъ простого перечисленія предметовъ,—кое-гдѣ лишь попадется сравненіе и восклицаніе. И трудно ставить восклицательные знаки, когда въ изображеніи горячаго лѣтняго дня на первомъ планѣ—грачъ съ повислымъ крыломъ и раскрытымъ клювомъ, въ картинѣ вечера послѣ дождя—стрекоза, пьющая капли воды, и сурокъ, вышедшій изъ норы... Но такова сила непосредственнаго поэтическаго охвата: набросаны все отрывочные, крайне мелкіе штрихи, но, въ заключеніе, незамѣтно для васъ выросло художественное произведеніе и навсегда осталось въ вашей памяти. Такъ кисть вдохновеннаго живописца часто однимъ ударомъ преобразовываетъ дотолѣ неподвижную и мертвую фигуру, одною точкой сообщаетъ глазамъ портрета жизнь и индивидуальность.

Все это поэтическое богатство заложено въ душу поэта одинокимъ дѣтствомъ. Онъ, ища въ природѣ не роскоши наслажденій, а насущнаго хлѣба для алчущаго чувства, рано привыкъ относиться къ ней человѣчески-просто, какъ относился бы къ доброму товарищу, къ нѣжной матери. Впо-

слѣдствіи, когда „невыразимыя мечты“ стали находить слова и выраженія,—та же простота и задушевность перешли изъ безсознательныхъ ощущеній въ поэзію. Никитинъ, подобно Лермонтову, умиралъ свое тоскующее дѣтское сердце въ царствѣ природы. Но будущій пѣвецъ „Демона“ не могъ имѣть даже представленія о мѣщанской тьмѣ и матеріальныхъ лишеніяхъ. Ненавидя лживый свѣтъ и общечеловѣческое ничтожество, онъ „пылалъ душой“, „сладость пилъ съ волшебныхъ устъ“ природы, его „баюкалъ бури вой мятежный“, ему, наконецъ, рисовался „могучій образъ“, „какъ царь нѣмой и гордый“... Ученику духовнаго училища и уличному мальчишкѣ было далеко до этихъ образовъ и настроеній. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, если ему удавалось на нѣсколько минутъ забыть свое загнанное существованіе, „примириться съ нуждой“. Для него природа не разгулъ романтическихъ страстей, а желанное затишье, гдѣ можно на зеленую траву склонить горячую голову и отдаться на свободѣ своимъ мыслямъ. И въ мысляхъ этихъ, мы заранѣе знаемъ, не будетъ сказочнаго раздолья и захватывающихъ духъ героическихъ замысловъ. Нѣтъ, это будутъ мысли, подсказанныя тою же тьмой и нуждой.

V.

Въ дѣтствѣ Никитину не было исхода для сердца, въ молодости—для ума. Изъ нелюдимаго ребенка и дикаго школьника онъ съ годами выросъ въ суроваго юношу и злосчастнаго питомца семинаріи. Впослѣдствіи домашнюю обстановку и семинарскую науку Никитинъ считалъ своими одинаково злѣйшими врагами. Онъ подробно и откровенно описалъ наставниковъ, ихъ взгляды на умственное и нравственное развитіе юношей, ихъ личныя доблести: „Дневникъ семинариста“—подлинная и достаточно краснорѣчивая автобіографія. Но для Никитина вопросъ не кончался семинар-

скою каторгой,—все равно какъ въ дѣтствѣ ему недостаточно было хорошо знать свои уроки, требовалось еще освободиться отъ мѣщанскаго выговора.

Семинаристъ-мѣщанинъ—двойное клеймо для многихъ, можетъ быть даже и въ настоящее время, а что же могло быть въ сороковые годы, когда журналисты и критики думали навсегда уничтожить Бѣлинскаго, обзывая его семинаристомъ! Для торговцевъ и кулаковъ Никитинъ представлялъ странное явленіе уже потому, что учился какимъ-то мудренымъ поповскимъ наукамъ, для интеллигенціи гимназій и университетовъ—на немъ лежала печать отверженія за то, что онъ не учился болѣе разумнымъ, хотя и менѣе мудренымъ наукамъ. Выходило, бѣдный „студентъ“ отъ своихъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ. Уличные зѣваки и лавочники нарочно приходили посмотрѣть, какъ „ученый“ торгуетъ за ларемъ восковыми свѣчами, а для просвѣщеннаго дворянина или даже разночинца нужна была особая добрая воля и дѣйствительно просвѣщенный взглядъ, чтобъ искренне и душевно сойтись съ торгашомъ-семинаристомъ.

Въ результатѣ—рядомъ со всѣми удручающими плодами семинарскаго воспитанія — чувство невыносимо-фальшиваго положенія, рядомъ съ узаконеннымъ рабствомъ живой мысли и личности—своего рода нравственный и умственный аскетизмъ. Не съ кѣмъ подѣлиться ни мыслью, ни желаніемъ, не у кого спросить совѣта, хотя бы насчетъ книги, писателя, собственныхъ плановъ. Въ семинаріи искони построена китайская стѣна противъ такъ называемой „свѣтской литературы“. Ея тяжесть способна изуродовать вкусъ и здравый смыслъ самаго даровитаго юноши. Надеждинъ, воспитанникъ рязанской семинаріи, профессоръ эстетики въ Московскомъ университетѣ, будетъ громить произведенія Пушкина почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія Никитинъ слышалъ отъ своихъ наставниковъ. Есть только двѣ существенныя разницы: Надеждинъ уничтожалъ легкомысленную, по

его мнѣнію, поэзію въ тридцатыхъ годахъ, а воронежскіе просвѣтители всего Пушкина считали пустяками, въ произведеніяхъ Гоголя находили запахъ кухни и конюшни—уже послѣ критики Бѣлинскаго. Потомъ суровый Надоумко ратовалъ за *идею,* несомнѣнно, ложно и односторонне понятую, но идею, а въ воронежской семинаріи именно и открещивались отъ какихъ бы то ни было идей, всѣми силами давили природу въ человѣкѣ, возмущались, какъ преступленіемъ, каждымъ не изъ учебника почерпнутымъ словомъ. Учитель являлся одновременно личнымъ врагомъ и тюремщикомъ ученика.

Никитинъ все это разсказалъ въ живыхъ сценахъ, нарисовалъ рядъ типовъ и драмъ семинарскаго застѣнка и восторженно лелѣялъ мысль все это предать публичному позору.

Въ этой мысли, несомнѣнно, была извѣстная доля удовлетворенія за претерпѣнныя обиды и насилія. Но оно явилось много лѣтъ спустя, а въ самый разгаръ испытаній не было ни прибѣжища, ни утѣшенія.

У юноши, истомленнаго схоластикой и нравственнымъ гнетомъ, вся кровь загорается при имени Кольцова, страстныя пѣсни про раздолье степи и молодецкую удаль кажутся ему крикомъ собственной души, и онъ невольно отождествляетъ себя съ плѣненнымъ соколомъ: у него также „крылья связаны и пути ему всѣ заказаны“...

Но это лишь *внутренній* жаръ: онъ долженъ перегорѣть и погаснуть втайнѣ отъ всѣхъ и оставить лишь чувство безсильной боли и гнѣва.

„На всякій, возникающій во мнѣ, вопросъ, на всякое, рождающееся во мнѣ, сомнѣніе я долженъ искать отвѣта только въ самомъ себѣ“, говоритъ поэтъ и онъ убѣжденъ, что его „вопросы“ встрѣтятъ насмѣшку даже среди товарищей. Семинарія въ этомъ отношеніи то же, что лермонтовскій „свѣтъ“. Все оригинальное и лично-яркое—ея завѣдомые враги, и горе тому, кто не сумѣетъ скрыть отъ стадной ненависти своего свободнаго внутренняго міра!

Оба поэта поглощены ежеминутной заботой—не пустить непрошеннаго гостя въ свою душу. Лермонтовъ разыгрываетъ роль безшабашнаго малаго и Мефистофеля, Никитинъ находитъ болѣе откровенное, но зато и болѣе мучительное средство—просто удаляется отъ товарищества въ семинаріи, отъ лавочниковъ—на улицѣ и въ особенности—отъ интеллигенціи. Авторъ „Дневника семинариста“ указываетъ одну въ высшей степени любопытную черту своихъ одинокихъ мыслей: онѣ часто наивны и элементарны и могутъ вызвать насмѣшку у просвѣщенныхъ читателей.

Но здѣсь и объясненіе, и смягчающія обстоятельства. Бѣдному семинаристу приходится самому открывать Америки, начинать свое развитіе съ азбуки и съ трудомъ завоевывать идеи и взгляды, какіе не-семинаристъ и не-мѣщанинъ получаетъ безъ всякихъ личныхъ усилій и изысканій отъ своихъ родителей или учителей. Счастливая случайность наталкиваетъ его на Шекспира *), Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго... До сихъ поръ онъ читалъ только учебники и слова и рѣчи на разные торжественные случаи, о названныхъ же писателяхъ слышалъ лишь самые отчаянные и даже угрожающіе отзывы. Ему, слѣдовательно, помимо рѣшительности прочесть новую, непривычную книгу, нужна еще отвага взяться за нее, нужно недюжинное личное самосознаніе, чтобы въ семнадцать лѣтъ пойти наперекоръ всѣмъ самымъ настоятельнымъ внушеніямъ и весьма серьезнымъ опасностямъ, рисковать изъ-за гонимой книги разбить навсегда свою жизнь и окончательно погибнуть въ глазахъ родителей-кормильцевъ и всего мѣщанства.

Все это *подлинныя* житейскія условія умственнаго развитія многихъ лучшихъ русскихъ людей и, прежде всего, Никитина. Если въ культурной средѣ личная работа юноши—

*) Можно указать на интересное отраженіе шекспировскаго «Гамлета», именно сцены принца съ Горація на кладбищѣ, въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Кольцова «Кладбище».

великая заслуга, въ положеніи нашего поэта она—истинный подвигъ. Если университетскіе студенты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ совершали несомнѣнное дѣло живого просвѣщенія, собираясь въ товарищескіе кружки и горячо преслѣдуя общую цѣль саморазвитія независимо отъ оффиціальной науки, одинокій семинаристъ-мѣщанинъ съ Гоголемъ или Бѣлинскимъ на сѣновалѣ или въ убогомъ лавочномъ чуланѣ имѣетъ всѣ права внести свое имя въ списки благороднѣйшей русской молодежи всѣхъ достопамятныхъ эпохъ нашего нравственнаго и общественнаго прогресса.

Но самъ этотъ странный читатель не думаетъ ни о какихъ правахъ. Онъ до самозабвенія предается запрещенному чтенію во имя все той же неутолимой нравственной жажды, какая въ дѣтствѣ гнала его изъ „скуднаго дома“ въ привольный лѣсъ. И тогда невольно складывались у него первые поэтическіе мотивы, „невыразимая мечта“ часами приковывала его слухъ и взоръ къ неисчерпаемой жизни природы. Теперь также неизбѣжно возникаетъ вереница думъ, складывается окончательно нравственный характеръ и опредѣляется ясное непоколебимо-устойчивое міросозерцаніе, потому что каждая черта въ немъ—плодъ личной мысли, личнаго опыта и, главное, личной въ полномъ смыслѣ *реальной борьбы* за эти думы и за это міросозерцаніе.

Она сослужила Никитину неоцѣненную службу въ „Дневникѣ“ результатъ именуется *переворотомъ*. Этотъ „переворотъ“ въ высшей степени разностороненъ. Авторъ указываетъ лишь на перемѣну нѣкоторыхъ взглядовъ, на развитіе чувства гуманности. Это далеко не все. Здѣсь не достаетъ *психологическаго* и *обще-нравственнаго* вліянія. И то, и другое бросаетъ свѣтъ на практическую жизнь и дѣятельность Никитина и ставитъ на твердую почву вопросъ объ его человѣческой личности.

Кто съ дѣтства попадаетъ въ суровую школу жизни и въ теченіе всей молодости долженъ шагъ за шагомъ отвое-

вывать свое нравственное „я“ и даже матеріальное существованіе, у того неминуемо выростаетъ крайне энергическое самосознаніе, и инстинктивная спокойная самоувѣренность и, въ то же время, способность однимъ взглядомъ оцѣнить положеніе другого, отдать должное его слабости и силѣ. Никто лучше не знаетъ пагубнаго дѣйствія нужды и лишеній на человѣка, но никто также не ставитъ и болѣе высокихъ требованій самому человѣку.

Никитинъ могъ съ гордостью заявлять, что онъ всѣмъ обязанъ исключительно себѣ, „только своимъ собственнымъ силамъ, только своей собственной энергіи“. Но что бы значили всѣ эти силы, если бы борьба не представляла ни затрудненій, ни опасностей? Если кто высоко цѣнитъ свою побѣду, этимъ самымъ онъ признаетъ силу побѣжденнаго врага. У Никитина врагомъ была *нужда*, необходимость добывать кусокъ хлѣба среди самой неприглядной дѣйствительности. Послѣ семинаріи его засаживаютъ въ лавку, потомъ онъ становится хозяиномъ постоялаго двора и, наконецъ, достигаетъ вѣнца своихъ стремленій—открываетъ книжный магазинъ. Здѣсь, конечно, работа чище, чѣмъ на извозчичьемъ дворѣ, но сущность не мѣняется: Никитинъ до конца привязанъ къ вопросу о *нуждѣ* и нравственно не можетъ покончить съ нимъ даже имѣя практическую возможность жить сравнительно спокойнѣе. Очевидно, предъ нами натура въ высшей степени трезвая и сильная въ самомъ прозаическомъ смыслѣ слова. Прославленный поэтъ не перестаетъ быть промышленникомъ, авторъ „Кулака“ весьма выгодно торгуетъ чужими сочиненіями, первый гонораръ тратитъ на „дѣло“,—на улучшеніе постоялаго двора, потомъ спѣшитъ пріобрѣсти книжную лавку и горячо отдается новому предпріятію. Интеллигентнымъ пріятелямъ это кажется возмутительною алчностью, они осыпаютъ поэта упреками, но онъ идетъ своимъ путемъ: дѣлецъ ни на минуту не уступаетъ мѣста лирику и мечтателю. Сочиненія любимыхъ писателей,

и даже французская литература, не сходятъ съ его стола въ комнатѣ рядомъ съ магазиномъ, и Никитинъ убѣжденъ, что послѣ Шекспира съ большимъ удобствомъ можно перетолковать съ какою-нибудь любительницей Поль-де-Кока и продать ей модный романъ.

Это смѣшеніе ремесла и поэзіи не давало покоя искреннимъ друзьямъ поэта... Но если бы всталъ изъ мертвыхъ величайшій изъ поэтовъ, именно любимый Никитинымъ Шекспиръ, онъ пришелъ бы въ восторгъ отъ своего почитателя. Онъ также умѣлъ одновременно „дѣлать дѣло“ и „бесѣдовать съ музами“, потому что также прошелъ побѣдоносно тяжелый жизненный искусъ униженій въ бѣдности и безсильнаго негодованія въ низкомъ общественномъ положеніи на привилегированныхъ обидчиковъ. И Никитинъ могъ съ добродушною улыбкой встрѣчать нападки друзей: онъ лучше всѣхъ зналъ себя самого. Всю молодость проживъ безъ руководителя и помощника, личными силами развивъ свой умъ и проложивъ свободную дорогу, онъ не могъ теперь пойти въ науку къ кому бы то ни было.

Въ отвѣтъ на дружескія упреки и сомнѣнія, на злобныя насмѣшки враговъ, поэтъ изображалъ растлѣвающую власть нужды надъ людьми, вызывалъ изъ самыхъ темныхъ угловъ русской жизни жертвы этой власти, и обо всемъ говорилъ такъ просто, наглядно и правдиво, что всякому читателю за невзрачными и бѣдными фигурами мѣщанъ и мужиковъ невольно чуялись личное горе и личныя воспоминанія поэта. И то же самое впечатлѣніе становилось еще живѣе, когда авторъ отъ изображеній народной дѣйствительности переходилъ къ вопросу столь же близкому—къ литературѣ. Тамъ являлся повѣствователь много пережившій, здѣсь народный мудрецъ много передумавшій и вездѣ одинаково исполненный яснаго сознанія, что пережитое привело его къ практической побѣдѣ, передуманное—къ нравственной свободѣ и всѣ его произведенія отъ первой до послѣдней строки могутъ быть лишь автобіографіей и исповѣдью.

VI.

Викторъ Гюго всю свою романтическую поэзію выразилъ въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ и совершенно правдивыхъ словахъ: въ горнило одиночества и борьбы за кусокъ хлѣба судьба бросаетъ человѣка всякій разъ, когда хочетъ изъ него сдѣлать воришку или полубога. И французскій поэтъ со свойственнымъ ему эффектомъ рисовалъ полубоговъ, героическіе акты незамѣтной и темной, но великой и въ полномъ смыслѣ общечеловѣческой драмы. Это большая заслуга со стороны литературы—открыть нравственную мощь души и ума тамъ, гдѣ на поверхностный взглядъ лишь одна мерзость запустѣнія.

Русскіе писатели несравненно скромнѣе и проще. Они инстинктивно сторонятся отъ излишняго театральнаго блеска, избѣгаютъ шума громкихъ рѣчей; выполняя ту же благородную роль относительно народа, они направляютъ свое вниманіе преимущественно не на побѣдителей и героевъ, а на побѣжденныхъ и жертвъ. Они стоятъ ближе къ обыденнымъ явленіямъ жизни, изъ мѣткаго обобщенія Гюго берутъ наиболѣе прозаическую и скорбную часть, рисуютъ пороки и мелкія преступленія слабосильныхъ борцовъ съ нуждой и одиночествомъ. Среди этихъ историковъ печальныхъ будней одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Никитину.

Поэтъ не скрываетъ, что ему предстоялъ путь жизни одинаковый съ его героями, Кулакъ для него лицо близкое и дорогое, потому что имъ обоимъ выпала на долю удручающая забота о собственномъ пропитаніи. Разница только въ личныхъ силахъ автора и его героя. Никитинъ не жалѣлъ ни молодости, ни жизни, чтобы завоевать свободу и болѣе свѣтлую дорогу, Кулакъ поддался въ трудной задачѣ и запутался въ тинѣ житейскаго болота. Отсюда глубокое сочувствіе поэта къ несчастному, его задушевное напутствіе всѣмъ подобнымъ горемыкамъ, гибнущимъ безъ счета, невѣдомо для

нашихъ глазъ,—трогательное отождествленіе самой поэмы съ исторіей собственной души:

Не ради шутки, не отъ скуки,
Я какъ умѣлъ слагалъ свой стихъ,
Я воплощалъ боль сердца въ звуки
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!

И поэтъ на примѣрѣ своего героя показалъ, какія нравственныя опустошенія совершаетъ нищета среди нашихъ „братьевъ“. Онъ не разъ заставляетъ самого кулака бросить въ лицо счастливцамъ—повѣсть своей безпріютной жизни и смѣло поставить вопросъ, кто лучше? Лукичъ родился не злодѣемъ, у него до конца остается сознаніе плутней и обмановъ, какими онъ промышляетъ среди простоватыхъ бѣдняковъ, его совѣсть несравненно отзывчивѣе и человѣчнѣе, чѣмъ у богача-кулака, купца и ханжи—Пучкова. Онъ отлично знаетъ, въ чемъ его можно упрекнуть и за что осудить. Но волчій бой за насущное пропитаніе крѣпко захватилъ его съ молодыхъ лѣтъ, у него нѣтъ иного выхода, кромѣ сознательныхъ заушеній своей человѣческой природы и безсильной ненависти противъ насильниковъ, вынуждающихъ его на униженія, ложныя клятвы и всевозможныя уловки голоднаго порабощеннаго звѣря.

Передъ нами во всѣхъ подробностяхъ крестный путь бѣдняка, мы слышимъ непрерывный вопль злобы и отчаянія, и они безпощадно заглушаютъ рѣдкіе отголоски лучшихъ настроеній далекаго прошлаго, когда Лукичу доступно было теплое сердечное чувство къ ближнему, когда, напримѣръ, онъ съ опасностью жизни спасъ утопавшаго, и тотъ въ порывѣ благодарности обнималъ его руки. Кулаку много лѣтъ спустя этотъ случай припоминается, какъ угасшій отрадный свѣтъ, какъ навсегда исчезнувшая возможность сохранить человѣческій образъ:

А, вѣдь, и я добро любилъ,
Оно, вѣдь, дорого мнѣ было!..

Теперь:

Душа-то не сосѣдъ,—
Силутуешь коли хлѣба нѣтъ.

Такая простая и въ то же время трагическая философія! И посмотрите, какъ правдивы и жизненны ея мельчайшія черты: кулаку случается подать милостыню, но онъ дѣлаетъ это отнюдь не изъ состраданія, а съ разсчетомъ на высшую отплату сторицею. Ему жена говоритъ о соловьѣ, поющемъ въ саду; для кулака не существуетъ чистой поэзіи, какъ и чистой религіи, и—его отвѣтъ:

«Сытъ стало; коли-бъ зналъ нужду,
Не пѣлъ бы. Мнѣ вотъ не поется,
Какъ хлѣбъ-атъ по́томъ достается».

И поэтъ лично знаетъ всю горькую справедливость этой суровой отповѣди. У него, одареннаго даромъ пѣсенъ, чувствовавшаго непостижимую силу вдохновенія,—не разъ падалъ духъ, замирали слова и угасалъ въ груди голосъ бога, потому что „человѣку нѣтъ пощады въ бездонномъ омутѣ тревогъ“:

Падетъ на грудь заботы камень,—
Свободу рукъ скуетъ нужда,—
И гаснетъ вдохновенья пламень,
Могучій двигатель труда.

Никитинъ особенно тяжело чувствовалъ гнетъ житейскихъ мелкихъ терзаній, именно—какъ поэтъ. Для него творчество было условіемъ счастья и отдыха, сѣсть у огня, забыть на время „шумъ заботливаго дня“,—и задумчиво слагать „скромный стихъ“, эта картина—самая свѣтлая идиллія, какую представляютъ поэтъ. И ему не надо усилій отрѣшиться отъ прозы и настроить свою душу на вдохновенный ладъ: мы уже знаемъ, жизнь и поэзія у Никитина переплетаются неразрывно, за томительной скукой трудовыхъ будней непосредственно слѣдуетъ благородный порывъ негодующаго духа, и тогда:

Изъ глубины души какъ волны
Слова послушныя текутъ...

Легкостью—облекать эту слова въ стихи и риѳмы—поэтъ изумлялъ своихъ друзей. И для него—единственный врагъ, разбивающій волны и возмущающій „глубину души“—все та же нужда. Она его заставила Бѣлинскаго и Шекспира держать рядомъ съ извозчичьими счетами, она много лѣтъ питала въ немъ недовѣріе къ „непонятной власти“, заставлявшей его „слагать задумчивую пѣснь“, она отдѣлила его пропастью отъ людей мысли, и когда онъ рѣшился, наконецъ, заявить имъ о своихъ стихахъ, она подсказала ему боязливую просьбу—къ чаемымъ покровителямъ—не смѣяться надъ нимъ, поэтомъ мѣщаниномъ и дворникомъ...

Все это Никитинъ переиспыталъ всей силой своей чуткой натуры и, когда просилъ у читателей снисхожденія къ грязному и пьяному кулаку,—на его уста невольно приходила мужественная рѣчь о борьбѣ сильныхъ противъ всерастлѣвающаго демона знакомой ему нужды:

Великъ кто взросъ среди порока,
Невѣжества и нищеты,
И остается безъ упрека
Жрецомъ добра и правоты;
Кто видитъ горе, знаетъ голодъ,
Усталый чахнетъ за трудомъ.
И крѣпко волей вѣчно молодъ,
Всегда идетъ прямымъ путемъ.

Да, великъ, потому что:

Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты—полъ не заскрипитъ,
И душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ.

И здѣсь поэтъ, говоря такъ по поводу безпросвѣтной, скорбной жизни и смерти жены кулака,—пересказывалъ впе-

чатлѣнія своей молодости, первой борьбы за свободу и свѣтъ. О себѣ самомъ онъ повторяетъ жалобу, что „мелочная невзгода“, „тяжелая горечь“ не убиваютъ „какъ небесный громъ“. Этотъ ядъ сушитъ мозгъ и жжетъ тѣло медленнымъ огнемъ. Онъ капля за каплей вытравливаетъ въ человѣкѣ жизненную радость и отзывчивость. Онъ озлобляетъ самыхъ кроткихъ и уродуетъ самыхъ прекрасныхъ божьихъ созданій. Поэтъ будто не находитъ достаточно яркихъ словъ—изобразить эту неотразимую отраву: тонкія иглы, что̀ входятъ въ горячій мозгъ и больную грудь—такова пытка жалкаго, униженнаго, голоднаго существованія для тѣхъ, чей мозгъ мыслитъ и грудь чувствуетъ.

И поэтъ по собственному опыту знаетъ, какимъ бы преступленіемъ было—бросить камнемъ въ усталаго труженика! Вѣдь, онъ самъ не разъ слышалъ насмѣшки надъ своей злополучной участью и даже негодующіе упреки въ кулачествѣ и торгашествѣ. Упрекавшіе не понимали, что̀ значитъ съ самаго дѣтства кусокъ хлѣба считать благодѣяніемъ родителей, а потомъ вожделѣнной основой простой человѣческой свободы и личнаго достоинства, что̀ значитъ даже сравнительно независимое положеніе лелѣять, какъ идеалъ, какъ мучительную тоску истерзаннаго сердца. И мы понимаемъ, когда Никитинъ при открытіи своего книжнаго магазина съ рыданіями бросился на грудь отца: только въ эту минуту онъ достигъ права требовать, чтобы его родственная среда уважала въ немъ человѣка. Эти рыданія знаменовали торжествующее сознаніе побѣды надъ „порокомъ, невѣжествомъ и нищетой“. Но поэтъ не могъ забыть ни медленнаго яда, ни иглъ, разрывавшихъ его душу въ лучшіе годы жизни: онъ взываетъ о нашемъ состраданіи ко всѣмъ менѣе сильнымъ и менѣе одареннымъ,—быть можетъ въ тайнѣ, въ мгновенья раздумья, производящимъ мучительный разсчетъ съ своей совѣстью.

Это точное представленіе о разложеніи лучшихъ задат-

ковъ человѣческой природы среди невѣжества и бѣдности,—представленіе отъ начала до конца проникнутое личными познаніями поэта въ житейской наукѣ, и гуманная, всепонимающая и ко всему снисходящая нравственная философія, внушенная самымъ естественнымъ и законнымъ стремленіемъ—освѣтить истиннымъ свѣтомъ свою собственную борьбу съ многообразными невзгодами и оправдать ея практическіе результаты,—эти двѣ основы міросозерцанія Никитина глубоко и рѣзко отразились на его поэзіи народной жизни и на самыхъ пріемахъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности.

VII.

Въ личной жизни Никитина совершенно отсутствовали поэтическіе мотивы: обычный и самый существенный источникъ ихъ—женская любовь—осталась для него чувствомъ неиспытаннымъ и постороннимъ. Правда, къ его біографіи относится переписка съ дѣвушкой, но мы напрасно стали бы искать здѣсь сердечныхъ изліяній, лирическихъ отступленій на тему нѣжныхъ чувствъ, тоскливыхъ намековъ на разлуку и счастливыхъ предвкушеній свиданія...

Все это неизбѣжно входитъ въ романъ, и ничего этого нѣтъ у Никитина. Предъ нами своеобразное явленіе: дружба для поэта, повидимому, болѣе поэтическое и глубокое чувство, чѣмъ любовь къ женщинѣ. По крайней мѣрѣ, его письма къ другу гораздо лиричнѣе и страстнѣе, и разлука съ нимъ—настоящее личное горе, и Никитинъ даже принимается цитировать поэтовъ для изображенія своихъ настроеній. Такъ дѣлаютъ именно влюбленные! Даже больше. Никитинъ самъ сообщаетъ, какъ выплакивалъ свое семейное горе на груди друга... Заплакать ему было не легко, минуты слезъ свидѣтельствовали о крайнемъ напряженіи всѣхъ душевныхъ силъ въ безплодной борьбѣ съ отцомъ, и у Никитина единственное прибѣжище—не то, что́ обыкновенно зовется счастьемъ съ милой, а сочувствіе добраго пріятеля.

Чѣмъ же объяснить эту безпримѣрную черту въ біографіи поэта? Можетъ быть, жесткостью сердца? Но вопросъ рѣшается всею поэзіей Никитина безъ всякихъ колебаній и ограниченій. Причина все та же, намъ отлично извѣстная.

Одинъ изъ героевъ Шекспира утверждаетъ, что любовь отъ бездѣлья. Въ такой рѣшительной формѣ это очень жестокій взглядъ, но правда въ немъ есть. Романтическое увлеченіе требуетъ постоянной пищи изъ нѣжныхъ настроеній, думъ и мечтаній: влюбленный, помимо предмета своей любви, долженъ не менѣе тщательно ухаживать и за своими личными чувствами, и чѣмъ усерднѣе онъ предается этому занятію, тѣмъ больше удовлетворяетъ своему положенію. Очевидно, для любви нуженъ извѣстный просторъ въ нравственной и внѣшней жизни человѣка—почва и воздухъ.

Могло ли все это быть къ услугамъ Никитина? Влюбляться, конечно, ему ничто не мѣшало, но весь строй его натуры не допускалъ возможности создать на удручающемъ фонѣ рядъ мимолетныхъ забавныхъ картинъ. Нужда воспитала въ немъ серьезное до суровости отношеніе ко всѣмъ положеніямъ и задачамъ жизни. Она привела Никитина къ такому же возвышенному взгляду на любовь, какой былъ въ ходу среди современной ему университетской молодежи философско-идеалистическаго направленія. Любить—значитъ нести отвѣтственность и за себя, и за другого,—отвѣтственность въ самомъ широкомъ смыслѣ,—за счастье, за душевный миръ, за внѣшнее благосостояніе. Въ молодости поэтъ, содержатель постоялаго двора, мѣщанинъ по сословію, но въ дѣйствительности одинъ изъ интеллигентнѣйшихъ людей, не могъ бы найти женщину, способную принаровиться къ столь разнообразнымъ условіямъ. Пришлось бы или бросить единственный источникъ средствъ для жизни, или понизить свои требованія къ семьѣ до уровня дворниковъ.

Въ періодъ писательской извѣстности и безбѣднаго существованія быстро развился смертельный недугъ, и Никитинъ

не могъ помириться съ мыслью связать чужую судьбу съ своими немощами. Онъ дожилъ свои дни одинокимъ, даже отказавшись отъ свиданія съ своею корреспонденткой. Ни на одну минуту онъ не могъ рѣшиться отяготить кого бы то ни было своими страданіями. Это—благороднѣйшая гордость человѣка, отъ начала до конца совершавшаго путь безъ спутника и помощника...

Намъ ясно, какъ подобная суровость и самоотверженное отношеніе къ личному счастью должны отозваться на творчествѣ Никитина. Содержаніе его поэзіи—факты его біографіи, общія воззрѣнія—плодъ продуманнаго опыта, манера разсказывать факты и излагать воззрѣнія—результатъ одинокой, почти аскетической жизни сердца. Трудно назвать поэта, который съ такою строгостью относился бы къ своей работѣ, такимъ испытующимъ взоромъ слѣдилъ за своимъ вдохновеніемъ и такъ безпощадно уничтожалъ свои произведенія.

Мы знаемъ, Никитинъ мужественно встрѣтилъ нападки друзей на „торгашество“ и, несмотря ни на какіе упреки, остался хозяиномъ книжной лавки, потому что видѣлъ въ ней, при извѣстныхъ условіяхъ, единственную надежную основу своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ. То же самое и относительно литературной дѣятельности.

Ему крайне мучительно было сдѣлать первый шагъ въ писательскій свѣтъ и это, помимо мѣщанскаго отщепенства, свидѣтельствовало также о значительности шага во мнѣніи Никитина. Но разъ Рубиконъ перейденъ, Никитинъ твердо и увѣренно становится на новой дорогѣ. Онъ едва ли не самый жестокій критикъ своихъ трудовъ и приводитъ въ отчаяніе друзей, уничтожая и передѣлывая раннія стихотворенія. Его преслѣдуетъ мысль, какъ бы ему не пришлось краснѣть за строки, подписанныя его именемъ. Слово „дрянь“ звучитъ безпрестанно, когда Никитину приходится издавать свои произведенія; онъ отказывается снабдить ихъ хронологическими отмѣтками, считая это незаслуженною претензіей

для своего скромнаго таланта, и уничтожаетъ цѣлую почти оконченную поэму „Городской голова“.

Вообще онъ ничего не хочетъ брать въ видѣ обязательства или комплимента. Одна мысль о „милостынѣ“ приводитъ его въ смертный ужасъ: всюду онъ одинъ и тотъ же—сознательно-гордый и скромно-самоувѣренный. Ни шагу назадъ предъ какими бы то ни было обстоятельствами, насмѣшками и враждой и ни шагу впередъ по направленію больного навязчиваго самолюбія писателя или удачника, изъ неизвѣстности и „грязи“ поднявшагося къ славѣ и благосостоянію. Изумительное соединеніе поэтическаго таланта и неослабнаго житейскаго самосознанія!

Теперь, когда онъ станетъ говорить о другихъ, описывать красоту или уродства жизни и человѣческой природы, онъ ни единымъ словомъ не измѣнитъ своему идеально выдержанному, цѣломудренному характеру. Реальное содержаніе облекается въ возможно простую форму и поэтъ, ничего не подчеркивая, ничемъ преднамѣренно не приковывая вниманія читателя, предоставляетъ предмету говорить за себя, все равно какъ въ описаніяхъ природы онъ только перечислялъ явленія и выходила картина.

Никитинъ почти не выходитъ изъ круга народной дѣйствительности, пишетъ о народѣ въ самый горячій періодъ его исторіи, при отмѣнѣ крѣпостного права,—всѣ данныя впасть въ лиризмъ, мелодраму или чувствительную элегію. И мы охотно допустили бы всѣ эти увлеченія. Но для Никитина они были бы настоящимъ преступленіемъ передъ правдой и искренностью. Онъ самъ косвенно указалъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ говорить о народѣ и къ народу.

Въ отрывкѣ изъ погибшей поэмы „Городской голова“ выведенъ кучеръ Семенъ, бывшій крѣпостной мужикъ. Карьера его сложная и многострадальная, столь обычная при старыхъ порядкахъ: побывалъ онъ и музыкантомъ, и актеромъ, „собакой жилъ“. Но послушайте, какъ онъ обо

всемъ этомъ повѣствуетъ: слушатели смѣются „чуть не до слезъ“. Ни единаго сердобольнаго слова, ни намека на трагическій паѳосъ,—вся рѣчь проникнута живымъ юморомъ, въ иную минуту скрашена крѣпкимъ словцомъ. Разсказчику и на умъ не приходитъ разыгрывать интереснаго героя, напрашиваться на сильныя чувства. Онъ доволенъ простымъ вниманіемъ добрыхъ пріятелей и искренно удивился бы, еслибъ его исторіи кто-нибудь вздумалъ придать особенное значеніе.

Совершенно такъ же разсказываетъ Никитинъ о народныхъ драмахъ, о свѣтлыхъ явленіяхъ народной жизни, о народныхъ герояхъ и простыхъ смертныхъ.

Прочтите, напримѣръ, стихотвореніе „Староста“. Сюжетъ въ сущности драматическій и чувствительный. Онъ понятенъ изъ нѣсколькухъ строкъ:

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,
Рѣчь-то велъ разумную,—
Дѣло толковалъ...

Дура баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значитъ, молодость.
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубитъ не съ плеча,
Староста не выпустилъ
Слова сгоряча.

«Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...»
— Не грѣшно ли, батюшка?—
«Нѣтъ, когда велю!»

Прибавьте еще нѣсколько столь же мѣткихъ, будто отрывочныхъ штриховъ на счетъ „умной головы“ среди

запуганной деревни, — и вы получите цѣлую главу изъ крѣпостнической исторіи. Но какъ задуманную и какъ написанную! Драматизмъ и чувствительность предоставляются всецѣло читателю, авторъ только отражаетъ жизнь въ ея неприкосновенной истинѣ и, несомнѣнно, достигаетъ сильнѣйшаго впечатлѣнія, чѣмъ какія угодно краснорѣчивыя разглагольствованія.

И такъ вездѣ. Даже „Старый слуга“, типъ патріархальнаго рабства и забитости, — говоритъ только отъ себя, строго-исторически, и авторъ къ его исторіи прибавляетъ лишь нѣсколько столь же фактическихъ словъ объ его смерти. Такъ долженъ бы разсказать эпизодъ даже любой баринъ, и еслибъ его не тронула участь безвинно обиженнаго раба, виновато было бы его сердце, а не искусство поэта, — въ данномъ случаѣ правдивѣйшаго историка и психолога. Въ этомъ и сила подобной народнической поэзіи: она убѣждаетъ, не стремясь убѣждать, подчиняетъ, не усиливаясь очаровывать и увлекать.

Никитинъ затронулъ почти всѣ драмы, какія ежедневно совершаются въ народной жизни: семейный раздоръ между родителями и дѣтьми, раздѣлы между братьями, деспотизмъ отцовъ надъ дочерьми, ненависть свекрови къ невѣсткѣ, жены къ мужу, ужасная судьба подкидышей. И нигдѣ поэтъ не измѣняетъ своему сдержанному, будто безстрастному настроенію. Разсказавъ, какъ отецъ и мать продали свою дочь проѣзжему купцу и отецъ немедленно напился, поэтъ кончаетъ такими словами:

Молится Богу старуха жена,
Плакать бы надо,—не плачетъ она.

И только, но этого довольно, чтобъ ясно представить и чувства матери, и причины, мѣшающія ей плакать. О дочери немного больше, но зато здѣсь намѣченъ вопросъ о крестьянской темной морали и о будущемъ жены и матери:

Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила,
Что тутъ за диво! и замужъ пойдетъ...
То-то чай дѣтокъ на путь наведетъ!..

Не иначе выразился бы и подлинный деревенскій моралистъ, — до такой степени непосредственна, жизненна и правдива эта односложная, рѣзкая мораль.

Для нея авторъ обладаетъ особымъ стилемъ,—точнымъ, прозрачнымъ, поминутно переходящимъ въ поговорки и присказки. Онъ всякій разъ умѣетъ вложить въ стихъ народную житейскую мудрость и заставить кого угодно—кулака, купчика, сваху, молодого столяра-мѣщанина, городскихъ кумушекъ—говорить на ихъ собственномъ языкѣ до мельчайшей черты: будто для каждаго изъ нихъ авторъ подслушивалъ рѣчь на площадяхъ и на улицахъ и записывалъ ее слово въ слово. Въ результатѣ, напримѣръ, купчикъ или сваха послѣ перваго же появленія остаются неизгладимыми въ нашей памяти: стиль, дѣйствительно,—человѣкъ, если человѣческая личность до такой степени жизненна и типична, а ея рѣчь — непосредственна и ярка, какъ въ народныхъ сценахъ Никитина.

И эта истина какъ нельзя болѣе приложима къ самому поэту. Разсказывая о народѣ его простой, не прикрашенною рѣчью, Никитинъ эту простоту и скромность слова возвелъ въ необходимое нравственное правило для писателя. У него составился свой идеалъ поэта и общественнаго дѣятеля,—идеалъ, и здѣсь, какъ и вездѣ, проникнутый личнымъ живымъ чувствомъ и воплощающій многодумную и многострадальную душу самого поэта.

VIII.

Мы упомянали о разочарованіи Никитина въ Некрасовѣ. Разочарованіе было вызвано болѣзненно-страстнымъ жела-

ніемъ видѣть реальные результаты всякаго благороднаго слова, полное соотвѣтствіе личныхъ дѣлъ и поэтическаго вдохновенія. По свидѣтельству друзей, Никитина вѣчно преслѣдовала мысль о „добромъ дѣлѣ“,—онъ и сочиненія свои завѣщалъ издать для общаго добраго дѣла, и чужими замыслами интересовался, насколько они могли создать „хорошее“—въ практическомъ смыслѣ, и на поэзію и литературу смотрѣлъ исключительно съ „утилитарной“ точки зрѣнія. Это слово въ послѣднее время потеряло кредитъ и отождествлено чуть ли не съ гибелью вообще поэзіи и искусства. Но творчество даровитѣйшихъ поэтовъ неизмѣнно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о полезности и тамъ, гдѣ онъ рѣшается положительно,—опредѣляется въ сущности и судьба самого творчества.

Такъ думалъ и Никитинъ. Съ величайшею строгостью относясь къ *формѣ*, поэтъ съ крайнею мнительностью и придирчивостью судилъ о *содержаніи* чужихъ и собственныхъ произведеній. Онъ понималъ великія услуги, оказанныя литературой народной свободѣ, и народное благо продолжалъ считать единственно достойною цѣлью писательской работы. Вдохновеніе—не роскошь поэтическаго досуга, а гражданскій подвигъ, и безплодная, хотя и красная рѣчь — такое же преступленіе, какъ и всякое тунеядство и шарлатанство.

Будь ты проклято, праздное слово!

восклицаетъ поэтъ по поводу литературныхъ обличеній, не отражающихся, по его мнѣнію, на общественномъ прогрессѣ. И эта чисто-личная, непримиримая ненависть къ громкимъ словамъ, ко всякому эффекту и разсчитанному украшенію доходитъ у Никитина до фанатизма. „Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?“—спрашиваетъ онъ въ одномъ стихотвореніи, и въ отвѣтъ рисуетъ малодушіе и эгоизмъ героевъ краснорѣчія: на словахъ—„соколиный полетъ“, а на дѣлѣ—раздумье, лѣнь, робость. Даже въ письмахъ онъ возмущается

*

всякимъ выраженіемъ, производящимъ на него впечатлѣніе риторики, разсчитанной чувствительности и манерничанья.

„Умеря къ вамъ просьба,— пишетъ онъ къ своей корреспонденткѣ, — ради Христа избавьте меня отъ громкихъ выраженій въ своихъ письмахъ: они рѣжутъ мой слухъ".

Онъ негодуетъ на модныя лирическія слова, вродѣ *разочарованность*. Они его „отталкиваютъ" и смущаютъ. Для того, чтобы дружески пожать руку, не надо надѣвать душистой модной перчатки: *„вся прелесть въ простотѣ и правдѣ..."*

Эти слова должны быть поставлены эпиграфомъ къ жизни и поэзіи Никитина. Ими объясняются крайности его взгляда на современную литературу. Онъ самъ, въ сущности, занимался тѣми же обличеніями, какія порицалъ у краснорѣчивыхъ поэтовъ и публицистовъ. Именно, онъ представилъ во всей наготѣ царство нужды и невѣжества, онъ разсказалъ не одну исторію, какъ зачатки добра гибнутъ подъ слоемъ житейской грязи и пошлости. Правда, онъ до конца удержался отъ какихъ-либо поученій и личныхъ изліяній, но это не мѣшало его поэзіи тѣмъ сильнѣе *обличать*. Онъ еще въ молодости возмущался пѣвцами свѣтлаго лиризма и приглашалъ беззаботно-счастливаго поэта взглянуть на жизнь,— лѣнивую, однообразную, запечатлѣнную ничтожествомъ или ослѣпленіемъ. Онъ не могъ понять, какъ можно разсказывать о своихъ романическихъ приключеніяхъ, о личныхъ страданіяхъ, какъ можно выставлять на показъ, будто женщина обновы, „свой плачъ и свой вѣнецъ терновый", когда кругомъ „жизни нищета"... Онъ остался до конца вѣренъ этому гнѣву: „духъ празднословія не даждь ми",—молитва всей его жизни. Но бывали минуты, когда и изъ его сердца вырывался вопль личнаго горя, когда тоска одиночества и „боль желаній" раздражалась даже жгучими слезами, — и поэтъ долженъ былъ

испытывать истинное утѣшеніе, находя кому повѣдать такую, напримѣръ, исповѣдь:

Какъ узникъ я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!..

Одинъ изъ слышавшихъ эти признанія много лѣтъ спустя писалъ:

„Никогда не забудется выраженіе строгаго и блѣднаго лица его, его горячихъ глазъ, на вѣкахъ которыхъ часто дрожали слезы! Трепетъ пробѣгалъ по вашему тѣлу, когда въ безмолвной комнатѣ, залитой лучами лѣтняго солнца, мужественно раздавались звуки стиховъ:

„Да,— и вы твердо и свято вѣрили чтецу, что онъ и *рвался*, и *разбивалъ*, и *желалъ*, и *не жалѣлъ*“...

Немногимъ выпадаетъ на долю вызывать подобную вѣру, немногимъ въ послѣднія минуты жизни приходится такъ правдиво и въ то же время съ такой благородной поэзіей набросать пройденный жизненный путь, какъ нарисовалъ его умирающій Никитинъ въ знаменитой элегіи:

Вырыта заступомъ яма глубокая...

Только одну поправку внесутъ соотечественники поэта въ его предсмертную пѣсню. Онъ говоритъ о своей смерти:

Только однимъ человѣкомъ убавится,
Убыль его никому не больна,
Память его никому не нужна!...

Такъ онъ говорилъ и о своемъ героѣ, жалкомъ погибшемъ Лукичѣ. Но властью поэзіи образъ даже этого человѣка сталъ намъ близокъ и дорогъ, его убыль больна и память незабвенна, какъ вѣчный укоръ нашему невѣжеству,

духовной и житейской бѣдности... А память человѣка, пронесшаго неприкосновеннымъ свѣтъ своей мысли и любвеобильнаго поэтическаго дара сквозь тьму жесточайшей жизненной борьбы, человѣка, дѣйствительно разбившаго цѣпи и надрывавшаго силы,—его память навсегда останется гордостью русскаго народа и благороднѣйшимъ воплощеніемъ его высшихъ нравственныхъ свойствъ,—естественной простоты въ трудномъ подвигѣ жизни, мудрой сердечности въ судѣ надъ другими и суровой правды—въ личной совѣсти.

Чѣмъ можетъ и долженъ быть современный русскій писатель *).

I.

Среди всевозможныхъ „кризисовъ“ и „переходныхъ состояній“ нашего времени литературѣ выпала едва ли не самая печальная участь. На нее одновременно надвинулось два страшныхъ неумолимыхъ врага—политика и наука.

Одна вотъ уже въ теченіе цѣлаго вѣка неуклонно устраняетъ со сцены все традиціонно-величавое, аристократическое и изящное и даетъ неограниченный просторъ безличной толпѣ, прозаической демократіи, будничнымъ жизненнымъ интересамъ въ ущербъ былымъ рыцарственнымъ замысламъ и подвигамъ исключительныхъ героевъ. Другая—наука—совершаетъ такія же опустошенія въ прошломъ, какія политика въ настоящемъ. Она развѣнчиваетъ и губитъ одну за другою поэтичнѣйшія легенды старины, стираетъ безсмертную славу съ самыхъ романтическихъ именъ, и герои превращаются въ миѳы, дѣйствительностью остается только одна народная сила, все та же „презрѣнная толпа“.

А между тѣмъ героическое, исключительное въ какомъ бы то ни было смыслѣ—основной нервъ художественнаго вдохновенія, и новый англійскій поэтъ, въ порывѣ естественнаго негодованія, науку уподобитъ полуженщинѣ-полузмѣѣ, а французскій эстетическій философъ современные успѣхи демокра-

*) Рѣчь, произнесенная въ пользу московскаго Пречистенскаго попечительства о бѣдныхъ, на тургеневскомъ музыкально-литературномъ вечерѣ, въ Историческомъ музеѣ, 15 января 1898 года.

тіи объявитъ похоронами всякаго искусства и всякой художественной красоты.

Что же остается поэтамъ и эстетикамъ?

Бѣжать отъ дѣйствительности, которая оказывается суровой, скептически-холодной или насмѣшливой мачихой и искать звуковъ и вдохновенія гдѣ-нибудь въ заоблачныхъ краяхъ, на высотахъ вновь созданныхъ Олимпа и Парнаса.

Поэты должны заговорить подлиннымъ языкомъ боговъ, возможно менѣе внятнымъ для смертнаго слуха, открыть символы отрѣшенной красоты и человѣческое слово слить съ нечленораздѣльными стихійно-чарующими звуками музыки.

Тогда поэзія дѣйствительно будетъ спасена отъ унизительнаго соприкосновенія съ варварами и отъ назойливаго вмѣшательства знанія. Но принесетъ ли честь это спасеніе? Кому не извѣстно, что презрѣніе къ врагу слишкомъ часто уловка безсилія предъ этимъ самымъ врагомъ и что жизнь безжалостно разсчитывается съ тѣми, кто съ видомъ оскорбленнаго величія отходитъ отъ нея въ сторону и побѣдой считаетъ заугольное одиночество и тунеядное самодовольство.

Разсчетъ жизни—холодное равнодушіе и полное забвеніе. Надъ могилами своихъ жертвъ она повторяетъ одну и ту же эпитафію:

Эта смерть для общества чужда:
Онъ свѣту не принесъ ни пользы, ни вреда,
И мы безъ горести безъ страха и волненья
Глядимъ на павшаго, достойнаго паденья...

Не всѣхъ смущенныхъ друзей поэзіи можетъ утѣшить такая судьба, и они ищутъ другого пути—борьбы и побѣды.

Должна, говорятъ намъ, возродиться особая наука въ отвѣтъ на скептицизмъ и иронію положительной мысли, съ собственными законами и правилами.

И вы знаете, сколько шуму за послѣднее время успѣли натворить новоявленные изслѣдователи и законодатели!

Снова подняты вопросы, что такое художественный та-

лантъ, въ чемъ тайна творчества, каковы отношенія искусства къ дѣйствительности,—однимъ словомъ, эстетика вновь грозитъ расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ на давно истлѣвшемъ прахѣ средневѣкового и классическаго педантизма.

Но помните ли вы, можете ли даже представить, чтобы теорія вызвала вдохновеніе, чтобы философія—пѣвца цвѣтовъ и любви превратила въ поэта-гражданина или наоборотъ?

Не мнѣ управлять вдохновеньемъ поэта,—

заявляетъ средневѣковый императоръ въ шиллеровской балладѣ,—и эти слова достойны въ нашемъ опытѣ занять то самое мѣсто, какое эллины отвели на олимпійскомъ храмѣ великой истинѣ „познай самого себя“.

Итакъ, ни выспреннихъ полетовъ, знаменующихъ немощь и страхъ, ни благонамѣренныхъ правилъ, воскрешающихъ схоластику и нетерпимѣйшій деспотизмъ въ мірѣ,—деспотизмъ надъ талантомъ и творческою личностью.

Гдѣ же спасеніе? Врагъ не ждетъ. Въ Парижѣ—вѣковомъ привилегированномъ царствѣ всемірно-вліятельной литературы—безпрестанно раздаются голоса: „литература въ опасности“, и всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ молодой критикъ, Ренэ Думикъ, еще разъ пропѣлъ отходную французскому роману. Имъ будто интересуются теперь только праздныя женщины и спеціально-литераторскіе кружки: люди серьезные, люди жизненнаго дѣла и особенно народъ,—эта по часамъ возрастающая сила будущаго,—и знать не хотятъ о существованіи Золя, Додэ, Мопассана.

Перспектива поистинѣ трагическая и роковая для значенія и самолюбія писателей.

Она далеко не новая.

Уже много лѣтъ назадъ на нее указывалъ восторженнѣйшій почитатель русской литературы—Вогюэ, и именно своими восторгами намѣчалъ исходъ.

Тамъ, на далекомъ, на французскій взглядъ, варварскомъ сѣверѣ литература и писатель играютъ совершенно другую

роль, чѣмъ въ Парижѣ, въ центрѣ міровой культуры. Мы,—говорилъ критикъ,—забавляемся новымъ романомъ, мимоходомъ, какъ развлеченіемъ, будто модной картиной, выставленной въ окнахъ магазина, тамъ литература—насущный хлѣбъ для души, „писатель—вождь своего племени", носитель его міросозерцанія, часто поэтъ—пророкъ.

И Вогюэ могъ обильными фактами пояснить свою мысль и во главѣ примѣровъ поставилъ онъ Ив. С. Тургенева.

Для иностранца это было результатомъ скорѣе внѣшнихъ впечатлѣній,—великой славы романиста, его обаятельной личности, его глубоко-сердечнаго писательскаго генія. Иностранецъ не могъ отдать себѣ полнаго отчета въ терніяхъ славы, въ громадной внутренней работѣ писателя надъ своимъ нравственнымъ міромъ и въ драматической исторіи сердца и таланта именно тамъ, гдѣ на посторонній взглядъ рисовалось только тріумфальное шествіе вождя и пророка.

А между тѣмъ въ этой исторіи и заключается вся наша эстетика, рѣшеніе столь рѣзко поставленныхъ вопросовъ о будущемъ художественнаго творчества и о достойномъ назначеніи талантовъ. И всѣ отвѣты составляются изъ подлинныхъ фактовъ, настолько краснорѣчивыхъ, что для выводовъ не требуется никакихъ усилій теоріи и никакихъ тенденцій публицистики.

II.

Перенеситесь къ моменту, когда Тургеневъ готовился взяться за литературу. Предположите,—вы полвѣка назадъ задали вопросъ иностранцу,—что такое писатель, и каковы плоды его дѣятельности?

Въ отвѣтъ вамъ назвали бы рядъ именъ съ чрезвычайно громкими титулами: депутатъ, министръ, дипломатъ, герой политической печати, даже глава государства. Вотъ чѣмъ безпрестанно увѣнчивался путь, начатый часто впроголодь, на какой-нибудь мансардѣ, съ передней газетной редакціи.

А тамъ, гдѣ предстояло дѣйствовать „вождямъ“ и „пророкамъ“, не только жизнь писателя, а даже его смерть не успѣваетъ примирить съ нимъ людей силы и власти.

Надъ свѣжими могилами именно тѣхъ, кому теперь воздвигаются всероссійскіе монументы, неизмѣнно поднимается междоусобная брань. Какъ! журналистъ смѣлъ поприще Пушкина назвать „великимъ“! Развѣ Пушкинъ былъ полководцемъ или литераторомъ? Писать стишки—какое тутъ величіе?

Немного позже, столь же легкомысленный литераторъ Гоголя обзоветъ „великимъ человѣкомъ“... Еще горшее преступленіе,—и въ обоихъ случаяхъ послѣдуетъ соотвѣтствующая кара.

Можетъ статься и хуже. „Собакѣ—собачья смерть!“—будетъ эпитафіей Лермонтову.

Для кого же и во имя чего при такихъ условіяхъ отдаваться литературѣ—искренно безраздѣльно, какъ дѣлу цѣлой жизни?

О блестящихъ перспективахъ не можетъ быть и рѣчи. Кое-какая публика, вѣроятно, есть: читаются нѣкоторые журналы, иногда даже покупаются книги. Но гдѣ эта публика и кто она такая? Все, что на виду, что стоитъ во главѣ просвѣщеннаго общества,—или подобно просвѣщенному администратору Писемскаго считаетъ „этихъ господъ“ на дурномъ счету, или смотритъ на нихъ, какъ на изобрѣтателей особаго рода лимонада.

И сами писатели отлично знаютъ горькую дѣйствительность. Если они заговариваютъ о *благодарной* публикѣ,—непремѣнно на сцену появляется или обитатель четвертаго этажа, юный, неосновательный энтузіастъ, или „неизвѣстный, скромно-одѣтый“ провинціалъ, или какая-нибудь мечтательница, исписывающая альбомы отрывками изъ любимыхъ писателей.

И посмотрите,—съ какимъ лиризмомъ русскіе литераторы разсказываютъ объ этихъ друзьяхъ-читателяхъ! Вы помните, въ какой рамкѣ чарующей поэзіи нарисовалъ Гоголь люби-

теля литературы съ четвертаго этажа,—и сколько вдохнулъ сердца и гражданской мудрости въ невзрачную фигуру сѣраго провинціала,—послушайте писателя не поэта, сопоставьте фактъ и восторги, имъ вызванные,—вы ничего подобнаго не откросте въ признаніяхъ, ни одного европейскаго „властителя думъ".

Молодой начинающій авторъ пишетъ своему другу:

„Если бы зналъ, какъ весело быть писателемъ! Я написалъ одну статью, говоря по совѣсти довольно плохо, и, если бы могъ, уничтожилъ бы ее теперь. Но, не смотря на то, эта одна плохая статья доставила мнѣ минуты неоцѣненныя; кромѣ многаго другого, скажу только одно. Есть въ Москвѣ одна дѣвушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю и которая меня отъ роду не видывала. Тутъ еще нѣтъ ничего особенно пріятнаго, но дѣло въ томъ, что у этой дѣвушки есть альбомъ, куда она пишетъ все, что ей нравится,—и вообрази, подлѣ стиховъ Пушкина, Жуковскаго и проч. списано больше половины моей статьи. Что она нашла въ ней такого трогательнаго, я не знаю; но, не смотря на то, это одно можетъ заставить писать, если бы даже въ самой работѣ и не заключалось лучшей награды"*).

Скромно и юношески-наивно,—но другого утѣшенія нѣтъ,—и авторъ мужественно собирается въ путь.

Онъ, конечно, знаетъ объ опасностяхъ, но только изъ одного источника—всѣмъ видимаго и для всѣхъ одинаково грознаго. Онъ не подозрѣваетъ другихъ, еще болѣе чувствительныхъ, потому что онѣ надвинутся какъ разъ со стороны восторженныхъ молодыхъ читателей и читательницъ. Именно они въ своемъ благородномъ энтузіазмѣ готовы ежеминутно огорчить самаго избраннаго писателя и даже развѣнчать его.

Какъ это можетъ произойти?

---

*) *И. В. Кирѣевскій*: «Сочиненія». М., 1861 г., «Матеріалы для біографіи», стр. 17.

На Западѣ—дѣло немыслимое, но у насъ прямо неизбѣжное—въ силу неотразимой логики жизни и психологіи.

По словамъ Гоголя, въ его время ни подъ какимъ полуденнымъ небомъ не читались поэты съ такимъ возвышенно-пылкимъ трепетомъ сердца, какъ въ холодной и снѣжной Россіи.

Это собственно даже не литературное чтеніе, не интересъ къ искусству и менѣе всего упоеніе красотой, а насыщеніе алчущей и жаждущей души, тѣ самыя минуты высокаго счастья, какія Платонъ заставлялъ переживать смертныхъ въ царствѣ чистыхъ идей.

Намъ „нуженъ былъ вождь“, говорилъ молодой Тургеневъ о себѣ и о своихъ свертникахъ и—какой вождь!—„Кто на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ*“.

Такъ, Гоголь пояснялъ духовную жажду, томившую поколѣнія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и отсутствію такого вождя приписывалъ гибель благороднѣйшихъ молодыхъ русскихъ силъ.

И вождя трудно было найти.

Между отцами и дѣтьми съ каждымъ годомъ пропасть становилась все глубже, и задолго до появленія тургеневскаго романа въ жизни даровитѣйшихъ будущихъ дѣятелей успѣлъ разыграться цѣлый рядъ драмъ и траги-комедій на тему Базарова и „старенькихъ романтиковъ“, а еще чаще прирожденныхъ деспотовъ и рыцарственныхъ идеалистовъ.

Въ университетахъ „солнце истины освѣщало наши умы очень тускло и холодно“,—пишетъ одинъ изъ скромнѣйшихъ „дѣтей“ *),—и свѣта приходилось искать гдѣ угодно, только не въ оффиціальномъ органѣ науки,—не у людей завѣщавшихъ потомству анекдотическія біографіи и мелкіе характеры,—естественнѣе всего въ литературѣ.

---

*) *К. С. Аксаковъ.*

И она становится источникомъ всего личнаго и общественнаго бытія молодежи. Она — одновременно искусство, наука, религія. Даже въ провинціи у ея свѣта группируются всѣ, въ комъ не умеръ человѣкъ, она „маленькій ручеекъ мысли“ — единственный „скромно и таинственно бѣгущій посреди грубой и солдатскимъ сукномъ исполненной жизни *).

Теперь посмотрите, какъ такое небывалое въ мірѣ назначеніе художественнаго творчества должно отразиться на писателяхъ и ихъ дѣятельности.

III.

Представьте, все, что возможно въ вашей трудовой и тусклой жизни свѣтлаго и свободнаго, сосредоточено на одномъ предметѣ,—все равно, будь это человѣкъ или какая-нибудь цѣль. Вы по цѣлымъ днямъ задыхаетесь въ мелочахъ подневольной, можетъ быть даже незамѣтно опошляющей и ожесточающей работы, и живете одною мыслью: вотъ вернусь домой и дамъ просторъ истомленной и изломанной душѣ въ человѣческой бесѣдѣ, въ бодрящихъ думахъ и надеждахъ.

И вдругъ—этотъ единственный свѣтильникъ начинаетъ меркнуть, чадить и готовъ совсѣмъ погаснуть. Взрывъ отчаянія и безнадежнаго гнѣва невольно охватитъ васъ—и вы жестоко отомстите за свое разочарованіе, за свое теперь полное и безпросвѣтное одиночество.

Вотъ именно съ такими настроеніями приступало тургеневское поколѣніе къ поискамъ вождя. Если онъ находился,— не было предѣловъ благодарности и восторга. Вы помните, какъ Тургеневъ замеръ въ безмолвномъ созерцаніи при первой встрѣчѣ съ Пушкинымъ, какъ позже Бѣлинскому даже на улицахъ приходилось выдерживать объятія какого-нибудь энтузіаста-студента. Но у столь стремительныхъ чувствъ имѣется и своя оборотная сторона.

*) *Писемскій* въ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ».

Эта молодежь не даромъ расточаетъ овацiи и проникается благоговѣнiемъ. Она зорко слѣдитъ за своими кумирами и часто раньше анализа и разсудка — сердцемъ чувствуетъ изъяны и фальшь. Великое счастье попасть въ „вожди“, но оно своего рода шапка Мономаха, и еще нигдѣ и никогда писатель не несъ такихъ суровыхъ нравственныхъ обязательствъ, какъ у насъ, въ началѣ великой эпохи нашего возрожденiя.

У публики единственный культурный руководитель—литература, и она, подобно натановскому Саладину:

Правды требуетъ, хочетъ правды!
Притомъ наличной, ясной, какъ монета...

И горе, если монета покажется ей неполновѣсной или поддѣльной! Психологическiй законъ, смѣны сильнаго чувства другимъ, столь же сильнымъ, ему противоположнымъ, оправдается съ убiйственной послѣдовательностью обманутыхъ надеждъ и оскорбленныхъ иллюзiй молодости.

Не будетъ допущено никакихъ оправданiй и оговорокъ. Маркизъ Поза не признаетъ уступокъ въ пользу жизни въ ущербъ идеалу, и это значитъ нанести ему личную обиду—открыть тѣни и противорѣчiя на ослѣпительномъ дѣтищѣ его благороднаго воображенiя.

Еще рискованнѣе вопросъ съ идеями.

Здѣсь, предъ русской молодежью, будто предъ сказочнымъ принцемъ,—цѣлые волшебные мiры. Европа переживаетъ едва ли не самую плодородную полосу своей цивилизацiи. Что ни страна, то новое движенiе—могучее, геніальное, съ первостепенными талантами во главѣ и съ неограниченнымъ размахомъ идеи. И размахъ одинаково охватываетъ всѣ области человѣческаго духа: въ поэзiи—байронизмъ, въ философiи—гегельянство, въ политикѣ—французскiе перевороты, эффектнѣйшая борьба въ парламентѣ и внѣ парламента,—борьба не партiй, а общественныхъ стихiй—политическаго либерализма и соцiальныхъ идеаловъ демократiи.

И при всѣхъ этихъ зрѣлищахъ присутствуетъ обитатель четвертаго этажа, и юная составительница завѣтнаго альбома. Какъ будетъ воспринято этой публикой бурное дыханіе новаго вѣка, даже на своей родинѣ безпрестанно вызывавшее или самозабвеніе восторга, или манію злобы?

Что же должно произойти у насъ?

Всякая идея можетъ имѣть двоякую судьбу, въ прямой зависимости отъ дѣйствительности.

Она, дѣйствительность, можетъ или свободно воспринимать идеи, или оказывать имъ упорное сопротивленіе. Сообразно съ этими условіями мѣняется исторія идей и характеры идеалистовъ.

Гдѣ идея не встрѣчаетъ завѣдомой стихійной вражды, тамъ она не представляетъ какого-либо экстреннаго, чрезвычайнаго явленія, и тѣ, кто усвоиваетъ ее, не имѣютъ права на исключительное положеніе и драматическій героизмъ.

Имъ, конечно, приходится бороться. Но если они имѣютъ доказать жизненность и настоятельность своихъ идей, они могутъ быть увѣрены въ побѣдѣ. Все зависитъ отъ качества идеи и реальной силы идеалистовъ.

Совершенно другая картина тамъ, гдѣ дѣйствительность не воспріимчива къ идеямъ только потому, что онѣ—идеи, гдѣ она отстаиваетъ свое бытіе просто во имя его самого, а не логики или даже практической пользы.

На этой почвѣ идея становится контрабандой и совершенно мѣняется и ея значеніе, и роль идеалистовъ.

Идею склонны высоко цѣнить не по ея положительному достоинству, а потому что она вообще *идея*, а не *фактъ* окружающей дѣйствительности, т.-е. одна крайность вызываетъ другую.

Отсюда—неизбѣжныя увлеченія самыми отважными теоріями, часто менѣе всего жизненными и цѣлесообразными,—фантастическими построеніями въ противовѣсъ реальной жизни.

Достаточно, если то или другое отвлеченное представле-

ніе противорѣчитъ дѣйствительности, уже оно въ силу этото увлекательно, во-первыхъ, потому что дѣйствительность органически враждебна идеалу, а потомъ она не воспитала у людей здраваго и спокойнаго отношенія къ идеаламъ и подорвала кредитъ всего реальнаго и положительнаго *вообще*, враждуя съ идеальнымъ *безусловно*.

Это—одно.

Съ другой стороны, гдѣ идея—контрабанда, всякій ее исповѣдующій невольно выростаетъ въ своихъ и чужихъ глазахъ до героя, до подвижника. Естественно тамъ, гдѣ не умѣютъ опредѣлить дѣйствительной цѣнности идеи, столь же мало смогутъ различить и положительныя качества идеалиста.

Въ результатѣ за идеи сходятъ подчасъ самые легкомысленные и дикіе продукты воображенія и теоретическаго ума, за идеалистовъ—невѣжественнѣйшіе и пустѣйшіе фантазеры, за героевъ—мишурные лицедѣи и вздорные говоруны.

И нигдѣ всѣхъ этихъ прелестей не появлялось и не могло появиться въ такомъ количествѣ, какъ въ затхломъ, застоявшемся воздухѣ до-реформенной Россіи.

И вы припоминаете—жертвами оказывалась не только безличная толпа „малыхъ сихъ“, падкая на дешевый соблазнъ и театральное кривляніе, а можно сказать „соль“ русской земли.

IV.

Байронизмъ даже Пушкина облекъ на нѣкоторое время въ пронзительный костюмъ принципіальнаго человѣконенавистника и поэтъ поучалъ брата, съ высоты своего двадцатитрехлѣтняго опыта, презирать людей возможно глубже и отважнѣе.

Не избѣгъ и Лермонтовъ артистическаго демонизма, хотя бы ради пугливыхъ дѣвичьихъ сердецъ.

Съ гегельянствомъ вышло еще хуже.

Злополучная „разумная дѣйствительность“ довела Бѣлинскаго до чисто-мученическаго экстаза и въ его произведеніяхъ оставила такой слѣдъ, что великій идеалистъ потомъ не зналъ, чѣмъ искупить свое головокруженіе.

Не столь грустная исторія разыгралась съ Тургеневымъ, но также мало лестная для его самолюбія и духовной зрѣлости во дни молодости.

Онъ отдалъ обильную дань фразѣ и позѣ, ухитрившись, повидимому, пощеголять сразу въ двухъ модныхъ уборахъ— въ Чайльдъ-Гарольдовомъ плащѣ и въ нѣмецкомъ философскомъ колпакѣ.

Если въ такіе грѣхи впадали великіе и сильные, что же творилось внизу! Ни величія, ни силъ здѣсь не имѣлось, но что могло помѣшать какимъ угодно притязаніямъ и сценическимъ фокусамъ? Тѣмъ болѣе, что большинство публики всегда и вездѣ съ трудомъ различаетъ *роль* отъ *исполнителя*, текстъ отъ декламаціи, правду и жизнь отъ гримасы и гримма.

И вотъ широкая Русская земля закишѣла демонами, Рудиными, и не было ни одного среди нихъ, кто бы не обездолилъ Татьяны, не загубилъ Мэри, все равно гдѣ,—въ столичномъ салонѣ, на губернскомъ балу, на уѣздной вечеринкѣ, въ любительскомъ спектаклѣ.

Наконецъ, третій самый головокружительный фокусъ европейскихъ вліяній—политика. Въ ней русской молодежи еще труднѣе было разобраться, чѣмъ въ художествѣ и въ философіи. Здѣсь дѣйствительность не успѣла создать самой элементарной школы критики и опытнаго анализа, и въ результатѣ уже не комическій маскарадъ блѣднолицаго разочарованія и школьническаго пессимизма гвардейскихъ недорослей, а настоящія драмы по роковому недоразумѣнію, по стихійному ослѣпленію часто благороднѣйшихъ, но политически-первобытныхъ, жизненно-безпомощныхъ умовъ.

И предъ вами, будто тяжелый, но удручающе-реальный сонъ, проходятъ страдальческія тѣни Неждановыхъ, Маркело-

выхъ, и вы, предоставляя будущему окончательный судъ, только и можете повторить съ глубокою грустью слова тургеневской героини:

— Несчастные они люди, неудачливые...

Да, это мы теперь такъ можемъ говорить, но отъ писателя, дѣйствовавшаго у самой сцены событій, требовали другого. Онъ взялся быть истолкователемъ стремленій и надеждъ, какими живутъ молодыя поколѣнія. Онъ самъ отъ плоти и крови этихъ поколѣній, и это сходство душъ немедленно одушевило его истолкованія силой правды и убѣдительностью лично пережитыхъ томленій и исканій эпохи.

Но правды мало изъ устъ „вождя“,—мало для той самой публики, какую онъ представляетъ и единственно на чье сочувствіе разсчитываетъ. „Вождь“ не только долженъ вѣрно говорить о томъ, что есть,—онъ долженъ указать, какъ оно должно быть. Онъ, по неотразимымъ запросамъ публики, не только поэтъ дѣйствительности, но и учитель жизни. Вѣдь онъ ни на минуту не долженъ забывать, что онъ—и только онъ — единственный ангелъ для всѣхъ, чающихъ движенія живой воды.

Разрѣшить эту задачу можно въ высшей степени просто: писателю надлежитъ пристроиться къ современнымъ передовымъ теченіямъ и иллюстрировать ихъ плодами своего воображенія и таланта.

Программа совершенно ясная. Для всякаго героя готова рамка и модель: Рудинъ будетъ безупречнымъ послѣдователемъ германскаго идеализма,—безъ недостойныхъ философа театральныхъ эффектовъ и демоническихъ аттакъ на чувства и нервы наивной барышни. Базаровъ отъ начала до конца останется неумолимымъ истребителемъ романтизма и побѣдоноснымъ борцомъ съ женской красотой и аристократическими предразсудками. Нежданов, наконецъ, долженъ затмить и гегельянцевъ, и позитивистовъ—чрезвычайной силой воли, находчивостью и главное — политическою мудростью.

*

Въ результатѣ, и авторъ, и публика остались бы довольны другъ другомъ, и исторія русской журналистики не знала бы долголѣтней жестокой войны молодого поколѣнія съ первостепеннымъ современнымъ художникомъ.

И не одного молодого поколѣнія.

Писатель, оказалось, „оскорбилъ и правую, и лѣвую сторону“ *). Отцы вопіяли о „постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ“ **), а „мальчишки“ въ свою очередь уличали его въ трусости и отступничествѣ.

Положеніе поистинѣ трагическое и, на первый взглядъ, заслуженное. Разъ писателя съ одинаковымъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ противоположныя партіи,—естественнѣе всего искать вину въ немъ самомъ, въ его желаніи усѣсться на двухъ стульяхъ и прожить нехитрой мѣщанской политикой золотой средины.

Но этого нѣтъ.

Горе-богатыри умѣренности и аккуратности обыкновенно никому не нужны, кромѣ своего муравейника. Никто не считаетъ особенной честью заслужить ихъ сочувствіе, отмѣчающее только посредственность и нравственную немощь. Совершенно иначе съ Тургеневымъ.

„Правая“ и „лѣвая“ съ одинаковымъ усердіемъ стремятся отнять у него славу, прежде всего, изъ-за горькаго сознанія, что онъ „не ихъ“. Ни отцы, ни дѣти не могутъ Тургенева считать своимъ призомъ, и именно значительность приза усугубляетъ злобу и неотразимая сила таланта и оригинальной мысли съ каждымъ новымъ романомъ все больше окисляетъ сердца критиковъ.

Тургеневъ, оказывается, виноватъ своимъ талантомъ, и еще чѣмъ-то другимъ, придающимъ особую цѣну самому

*) Слова Тургенева.

**) Это выраженіе Фетомъ приписывается Кетчеру. «Мои воспоминанія», т. II, стр. 306.

таланту и безъ чего талантъ не выдержалъ бы натиска даровитѣйшей современной публицистики.

Это нѣчто—искомая нами тайна, разгадка всѣхъ эстетическихъ загадокъ.

V.

Вамъ безпрестанно приходится встрѣчать чрезвычайно удобное объясненіе характеровъ и талантовъ писателей, на основаніи будто бы точныхъ научныхъ данныхъ. Слѣдуетъ изучить только предковъ автора, потомъ среду, на него вліявшую,—и его личность и дѣятельность получается какъ сумма извѣстныхъ слагаемыхъ.

Попробуйте подобную операцію продѣлать надъ Тургеневымъ и вы не выпутаетесь изъ противорѣчій и неразрѣшимыхъ вопросовъ. Какая наслѣдственность, если сынъ крѣпостнической семьи и потомокъ крѣпостниковъ-деспотовъ явится энергичнѣйшимъ врагомъ господской власти и народнаго рабства? Можетъ ли быть рѣчь о внѣшнихъ рѣшительныхъ вліяніяхъ, если на почвѣ западныхъ теорій выростаетъ практикъ русской дѣйствительности?

Очевидно, въ мнимый законъ вмѣшалась другая сила, и мы только что видѣли, не тенденція, не преднамѣренно поставленная задача, а сила—независимая и естественная.

Тургеневъ называлъ себя „западникомъ“ и разсказывалъ, какъ онъ съ перваго же путешествія за границу „бросился внизъ головою въ нѣмецкое море“. Это означало, прежде всего, открыть новаго Мессію въ лицѣ Гегеля и поклоняться ему, какъ фетишу *).

Но это только первые восторги молодости, въ основѣ ихъ таятся другія настроенія и живутъ свои, не гегельянскіе идеалы. „Западничество“ уже давно владѣло писателемъ не-

*) Выраженіе Боткина. «Анненковъ и его друзья». Спб., 1892 г., стр. 527.

зависимо отъ волнъ нѣмецкаго моря и этотъ свой независимый голосъ скоро покроетъ всѣ чужія мессіанскія рѣчи.

Зазвучалъ онъ впервые не въ отвлеченныхъ идеяхъ, не отъ чужого внушенія, а родился непосредственно въ сердцѣ будущаго художника, явился органическимъ выраженіемъ его природы.

Основная задача тургеневскаго таланта — бороться противъ крѣпостного права, эта его „аннибалова клятва“ произнесена въ ранней молодости, въ родительскомъ домѣ, и въ ней вылился крикъ оскорбленной души, а не нарочито-составленный пароль и лозунгъ идейнаго либерализма.

Это фактъ капитальной важности, только онъ можетъ объяснить неожиданную исторію нашего „западничества“.

Въ то самое время, когда Гегель гипнотизируетъ русскую молодежь, когда она стремится въ Берлинъ, будто въ Мекку, и не щадитъ труда и силъ въ безкопечныхъ философскихъ битвахъ, здѣсь же рядомъ она, собравшись въ кружокъ у восторженнаго поклонника новаго Мессіи, даетъ торжественное обѣщаніе „всю свою дѣятельность“ посвятить не на поиски абсолюта, а разумной русской дѣйствительности, т.-е. народной свободы и народнаго просвѣщенія *).

Это—мечта цѣлаго поколѣнія, вычитанная не изъ книгъ и не изъ лекцій, а подсказанная инстинктами благородной природы среди краснорѣчивѣйшихъ уроковъ родной жизни. Посмотрите, какъ просто объясняетъ дѣло едва ли не самый пламенный фетишистъ, сочинившій романтическую драму на тему все той же „аннибаловой клятвы“. „Въ этомъ сочиненіи со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“.

*) Сцена произошла въ Берлинѣ, въ присутствіи Станкевича. «Воспоминанія Я. М. Невѣрова». «Русская Старина», т. XL, стр. 419.

Это признаніе Бѣлинскаго—и здѣсь каждое слово для насъ цѣлое откровеніе.

Мы не знаемъ подробно *фактовъ*, внушившихъ Бѣлинскому драму, но жизнь Тургенева переполнена ими,—и мы можемъ точно прослѣдить, какъ именно *сердце* и *естественная жажда истины* шагъ за шагомъ создавали художника-протестанта, поэта-вождя.

Мало этого, тѣ же силы сопровождали его и во всемъ дальнѣйшемъ пути, оберегли отъ прекраснодушнаго мѣщанскаго резонерства гегельянской мысли, какъ политики, оградили отъ еще болѣе соблазнительныхъ искушеній прямолинейнаго позитивизма и политическаго романтизма,—и Тургеневъ до конца оставался верховнымъ судьей идей и фактовъ въ самую отвѣтственную эпоху русской общественной исторіи.

VI.

Судъ, мы знаемъ, признавался далеко не всѣми современниками, и подчасъ горько и жутко приходилось писателю, дѣйствовавшему передъ глазами самыхъ настойчивыхъ и неумолимыхъ зрителей и критиковъ, какіе только возможны на великой культурной сценѣ: фанатически вѣрующихъ идеалистовъ, мнящихъ мгновеннымъ, молодецкимъ движеніемъ плечъ сбросить съ себя вѣковую тяготу исторической дѣйствительности.

И вы знаете, сколько невыносимо-тяжелыхъ минутъ пережилъ геніальный художникъ! Сколько разъ ему приходилось растолковывать свои продуманнѣйшія произведенія даже тѣмъ, у кого было искреннее желаніе понять, но еще болѣе сильная воля—заставить художника мыслить на ихъ образецъ, служить ихъ собственнымъ мыслямъ.

Могло ли это сбыться?

Если Тургеневъ въ лицѣ Рудина безжалостно покончилъ

съ идолопоклонствомъ своей молодости, съ эффектной реторикой германскаго любомудрія и съ позами безпріютнаго на землѣ таинственнаго героизма, какъ онъ могъ встрѣтить другіе эффекты и другія притязанія на завоеваніе міра путемъ теорій и беззавѣтнаго энтузіазма!

Онъ, съ дѣтства знавшій, какая это громоздкая и неподатливая сила жизнь и какое обманчивое и дурное основаніе наша человѣческая природа для величественныхъ идеальныхъ сооруженій!

И художникъ во имя все того же личнаго и непосредственнаго опыта, вдохновляемый все тѣмъ же сердцемъ и пламенемъ истины, отважится на безъисходную для его гуманной природы мучительную борьбу.

Всѣ его сочувствія на сторонѣ идейныхъ интересовъ молодежи. Онъ по себѣ знаетъ, сколько наслажденій именно русскому юношѣ приноситъ чисто-философское ученіе, широкій отвлеченный идеалъ, и какая радость.—хотя бы на нѣсколько часовъ, —уйти отъ неразумной и тщедушной дѣйствительности въ царство мощныхъ образовъ и безграничныхъ обѣтованій.

Омрачать эти часы и открывать изъяны на идеалахъ—какая жестокая задача! Но ее приметъ художникъ, какъ долгъ писательской чести, какъ службу гражданина.

И въ результатѣ Базаровъ, весь самонадѣянный порывъ только къ реальному и полезному, запутается во мглѣ романтизма и переживетъ даже горечь разбитаго сердца.

Автора немедленно потребуютъ къ допросу за такое поруганіе нигилистическаго канона. Да, поруганіе, между тѣмъ какъ вся русская да и западная литература не создавали натуры болѣе органически-мощной, по разуму и инстинктамъ свободной и по самой своей сущности культурно-прогрессивной и преобразующей.

Но именно великія силы и героическія стремленія дѣлаютъ особенно замѣтными неотъемлемые ущербы человѣче-

ской природы. На сѣромъ фонѣ пятна менѣе бросаются въ глаза и по поводу „галокъ“ не приходится впадать въ сильныя чувства и произносить рѣзкія рѣчи... Но Базаровъ!

Онъ,—заявляла молодежь,—такое величественное явленіе, что рѣшительно во всемъ долженъ быть образцомъ, даже „совершеннымъ джентльменомъ“ въ манерахъ и костюмѣ, не можетъ онъ и въ карты проигрывать,—однимъ словомъ, цезарь и жизнь его—тріумфальное шествіе.

Да, буквально такіе упреки выслушивалъ Тургеневъ и отвѣчалъ на нихъ.

Чѣмъ,—оправданіями и поправками? Нѣтъ. Нельзя нарочно изобрѣсти болѣе вопіющей безсмыслицы, чѣмъ обвиненіе Тургенева въ погонѣ за популярностью. Хороша забота о популярности—послѣ войны за Базарова писать „Дымъ“, а потомъ „Новь“, т. е. явно подливать масла въ огонь и бередить зіяющія раны.

Художникъ даже утрачивалъ по временамъ былое спокойное и яспое творчество и принимался намѣренно оттачивать стрѣлы по адресу новаго фетишизма.

Онъ—по прежнему—нѣжнѣйшій другъ молодежи, онъ готовъ „ломать шапку“ передъ ней, не перестаетъ звать ее впередъ и устами своего героя—стараго романтика—посылаетъ благословеніе, но на какія дѣла и на какой путь?

Менѣе всего героическій и цезарскій.

VII.

Тургеневъ не можетъ забыть спасительныхъ опытовъ своей молодости, онъ помнитъ мглистую, безмолвно-трудовую и незамѣтно-страдальческую жизнь мужика. Здѣсь нуженъ, прежде всего, кое-какой умственный свѣтъ и нравственный роздыхъ. Что здѣсь можно сдѣлать съ блескомъ и трескомъ? Напротивъ, „надо умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной работы“. Зачѣмъ здѣсь геніальность и широкій

размахъ геніальныхъ натуръ? „Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ“...

Слышите? — опять *сердце*, то самое простое, но неутомимо вибрирующее сердце, какое еще съ дѣтства было одновременно и мукой, и геніемъ великаго писателя.

Оно, вы видите, внушило ему и свою эстетику, свои правила творчества и надѣлило его мужествомъ выполнять ихъ при какихъ угодно условіяхъ.

Эстетика до послѣдней степени наглядная: вдумчиво всматривайся въ окружающую дѣйствительность, открыто и безъ лукавства дай ей проникать въ твою душу и честно и мужественно повѣдывай другимъ о томъ, что ты замѣтилъ и что перечувствовалъ.

Для пересказа нужно умѣніе, талантъ, и если его нѣтъ — не вступай на путь творчества. Но это — вопросъ дальнѣйшій, не первый по мѣсту и по значенію для дѣла писателя. Корень и сущность въ почвѣ и матеріалѣ, подлежащемъ разработкѣ таланта.

А ихъ не создастъ никакая наука и никакая публицистика, и разговоры о томъ, какъ слѣдуетъ направить талантъ, столь же праздны, какъ, напримѣръ, замыселъ превратить Квазимодо въ Нарцисса.

Талантъ направляется силой, въ личности художника заключенной,—направляется часто вопреки его сознательной волѣ, какъ было съ Гоголемъ, и наперекоръ всяческимъ внѣшнимъ стихіямъ, какъ мы видимъ у Тургенева.

И эта сила до такой степени властна, что художникъ можетъ ослушаться ея только цѣной своей литературной власти. Краснорѣчивѣйшій примѣръ—тотъ же Гоголь. Тургеневу не приходило и на мысль вступить въ борьбу съ своимъ нравственнымъ и писательскимъ *я*.

Всю жизнь онъ разсказывалъ только свои *впечатлѣнія*.

„Я всѣ эти лица,—говоритъ онъ о герояхъ „Отцовъ и дѣтей“,—рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить“.

Въ результатѣ на иной взглядъ получалось будто нѣчто преднамѣренное. И оно дѣйствительно было, только не въ творчествѣ писателя, а въ самой жизни и ея дѣлателяхъ. Какъ же оставалось поступать писателю? Закрыть глаза и заткнуть уши?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Тургеневъ.

„Освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно".

А между тѣмъ съ этой честностью, съ этимъ чистосердечнымъ отношеніемъ писателя къ жизни и своему дѣлу связана судьба художественнаго творчества. Можетъ ли оно изсякнуть и сойти со сцены человѣческой цивилизаціи, какъ нѣчто отжившее и ненужное?

VIII.

По тургеневской эстетикѣ, оно неизмѣнно слагается изъ двухъ стихій—дѣйствительности и души писателя, жадной до истины и справедливости. Когда же человѣчество переживетъ эти двѣ стихіи? Другими словами, когда жизнь перестанетъ волновать человѣческую душу и когда въ этой душѣ исчезнутъ всѣ представленія о болѣе совершенномъ и разумномъ, чѣмъ торжествующія кругомъ силы?

Это значило бы чаять въ будущемъ живого не въ жизни, а въ смерти, и мыслить человѣчество безъ надеждъ и желаній.

Нѣтъ, подлинное искусство безсмертно, потому что неразрывно связано съ самыми основами нашего бытія и нашего возможнаго счастья.

И чтобъ эта связь не ослаблялась ни временемъ, ни людьми, необходимо выполнять только одно правило, провозглашенное еще Евангеліемъ:

„Имѣй уши слышати да слышитъ".

И до Евангелія эта истина, какъ и ученіе о любви, не

было новостью, но Евангеліе умѣло вызвать къ дѣятельности людей, съ минуты просвѣщенія до послѣдняго часа не закрывавшихъ слуха и взора предъ зломъ нашего міра и его неизбывной тоской по свѣту и возможной для человѣка правдѣ.

Этого было достаточно, чтобы христіанство запечатлѣло свою проповѣдь мученичествомъ. Но оно побѣдило міръ и истину, едва извѣстную избраннымъ, сдѣлало достояніемъ всѣхъ, кто въ силахъ вмѣстить ее.

Нашихъ писателей сравниваютъ съ пророками, и это сравненіе—не сказка и не комплиментъ. Оно—точное выраженіе идейнаго и нравственнаго смысла тургеневскихъ завѣтовъ русской литературѣ.

До конца дней исполненный вѣры въ культурное призваніе русскаго народа и русскаго общества, онъ не задолго до смерти, увѣнчанный лаврами со всѣхъ концовъ міра, провозглашалъ тостъ: „за молодость, за будущее!“

Можетъ быть, дорога къ этому будущему извилиста и терниста, тогда призваннымъ вождямъ его Тургеневъ могъ указать на свою жизнь, на свои разсчеты съ многообразными препонами и рожнами писательской дѣятельности и лишній разъ повторить истинно-пророческое напутствіе страстно любимому русскому художественному слову. Пусть оно идетъ къ своей цѣли безъ всякихъ школъ и направленій въ литературѣ, безъ всякихъ напряженныхъ искусственныхъ задачъ ради публики, подъ великою эгидой жизненной правды и жизнью воспитаннаго идеализма.

Встрѣтится на пути врагъ и даже гонитель, тогда обратитесь къ нему съ тѣми самыми словами, съ какими пророки Евангелія прошли весь міръ, съ единственнымъ оружіемъ—слова и любви. Ихъ девизъ былъ избраннымъ утѣшеніемъ и нашего писателя въ дни невзгодъ и жестокихъ недоразумѣній:

Бей меня, но будь здоровъ и сытъ...

ГОДОВЩИНА ГРИБОѢДОВСКОЙ СЛАВЫ.

Четвертаго января будущаго года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія Грибоѣдова, и двадцать шестого—шестьдесятъ четыре года со дня перваго представленія „Горе отъ ума“ на сценѣ.

Оба періода весьма значительны и особенно въ нашей молодой литературѣ, среди общества, искони извѣстнаго своей короткой памятью о дѣятеляхъ мысли и слова. Но Грибоѣдовъ во всѣхъ отношеніяхъ оказался рѣдкимъ исключеніемъ. Именно общество, публика въ самомъ широкомъ смыслѣ, признала и оцѣнила его талантъ—независимо отъ критики, отъ журнальной и газетной славы. Мало того: публика съ самаго начала шла впереди призванныхъ судей литературы, и безпримѣрный интересъ обыкновенныхъ читателей къ геніальному произведенію одолѣлъ всѣ препятствія, какія оно встрѣтило въ печати и на сценѣ.

Въ сущности общество даже и не нуждалось въ услугѣ печати и театра. Когда комедія въ первый разъ появилась на сценѣ, одинъ изъ зрителей писалъ:

„Каждый, кто только читаетъ у насъ, кто только заглядывалъ на книгу, знаетъ „Горе отъ ума“, и нѣтъ русскаго грамотнаго дома, отъ дворянина до посадскаго, гдѣ бы не было списка сей комедіи“.

Обратите вниманіе—*списка*, а не печатнаго экземпляра. Такихъ списковъ ходило, говорятъ, по Россіи до сорока тысячъ. Даже послѣ появленія пьесы на сценѣ должно было

пройти не менѣе двухъ лѣтъ, раньше чѣмъ она была напечатана вся цѣликомъ. Въ XIX вѣкѣ, въ странѣ менѣе всего просвѣщенной и отзывчивой на явленія литературы и искусства, отсутствіе книги оказалось восполненнымъ рукописью!.. Даже на Западѣ этотъ фактъ казался бы изумительнымъ,— у насъ онъ представляетъ единственную въ своемъ родѣ страницу въ исторіи общественнаго развитія.

Въ чемъ же тайна такого небывалаго успѣха? Чѣмъ вызвана слава, мгновенно вспыхнувшая ослѣпительнымъ блескомъ и не растерявшая своихъ лучей на пространствѣ цѣлаго вѣка?

Сколько бы разъ ни разрѣшались эти вопросы, они нисколько не утрачиваютъ жгучаго интереса и неотразимой привлекательности. Ничто такъ не льститъ нашему человѣческому достоинству, какъ разсказъ о торжествѣ идей и таланта надъ толпой. А для насъ, русскихъ, кромѣ того, каждое такое воспоминаніе — неоцѣненный источникъ вѣры въ наши духовныя силы и въ наши культурные успѣхи.

И мы пользуемся случаемъ заглянуть вновь въ далекое прошлое, завѣщавшее намъ столь славное наслѣдіе, вызвать еще разъ изъ этого прошлаго и личность автора, и безсмертный путь его творческой работы. И то, и другое связано неразрывными нравственными узами, образующими совершеннѣйшей созданіе нашего міра — писателя-гражданина и человѣка.

I.

Много лѣтъ тому назадъ въ грязномъ варварскомъ Тавризѣ печально влачилъ юные дни русскій поэтъ. Лѣто стояло въ полномъ разгарѣ, восточное солнце жгло и томило нестерпимо. Поэтъ не находилъ мѣста отъ духоты и зноя и еще болѣе отъ тоски.

Ему только что минуло двадцать шесть лѣтъ. Безжа-

лостная судьба забросила его въ дикій край, далеко отъ родныхъ, отъ друзей, отъ блестящей свѣтской жизни, переполненной удовольствіями и интересными исторіями.

Молодой человѣкъ припоминаетъ, какъ тяжело ему было разставаться съ культурнымъ обществомъ. Многое здѣсь заслуживало насмѣшки, даже презрѣнія, но здѣсь также можно было подѣлиться кое съ кѣмъ новой мыслью, задушевнымъ чувствомъ, можно было разсчитывать на литературные успѣхи, а пока—между прочимъ—увлекаться безъ конца „пріятными женщинами“, говорить имъ милый вздоръ, плѣнять ихъ музыкой... Сколько жизни и радостей, столь цѣнныхъ въ извѣстномъ возрастѣ!..

Но судьба и люди остались неумолимы.

Поэта увѣряли:

— Въ уединеніи вы усовершенствуете ваши дарованія.

И напрасно поэтъ возражалъ, „жестоко было бы мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными азіатцами“, — онъ долженъ былъ „разстаться съ домашними пенатами“...

Прошло уже не мало времени послѣ этой разлуки, но тоска не унимается. Поэтъ усиливается разогнать ее всякими средствами, бросается во всевозможныя школьническія шалости, поетъ въ горахъ французскіе куплеты, забавляется игрою эхо. Но все напрасно: „веселость утрачена“, ему остается замереть въ неподвижной апатіи, въ полуснѣ.

Тогда онъ невольно съ величайшими подробностями начинаетъ воскрешать въ памяти покинутыхъ имъ людей. Ихъ жизнь и характеры изъ безграничной дали вырисовываются предъ нимъ съ поразительной яркостью и полнотой. Частности и мелочи, легко ускользавшія отъ вниманія вблизи, теперь постепенно складываются въ гармоническія и цѣльныя картины.

Поэтому слишкомъ достаточно времени для самой тщательной вдумчивости. Многія лица полузабытыя, затерянныя

въ вихрѣ нескончаемой свѣтской суеты, внезапно воскресаютъ и занимаютъ свои мѣста на обширной сценѣ.

Въ одинъ изъ такихъ безконечно-тоскливыхъ знойныхъ дней поэтъ дремалъ въ кіоскѣ своего сада. Предъ нимъ уже не въ первый разъ проходили „знакомыя все лица“, мелькали обрывки недавняго прошлаго. Его мысль естественно прежде всего направляется на тѣхъ людей и на тѣ обстоятельства, которыя заставили его изнывать въ одиночествѣ, томиться отъ солнечнаго зноя, жить съ ненавистными варварами.

Кто забросилъ его умирать въ этомъ адѣ?

И въ отвѣтъ въ воображеніи изгнанника поднимается безконечный радъ образовъ, и во главѣ ихъ его мать.

Это типичная старомодная москвичка, хозяйка коренного барскаго дома, всѣми силами души преданная свычаямъ и обычаямъ первопрестольной столицы. Она искренно любитъ своего сына, но для него эта любовь оказывается невыносимымъ бременемъ. Онъ готовъ завидовать пріятелю въ томъ, что у него нѣтъ матери, которой онъ во что бы то ни стало долженъ казаться основательнымъ и солиднымъ молодымъ человѣкомъ.

Настасья Ѳедоровна Грибоѣдова всю жизнь поглощена двумя идеалами—по возможности поставить свой домъ и семью на настоящую аристократическую ногу, какъ это понимаютъ въ Москвѣ, и потомъ устроить сыну карьеру, заставить его „служить и награжденія брать“. У нея есть вдохновитель и непогрѣшимый менторъ—дядя поэта.

Это уже цѣлый общественный герой, съ необыкновенно яркими родовыми признаками, воплощающій въ своей особѣ цѣлое поколѣніе.

„Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ,— припоминаетъ племянникъ, — потомъ пресмыкался въ передникъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ оставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: „*я*—братъ“...

Племянникъ—злосчастнѣйшая жерва этого авторитета. Дядя начинаетъ таскать его чуть не ребенкомъ на поклонъ къ тѣмъ же случайнымъ людямъ „для замысловъ какихъ-то непонятныхъ“. Будущему обладателю блестящей карьеры приходится притворяться больнымъ, лишь бы отвязаться отъ этихъ визитовъ, но что же дѣлать! Таковъ строй всей московской жизни...

И здѣсь же поэту представляется нескончаемая галлерея родственниковъ, знакомыхъ, страдающихъ той же смѣсью рабской угодливости и барской заносчивости.

Сколько комическихъ, часто каррикатурныхъ лицъ! Но какъ бы пестра и разнорѣчива ни была эта компанія, ее одушевляютъ въ сущности весьма несложныя и у всѣхъ одинаковыя вожделѣнія.

Вотъ, напримѣръ, важный чиновникъ О., величественной наружности, необычайно солидный съ виду. Поэту припоминается необыкновенно забавный эпизодъ съ этимъ „государственнымъ мужемъ“. Нѣсколько времени тому назадъ, онъ при одномъ слухѣ о пожалованіи ему лишняго „крестишки“, немедленно нацѣпилъ его и не снималъ два мѣсяца, пока слухи не оказались ложными. Въ Москвѣ много смѣялись этому случаю, но отнюдь не надъ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ смѣшно.

А вотъ князь Ю., еще болѣе курьезное дѣтище московскихъ салоновъ и канцелярій Онъ недавно заподозрилъ въ политической неблагонадежности *надворнаго судью* только потому, что тотъ осмѣлился танцовать съ *дочерью генералъ-губернатора*. Это оказалось неслыханною дерзостью! И все оттого, что бѣдный надворный судья не носилъ военнаго мундира, оставилъ военную службу и предпочелъ гражданскую должность. Такой поступокъ московскіе тузы прямо клеймили „бунтомъ“. „Мундиръ—одинъ мундиръ“—единственный предметъ ихъ гражданскаго культа и ради того же мундира мать поэта становилась предъ нимъ на колѣни

и умоляла его—пойти „послужить“, а при случаѣ и „прислужиться“...

Да, не имѣть мундира, значитъ быть своего рода лишеннымъ правъ. Развѣ только еще одно несчастье можетъ сравниться съ этимъ позоромъ: жить въ провинціи. Весь русскій міръ, лежащій за предѣлами Москвы и „подмосковныхъ“, кажется столичнымъ барамъ ссылкой, дикимъ, едва извѣстнымъ краемъ. Барышни приходятъ въ ужасъ при одной мысли—провести зиму безъ Тверской и Кузнецкаго моста. На ихъ языкѣ самое слово *провинціалъ*—бранное, и поэтъ помнитъ, какія горячія сожалѣнія вызвалъ у всѣхъ этихъ людей бракъ московской барышни съ *провинціаломъ*—только потому, что женихъ проживалъ *въ Саратовѣ*...

„Москва—это лучшій уголокъ земного шара“,—наперерывъ лепечутъ тѣни, проходящія въ воображеніи поэта. Только въ Москвѣ пребываетъ счастье, просвѣщеніе, хорошій тонъ. Съ этимъ согласна вся Россія. Она и знать не хочетъ о Петербургѣ. Для нея это — чужеземная столица. Даже иностранцы отличаютъ Москву.

Она—единственный городъ во всемъ государствѣ, исполненный патріотическихъ чувствъ, преданный „общему благу“. Московскія дамы, напримѣръ, при вѣсти о нашествіи Наполеона, начали усердно посѣщать церкви, а петербургскія продолжали ѣздить по театрамъ. А когда окончилась война и древняя столица переполнилась военными, московскія дамы и барышни танцовали до изнеможенія, нерѣдко смертельно заболѣвали, изобрѣли даже особую кадриль, гдѣ каждая дама могла танцовать съ двумя кавалерами—все ради того, чтобы военные не остались безъ развлеченій.

Правда, эти господа военные далеко не всѣ могли бы удовлетворить разборчивому вкусу. Поэтъ знаетъ это по собственному опыту. Онъ самъ служилъ въ гусарахъ, близко былъ знакомъ съ ёрами и забіяками — исключительными типами мундирныхъ героевъ, всю жизнь свою полагавшихъ

на кутежи и головоломныя похожденія. „Я въ этой дружинѣ, — признавался онъ потомъ, — всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ не могу попасть на путь истинный“.

И нелегко было попасть!

Поэта окружало цѣлое сонмище „казарменныхъ готтентотовъ“. Теперь на свободѣ онъ подробно припоминаетъ особенности и странности этихъ лицъ. Кого только здѣсь нѣтъ! Дивизіонный генералъ такъ и просится въ карикатуру: это готовый Скалозубъ: культъ выпушекъ, петличекъ и фельдфебельской муштры, необычайное счастье въ товарищахъ по службѣ, весьма кстати такъ или иначе выбывающихъ изъ строя и въ заключеніе полное отсутствіе умственныхъ интересовъ...

Впрочемъ, это и лучше. Бѣда, если „казарменный готтентотъ“ вообразитъ себя ученымъ и умницей или даже либераломъ. Поэтъ припоминаетъ, сколько забавныхъ минутъ доставилъ ему одинъ сослуживецъ, помѣшанный на каламбурахъ и анекдотахъ. Поэтъ ради него купилъ даже сборникъ всевозможныхъ остротъ и разсказовъ и при каждомъ каламбурѣ армейскаго острослова спрашивалъ, на какой страницѣ искать его *mot*? Тотъ клятвенно принимался завѣрять, что острота его собственная, отнюдь не заимствованная.

Еще комичнѣе происходили сцены съ казарменными политиками. Эти, наслушавшись страшныхъ словъ, вѣрнѣе, подслушавъ ихъ кое-гдѣ и какъ попало, воображали себя опаснѣйшими членами секретнѣйшихъ „союзовъ“, и ничего не было смѣшнѣе для поэта, какъ видѣть этихъ, въ сущности добрѣйшихъ и невиннѣйшихъ малыхъ въ роли государственныхъ заговорщиковъ. Это все будущіе—„Левонъ и Боринька—чудесные ребята!..“

И все это питомцы единственной въ мірѣ столицы! Въ Петербургѣ, правда, знаютъ нѣкоторыя странности старушки и посмѣиваются надъ ея тономъ и патріотизмомъ. Въ пе-

тербургскихъ гостиныхъ даже говорятъ нерѣдко: „смѣшна, какъ *москвичка*“. Но это на самомъ дѣлѣ зависть, досада Петербурга на свое безсиліе стать въ уровень съ Москвой во всѣхъ ея благородныхъ чувствахъ...

„Благородныхъ“—повторяетъ поэтъ... Но какъ же вели себя герои и героини этихъ чувствъ на развалинахъ той же „милой Москвы“, едва только изъ нея удалился врагъ? Они сейчасъ же бросились разыскивать свои милые уголки „на Никитской“, чаще всего „въ Подновинскомъ“ или „противъ *Страшного* монастыря“. Отыскали, наскоро исправили и—заплясали, да такъ, что можно было подумать, будто Москва празднуетъ завоеваніе всего земного шара. А между тѣмъ, „чудовище—Наполеонъ“ не успѣлъ оставить еще и предѣловъ Россіи.

„Мы прыгаемъ ежедневно. Повѣришь ли, силъ не достаетъ“—жалуется московская барышня въ письмѣ къ петербургской. „Всѣ вечера необычайно оживлены, вертимся до изнеможенія“.

Барышнямъ надоѣдаетъ вертѣться: онѣ устраиваютъ поѣздки на саняхъ *по обгорѣлымъ улицамъ*. Это одна изъ любимыхъ parties de plaisir. Всѣ другія исчерпываются балами и обжорствомъ, страшнымъ, едва вѣроятнымъ. Изящныя барышни и ихъ кавалеры начинаютъ болѣть отъ безпрестанныхъ взаимныхъ угощеній. Повальная болѣзнь грозитъ опустошить „милые уголки“...

Не правда ли, какая изумительная смѣсь всевозможныхъ добродѣтелей! Патріотическіе вздохи, катанье по обгорѣлымъ улицамъ, барская prud'erie и смерть отъ обжорства?.. *)

„Да, — замѣчаетъ поэтъ, — едва другая сыщется столица, какъ Москва“.

А если отдѣльно припомнить каждаго туза, жившаго и

*) Всѣ эти данныя взяты изъ сообщеній самого Грибоѣдова и изъ переписки Волковой и Ланской. «Грибоѣдовская Москва». «Вѣстникъ Европы». 1874 и 1875 г.

умершаго въ Москвѣ, выйдетъ совершенно безпримѣрная галлерея.

Вотъ, напримѣръ, по Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка, находится барскій домъ съ театромъ и зимнимъ садомъ. Лучшіе дни этого „уголка“ приходятся какъ разъ на эпоху отечественной войны. Въ театрѣ играетъ хозяйская труппа актеровъ, даются преимущественно оперы. Жизнь течетъ весело и ровно, не смотря ни на какія событія въ мірѣ. Хозяевамъ и гостямъ становится по временамъ скучно развѣ только отъ излишняго изобилія однихъ и тѣхъ же удовольствій. Но судьба, очевидно, особенно благосклонна къ этому уголку.

Хозяинъ случайно узнаетъ, что за Москвой рѣкой въ гостинницѣ появился кучеръ, который съ помощью свистка производитъ соловьиныя трели. Немедленно посылаютъ за дивнымъ свистуномъ, приказываютъ достать его за какія бы то ни было деньги. Свистуна достаютъ, сажаютъ въ садъ, „и пѣвецъ зимой погоды лѣтней“ услаждаетъ всю Москву.

Поэту припоминается и другой, не менѣе оригинальный, любитель искусства, на этотъ разъ случайный обыватель Москвы,—рязанскій помѣщикъ. Онъ, достигши уже преклонной старости, вздумалъ научиться танцовать „по правиламъ“, отправился въ Парижъ, бралъ тамъ уроки у лучшихъ балетмейстеровъ и по возвращеніи началъ обучать танцамъ своихъ дворовыхъ дѣвицъ, устроилъ даже спеціальную школу.

Но искусство процвѣтало не долго. Помѣщикъ слишкомъ ужъ увлекся хореографіей, быстро разорился и—„амуры и зефиры всѣ распроданы по одиночкѣ“... Нѣкоторыя изъ танцовщицъ были приняты на сцену Большого театра.

Это—все тузы. Но, въ Москвѣ, какъ истинно-русской столицѣ, „дверь отперта для званыхъ и незваныхъ“. Сюда являются всѣ, кому нѣтъ мѣста въ европейскихъ гостиныхъ Петербурга. И чѣмъ страннѣе фигура, чѣмъ неопредѣленнѣе ея біографія—тѣмъ она желаннѣе въ этой средѣ, погрязшей въ пустякахъ и сплетняхъ.

Поэтъ припоминаетъ обычнаго посѣтителя московскихъ кружковъ съ весьма темнымъ прошлымъ, несомнѣннаго шулера и нахала. Дико-бронзовое лицо, съ большими выразительными глазами, волосы, какъ смоль черные, съ просѣдью. О немъ ходили самые невѣроятные слухи. Говорили, будто во время путешествія онъ поссорился съ капитаномъ корабля и былъ высаженъ на какомъ-то дикомъ островѣ. Какъ долго онъ прожилъ тамъ,—никто не зналъ, но знали навѣрное, что онъ возвратился татуированнымъ и прозванъ былъ за это американцемъ. Было всѣмъ извѣстно и другое его качество, уже совершенно неожиданное: о добродѣтели и „честности высокой“ этотъ проходимецъ говорилъ, „какимъ-то демономъ внушаемъ“, со слезами на глазахъ и съ жаромъ въ лицѣ.

Среди военныхъ поэтъ помнитъ особенно одного героя московскихъ салоновъ. Откуда-то онъ пріѣхалъ въ столицу послѣ войны, состоялъ въ чинѣ полковника, но велъ себя необычайно надменно, жужжалъ всѣмъ въ уши о своихъ подвигахъ, басомъ разсказывалъ всевозможныя небылицы и всѣхъ приводилъ въ изумленіе, особенно маменекъ. Полковникъ мѣтилъ въ генералы, лихо танцовалъ мазурку, молодецки носилъ мундиръ и слылъ весьма завидной партіей.

Поэтъ прекрасно помнитъ самую несчастную изъ московскихъ маменекъ. Она живетъ чуть ли не въ самомъ длинномъ изъ московскихъ домовъ, у нея шесть дочекъ и у каждой дочки свое окошко, отъ котораго она не отходитъ. „Что окошко, то лепешка“, смѣются менѣе обремененныя и болѣе счастливыя маменьки... Чѣмъ не семья Тугоуховскихъ!—думаетъ поэтъ.

Московскія маменьки и ихъ дочки вообще богатѣйшія темы для комедіи. Маменьки поглощены страстью „пристраивать“ своихъ дочекъ. Ихъ беретъ какая-то оторопь, когда онѣ видятъ „большую семью, гдѣ много дочерей, и ни одна изъ нихъ не замужемъ“. Кромѣ свадебъ, сплетни—

насущнѣйшая потребность московскихъ матронъ — и даже ихъ мужей. Всѣ они совершенно откровенно сознаются, что „съ каждой осенью москвичи устраиваются по прежнему и начинаются старыя сплетни“...

Посмотрите, какъ граціозны и милы впечатлѣнія московской барышни въ началѣ сезона,—такими они останутся и до конца.

„М-me А. прелестна, Аннета тоже очень красива. Молодая нашла способъ избавиться отъ чернаго пятнышка около носа, что ей очень къ лицу. Мужъ ея красивый малый, ему идутъ маленькіе усики и военный мундиръ. Словомъ, я вчера очень весело провела время: кромѣ самого бала, мнѣ нравилось общество, среди котораго я находилась, и, наконецъ, усердный мой поклонникъ А. П., съ которымъ я постоянно кокетничаю, ни на шагъ не отходилъ отъ меня во весь вечеръ и отчаянно любезничалъ“.

Болтовня, какъ видите, не особенно связная и богатая содержаніемъ, но зато самъ авторъ рисуется въ видѣ лепечущаго ангела. Притомъ этотъ ангелъ необыкновенно свѣдущъ, и въ своей сферѣ изумительно наблюдателенъ. Мы аккуратно узнаемъ о каждой свадьбѣ и о каждой интригѣ. Очевидно, нашъ корреспондентъ прошелъ серьезную, истинно-московскую школу злоязычія и сплетничества.

Но зато каковъ тонъ! Тончайшій букетъ аристократизма... Московскія барышни, вообще неравнодушныя къ военнымъ и ко всему французскому, наполеоновскихъ офицеровъ и генераловъ находятъ отвратительными, потому что они изъ сословія буржуа, а не изъ „школы Людовика XIV“. Такъ именно и выражается московская красавица. Она приходитъ въ неистовую радость, когда ей удается открыть какого-то графа или барона, побывавшаго въ высшей школѣ свѣтской дрессировки... Москва искони жила на нѣсколько столѣтій позже Европы, и на этотъ разъ она обсчитывается ровно на сто лѣтъ и гордится тѣмъ, „что только она еще и дорожитъ дворянствомъ“.

Да, дѣйствительно, „отъ головы до пятокъ на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ“.

Поэтъ можетъ припомнить, какъ этотъ отпечатокъ, замѣтный не въ одной Москвѣ, бросился съ перваго взгляда въ глаза умной иностранкѣ, посѣтившей наше отечество въ эпоху отечественной войны. М-me Сталь изумлялась пустотѣ и низкому умственному уровню высшаго рускаго общества. Въ этой атмосферѣ „нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди здѣсь не пріобрѣтаютъ никакой охоты ни къ умственному труду, ни къ практической дѣятельности“... „Увеселенія являются единственнымъ средствомъ предупредить скуку“.

Все это подтверждается несомнѣнными отечественными свидѣтельствами.

Перечитайте переписку двухъ модныхъ барышень, пристально слѣдящихъ за фактами и событіями своей сферы, вы будете поражены невѣжествомъ высшей русской интеллигенціи по вопросамъ, которые, казалось бы, съ особенною силой должны были захватывать московскихъ патріотовъ. Знанія здѣсь самыя смутныя и первобытныя.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ московскихъ князей, въ видѣ горячей новости, сообщаетъ, что Наполеонъ отступилъ къ *Майнцу-на-Одерѣ*. Одна изъ умныхъ барышень доказываетъ, что незаконнаго сына нельзя называть „Эммануиломъ“, такъ какъ *съ греческаго—это значитъ „Богомъ данный“*...

На невѣжествѣ еще не кончается варварство москвичей. Они не только ничего не знаютъ, но прямо преслѣдуютъ даже чужія попытки что-либо узнать. Поэту припоминается, какъ въ его родномъ домѣ изгонялась страсть „къ наукѣ, къ искусствамъ творческимъ“, какъ его любовь къ литературѣ, къ чтенію оскорбляла его мать и всѣхъ родныхъ, какъ его стихи подвергались жестокому презрѣнію со стороны авторитетнѣйшихъ членовъ семьи.

Въ эпоху отечественной войны умственная растерянность

въ высшемъ обществѣ ярче обозначалась. Наполеоновское нашествіе въ конецъ перепугало патріотовъ „московскаго отечества“. Корсиканскаго варвара быстро отожествили вообще съ иноземнымъ просвѣщеніемъ и особенно съ „идеями“. Въ 1813 году Уваровъ въ такихъ словахъ характеризовалъ Штейну столичныхъ аристократовъ:

„Смѣшеніе понятій достигло послѣдней степени. Одни заняты просвѣщеніемъ безъ опасностей, т.-е. огня, который не жжетъ. Другіе—и это большая часть — сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескьё, французскія арміи и французскія книги... У всѣхъ на языкѣ слова: „религія въ опасности, нарушеніе нравственности; приверженныхъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе. Рискуетъ каждую минуту компрометировать себя“... Эта рѣчь—готовая характеристика для гостей сценъ фамусовскаго вечера...

Такова старая, патріархальная Москва. Ее ясно видитъ поэтъ изъ своего далёка. И развѣ онъ, съ дѣтства лелѣявшій творческіе образы и мечту о литературной славѣ, можетъ пропустить безъ вниманія такой благодарный матеріалъ! Само настроеніе подсказываетъ ему, какъ воспользоваться своими воспоминаніями: это будетъ сатира, безпощадный смѣхъ надъ допотопными уродами, исполненными „непримиримой вражды къ свободной жизни“. И не одно только личное настроеніе толкаетъ его на сатиру.

Поэтъ, покидая Россію, оставлялъ за собой много дорогихъ единомышленныхъ друзей, видѣлъ развалины многихъ благородныхъ стремленій и надеждъ. Незадолго до отъѣзда онъ вступилъ въ одно изъ „тайныхъ обществъ».

Это было новостью на русской почвѣ,—новостью недавней, считающей свои дни съ той же эпохи отечественной войны.

Не всѣ русскіе люди нашли въ этой войнѣ только пищу для своего наивнаго патріотизма, не идущаго дальше ненависти къ чужеземцу... Нѣкоторые многому научились въ

это бурное время, многое запомнили и иначе стали смотрѣть на свое родное. Множество русскихъ офицеровъ побывало заграницей, присмотрѣлось къ чужимъ порядкамъ, понаслушалось совершенно другихъ рѣчей, чѣмъ разсужденія московскихъ тузовъ, и вернулось на родину съ твердымъ намѣреніемъ внести новыя идеи въ дѣйствительную жизнь.

Какія же это были идеи?

Прежде всего—страстная возвышенная любовь къ родинѣ,—любовь, какой и не снилось ораторамъ московскихъ гостиныхъ. Патріотизмъ москвичей — патріотизмъ дикарей. Они ничего не признаютъ на свѣтѣ, кромѣ своихъ милыхъ уголковъ на Никитской и въ Подновинскомъ. Это—патріотизмъ стариковъ, „впавшихъ въ дѣтство“. Ихъ восхищаютъ и „очаковскія времена“, и „дворъ матушки Екатерины“, и въ то же время отечественныя *précieuses ridicules*, потому что „словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой, поютъ французскіе романсы, выводятъ верхнія ноткн, а главное—льнутъ къ военнымъ“.

Патріотизмъ новой молодежи совершенно другой. Эта молодежь съ жгучей болью въ сердцѣ помнитъ, какъ иностранцы, во главѣ съ знаменитымъ прусскимъ министромъ, барономъ Штейномъ, были поражены полнымъ отсутствіемъ у русскихъ истинно-національнаго чувства. Плѣнные французы открыто смѣялись надъ русскими, не умѣвшими говорить и писать на родномъ языкѣ.

Штейнъ, съ авторитетомъ истиннаго государственнаго мужа, указывалъ на вредъ, причиняемый Россіи подражательностью иностранцамъ. Подражательность эта на первый взглядъ не шла очень далеко, ограничивалась книжками и модами, но на самомъ дѣлѣ окончательно отрывала высшій классъ отъ народной почвы, воспитывала въ немъ самыя смутныя представленія о національныхъ нуждахъ Россіи и глубокое презрѣніе къ основѣ ея благоденствія—къ народу.

Все это видѣли даже иностранцы; новая молодежь должна

была чувствовать себя глубоко оскорбленной, слыша, какъ иностранцы—даже враги—поучаютъ русскихъ истинному патріотизму.

Молодые люди воочію убѣдились, какихъ блестящихъ результатовъ достигли европейскіе народы, развиваясь на *національныхъ* основахъ, какой непреодолимой силой оказался патріотизмъ, одинаково доступный и простому мужику, и просвѣщенному горожанину, и русская *народность* стала знаменемъ новыхъ людей. Иностранцы, въ родѣ барона Штейна и г-жи Сталь, много говорили въ защиту закрѣпощенныхъ милліоновъ, настаивали даже на отмѣнѣ крѣпостного права. И эти милліоны сами доказали свои права на человѣческое достоинство, вынеся жестокую борьбу чуть не съ цѣлой Европой. Послѣ такой борьбы нельзя было не уважать народа, который въ годину бѣдствій отозвался на призывъ своего царя, изъ конца въ конецъ необъятной страны,—могучимъ чувствомъ любви къ родинѣ и инстинктивнымъ сознаніемъ своего историческаго и національнаго единства.

Съ такимъ именно сознаніемъ вернулись на родину освободители Европы. Чувство личнаго достоинства упрочивалось въ нихъ съ каждымъ новымъ событіемъ, вѣнчавшимъ славой русское имя. Они возвращались къ своимъ очагамъ совершенно другими людьми, чѣмъ уходили. Даже на простыхъ солдахъ и ополченцевъ не могло не произвести впечатлѣнія пребываніе въ чужихъ краяхъ, и они принесли теперь новыя впечатлѣнія въ родныя семьи. Очаковскія времена и сужденія изъ газетъ того времени должны были казаться дикими всякому, кто только могъ видѣть и понимать. А у людей болѣе развитыхъ быстро сложилось новое міросозерцаніе, новые общественные идеалы.

„Умный, добрый нашъ народъ“,—эти слова безпрестанно стали раздаваться въ гостиныхъ, и не остались только словами. Молодые идеалисты слишкомъ смѣло и громко выска-

зывали свои надежды, чтобы можно было ограничиться красивыми рѣчами. Современникъ разсказываетъ *):

„Я видѣлъ лицъ, возвращавшихся въ Петербургъ послѣ отсутствія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и выражавшихъ величайшее изумленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ разговорѣ и дѣйствіяхъ столичной молодежи. Казалось, она пробудилась для новой жизни и вдохновлялась всѣмъ, что было благороднаго, чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности привлекали вниманіе свободой и смѣлостью, съ которой они выражали свои мнѣнія, весьма мало заботясь,—говорили они въ общественномъ мѣстѣ или въ салонѣ, были слушатели сторонниками или противниками ихъ ученій".

Легко представить,— молодые мечтатели вели часто крайне запальчивые разговоры, повергали въ ужасъ правовѣрныхъ хранителей старины и подчасъ должны были производить комическое впечатлѣніе... Всегда, вѣдь, извѣстнаго сорта наблюдателямъ кажется смѣшнымъ благородное, слишкомъ прямолинейное увлеченіе несбыточными, по ихъ мнѣнію, мечтами. А если вспомнить, въ какомъ обществѣ приходилось защищать „либеральныя идеи" новымъ патріотамъ,—предъ нами невольно предстанетъ вальсирующая толпа барышенъ, перепуганные тузы, ехидно улыбающіеся архивные юноши—все, что проносилось предъ глазами поэта, только что лично прошедшаго тернистый путь увлекающагося мечтателя...

Не все, конечно, рѣшались высказывать публично даже и самые смѣлые реформаторы родной старины. Мы видѣли, *бунтовщикомъ* прослылъ молодой человѣкъ только за то, что рѣшился сбросить съ себя мундиръ артиллерійскаго офицера и занялъ скромное мѣсто въ московскомъ надворномъ судѣ. Стоило сдѣлать одинъ шагъ дальше, т.-е. совсѣмъ отказаться отъ всякой служебной карьеры, отдаться наукамъ, уйти отъ

*) «La Russie et les Russes», par N. Tourgueneff. Bruxelles 1847. III. 66.

пустого праздно болтающаго общества, — и „карбонарій“, „якобинецъ“ былъ готовъ.

А такихъ героевъ оказалось не мало. Служить народу не значило „служить“ и „прислуживаться“ въ общепринятомъ смыслѣ слова, „вѣчно пѣть пѣснь одну и ту же“... Возникаютъ „тайныя общества“, совершенно чуждыя какихъ бы то ни было революціонныхъ, или якобинскихъ теорій. Это— кружки друзей просвѣщенія, „умовъ алчущихъ познаній“, возлагающихъ самыя пламенныя надежды на грамотность, на развитіе у русскихъ людей чувства личнаго человѣческаго достоинства, короче— борцовъ противъ невѣжества и „рабскаго духа“.

Поэтъ близко былъ знакомъ съ членами этихъ кружковъ, неоднократно слышалъ ихъ горячія рѣчи, читалъ тѣ же идеи въ контрабандныхъ книжкахъ, ежедневно возникавшихъ во множествѣ. Онъ зналъ и практическіе планы друзей просвѣщенія, ихъ любимую мечту— распространить, скоро и легко, образованіе среди русскаго народа путемъ „ланкастерскихъ взаимныхъ обученій“. Само правительство одно время увлекалось этими „обученіями“ и посылало за границу свѣдущихъ людей знакомиться съ устройствомъ ихъ. Чаще всего съ этою цѣлью посылались студенты Педагогическаго института. Въ Россіи возникли ланкастерскія школы для мужчинъ и для женщинъ, даже въ арміяхъ школы быстро стали процвѣтать, увлекли офицеровъ, повліяли на смягченіе военной дисциплины...

Но „прекрасные дни Аранжуэца“ скоро минули...

Да и странно было бы ожидать рѣшительной побѣды для подобныхъ идей въ обществѣ, не умѣвшемъ даже какъ слѣдуетъ произносить словъ--ланкастерскій и педагогическій и смѣшивавшемъ врага отечества съ другомъ просвѣщенія и здраваго смысла. И именно на сторонѣ этого общества была сила...

Поэтъ припоминаетъ, какъ новыя идеи постепенно вы-

тѣснили у него самого наклонности „ёры и забіяки“, превращали легкомысленнаго корнета въ гражданина. Поэтъ дорожитъ этимъ перерожденіемъ и теперь съ болью въ сердцѣ слѣдитъ за судьбою увлекшихъ его идей,—видитъ, какъ онѣ утратили свой кредитъ у людей вліянія и власти, какъ эти люди постепенно дошли до убѣжденія, что можно съ ума сойти отъ *„ланкарточныхъ* взаимныхъ обученій“, и что „въ *педагоническомъ* институтѣ профессора упражняются въ расколахъ и безвѣрьи“. Теперь ужъ не до развитія народа и усвоенія результатовъ европейскаго просвѣщенія. Авторитеты, въ родѣ Магницкаго, объявляютъ „слово человѣческое проводникомъ адской силы“, приговариваютъ цѣлые университеты, напр., Казанскій, къ „публичному разрушенію“, профессоровъ объявляютъ преступниками, „изступленными безумцами“... До науки ли здѣсь! При такихъ условіяхъ всякій—„историкъ и географъ“, кого прикажутъ таковымъ считать. Особенно ненавистными науками слывутъ химія и физика. Имъ приписываются опасныя и „надменныя умствованія“. Очевидно, молодой человѣкъ, занимающійся химіей, или сумасшедшій, или якобинецъ...

Да, можетъ сказать поэтъ, „велики бываютъ на землѣ превращенія правленій, нравовъ и умовъ“...

II.

Не веселы становятся думы одинокаго поэта. Но онъ молодъ, имъ не овладѣетъ грусть, онъ злостью и желчью отвѣтитъ тѣмъ, кто губитъ его идеалы, кто врагъ „свободной жизни“, кто гонитъ стремленія къ знанію и искусствамъ творческимъ...

У поэта давно накипаетъ гнѣвъ. Онъ еще на родинѣ пытался воплотить его въ художественномъ произведеніи, но только теперь, въ минуты гнетущей тоски, въ порывахъ невольнаго раздраженія на виновниковъ своего одиночества и душевнаго томленія, когда передъ нимъ неотвязной верени-

цей проходятъ лица и факты,—окончательно рѣшается вопросъ о мести и ея орудіи. Это будетъ *сатира*,—пылкая, стремительная, клеймящая опредѣленныхъ личностей, переполненная эпиграммами на всѣмъ извѣстныхъ монстровъ и ихъ подвиги,—сатира, брызжущая искрами лирическаго негодованія и убійственнаго презрѣнія.

Поэтъ много разъ представлялъ все это въ воображеніи, передумывалъ каждую черту, укрываясь отъ зноя въ своемъ саду. Полный воспоминаній о Петербургѣ и Москвѣ, онъ однажды заснулъ и увидѣлъ во снѣ все, что пережилъ раньше. Ему снилось также, будто онъ разсказываетъ своимъ друзьямъ о новой своей комедіи, читаетъ нѣкоторыя мѣста...

Сонъ былъ поразительно реаленъ. Пробудившись, поэтъ беретъ карандашъ и въ садовой бесѣдкѣ, въ теченіе ночи, сочиняетъ планъ „Горя отъ ума“ и пишетъ нѣсколько сценъ перваго акта *)...

За героями и героинями автору не приходилось пускаться въ далекіе поиски. У него былъ ихъ цѣлый запасъ въ памяти. Онъ и потомъ не скрывалъ, что лица его комедіи—портреты. Въ этомъ и заключалась сила ея поразительнаго реализма, ея истинно-русскій смыслъ. Но авторъ, помимо наблюдательности, обладалъ великимъ творческимъ талантомъ, и портреты у него превратились въ общественные типы, личныя эпиграммы—въ поговорки, случайныя эпизоды—въ комическія и драматическія положенія. Въ этомъ превращеніи—тайна безсмертія геніальной комедіи, насколько она сатира на извѣстное общество. Но этого мало. Пьеса не производила бы и малой доли того захватывающаго впечатлѣнія, какое она не перестаетъ производить до сихъ поръ, если бы въ ней видѣли только смѣхъ и презрѣніе. Эти обѣ силы, какъ бы благородны и справедливы онѣ ни были, не подчиняютъ своей власти особый сортъ натуръ, отзывчивыхъ и

*) Таково извѣстное сообщеніе Булгарина.

искреннихъ,—натуръ, одаренныхъ лиризмомъ, наклонностью къ поэтическимъ восторгамъ и идеальнымъ сочувствіямъ. Эти натуры понималъ величайшій изъ сатириковъ—Гоголь, и прекрасно изобразилъ ихъ, когда сѣтовалъ на равнодушіе семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ къ великому, но неблагодарному труду сатирика, поэта—живописца житейскихъ, прозаическихъ низменныхъ мелочей... Такихъ „семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ“ много и среди юношей, и даже среди зрѣлыхъ мужей. Ихъ сердце всѣмъ пыломъ увлеченія отзовется на чужую тоску одиночества, обманутыхъ надеждъ, неосуществленныхъ идеаловъ,—и болѣзненно сожмется предъ самымъ праведныхъ гнѣвомъ и возвышенно-благороднымъ смѣхомъ.

Этимъ зрителямъ нуженъ герой-идеалистъ, герой-изгнанникъ, герой-страдалецъ. Если онъ покажется смѣшнымъ при извѣстныхъ условіяхъ,—это значитъ онъ непризнанъ, и тѣмъ глубже и живѣе ему сочувствіе и искреннѣе удивленіе предъ его мужествомъ.

Авторъ „Горя отъ ума“ создалъ именно такого героя и далъ ему даже центральное мѣсто, заставилъ его играть роль свѣтила, окруженнаго странными, часто до фантастичности уродливыми, образами.

Что такое Чацкій и въ чемъ состоитъ его комедія и драма?

Отвѣты на первый вопросъ давались самые разнообразные, и совершенно противоположные даны талантливѣйшими судьями. Бѣлинскій видѣлъ въ Чацкомъ отраженіе самого автора, Пушкинъ считалъ героя комедіи личностью, посторонней для автора. По его мнѣнію, Чацкій—пылкій, благородный, добрый малый, но не особенно умный. Онъ только провелъ нѣсколько времени съ умнымъ человѣкомъ—Грибоѣдовымъ, понабрался у него разныхъ мыслей, остротъ и сатирическихъ замѣчаній. И только. Это, конечно, не значитъ, что Чацкій сталъ умнѣе и сколько-нибудь нравственно приблизился къ автору.

Почему же Чацкій кажется неумнымъ и столь далекимъ отъ личности своего творца?

Отвѣтъ: потому что онъ говоритъ умныя вещи людямъ или глупымъ, или неспособнымъ понять и оцѣнить эти разговоры—Фамусову, Скалозубу, Молчалину, московскимъ бабушкамъ, вообще, мечетъ бисеръ и проповѣдуетъ въ пустынѣ.

Но можетъ ли удовлетворить насъ этотъ отвѣтъ?

Неужели умный человѣкъ обязательно всегда, въ какомъ угодно настроеніи, говоритъ умныя вещи только людямъ одинаковаго съ нимъ умственнаго развитія? И неужели мы непремѣнно должны признать глупостью всякую проповѣдь предъ публикой, настроенной враждебно къ проповѣднику?

Если мы помиримся съ утвердительными отвѣтами на эти вопросы,—мы немедленно очутимся въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Прежде всего,—когда вообще приходится человѣку, одушевленному новыми лучшими стремленіями, сообщать ихъ только единомышленникамъ и людямъ, способнымъ съ перваго слова оцѣнить весь смыслъ его слова? И если бы постоянно оказывалось такимъ положеніе проповѣдниковъ и реформаторовъ, велика ли была бы *нравственная* заслуга ихъ проповѣди? Бываютъ, конечно, умники кстати, умѣющіе приспособлять свои чувства и мысли къ господствующей въ данную минуту погодѣ; но вѣдь такого сорта умъ осмѣянъ самимъ же Пушкинымъ. Его Евгеній Онѣгинъ, большой искусникъ вести тонкій разговоръ и, гдѣ слѣдуетъ, промолчать съ видомъ знатока, лицо далеко не идеальное и, по всей видимости, во мнѣніи самого автора—отнюдь не положительное.

Совершенно другое, глубокое впечатлѣніе производятъ на насъ не эти умники, кстати, ни разу въ жизни не попадающіе въ смѣшное положеніе изъ-за своихъ идей и взглядовъ, а слишкомъ неосторожные, пылкіе идеалисты, не умѣющіе во время сдержаться и спрятаться въ уголокъ, въ жару битвы не задающіе себѣ вопроса, какое положеніе будетъ

наиболѣе выгоднымъ и солиднымъ съ точки зрѣнія публики, и смѣло идущіе впередъ, не ради своего личнаго успѣха, а ради дорогихъ, до жгучаго страданія прочувствованныхъ убѣжденій.

Картина такого сраженія можетъ показаться весьма забавной. Въ перлъ созданія она возведена Сервантесомъ: его Донъ-Кихотъ—идеальный представитель такого рода воителей. Сраженіе ламанчскаго рыцаря съ вѣтряными мельницами—каррикатура, но, по существу, совершенно правдивое изображеніе вѣчной борьбы идеалистовъ съ косными общественными силами. Донъ-Кихотъ, сражаясь съ мельницами, обнаруживаетъ свое безуміе. Чацкій, говорятъ намъ, проповѣдуя Фамусову и Скалозубу недоступныя имъ идеи, доказываетъ свою ограниченность. Но возможно ли дѣйствія обоихъ героевъ судить съ одной и той же и притомъ исключительно практической точки зрѣнія? Сраженіе Донъ-Кихота не болѣе, какъ аллегорія, но сущность ея никому еще не казалась ни смѣшной, ни безумной. Напротивъ, ламанчскій рыцарь стоитъ въ ряду трогательнѣйшихъ образовъ міровой драмы.

Поведеніе Чацкаго не аллегорія, а совершенно реальный фактъ, повторяющійся ежедневно и свидѣтельствующій о живомъ идейномъ процессѣ въ обществѣ, о неумираніи общихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ его членовъ, и—что еще важнѣе—доказывающій гражданское мужество и энергію идеалистовъ.

Фамусовъ и его гости считаютъ Чацкаго сумасшедшимъ именно за то, что онъ вноситъ въ ихъ среду совершенно несообразныя на ихъ взглядъ понятія о личномъ достоинствѣ, о службѣ, о народности. Не значитъ ли поддаваться тому же впечатлѣнію, обзывая Чацкаго—если не сумасшедшимъ, во всякомъ случаѣ, неумнымъ, добрымъ малымъ, т.-е. симпатичной посредственностью? Неужели искренно и глубоко убѣжденный юноша тѣмъ только и можетъ доказать свой умъ, что будетъ говорить о своихъ убѣжденіяхъ сообразно

съ обстоятельствами? Намъ кажется—напротивъ, несомнѣнный признакъ истинно-принципіальныхъ взглядовъ заключается въ ихъ безразсчетной энергіи. Недаромъ поэтъ нарисовалъ пророка среди смѣющейся и негодующей толпы. Таково вѣчное высоко-драматическое положеніе всѣхъ, кто рѣшается выдѣлиться изъ толпы затѣмъ, чтобы напасть на ея лицемѣріе и раскрыть ея замаскированныя язвы. Съ этими людьми неизмѣнно повторяется сцена, описываемая лермонтовскимъ пророкомъ:

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его?

Вы видите, слово *глупецъ* и здѣсь на первомъ планѣ. Да, пророкъ въ глазахъ толпы *глупъ*, совершенно какъ Чацкій—сумасшедшій, или тоже глупый. Положенія тождественныя, и оцѣнка со стороны старцевъ и дѣтей въ обоихъ случаяхъ одинаковая.

Въ результатѣ, характеристика, данная Чацкому Пушкинымъ, не свидѣтельствуетъ объ обычной проницательности великаго поэта. Эта характеристика невѣрна и въ томъ отношеніи, что безусловно отдѣляетъ личность героя отъ личности автора, признаетъ только нѣкоторыя частности, внѣшнія и случайныя черты—общими у Чацкаго и Грибоѣдова.

На самомъ дѣлѣ, совершенно достовѣрныя извѣстія убѣждаютъ насъ въ изумительно-близкомъ нравственномъ сродствѣ поэта и его созданія.

Свойство Чацкаго, столь смутившее Пушкина,—его слишкомъ неосмотрительное проповѣдничество,—мы видѣли, характеризовало, вообще, молодежь грибоѣдовской эпохи. Современникъ прямо указалъ намъ на запальчивость и страстность юныхъ идеалистовъ, вступавшихъ въ борьбу съ патріархальными преданіями свѣтскаго общества: они ни на минуту не задумывались, гдѣ и съ кѣмъ имъ приходилось защищать свои мнѣнія. Несомнѣнно, многіе изъ нихъ поражали и Фамусовыхъ, и Скалозубовъ—отнюдь не съ большимъ тактомъ и „умомъ", чѣмъ это дѣлаетъ Чацкій.

Слѣдовательно, „глупость" грибоѣдовскаго героя—отличительная черта цѣлаго поколѣнія, къ которому принадлежалъ и самъ авторъ комедіи. Но этого мало. Та же „глупость" цѣликомъ входила въ личный характеръ самого автора, толкала его на поступки, еще болѣе предосудительные съ точки зрѣнія свѣтскаго приличія и практическаго благоразумія, чѣмъ „либеральныя" рѣчи Чацкаго въ присутствіи московскихъ тузовъ.

Грибоѣдовъ отличался крайней вспыльчивостью и чисто юношеской нетерпимостью. „Кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ", говоритъ о немъ современникъ, и эта „кровь" ставила часто знаменитаго поэта въ крайне затруднительныя и, если угодно, смѣшныя положенія. Очевидцы единогласно говорятъ о „Катоновской" суровости Грибоѣдова въ обличеніи сильныхъ лицъ. Это, очевидно, посильнѣе, чѣмъ тирады Чацкаго. Наконецъ, у насъ есть подлинные документы, принадлежащіе самому Грибоѣдову: они обличаютъ такое бурное и „неблагоразумное" волненіе крови, что гнѣвъ и страсть Чацкаго въ сравненіи съ нимъ кажутся скромной элегіей.

Вы помните рѣзкій отвѣтъ Чацкаго на сожалѣніе и похвалы Фамусова?

Московскій тузъ снисходительно замѣчаетъ Скалозубу по адресу легкомысленнаго юноши, избѣгающаго службы:

Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ. .

Чацкій не даетъ кончить:

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ,

Эта сцена живо напоминаетъ одинъ изъ эпизодовъ біографіи Грибоѣдова.

Дѣло произошло по поводу статьи Булгарина. Въ статьѣ Грибоѣдову воздавались величайшія похвалы, онъ даже именовался особымъ псевдонимомъ—*Талантинъ*. Трудно представить, какое жестокое впечатлѣніе произвели похвалы и псевдонимъ—на поэта. Впечатлѣніе казалось бы прямо невѣроятнымъ, если бы оно не было засвидѣтельствовано письмомъ самого Грибоѣдова къ автору хвалебной статьи.

Грибоѣдовъ не можетъ скрыть, что его письмо должно показаться „страннымъ“, но онъ все-таки посылаетъ его, твердо рѣшившись „объявить истину“. Онъ вѣритъ въ искренность похвалъ Булгарина, „но мои правила,—продолжаетъ онъ,—правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили какъ автора, а я, именно, какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго“.

Грибоѣдовъ видитъ единственный исходъ—прервать знакомство съ Булгаринымъ, и мотивы этого рѣшенія необыкновенно краснорѣчивы и въ высшей степени оригинальны. Въ каждомъ словѣ слышится творецъ Чацкаго.

„Не думайте, чтобы какая-нибудь внѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не

по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выплакиваю ли я еще горсточку ладана!!"...

И такія соображенія оказались для Грибоѣдова вполнѣ убѣдительными, чтобы сказать человѣку: „мы другъ друга болѣе не знаемъ", оставаясь о немъ „хорошихъ мыслей" и даже считая долгомъ отзываться о немъ „съ благодарностью". Вся тайна страннаго поступка заключается въ словахъ: „я просто въ несогласіи самъ съ собою". Но вѣдь это то же самое, что Чацкій говоритъ Софьѣ:

Умъ съ сердцемъ не въ ладу!..

И этого достаточно, чтобы чувство любви въ груди этого человѣка переходило въ пламенные лирическіе порывы, не смотря ни на какія очевидныя разочарованія, а чувство гнѣва граничило съ самозабвеніемъ,—все равно, въ какія бы минуты оно ни являлось. И Чацкій совершенно вѣренъ себѣ, когда одновременно осыпаетъ Софью упреками въ равнодушіи, въ лицемѣріи, въ измѣнѣ и кончаетъ восклицаніемъ:

И все-таки я васъ безъ памяти люблю!

Онъ также остается тѣмъ же мученикомъ внутренняго разлада, когда по поводу „незначущей встрѣчи" съ французикомъ изъ Бордо начинаетъ громить все русское общество, чуть не всю русскую исторію, и договаривается до „величавой одежды" и китайщины.

Это совершенно грибоѣдовское теченіе мыслей. Драгоцѣнный образчикъ въ томъ же письмѣ къ Булгарину. Взгляните на поступокъ журналиста трезвымъ, умиротвореннымъ взглядомъ, вы не найдете здѣсь ничего преступнаго, еще менѣе—оскорбительнаго для личнаго достоинства нашего поэта. А между тѣмъ Грибоѣдову вообразилось, что похвала Булгарина обязательно должна превратить его въ льстеца, связать его по рукамъ и по ногамъ, лишить его необходимой свободы въ обращеніи съ своимъ критикомъ. До такой степени щекотливо чувство личной независимости и самоува-

женія у этого человѣка! Очевидно, ему ничего не стоитъ по самому пустому, на чужой взглядъ, поводу привести въ дѣйствіе всю силу своего пламеннаго краснорѣчія и злобнаго сарказма.

Это и происходитъ при первомъ же случаѣ. Булгаринъ пересолилъ въ похвалахъ, другой журналистъ — Загоскинъ вывелъ Грибоѣдова изъ себя незаслуженными укоризнами. И на этотъ разъ впечатлѣніе оказалось едва ли не болѣзненнѣе. Грибоѣдовъ писалъ, что у него голова „не на мѣстѣ“ и здѣсь же, какъ и въ первомъ случаѣ, самъ первый смѣялся надъ причиной.

„И смѣшно сказать отъ чего? — признавался онъ пріятелю. — Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва, какъ прочелъ, разсмѣялся, но послѣ, чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ, не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости...“

Это опять месть въ духѣ Чацкаго. Разница только въ одномъ: Чацкій не писатель, но зато онъ неистощимъ на импровизаціи сатирическаго характера, его отзывы о Молчалинѣ — настоящая „фасесія“ и создаются они при томъ же настроеніи, какое сопровождаетъ и сочинительство самого Грибоѣдова. Чацкій отлично понимаетъ все ничтожество Молчалина, не можетъ, конечно, считать его своимъ достойнымъ врагомъ, но это все — доводы разсудка: сердце дѣйствуетъ совершенно иначе, и въ результатѣ сарказмы Чацкаго вызываютъ даже у Софьи раздраженный шепотъ:

Не человѣкъ,—змѣя!..

Нѣтъ, эти два человѣка тождественной натуры, Чацкій и Грибоѣдовъ—родные братья по духу, не даромъ поэтъ

снабдилъ своего героя многими подробностями своей собственной біографіи, вложилъ въ его уста эпиграммы на людей, отравлявшихъ его собственную жизнь, и въ результатѣ воплотилъ въ немъ свой страстный, неукротимый нравъ, всю энергію своего негодованія на ненавистныя явленія русской дѣйствительности, всю муку разлада между холоднымъ умомъ и мятежнымъ чувствомъ.

Но такое точное и въ то же время художественно-типичное воспроизведеніе собственной личности возможно для автора только въ томъ случаѣ, если онъ успѣлъ возвыситься до спокойнаго, безпристрастнаго самопобѣжденія,—другими словами, успѣлъ если не пережить окончательно, то передумать, уяснить себѣ до мельчайшихъ подробностей свое *я*, свое прошлое, и очами неподкупнаго судьи оцѣнить сокровеннѣйшія пружины своего нравственнаго міра. Въ эпоху, когда постепенно возникала комедія, Грибоѣдовъ, несомнѣнно, утратилъ не мало былого юношескаго пыла, можетъ быть, уже не съ прежней запальчивостью „обличалъ“ непріятныхъ ему людей, но извѣстное намъ письмо къ Булгарину возникло уже послѣ окончанія комедіи, слѣдовательно, авторъ далеко еще не усвоилъ того „ума“, который исключаетъ „странные“ и „смѣшные“ поступки. Кромѣ того, у насъ есть извѣстія, относящіяся къ этому періоду и указывающія, безъ всякой преднамѣренности, на внутреннее и отчасти даже внѣшнее родство между Грибоѣдовымъ и его героемъ. Это—впечатлѣнія Бестужева.

При первой же встрѣчѣ съ Грибоѣдовымъ Бестужеву бросились въ глаза его „странныя и отрывистыя“ движенія, манера говорить и держать себя, свойственная только ему. При второмъ свиданіи Грибоѣдовъ объяснилъ Бестужеву, почему они не сошлись съ первой же встрѣчи. Объясненіе весьма характерное.

„Холодность ваша при первой встрѣчѣ,—говорилъ Грибоѣдовъ,—какая-то осторожность въ рѣчахъ отбили у меня охоту быть съ вами покороче“.

Дальше Бестужевъ уже послѣ того, какъ ему удалось познакомиться со всей комедіей Грибоѣдова, писалъ объ авторѣ:

„Обладая всѣми свѣтскими выгодами, Грибоѣдовъ не любилъ свѣта, не любилъ пустыхъ визитовъ или чинныхъ обѣдовъ, ни блестящихъ праздниковъ такъ называемаго лучшаго общества. Узы ничтожныхъ приличій были ему несносны потому даже, что онѣ узы. Онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока. Кровь сердца всегда играла у него на лицѣ. Никто не похвалится его лестью; никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать — никогда. Твердость, съ которою онъ обличалъ порочныя привычки, несмотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновскою суровостью, даже дерзостью; но такъ какъ видно при этомъ, что онъ хотѣлъ только извинить, а не уколоть, то нравоученіе его, если не производило исправленія, по крайней мѣрѣ, не возбуждало и гнѣва“.

Вся эта характеристика цѣликомъ можетъ быть отнесена къ Чацкому, за исключеніемъ послѣднихъ словъ, относительно цѣли обличеній. Бестужевъ свидѣтельствуетъ о неизмѣнно гуманномъ настроеніи Грибоѣдова; этого нельзя сказать о Чацкомъ. Онъ слишкомъ часто стремится скорѣе „уколоть“, чѣмъ „извинить“. Но это различіе объясняется совершенно наглядным обстоятельствомъ.

Бестужевъ, продолжая свой разсказъ, говоритъ: „онъ не любилъ женщинъ“. Правда, авторъ воспоминаній здѣсь же и оговаривается: Грибоѣдовъ не былъ безусловно равнодушенъ къ женской красотѣ. Но, во всякомъ случаѣ, лично онъ врядъ ли могъ попасть въ положеніе Чацкаго относительно Софьи.

Единственная черта, созданная авторомъ спеціально для своего героя и чуждая ему самому, заключается въ слѣдую-

щей пламенной рѣчи Чацкаго, обращенной къ Софьѣ—защитницѣ Молчалина:

Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою—вы, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу...

Чацкій—несчастливо влюбленный, и притомъ влюбленный со всѣмъ пыломъ молодости, со всѣмъ отчаяніемъ одиночества, со всей рѣшительностью человѣка, чувствующаго себя выше всѣхъ и, прежде всего, выше предполагаемаго соперника. Это не измѣняетъ сущности характера героя, но налагаетъ на его *настроенія* и *рѣчи* необыкновенно яркую окраску.

Чацкій не только неудовлетворенный идеалистъ — онъ отвергнутый любовникъ. Въ результатѣ — его идеи, даже если онѣ касаются общихъ вопросовъ, неминуемо достигаютъ высшей степени энергіи, раздраженія, нетерпимости. Вѣдь Софья—плоть отъ плоти пустого и коснаго общества, это оно воспитало въ ней натуру и взгляды настолько низменные, что даже Молчалинъ могъ увлечь ее. Очевидно, негодованіе на общественныя уродства при такихъ условіяхъ становятся *личнымъ* чувствомъ, не отвлеченной идеей моралиста и обличителя, а жгучимъ, болѣзненнымъ трепетомъ обездоленнаго сердца.

По существу, воззрѣнія и характеръ Чацкаго принадлежатъ самому автору, но подъ вліяніемъ привходящихъ обстоятельствъ, они получаютъ могучій толчокъ по направленію „суровости“ и „дерзости“. И Чацкій съ каждымъ

актомъ дѣлаетъ все новые шаги по этому пути, каждую идею усиленно подчеркиваетъ, выбираетъ для нея самую рѣзкую форму, свои взгляды иллюстрируетъ каррикатурами, нерѣдко доказательства подмѣняетъ нестерпимо-оскорбительными эпиграммами и колкостями. Къ концу третьяго акта этотъ процессъ достигаетъ кульминаціонной точки, и мы слышимъ настоящій гимнъ въ честь „старины святой", жгучую сатиру на европейское платье, тоску по китайскимъ нравамъ, и въ заключеніе, совершенно уже, по свѣтскимъ понятіямъ, неприличное, прямо безумное изображеніе благородныхъ гостей Фамусова въ лицахъ...

Этотъ монологъ, глубоко-вѣрный въ психологическомъ отношеніи, ввелъ въ заблужденіе Бѣлинскаго. Критикъ былъ совершенно правъ, видя въ Чацкомъ самого автора, но совершенно несправедливо понимаетъ въ буквальномъ смыслѣ проповѣдь Чацкаго о китайщинѣ и даже обвиняетъ самого автора въ мелочномъ негодованіи на бритые подбородки и фраки... Авторъ, во-первыхъ, нисколько не повиненъ въ *формѣ рѣчи* Чацкаго,—формѣ, вызванной, какъ мы видѣли, особымъ личнымъ чувствомъ героя, а потомъ и самъ Чацкій отнюдь не отвѣтственъ за каждое слово, которое у него срывается въ минуты жесточайшей обиды и невыносимой душевной боли.

Смыслъ монолога Чацкаго,—защита русской народности и гоненіе на безтолковую подражательность иностранцамъ—дорогъ одинаково и ему, и Грибоѣдову, и ихъ современникамъ, новой молодежи. Но восторгъ предъ величавой одеждой долгополой старины не болѣе, какъ накипь взволнованной крови, чисто внѣшнее крайнее средство борца, чувствующаго себя затравленнымъ волкомъ въ извѣстной средѣ.

Предъ нами не вина Чацкаго въ эти минуты, а самый захватывающій моментъ его драмы. Именно теперь онъ особенно смѣшонъ окружающимъ, страненъ до того, что они,

не говоря ни слова, отходятъ отъ него или съ злораднымъ смѣхомъ, или съ еще болѣе обидной улыбкой пренебреженія. За комической внѣшностью сцены чувствуется глубочайшая трагедія, какая только доступна человѣку: трагедія полнаго одиночества и въ общихъ идеяхъ, и личныхъ чувствахъ. Предъ нами осмѣянный мыслитель и униженный юноша. И чье сердце не отзовется на то или другое страданіе! Пусть идеалы Чацкаго несбыточны, при извѣстныхъ условіяхъ совершенно непрактичны и неразумны, пусть среди холодныхъ скептическихъ поколѣній не найдется для него, какъ идеалиста, искры уваженія и сочувствія, но самый сѣрый, заурядный рабъ будничной дѣйствительности не можетъ остаться равнодушнымъ, когда у него на глазахъ благороднѣйшее чувство глубокой мужественной любви подвергается осмѣянію ради ловкаго пошляка и проходимца, когда беззавѣтно любимая дѣвушка клеймитъ страшной клеветой влюбленнаго въ нее юношу за то только, что онъ невольно поддается ревности и безпощадно выставляетъ на свѣтъ Божій всю низость ея избранника...

Но пусть для иныхъ любовныя страданій Чацкаго слишкомъ ничтожны и неинтересны, пусть онъ на самомъ дѣлѣ смѣшонъ въ своемъ увлеченіи московской барышней, способной находить удовольствіе въ обществѣ смиренномудраго лакея—Молчалина и считающей умъ и геній чумой,—но тогда искренняя, истинно-рыцарская убѣжденность Чацкаго должна явиться во всемъ блескѣ. Сколько вреда наноситъ онъ себѣ слишкомъ откровенными нападками на все, что кажется ему подлымъ и пошлымъ! Его прямымъ интересомъ было бы щадить Фамусова и его общество: вѣдь онъ явился сюда, чтобы устроить свое счастье съ любимой дѣвушкой, и вопросъ этотъ, конечно, находится въ прямой зависимости отъ Фамусова и его родни. Но Чацкій, и безъ того совершенно неудовлетворительный съ точки зрѣнія этихъ господъ, начинаетъ въ глаза преслѣдовать ихъ жесточайшими на-

смѣшками и укоризнами. Пылкій идеалистъ одной рукой разрушаетъ то самое зданіе, какое онъ пытается воздвигнуть другой. Такъ онъ поступаетъ, еще даже не подозрѣвая интриги Софьи съ Молчалинымъ.

Развѣ это не краснорѣчивѣйшій образъ рыцаря идеи, жертвы своихъ убѣжденій? Вы чувствуете, что даже глубочайшая личная страсть не заставитъ этого человѣка отступить отъ своихъ общихъ идеаловъ. онъ скорѣе откажется отъ счастья, дѣвушку, не съумѣвшую оцѣнить его, предоставитъ ея естественной карьерѣ въ рабской лицемѣрной средѣ, чѣмъ пойдетъ на сдѣлки и уступки.

Чацкій оставляетъ сцену въ ту минуту, когда Софья, подавленная стыдомъ, видитъ себя окончательно обезоруженной и безпомощной. Обыкновенный романическій любовникъ поступилъ бы иначе. У него личное чувство взяло бы верхъ надъ всѣми другими соображеніями, и онъ поспѣшилъ бы занять мѣсто, столь выгодно для него освободившееся. Но Чацкій видитъ, прежде всего, не торжество своей проницательности на счетъ Молчалина, и не болѣе доступный путь къ сердцу Софьи, а всю бездну нравственнаго паденія ея, какъ *человѣка* и какъ выученицы извѣстнаго общества. Въ послѣднемъ монологѣ онъ снова дѣлаетъ быстрый смотръ уродамъ и пошлякамъ, заполонившимъ Москву, предупреждаетъ Софью, что онъ отнюдь не навязывался бы ей, если бы зналъ о полномъ ея равнодушіи къ нему. Чацкому нужна была не красивая салонная игрушка, а умная, единомышленная подруга, жена-товарищъ, на которую можно было бы опереться въ дикомъ варварскомъ лагерѣ тузовъ и очаковскихъ философовъ. Онъ ни на минуту не спускалъ глазъ съ этихъ своихъ *общественныхъ* враговъ, питая нѣжнѣйшее чувство къ Софьѣ, и его послѣдній гнѣвъ направленъ не на личнаго обидчика:

Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы, изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ.

Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

Въ этихъ словахъ звучитъ голосъ не оскорбленнаго любовника, а общественнаго сатирика; только сатира проникнута могучимъ личнымъ чувствомъ, идея одушевлена всей силой и энергіей молодости и страсти.

Такъ разнообразны мотивы геніальной комедіи и такъ разностороння личность и роль ея героя. Въ разнообразіи и разносторонности заключается тайна неограниченнаго вліянія пьесы и всеобщаго интереса къ ея главному лицу...

Мы не можемъ закончить своей рѣчи о Чацкомъ, не упомянувъ объ одномъ весьма распространенномъ навѣтѣ ни автора и его героя. Говорятъ, будто и сама комедія, и въ особенности характеръ Чацкаго — заимствованы, отраженія чужого вдохновенія, именно мольеровскаго, будто Чацкій копія съ Альцеста.

При извѣстной страсти всюду отыскивать вліянія и заимствованія можно, конечно, открыть ихъ и въ нашей пьесѣ. Но стоитъ внимательнѣе всмотрѣться въ сущность грибоѣдовской сатиры и мольеровскаго „Мизантропа“, чтобы всякое представленіе о прямомъ заимствованіи исчезло окончательно.

Это представленіе могло возникнуть только при бѣгломъ и поверхностномъ сравненіи обѣихъ пьесъ. Съ перваго взгляда, дѣйствительно, бросается внѣшнее сходство и внутреннее родство мотивовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ герои протестуютъ противъ общественныхъ золъ и въ то же время влюблены, попадаютъ въ смѣшное положеніе, благодаря своей запальчивости и своему увлеченію, и, въ концѣ концовъ, отступаютъ побѣжденными. Но этими общими чертами и ограничиваются сходство и родство. И такихъ чертъ можно найти не мало не въ одномъ мольеровскомъ „Мизантропѣ“. Напримѣръ, шекспировскій Гамлетъ тотъ же Альцестъ и Чацкій,

только съ спеціальной практической задачей. Удалите эту задачу, месть за убійство отца и позоръ матери, и интрига съ Офеліей немедленно выступитъ на первый планъ, и получится основа „Мизантропа“ и „Горе отъ ума“. Вы увидите идеалиста, заброшеннаго въ совершенно неподходящую для него среду и на горшее несчастье полюбившаго одно изъ ничтожнѣйшихъ дѣтищъ этой среды. Частности будутъ различны: Офелія не то же, что Софья, все равно какъ и Селимена не похожа на московскую барышню, но *сущность романической интриги* не измѣнится. Въ общихъ чертахъ не измѣнится и *сущность идеальной драмы*: датскій дворъ не во всемъ похожъ на дворъ Людовика XIV, и еще менѣе на салонъ Фамусова, но всѣ три среды одинаково ненавистны для идеалиста и *принципы* его борьбы всюду тождественны.

Гамлетъ возстаетъ противъ рабскаго духа, пошлости, лицемѣрія Полонія и его соратниковъ, Алцестъ—противъ тѣхъ же свойствъ Филэнта и „смѣшныхъ маркизовъ“, Чацкій всѣ эти пороки называетъ прямо по именамъ, а Молчалинъ имѣетъ несравненно больше сходства съ Розенкранцемъ Гильденштерномъ, чѣмъ съ Филэнтомъ. Параллель можно распространить даже на главныхъ героевъ: Чацкій въ нѣкоторыя минуты совершенно теряетъ самообладаніе и въ концѣ пьесы утверждаетъ, что въ обществѣ москвичей всякій свѣжій человѣкъ рискуетъ потерять разсудокъ. Припомните бесѣду Гамлета съ Полоніемъ, страхъ датскаго принца, какъ бы ему на самомъ дѣлѣ не сойти съ ума съ такого рода друзьями и, наконецъ, цѣлый рядъ сценъ, гдѣ Гамлетъ, дѣйствительно, приходитъ почти въ изступленіе, впадаетъ въ жестокое нервное разстройство.

Снова повторяемъ—„Гамлетъ“ то, что называется *высокая трагедія*, и ея сюжетъ несравненно болѣе мрачнаго характера, чѣмъ сюжеты нашихъ комедій. Но мы говоримъ объ основныхъ чертахъ характера главной личности и ея принципіальныхъ отношеніяхъ къ окружающимъ. Во всѣхъ трехъ пьесахъ эти черты и отношенія поразительно сходны.

Почему бы, послѣ этого, не доказывать связь „Горе отъ ума“ съ „Гамлетомъ“?

Дѣло въ томъ, что сущность грибоѣдовской комедіи, какъ и всякаго вообще геніальнаго художественнаго произведенія, настолько же общечеловѣческая, насколько и національная. Эта сущность заключается въ свободномъ убѣжденномъ протестѣ личности противъ общественной косности, въ протестѣ новыхъ прогрессивныхъ идей противъ преданій и предразсудковъ.

Всякая европейская литература обладаетъ, по крайней мѣрѣ, однимъ подобнымъ созданіемъ, потому что всякому обществу не одинъ разъ приходится переживать эпохи переломовъ, рѣзкихъ столкновеній отживающаго міросозерцанія съ идеалами грядущаго нравственнаго и общественнаго порядка. И герои этихъ произведеній неизмѣнно являются любимыми дѣтищами творческихъ вдохновеній авторовъ, создаются въ теченіе многихъ лѣтъ, отражая въ себѣ и многолѣтній житейскій опытъ своихъ создателей, и многообразные оттѣнки ихъ идеальныхъ стремленій.

Таковы герои Гамлетъ, Альцестъ, Донъ-Карлосъ съ теченіемъ времени уступившій свое мѣсто въ сердцѣ поэта маркизу Позѣ. Таковъ и Чацкій.

Всѣ они—идеалисты и протестанты: въ этомъ ихъ взаимное родство, но разнообразны сферы ихъ дѣйствій, и различны поводы и цѣли ихъ протеста.

Протестъ Гамлета стоитъ на самой общей почвѣ. Принцъ очутился на границѣ двухъ противоположныхъ и непримиримыхъ нравственныхъ міросозерцаній. Съ одной стороны, отношеніе человѣка къ средѣ самое простое, инстинктивно-непосредственное: кровь за кровь и жизнь за жизнь. Такъ смотрятъ на нравственный долгъ въ первобытномъ обществѣ, когда практическая дѣятельность не осложняется ни гуманнымъ чувствомъ, ни отвлеченной мыслью. Но здѣсь, въ этой же средѣ, у людей съ наиболѣе чуткой совѣстью и тонкой

духовной организаціей можетъ возникнуть сомнѣніе: *справедливо* ли и *разумно* ли всегда и вездѣ дѣйствовать по закону возмездія? Нѣтъ ли другого исхода, помимо матеріальной кары? И дѣйствительно ли путемъ мести осуществляется идея высшей правды?

Стоитъ отдѣльной личности искренно и смѣло поставить себѣ рядъ такихъ вопросовъ, и разладъ между нею и обществомъ неминуемо приведетъ къ трагическимъ столкновеніямъ и величайшимъ страданіямъ, одинокимъ и непризнаннымъ, возникнетъ драма — *драма мысли*, какъ уже давно назвали исторію датскаго принца.

Подобную же борьбу ведетъ и Альцестъ, только его сомнѣнія, болѣе частнаго характера, вытекаютъ непосредственно изъ историческихъ условій XVII-го вѣка. Мизантропъ преслѣдуетъ всякую ложь, извращеніе природы и естественности, тоскуетъ о глубокомъ искреннемъ чувствѣ, защищаетъ права личности и личныхъ взглядовъ предъ лицомъ общественныхъ приличій и предразсудковъ. Вообще, это протестантъ, созданный жеманнымъ и лицемѣрнымъ обществомъ французской монархіи.

Иной протестъ Чацкаго.

Московское общество начала нынѣшняго вѣка далеко не то, что салонъ Селимены. Прежде всего, предметъ жесточайшихъ нападокъ Чацкаго, страсть родового русскаго туза къ личнымъ униженіямъ и даже шутовству, стремленіе подслужиться и выслужиться,—невѣдомы Альцесту. Даже мольеровскіе маркизы не могли унижаться до поступковъ знаменитаго Максима Петровича, потому что Людовикъ XIV, при всемъ своемъ властолюбіи, не допускалъ шутовского раболѣпія и лично отличался изумительнымъ тактомъ въ обращеніи даже съ простыми слугами. Извѣстно, напримѣръ, его отвращеніе къ маркизу Лафельяду, образцовому льстецу и угоднику, и его искренняя радость, когда этотъ маркизъ,

наконецъ, умеръ и не могъ болѣе надоѣдать королю своимъ обожаніемъ.

Дальше Альцестъ возмущается Филэнтомъ, потому что тотъ считаетъ нужнымъ скрывать свои мнѣнія. Чацкій презираетъ Молчалина за то, что фамусовскій секретарь, вообще, не считаетъ себя въ правѣ имѣть какіе-либо собственные взгляды, потому что они „въ чинахъ небольшихъ". Подобное міросозерцаніе совершенно недоступно французу даже классической эпохи и является исключительнымъ достояніемъ русскаго общества.

Въ результатѣ, мотивы протеста мольеровскаго героя можно признать скорѣе общечеловѣческими, а Чацкій негодуетъ противъ самой наглядной и реальной русской дѣйствительности. Всѣ персонажи во французской комедіи не носятъ безусловно-національной окраски, это, вообще, свѣтскіе франты и кокетки XVII-го вѣка, возможные въ какой угодно европейской столицѣ. Совершенно другое общество у Грибоѣдова. На всѣхъ его герояхъ, дѣйствительно, лежитъ „особый отпечатокъ". Ни Фамусова, ни его дочь, ни Молчалина, ни Репетилова нельзя и вообразить въ другой средѣ, чѣмъ Москва, и при другихъ условіяхъ, чѣмъ складъ московскаго общества въ первой четверти XIX вѣка. Мало этого. Мы видѣли, что для каждаго лица и почти для каждаго эпизода, упоминаемаго въ комедіи, существуютъ прототипы и прецеденты въ самой дѣйствительности.

Все это устраняетъ всякое сомнѣніе насчетъ оригинальности и полной независимости русской пьесы отъ какого бы то ни было иностраннаго образца *). Но едва ли

*) Любопытно, что для нашихъ усердныхъ открывателей всякаго рода подражаній и заимствованій въ русской литературѣ осталось, очевидно, совсѣмъ невѣдомой одна любопытнѣйшая сцена въ комедіи весьма извѣстнаго въ свое время писателя Дакнура—«Chevalier à la mode». Герой этой комедіи въ общемъ, конечно, не похожъ на Молчалина, уже потому, что шевалье аристократъ, но его карьера и особенно частные эпизоды его дѣятельности живо напоминаютъ русскую пьесу. Шевалье безпрестанно ухаживаетъ за

не самое краснорѣчивое доказательство этой истины заключается въ судьбѣ грибоѣдовской комедіи—въ публикѣ, въ критикѣ и на сценѣ.

Въ публикѣ, мы знаемъ, она имѣла безпримѣрно быстрый и прочный успѣхъ. Этого не бываетъ съ подражательными или заимствованными произведеніями. Они могутъ вызвать развѣ только временное увлеченіе, но сосредоточивать сильнѣйшій интересъ цѣлаго ряда столѣтій могутъ только созданія, выросшія изъ самыхъ нѣдръ національнаго духа.

Въ критикѣ и на сценѣ судьба комедіи иная, но и здѣсь она подтверждаетъ тотъ же выводъ. Непопулярность пьесы у журналистовъ всецѣло объясняется ея новизной, отсутствіемъ иноземныхъ прикрасъ, обычныхъ въ старой русской драматической литературѣ, ея безпощаднымъ жизненнымъ реализмомъ. Настоящіе русскіе люди и неподдѣльная русская жизнь въ литературѣ являлась совершенно неожиданнымъ фактомъ въ эпоху классическихъ, романтическихъ, байроническихъ вожделѣній нашихъ литературныхъ судей. Даже ближайшіе друзья поэта не поняли сразу всей силы его правдиваго національнаго творчества. Катенинъ писалъ Грибоѣдову, что въ его пьесѣ „дарованія болѣе, нежели искусства“, и разумѣлъ подъ искусствомъ общепринятые шаблоны для комедіи и трагедіи. Поэтъ отвѣчалъ замѣчательными сло-

---

свѣтскими дамами—съ самыми реальными цѣлями: «одна заботится объ его экономіи, другая оплачиваетъ его игру, третья платитъ по счетамъ его портного, четвертая покупаетъ мебель для его квартиры. Всѣ эти подруги для него своего рода фермы съ прекраснымъ доходомъ». Но собственно *сердце* шевалье влечетъ его къ горничной одной изъ его благодѣтельницъ. Горничную зовутъ Лизеттой, и между ней и шевалье происходитъ сцена (актъ I, сц. 6), почти тождественная по мотивамъ и содержанію со сценой между Молчалинымъ и Лизой (д. II, сц. 12). Даже отдѣльныя фразы дѣйствующихъ лицъ въ обоихъ случаяхъ совпадаютъ. Послѣ этого,—отчего Грибоѣдова не признать ученикомъ Дакнура? Вообще, при извѣстной стремительности едва ли не всякое произведеніе можно разложить на составныя части и отыскать имъ параллели въ какой угодно литературѣ. Но убѣдительными такого рода результаты могутъ быть только для самихъ ретивыхъ «изслѣдователей».

*

вами, точно и кратко выражающими цѣлую теорію творчества,—истиннаго, вдохновеннаго творчества.

„Дарованія болѣе, нежели искусства“. Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стоитъ ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, т.-е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силѣ, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *pugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно“.

Таковъ отвѣтъ былъ друзьямъ. Критикамъ отвѣтили читатели, актеровъ заставила понять и оцѣнить комедію публика.

III.

Черезъ годъ послѣ появленія „Горя отъ ума“ въ рукописи часть ея была напечатана въ альманахѣ Булгарина на 1825 годъ. Альманахъ назывался „Русская Талія“. Въ немъ появились 7, 8, 9 и 10-е явленія перваго дѣйствія и весь третій актъ. Цензура, очевидно, съ великимъ трудомъ пропустила и эти отрывки. О постановкѣ комедіи на сценѣ не могло быть и рѣчи. Но комедіи предстояло встрѣтить другого врага, несравненно болѣе ожесточеннаго и упорнаго, въ лицѣ журнальной критики.

Русская литература до грибоѣдовской комедіи питалась преимущественно французскимъ творчествомъ и французскимъ законодательствомъ по части искусства. „На все

были свои законы", строго была опредѣлена форма драмы, ея содержаніе, даже характеры дѣйствующихъ лицъ.

Грибоѣдовъ нарушилъ всѣ „правила": вмѣсто шестистопнаго ямба, заговорилъ свободнымъ стихомъ басенъ, интригой пренебрегъ, всѣ усилія направилъ на изображеніе нравовъ, характеры взялъ не изъ ложно-классическаго репертуара, а изъ русской жизни, сознавался, что списалъ *портреты* съ знакомыхъ ему личностей.

Всѣ эти „вольности" были подмѣчены современными аристархами. Давнишняя взаимная вражда двухъ главныхъ журналовъ „Московскаго Телеграфа" и „Вѣстника Европы", до крайности разгорячили полемику. Одну сторону „Горе отъ ума" удовлетворяло, другой казалось позоромъ русской литературы.

Послѣднее положеніе доказывалось при помощи Буало. Статьи снабжались эпиграфами изъ его эстетическихъ разсужденій. Выставлялись также обвиненія независимо отъ правилъ салоннаго французскаго критика. Въ Чацкомъ критики открывали *лезгинскія* качества за его фразу, обращенную къ Софьѣ: „вы ужъ *на ногахъ*". Софья оказывалась невѣждой въ свѣтскихъ приличіяхъ, такъ какъ называетъ Чацкаго *по фамиліи*...

Критика, очевидно, была достойна эпиграфовъ и не могла выбиться изъ чужеземныхъ помочей.

Журнальныя препирательства, обыкновенно презираемыя высшимъ обществомъ, на этотъ разъ встрѣтили сильнѣйшій отголосокъ и въ этой средѣ. Москвичи и петербуржцы принялись узнавать въ герояхъ Грибоѣдова своихъ знакомыхъ, доходили до обвиненія, будто онъ нанесъ жестокое оскорбленіе всему россійскому дворянству. Пріемъ, и позже неоднократно повторявшійся по поводу литературной дѣятельности Гоголя, Лермонтова. Ископная пикировка между двумя столицами еще больше разожгла азартъ партій. Въ Москвѣ имя автора произносилось съ проклятіями. Въ Петербургѣ пользовались

случаемъ лишній разъ посмѣяться надъ „азіатской столицей“. Любопытно, что даже въ провинціи появленіе комедіи сопровождалось разными происшествіями.

Въ пермской межевой канцеляріи возникло дѣло о *вольнодумствѣ* одного изъ чиновниковъ канцеляріи, землемѣра Кудрявцева. На его столѣ начальство нашло рукопись съ одной сценой изъ грибоѣдовской комедіи и вознегодовало на неблагопріятный отзывъ Фамусова о книгахъ и ученіѣ, на отзывъ Хлестовой о пансіонахъ, лицеяхъ и *ланкарточныхъ* обученіяхъ. Начальство межевой канцеляріи не поняло оговорки Хлестовой и полагало, что „*ланкарточное* обученіе—благодѣтельное занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастію благоучрежденнаго государства“... Но еще больше начальство обидѣлось критикой на педагогическій институтъ, потому что въ этомъ заведеніи воспитывались нѣкоторые начальники Кудрявцева.

Они приписали стихи самому Кудрявцеву и допрашивали: „съ какимъ намѣреніемъ онъ (т.-е. Кудрявцевъ) вложилъ въ уста нареченнаго имъ *Загорѣцкаго*, что еслибъ „былъ цензоромъ назначенъ онъ, на басни бы налегъ“, будто бы „басни смерть его“, ибо якобы „насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами, они хоть и животныя, а все-таки цари“, и прочее, изображаемое чрезъ посредницу его, именуемую имъ Хлестову?“

Дѣло дошло до прокурора, но, вѣроятно, не повлекло къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Кудрявцеву не трудно было доказать, что стихи принадлежатъ не ему.

Поэта страшно раздражали дрязги, возникшія по поводу его любимаго творенія. Онъ не переносилъ небрежныхъ замѣчаній на его комедію отъ людей, которыхъ онъ считалъ мало компетентными. Его выводили изъ себя сущіе пустяки, если только въ нихъ видѣлось ему покушеніе на достоинство его труда. Извѣстна, напримѣръ, сцена, происшедшая у

Хмельницкаго съ Ѳедоровымъ, авторамъ плохой драмы „Лиза или слѣдствіе гордости и обольщенія“. Стоило Ѳедорову намекнуть Грибоѣдову на сотрудничество въ его комедіи А. Шаховскаго и сравнить ее, даже не по существу, а только ея объемъ, съ своей „Лизой“, а Грибоѣдовъ наотрѣзъ отказался въ его присутствіи читать пьесу, обозвавъ предварительно драму Ѳедорова „пошлостью“. Такъ горячо принималъ поэтъ къ сердцу репутацію своего дѣтища, и столько, очевидно, было вложено въ это дѣтище личныхъ чувствъ и дорогихъ думъ!..

Но больнѣе всего было для поэта не видѣть своей комедіи на сценѣ. Онъ съ восторгомъ принялъ даже намѣреніе учениковъ театральной школы разыграть „Горе отъ ума“ на ученической сценѣ, заботливо слѣдилъ за репетиціями... Но въ послѣднюю минуту спектакль былъ запрещенъ администраціей. Комедія начинаетъ появляться на публичной сценѣ съ 1830 года и сначала частями,—въ бенефисы артистовъ. Въ Петербургѣ въ бенефисъ Сосницкой идетъ первый актъ, третій въ бенефисъ Каратыгиной, третій и четвертый въ бенефисы Каратыгина и Григорьева. Послѣдній спектакль происходилъ въ іюлѣ и, не смотря на страшную жару, театръ былъ полонъ.

Въ Москвѣ въ томъ же году, въ бенефисъ Рѣпиной, появился на сценѣ одинъ третій актъ, подъ названіемъ „Московскій балъ“. Афиша, по обычаю того времени, была переведена на французскій языкъ и гласила: „Le Bal de Moscou“, а пьеса называлась „Malheur à force d'Esprit“. Исполненіе соотвѣтствовало безграмотности французскаго переводчика.

„Московскій Телеграфъ“, повторивъ свои обычные восторги предъ комедіей, по поводу ея исполненія на сценѣ воскликнулъ: „Горе! горе! только не отъ ума, а отъ дурной обстановки пьесы“... Критикъ отказывается даже исчислить всѣ „прегрѣшенія труппы, искажавшія представленіе“,

и находитъ, что „только одно изъ дѣйствующихъ лицъ удовлетворило ожиданіямъ публики, — это князь Тугоуховскій, который не говоритъ ни одного слова“. Молодой артистъ, Г. П. Степановъ, по отзыву критика, замѣчательно искусно „поддѣлалъ походку и физіономію“ дряхлаго московскаго барина. Остальные актеры только *прочитали* комедію...

И это вполнѣ естественно. Съ русскими актерами, изучавшими грибоѣдовскія роли, должно было произойти то же самое недоразумѣніе, какое вызвало классическую критику „Вѣстника Европы“. Русское сценическое искусство также изнемогало подъ гнетомъ французскихъ книгъ и модъ, какъ и сама драма. Русскіе артисты воспитывались на французскомъ репертуарѣ или его передѣлкахъ и учились у французскихъ исполнителей. Каратыгины, Семеновы, Вальберховы видѣли своихъ наставниковъ и руководителей въ лицѣ Ларошa, Дюкруази, лучшихъ представителей французской сцены въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Въ Петербургѣ затрудненія актеровъ были еще больше, чѣмъ въ Москвѣ. Въ „европейской“ столицѣ трудно было отыскать прототиповъ Фамусова и его друзей. Вся комедія была написана авторомъ подъ непосредственными впечатлѣніями московскихъ нравовъ и обывателей. Но и въ Москвѣ знаменитѣйшіе ея артисты оказались не лучше подготовленными.

Въ первый разъ пьеса вся цѣликомъ была представлена на сценѣ петербургскаго Большого театра 26-го января 1831 года въ бенефисъ актера Брянскаго. На этотъ разъ— отчетъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и такой же неблагопріятный, какъ и московскій. Главныя роли оказались совершенно непонятыми. Всѣ актеры играли ихъ на манеръ французскихъ. Рязанцевъ—весьма талантливый актеръ, его и самъ критикъ называетъ „отличнѣйшимъ“,—игравшій Фамусова, изображалъ одну изъ мольеровскихъ ролей—„мѣщанина въ дворянствѣ“ или Богатенова, перенесеннаго на русскую почву съ французской.

Взглядъ критика на самый характеръ Фамусова не лишенъ интереса и при всей своей справедливости до сихъ поръ не находилъ полнаго оправданія на сценѣ. „Фамусовъ,— говоритъ критикъ,—смѣшонъ своими предразсудками, своими понятіями о людяхъ, о дѣлахъ, а не суетливостью, не простотою. Это—московскій баринъ, *фигура важная*, который, хотя и забывается на время съ прекрасною горничною, но все-таки онъ—человѣкъ хорошаго тона, старый дворянинъ, въ родствѣ съ князьями и графами, притомъ даетъ балы!“.

Въ игрѣ Рязанцева критикъ и не нашелъ именно этой барственности, *applomb'a*, которымъ отличаются люди, живущіе въ высшемъ кругу. Фамусовъ на сценѣ вышелъ простодушнымъ старикомъ.

Роль Чацкаго исполнялъ Каратыгинъ, еще болѣе прославленный артистъ, чѣмъ Рязанцевъ. Критику даже досадно высказывать свое недовольство игрою такого артиста. Каратыгинъ стремился въ лицѣ Чацкаго изобразить героя трагедіи, являлся „какимъ-то Агамемнономъ, смотрѣлъ на всѣхъ съ высоты Олимпа, грозно и величаво и читая тирады (сатирическія выходки на наши нравы), какъ приговоры судебъ“. Вообще, Каратыгинъ взялъ образцовъ мольеровскаго „Мизантропа“.

Изъ мужскихъ ролей удовлетворительной оказалась только одна, — изъ самыхъ незначительныхъ по величинѣ, — роль Платона Михайловича. Ее игралъ бенефиціантъ.

Семенова, въ роли Софьи, оставалась обыкновенной jeune comique французскихъ пьесъ. Вообще, дамы, по словамъ критика, „не поняли стиховъ Грибоѣдова, читали, только что не по складамъ, безъ интонацій, т.-е. безъ измѣненія голоса сообразно предмету, и притомъ такъ тихо и невнятно, что все это потеряно было для публики“.

Черезъ мѣсяцъ послѣ петербургскаго спектакля, 25 февраля комедія была представлена на сценѣ Московскаго театра.

Предъ нами отзывы двухъ органовъ—„Московскаго Телеграфа“ и „Сѣверной Пчелы“ — и оба отзыва одинаково переполнены сѣтованіями. Въ Москвѣ ложно-классическій ядъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, отравилъ оригинальное произведеніе русскаго автора. Оба журнала единодушно указываютъ причину неудачи. Имъ обоимъ ясно, что русская труппа „офранцузилась“ до крайней степени, и ни одинъ актеръ даже понять не можетъ истинно-русскаго характера. Въ результатѣ полное пораженіе труппы.

Роль Фамусова исполнялъ Щепкинъ и провелъ ее „à la Транжиринъ“. Это одинъ изъ русско-французскихъ персонажей шаблоннаго характера. Исполнитель даже одѣлся, какъ, вообще, одѣвался въ роли Транжирина: „въ исподнемъ платьѣ, вѣроятно, доставшемся ему отъ Іорика, въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, и этотъ костюмъ онъ сохранилъ до произнесенія послѣднихъ стиховъ комедіи и затѣмъ чинно раскланивался публикѣ, въ ожиданіи опущенія занавѣса“.

Роль Чацкаго игралъ геніальный Мочаловъ, и, по отзыву обоихъ противниковъ, „очень неудовлетворительно“: „представлялъ не современнаго человѣка, отличнаго отъ другихъ только своимъ взглядомъ на предметъ, а чудака, мизантропа, который даже говоритъ иначе, нежели другіе, и прямо идетъ на ссору съ первымъ встрѣчнымъ“.

Впослѣдствіи артисты постарались исправить недостатки своихъ ролей. Труднѣе всего это далось Мочалову,—артисту, игравшему исключительно въ порывѣ вдохновенія, а не съ помощью выучки, подробнаго и безстрастнаго анализа роли и характера.

Долго спустя послѣ перваго представленія кн. Шаховской, отличный знатокъ драматическаго искусства, много поучалъ Мочалова предъ каждымъ новымъ спектаклемъ. Изъ этихъ поученій ясно видны основные недостатки Мочалова-Чацкаго.

„Дусенька, Павелъ Степановичъ, — говорилъ князь,—

позалоста говали плосто безъ афетказіи, не возвысай голоса; помни, сто ты не тлагедью иглаесъ; ляди Бога не пелехитли, какъ мозно будь плостѣе, безъ клика, — помни, сто всѣ люди смильнѣе, съ котолыми ты говолисъ".

Щепкинъ изучилъ свою роль по оригиналу, съ котораго списанъ Фамусовъ. Артистъ превосходно освоился съ этимъ оригиналомъ и все-таки въ глубинѣ души былъ недоволенъ своимъ исполненіемъ.

Щепкинъ основной чертой своего героя считалъ барственность и признавалъ себя совершенно неспособнымъ воспроизвести эту черту. „Во мнѣ ничего нѣтъ барскаго", говорилъ всегда искренній и строгій къ себѣ артистъ-художникъ, „у меня нѣтъ манеръ барскихъ, я—человѣкъ толпы, и это ставитъ меня въ совершенный разладъ съ Фамусовымъ, какъ съ живымъ лицомъ".

Первое изданіе комедіи вышло въ 1833 году, въ Москвѣ. По этому поводу „Московскій Телеграфъ" вспомнилъ о печальной участи пьесы на сценѣ и снова указалъ на главную причину—неспособность русскихъ актеровъ воплощать *самобытные*, оригинальные характеры.

Комедія явилась первой школой этой оригинальности на сценѣ. Она первая указала артистическимъ силамъ другой путь, чѣмъ покорное подражаніе французскимъ образцамъ, и заставила ихъ выполнять свои задачи *свободно*, какъ было создано и само произведеніе.

Для критики комедія была также откровеніемъ. Ложноклассическія красоты держали въ плѣну ея художественный вкусъ и здравый смыслъ, и прошло много времени, пока публика прочла, наконецъ, безпристрастный разборъ пьесы. Онъ принадлежитъ Бѣлинскому. Разборъ, можетъ быть, не всѣми идеями удовлетворяетъ современный взглядъ, геніальный критикъ въ эту пору испытывалъ сильнѣйшія внѣшнія вліянія—гегельянскихъ теорій. Но, во всякомъ случаѣ, художественныя достоинства и общественное значеніе комедіи

не могли укрыться отъ проницательнаго взора великаго судьи-художника. Его статья должна считаться однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ нашей литературѣ и въ нашемъ общественномъ самосознаніи.

Слѣдовательно, во всѣхъ направленіяхъ русскаго искусства и мысли „Горе отъ ума“ явилось источникомъ и двигателемъ новыхъ идей. Въ самомъ обществѣ оно, независимо отъ какихъ бы то ни было толкованій и воздѣйствій печати, пробудило національное сознаніе въ такой мѣрѣ и съ такой энергіей, какъ это не удавалось раньше ни одному явленію литературной жизни нашего отечества

Мы судимъ о геніальномъ созданіи на пространствѣ многихъ десятковъ лѣтъ, но и теперь трудно пересчитать всѣ вопросы, затронутые комедіей, и еще труднѣе отвѣтить, какіе изъ этихъ вопросовъ вполнѣ разрѣшены въ періодъ ея многолѣтней безграничной, неувядающей славы.

[4 p]